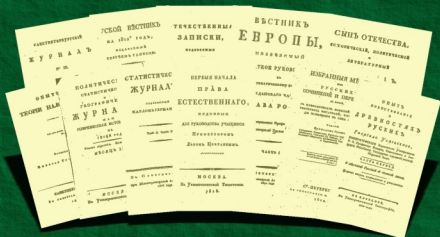

Д. В. Тимофеев

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИДЕИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛЕКСИКОНЕ ОБРАЗОВАННОГО РОССИЙСКОГО ПОДДАННОГО ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Челябинский государственный университет

Д. В. Тимофеев

**ЕВРОПЕЙСКИЕ ИДЕИ
В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ЛЕКСИКОНЕ
ОБРАЗОВАННОГО РОССИЙСКОГО ПОДДАННОГО
ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА**

Челябинск, 2011

УДК 947.072
ББК Т3(2)521.1-3
Т 41

Ответственный редактор:

И. В. Нарский – доктор исторических наук

Научные рецензенты:

В. В. Шелохаев – доктор исторических наук

Н. Н. Алеврас – доктор исторических наук

Тимофеев Д. В.

Т41 Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. – Челябинск : Энциклопедия, 2011. – 456 с.
ISBN 978-5-91274-144-9

Монография посвящена исследованию процесса адаптации в России европейских либеральных принципов с использованием инструментария современной «истории понятий». В результате сравнительного анализа различных значений и контекстов употребления понятий «государство», «закон», «гражданин», «гражданские права», «конституция», «собственность», «свобода», «революция», «рабство», «просвещение», используемых современниками в процессе поиска приемлемых вариантов решения проблемы модернизации российской экономики и законодательства, повышения эффективности системы государственного управления и ликвидации «рабства» крестьян, выявлены противоречия между имеющимся социальным опытом, ожиданиями преобразований и практическими действиями образованных российских подданных первой четверти XIX в.

УДК 947.072
ББК Т3(2)521.1-3

ISBN 978-5-91274-144-9 © Д. В. Тимофеев, текст, 2011
© ООО «Энциклопедия», дизайн, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава I. Методологические основания и исторические источники	26
§1. Методология и методы исследования	26
§2. Исторические источники и их классификация	42
Глава II. Основные социально-политические понятия в текстах последней трети XVIII – начала XIX века	74
§1. Понятия «гражданин», «собственность» и «государство» в лексиконе российских поданных	74
§2. Трактовка понятий «свобода» и «рабство» в текстах русских авторов и предшествовавшем законодательстве	104
§3. Содержание понятий «закон», «конституция» и «революция»	124
Глава III. Проблема реформирования экономики и системы законодательства в представлениях образованных русских поданных первой четверти XIX века	153
§1. «Собственность» и «свобода» экономической деятельности в контексте модернизации отечественной экономики	153
§2. Функциональное назначение и принципы совершенствования русских «законов»	192
§3. «Государство» и «права граждан» в рамках дискуссий о способах обеспечения личной безопасности	229
Глава IV. В ожидании освобождения крепостных крестьян и политической модернизации	259
§1. «Рабство», «свобода» и «собственность» в контексте решения крепостной проблемы	259
§2. «Конституция» в России первой четверти XIX века: поиск ориентиров политического развития	299

§3. «Просвещение» или «революция»: выбор инструментов достижения «общего блага»	333
--	-----

Глава V. Официальная политика и коммуникативная практика в России первой четверти XIX века: слова и реальность	366
§1. Формальные решения власти в текстах законодательных актов и материалах судебных дел	366
§2. Социально-политические понятия в коммуникативной практике российских подданных	405
Заключение	442
Список условных сокращений	454

Введение

«Давно уже признано, что лжеумствования и великия ошибки, даже распри и вражды, проистекали от принятия слов в несвойственном им знаменовании. Неправильное оных употребление порождало недоразумения, искажало мысли, затмевало истину и вело всегда к ложным суждениям и противным заключениям»¹.

Н. С. Мордвинов (4 декабря 1820 г.)

Обращение современных историков к истории общественно-политической мысли происходит на фоне начавшегося в конце XX столетия процесса взаимного сближения различных политических идеологий. В большинстве развитых стран мира многие участники политического процесса, вне зависимости от того, причисляют ли они себя к либералам или консерваторам, провозглашают приверженность принципам личной свободы, неприкосновенности собственности, равенства граждан перед законом, необходимости участия в законотворческой деятельности выборных представителей от народа. Однако при внешнем сходстве декларируемых принципов важнейшими инструментами достижения преимуществ в конкурентной политической борьбе является способность представителей различных

¹ [Мордвинов Н. С.] Ответ на возражение, соделанное против мнения моего о различии собственности и зависимости // Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. С. 419.

политических сил четко сформулировать свои программные установки, по-разному расставляя смысловые акценты при употреблении таких социально-политических понятий как «свобода», «закон», «собственность», «государство», «гражданин», «гражданские права», «конституция» и «революция». Используемые в различных сочетаниях и контекстах, все эти понятия могут оказывать существенное влияние на процесс формирования политических взглядов и действия граждан, характер их взаимоотношений с представителями различных властных структур.

Такое положение характерно не только для процесса взаимной интеграции политических идеологий в конце XX – нач. XXI вв., но и для времени их идейного становления. В данном контексте особую актуальность для понимания закономерностей процесса трансформации общественно-политических настроений в современном мире приобретает исторический опыт освоения принципов свободы личности, неприкосновенности собственности, верховенства закона и народного представительства до времени формально-доктринального закрепления постулатов либерализма и консерватизма. В исторической ретроспективе аналогичные процессы происходили в России с конца XVIII – первой четверти XIX вв., когда активное освоение принципов европейской «политической экономики» и философии сопровождалось попытками проведения различных социально-экономических и политических преобразований.

Все вышеизложенное обуславливает актуальность исследования процесса адаптации европейских принципов посредством выявления различных вариантов употребления ключевых социально-политических понятий в тесной взаимосвязи с теми актуальными социально-экономическими и политическими проблемами, которые современники надеялись решить, ориентируясь на теоретические постулаты зарубежных авторов.

Проведение подобного рода исследований актуально и для развития исторической науки, т. к. изучение понятийно-категориального лексикона людей прошлого позволит более точно реконструировать их мировоззрение, выявить логические

и ассоциативные связи, которыми они руководствовались при обосновании своих практических действий, а следовательно, поможет историкам избежать «осовременивания» социально-политического языка изучаемого времени в результате некорректного использования различных терминов и понятий².

Наметившийся в современной отечественной и зарубежной историографии отказ от европоцентризма и осознание уникальности исторического опыта усвоения политических идеологий в различных странах мира³, обуславливает необходимость разработки новых методологических подходов, помогающих понять сложный, внутренне противоречивый процесс адаптации либеральных идей в России.

Принципиально важным, на мой взгляд, может стать обращение исследователей не только к текстам выдающихся исторических деятелей, но и к разнообразным письменным источникам, в которых особенности понимания европейских идей зафиксированы на уровне употребления ключевых социально-политических понятий. О целесообразности такого подхода косвенно свидетельствует изданная в 2010 г. энциклопедия «Российский либерализм середины XVIII – начала XX века», в которой, наряду со статьями о деятельности российских либералов и либерально-ориентированных периодических изданий, особое внимание было уделено эволюции значений целого ряда социально-политических понятий, используемых современниками для аргументации своей позиции по самым разным вопросам общественной жизни. В предисловии к дан-

² См. подробнее: *Виноградов В. В.* Слово и значение как предмет историко-лингвистического исследования // Виноградов В. В. История слов. М., 1999. С. 32–36; *Шмидт С. О.* Декабристы в представлениях людей рубежа XX и XXI столетий // Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX в. М., 2002. С. 338; *Кром М. М.* История понятий в русле социальной истории: идеи Р. Козеллека и возможности их приложения к российскому материалу // Гуманитарные чтения РГГУ–2010: Теория и методология гуманитарного знания. Сб. мат-в. М., 2011. С. 154–164.

³ См. подробнее: *Тимофеев Д. В.* Исследовательские модели изучения истории российского либерализма первой четверти XIX века: история и перспективы // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сб. ст. – Челябинск, 2006. С. 319–329.

ному изданию В. В. Шелохаев подчеркивал, что «специальное обращение к анализу содержательной составляющей понятий и их меняющейся сложносоставной структуры позволяет комплексно и поэтапно проследить логику генезиса, формирования и эволюции собственного российского либерализма»⁴. В данном контексте любому исследованию, в котором рассматриваются процесс становления и эволюции общественной мысли, должно предшествовать изучение понятийно-категориального аппарата, характерного для определенной социальной общности в определенный хронологический период⁵.

В современной отечественной и зарубежной историографии последних лет происходит постепенное признание необходимости изучения истории общественно-политической мысли в тех терминах и понятиях, которыми пользовались современники изучаемого времени. Как самостоятельное направление «история понятий» (*Begriffsgeschichte*) возникла в 1970–1980-е гг. в Германии и постепенно получило международное признание. Под руководством О. Брунера, В. Конце и Р. Козеллека был издан многотомный труд «Основные исторические понятия. Исторический лексикон социально-политического языка в Германии»⁶, в котором представлен всесторонний анализ 115 социально-политических понятий. Во Франции в 1980–90-е гг. сложилась близкая по методологическим установкам школа исторической лексикографии, которую возглавил Ж. Гийом. В результате знакомства с работами Р. Козеллека и др. немецких авторов, французские и немецкие историки с 1985 г. начали совместную работу над аналогичным немецкому «Словарем социально-политических понятий французского языка»⁷. Не менее интересное продолжение «история понятий» (*History of Concepts*)

⁴ Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия / Отв. ред. В. В. Шелохаев. – М., 2010. С. 5.

⁵ См. подробнее: Шелохаев В. В. Общественная мысль России: теоретико-методологические проблемы ее изучения // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 44–45, 48.

⁶ Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland. Stuttgart, 1972–1993. Bd. 1–8.

⁷ Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich. 1680–1820. München. 1985.

получила в Англии и США в работах К. Скиннера, Дж. Покока, Р. Уильямса, М. Рихтера⁸. Таким образом, постепенно происходило формирование *Begriffsgeschichte* и *History of Concepts* как двух методологических подходов к исследованию истории понятий. На сегодняшний день, несмотря на некоторые отличия в немецкой и англосаксонской историографии по вопросу о методах исследования⁹, изучение процессов возникновения и эволюции значений социально-политических понятий считается одной из наиболее важных задач при реконструкции истории общественного сознания в различных странах мира.

Естественно, что в зарубежной историографии основное внимание уделяется изучению истории понятий стран Европы и США. Однако в последнее время появляются работы иностранных авторов, написанные на материалах российских источников. Заметное место в ряду таких исследователей занимает Г. Фриз, который на примере понятия «сословие» убедительно аргументировал необходимость тщательного анализа того, что подразумевали современники изучаемого времени,

⁸ См.: Скиннер К. The State // Понятие государства в четырех языках. Сб. ст. СПб. ; М., 2002. С. 12–74; Он же. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызовы, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 55–66; Pocock J. G. A. Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History. London, 1972; Williams R. Keywords. A vocabulary of culture and society. Glasgow, 1976; Richter M. The history of political and social concepts. A critical introduction. New York, 1995.

⁹ См. подробнее о сходствах и отличиях *Begriffsgeschichte* и *History of Concepts*: Дмитриев А. Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 6–16; Копосов Н. Е. История понятий вчера и сегодня // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: Сб. науч. работ. (Источник. Историк. История: Вып. 5). – СПб., 2006. С. 9–32; Роулин Е. История понятий Квентина Скиннера // Полис. 2006. № 3. С. 150–158; Он же. История понятий: новый старый подход общественных наук // Политическая наука. 2009. № 4. С. 43–58; Дубина В. Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «истории понятий» в России. Послесловие // История понятий, история дискурса, история метафор / Сб. ст. под ред. Х. Э. Бёдекера. Пер. с нем. – М., 2010. С. 298–320; Бёдекер Х. Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии // Там же. С. 5–17; Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий // Там же. С. 34–65.

используя различные социальные категории¹⁰. Не менее ярким примером конкретно-исторических исследований зарубежных авторов по российской истории, являются работы И. Ширле, в которых она проводит всесторонний анализ различных коннотаций понятий «общество», «отечество», «патриот» в текстах российских источников второй половины XVIII в.¹¹.

В России интерес к данной проблематике проявился с начала 1970-х гг. в рамках исследований по истории отдельных слов и словосочетаний. Наиболее значимыми в этот период времени можно назвать работы Р. А. Будагова¹² и А. А. Алексеева об эволюции смыслового значения слова «гражданин» и «гражданское общество» в России XVIII в.¹³. Однако устойчивый интерес отечественных исследователей к зарубежному опыту написания «истории понятий» сформировался лишь в конце 1990-х гг.

В современной отечественной и зарубежной историографии «истории понятий», на мой взгляд, можно проследить несколько тенденций.

Во-первых, для многих работ по «истории понятий» характерна нечеткость в обозначении хронологических границ. В

¹⁰ Фриз Г. Л. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара, 2000. С. 123–162.

¹¹ См., например: Schierle Ingrid. Zur Politisch-Sozialen Begriffssprache der Regierung Katharinas II. Gesellschaft und Gesellschaften: «Obščestvo» // Katharina II., Russland Und Europe. Beiträge Zur Internationalen Forschung. Mainz, 2001. P. 275–306; Она же. «Syn otečestva»: Der, «wahre Patriot» // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln., 2006. P. 347–367; Она же. «For the Benefit and Glory of the Fatherland»: the concept of Otečestvo // Eighteenth-century Russia: society, culture, economy. Papers from the VII international conference of the study group on Eighteenth-century Russia, Wittenberg 2004. Berlin, 2007. P. 283–295; Она же. Учение о духе и характере народов в русской культуре // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в российской империи. М., 2008. С. 119–137.

¹² Будагов Р. А. История слов в истории общества. М., 1971; Он же. Закон многозначности слова // Человек и его язык. М., 1976; Он же. Язык–реальность–язык. М., 1983.

¹³ Алексеев А. А. История слова гражданин в XVIII веке // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. 1972. Т. 31. № 1. С. 67–73; Он же. Из истории общественно-политической лексики русского языка XVIII века. Дисс.... канд. ист. наук. – Л., 1972.

отечественной и зарубежной историографии доминируют исследования, авторы которых пытаются реконструировать историю словоупотребления отдельных понятий в рамках изучения истории языка, культуры и общественного сознания. Как правило, предметом их изучения становится изменение в течение достаточно продолжительного времени значения какого-либо *одного* понятия. Ярким примером такого подхода является сборник статей «Понятие государства в четырех языках», в котором опубликованы работы Кв. Скиннера, Д. Кола, Т. Пулккинен и О. Хархордина¹⁴. Стремление проследить эволюцию отдельного понятия на протяжении нескольких столетий просматривается в работах И. В. Палашевской, В. В. Прозорова, Т. Б. Витман и Е. Н. Рощина, А. В. Магун, посвященных анализу процесса трансформации понятий «закон», «суверенитет», «власть», «верховная власть» и «революция»¹⁵.

Отсутствие четких хронологических границ, на мой взгляд, не позволяет проследить множество одновременно сосуществовавших вариантов употребления исследуемых понятий, что существенно снижает возможности реконструкции особенностей понимания современниками тех или иных идей, теорий и принципов. Одновременно с этим, отсутствие четких хронологических границ существенно затрудняет выявление логических и ассоциативных взаимосвязей между различными понятиями, которые возникали в сознании современников и оказывали влияние на то, каким образом привнесенные извне идеи

¹⁴ Скиннер Кв. The State // Понятие государства в четырех языках: сб. ст. СПб., 2002. С. 12–74; Кола Д. Политическая семантика «Etat» и «état» во французском языке // Там же. С. 75–113; Пулккинен Т. Valtio – история понятия государство в финском языке // Там же. С. 114–151; Хархордин О. Что такое «государство»? Русский термин в европейском контексте // Там же. С. 152–217.

¹⁵ Палашевская И. В. Моделирование концепта «закон» в английской и русской лингвокультурах // Вестник Волгоградского гос. ун-та. Сер. 9. Волгоград, 2001. Вып. 1. С. 116–122; Прозоров В. В. О семантических горизонтах понятия «власть» // ЛОГОС. № 4–5. 2003; Витман Т. Б. Закон силы или сила закона: (Франция–Россия) // Текст–Дискурс–Диалог культур. СПб., 2005; Рощин Е. Н. История понятия «суверенитет» в России // Исторические понятия и политические идеи в России... С. 190–230; Магун А. В. Опыт и понятие революции // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 54–79.

встраивались в исторически сложившуюся языковую картину мира.

Во-вторых, внимание историков, чаще всего, привлекает процесс формирования различных социально-политических структур и связанные с ним изменения в общественном сознании, которые были зафиксированы с помощью отдельных понятий. Так, например, М. М. Кром¹⁶ проанализировал изменения смыслового значения понятия «государство» в тесной взаимосвязи с важнейшими социально-политическими процессами в России XVI в. В рамках исследования различных общественно-политических процессов XVIII–XIX в. история понятий «общество», «гражданское общество», «общественное мнение» представлена в работах А. А. Севастьяновой, В. Я. Гросул, Т. В. Андреевой¹⁷. Аналогичного подхода в статьях о различных трактовках российскими подданными понятий «уложение» и «закон» в текстах первой четверти XIX в. придерживаются Т. Ю. Борисова¹⁸ и В. М. Бокова¹⁹. Не менее показательным примером обращения к истории понятий является статья А. И. Миллера, посвященная различным трактовкам понятий «народность» и «нация» в России XIX – начале XX вв.²⁰, ряд работ Т. Н. Жуковской, в которых сопоставлены различные трактовки понятий

¹⁶ Кром М. М. Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России... С. 54–69.

¹⁷ Севастьянова А. А. Генезис понятия «гражданское общество» в России (XVIII – начало XIX в.) // Профессионалы за сотрудничество: сб. ст. Вып. 3. М., 1999. С. 63–68; Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX в.: традиции и новации. М., 2003. С. 50–71; Андреева Т. В. Формирование общества как социального института, эволюция политических понятий «общество» и «общественное мнение» в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Матлы Всеросс. научн. конференции 6–7 декабря 2006 г. – СПб., 2007. С. 7–22.

¹⁸ Борисова Т. Ю. Борьба за русское национальное право в первой четверти XIX в.: изобретение новых смыслов старых слов // Исторические понятия и политические идеи в России... С. 123–151.

¹⁹ Бокова В. М. «Ликурговы законы» Павла Пестеля // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы / Отв. ред. О. И. Киянская. М., 2008. С. 215–227.

²⁰ Миллер А. И. «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С. 151–165.

«свобода», «конституция» и «рабство» в представлениях ранних русских либералов²¹, а также статья М. П. Одесского²² об особенностях употребления понятия «революция» декабристами и их современниками.

Системный подход к изучению понятийно-категориального аппарата людей прошлого, в соответствии с которым следует анализировать не историю отдельных слов, а комплекс взаимосвязанных понятий, частично реализован в исследованиях филологов и культурологов. Так, например, комплексному изучению истории целого ряда понятий посвящены исследования В. В. Виноградова²³. В работе В. В. Колесова «Древняя Русь: наследие в слове»²⁴ представлен глубокий анализ социальных терминов Древней Руси, характеризовавших межличностные отношения, а также отношение человека к миру, различным социальным группам и обществу в целом. Наряду с другими категориями автор исследует взаимосвязь понятий «свобода» и «воля», «заповедь» и «закон», «холоп» и «роба», «власть» и «государство». Не менее интересным примером изучения комплекса понятий является коллективная монография «Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени»²⁵.

В рамках конкретно-исторических исследований системный подход был представлен в работе А. Я. Гуревича «Категории средневековой культуры»: автор писал о необходимости изучать язык источника, терминологию, устойчивые выраже-

²¹ Жуковская Т. Н. Свобода в представлениях русских либералистов. О смысловых смещениях западных категорий // Коммуникации в культуре. Материалы научно-теоретического семинара. Петрозаводск, 1996. С. 97–102; Она же. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 38–47; Она же. Дворянский либерализм при Александре I: споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х годов. Петрозаводск, 2002.

²² Одесский М. П. Вольнодумный тезариус декабристов. *Révolution–революция–переворот–превращение* // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 494–502.

²³ См.: Виноградов В. В. История слов. М., 1999.

²⁴ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000.

²⁵ Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени / Под ред. В. М. Живова. – М., 2009.

ния, повторяющиеся речевые обороты и словосочетания. Для него принципиально важным критерием для включения того или иного понятия в комплекс исследуемых категорий была их тесная смысловая взаимосвязь²⁶. Раскрывая содержание средневековых представлений, А. Я. Гуревич стремился определить различные цели и мотивы поведения людей, выраженные с помощью важнейших, системообразующих понятий²⁷.

В современной отечественной историографии последовательное воплощение принципа системности просматривается в работах Е. Н. Марасиновой²⁸. В одной из них она подчеркивала, что «история понятий» должна изучаться не как история отдельных слов сама по себе, а может стать важным инструментом, с помощью которого историк от более глубокого понимания текста источника может прийти к «пониманию внетекстовой действительности», окружавшей людей изучаемого времени, определявшей их убеждения и практическую деятельность²⁹. С этих позиций Е. Н. Марасинова сопоставила стереотипы поведения и их отражение в частной переписке второй половины XVIII в., официально транслируемые посредством использования в законодательных актах различных слов и словосочетаний. Проведенный анализ ряда понятий, способствовавших формирова-

²⁶ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А. Я. Избранные труды. М.; СПб., 1999. С. 51.

²⁷ См. подробнее: Асоян Ю. А. Практики исследования концептов: от «категорий культуры» к «семантике понятий» // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2008. № 10. С. 36–37.

²⁸ Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М., 1999; Она же. Понятие «честь» в сознании российского дворянина (последняя треть XVIII в.) // Россия в средние века и новое время: сб. ст. к 70-летию Л. В. Милова. М., 1999. С. 272–292; Она же. Личность и власть в России XVIII века (проблемы понятийной истории) // Дашкова Е. Р. Портрет в контексте истории. Сб. М., 2004. С. 68–87; Она же. «Раб», «поданный», «сын Отечества» (К проблеме взаимоотношений личности и власти в России XVIII века) // Canadian-American Slavic Studies. 2004. Vol. 38. № 1–2. P. 83–104; Она же. «Рабы» и «граждане» в российской империи XVIII в. // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 99–118; и др.

²⁹ Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 104.

нию образа монарха в официальных источниках («император», «империя», «государь», «монарх», «самодержец», «Отечество»), выражающих представления власти о роли дворянства и социальной структуре российского общества («благородное сословие», «народ», «общество», «гражданин», «служба», «чин» и т. п.), а также понятий, отражавших устойчивые стереотипы о характере взаимоотношений дворянина и государства («холоп», «раб», «верноподданный», «Сын Отечества»)³⁰, убедительно показал механизм формирования двойственности в сознании представителей дворянской элиты последней трети XVIII в.

В последние годы «история понятий» рассматривается в качестве действенного инструмента изучения общественно-политической мысли как на уровне мировоззрения отдельных социальных групп и исторических персоналий³¹, так и в более широком контексте – в рамках исследований процесса «трансфера идей»³² и «переводимости» политических идеологий из одной социокультурной среды в другую³³. О повышении интереса к истории понятий свидетельствуют многочислен-

³⁰ Марасинова Е. Н. Власть и общество в России XVIII века (проблемы понятийной истории) // Труды ин-та российской истории. Вып. 5. М., 2005. С. 90; Она же. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 79–102, 105–106; Она же. Идеологическое воздействие политики самодержавия на сознание элиты российского дворянства второй половины XVIII века (по материалам законодательства и переписки). Автореф. дисс. ... док-ра ист. наук. М., 2008.

³¹ См., например: Дорохова Н. Е. «Российские тори» и общественно-политическая мысль западноевропейского просвещения на рубеже XVIII – XIX веков. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2006. С. 17–18, 22–25; Бугров К. Д. Идеология и политический лексикон реформаторских проектов Н. И. Панина (60–80-е гг. XVIII в.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2010.

³² См.: Шарф К. Монархия, основанная на законе, вместо деспотии. Трансфер и адаптация европейских идей и эволюция воззрений на государство в России в эпоху Просвещения // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»... С. 23.

³³ См.: Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997; Он же. Умножение идеологий или проблема «переводимости» политического сознания // Полис. 1997. № 4. С. 78–87; Он же. Понятийная омонимия: конституции и режимы. Поколения конституций // Полис. 2007. № 5. С. 140–148; Он же. Язык революции – язык улицы // Полис. 2010. № 6. С. 182–185; и др.

ные конференции и круглые столы, проведенные в Москве и Санкт-Петербурге³⁴.

Одним из наиболее перспективных направлений, в рамках которого комплексное изучение значений и контекстов употребления социально-политических понятий позволит более точно определить различные течения и полутона во всегда подвижной системе экономических и политических представлений людей изучаемой эпохи, является исследование процесса адаптации в России европейских либеральных принципов. Важность проведения такого рода исследований обусловлена прежде всего тем, что оно может выявить не только особенности в трактовках заимствованных извне экономических и политических теорий, но и определить, как российские подданные, используя одни и те же социально-политические понятия, обосновывали свои разноразличные практические действия.

Сложность проведения конкретно-исторических исследований в рамках обозначенного подхода заключается в том, что сколько-нибудь значительные результаты могут быть достигнуты в случае, если будет решена принципиально важная проблема, связанная с необходимостью выработки критериев для отбора комплекса социально-политических понятий. В ка-

³⁴ Так, например, 12–14 ноября 2008 г. в ИВИ РАН в рамках конференции «Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век», был организован круглый стол: «Историческая семантика: к 85-летию со дня рождения Р. Козеллека»; в апреле 2009 г. в Смольном институте свободных искусств и наук при Санкт-Петербургском университете проходила конференция «Begriffsgeschichte(n). History of Concepts in Comparative Perspective»; 23–24 октября 2009 г. институт русского языка им. В. В. Виноградова (ИРЯ РАН) организовал конференцию «Эволюция понятий в свете истории русской культуры»; 23.03.2009 г. Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), совместно с Европейским университетом в Санкт-Петербурге, проводили «круглый стол» «История понятий: практики исследования и инструментализации»; 29 марта 2010 г. в рамках ежегодных гуманитарных чтений в РГГУ проходила конференция «Теория и методология гуманитарного знания: история понятий»; 22–24 апреля 2010 г. в Германском Историческом Институте в Москве проходила конференция «Общественно-политическая сфера в России от Петра I до 1914 г. История ключевых понятий и концепций»; 16–18 сентября 2010 г. РГГУ, Германский исторический институт в Москве, Европейский университет в Санкт-Петербурге провели в Москве международную конференцию «История понятий: концепты, метафоры, дискурсы».

честве таких критериев, на мой взгляд, могут быть: 1) концептуальная нагруженность каждого понятия, т. е. его смысловое содержание должно быть связано с известными социально-политическими или экономическими концепциями, с помощью которых современники обосновывали необходимость обращения к прошлому опыту, либо описывали идеальные модели общественного переустройства в ближайшем будущем; 2) общеизвестность и многократность употребления понятия в текстах источников различной видовой принадлежности; 3) понятие должно быть элементом системы понятий, используемой для описания окружающей социально-политической реальности и решения наиболее актуальных экономических и социально-политических проблем.

В совокупности указанные критерии позволяют более четко определить предметное поле исследования и сконцентрировать внимание историка на изучении различных аспектов развития общественного сознания. В настоящем исследовании использование инструментария «истории понятий» предпринимается в рамках изучения процесса трансформации европейских принципов свободы личности, неприкосновенности частной собственности, верховенства закона, равенства гражданских прав, конституционного правления и создания выборных органов сословного представительства в России первой четверти XIX в.

Все вышеизложенное определяет *цель данного исследования* – определить особенности понимания образованными российскими подданными европейских социально-политических концепций посредством сравнительно-контекстуального анализа различных вариантов словоупотребления понятий «государство», «закон», «конституция», «гражданин», «гражданские права», «свобода», «рабство», «собственность», «революция» и «просвещение». Все эти понятия были системообразующими категориями при формулировке принципов свободы личности, неприкосновенности частной собственности, верховенства закона, конституционного правления и сословного представительства в переведенных на русский язык в России первой четверти XIX в. работах известных европейских авторов.

Содержательно исследуемые понятия были тесно взаимосвязаны и достаточно часто употреблялись в рамках социально-политического и экономического дискурса на страницах российских газет и журналов, учебных пособий и научных трактатов, в мемуарах и личной переписке, законодательстве и материалах официального делопроизводства. Многократность их использования позволяет определить многообразие трактовок европейских принципов в источниках различной видовой принадлежности. При этом, в полном соответствии с принятыми в рамках современной «истории понятий» подходами, перед исследователем не стоит задача регистрации всех возможных случаев употребления какого-либо понятия³⁵. В настоящей работе сравнительному анализу подвергаются только те тексты, которые отражали позиции современников по наиболее важным экономическим и социально-политическим проблемам. С начала XIX в. такими проблемами современники считали необходимость интенсификации российской экономики, упорядочения системы законодательства и отмены «рабства» крестьян, а также повышение эффективности системы государственного управления.

Под категорией «образованные российские подданные» в данной работе подразумеваются представители различных сословных групп, которые читали газеты, журналы, книги, обращались с исками о защите своих интересов в различные судебные инстанции, направляли письма, рецензии и статьи в журналы, составляли проекты преобразований, «мнения» и записки. Условно, в зависимости от характера и степени общественной активности, можно выделить две группы образованных российских подданных.

К первой следует отнести тех, кто целенаправленно интересовался различными аспектами общественной жизни: читал журналы, газеты, учебные пособия, научно-популярные произведения и т. п. В самом общем виде коллективный портрет этой группы можно составить на основании опубликованной в

³⁵ См.: Роцин Е. История понятий: новый старый подход общественных наук // Политическая наука. 2009. № 4. С. 52–53.

1817 г. в журнале «Сын Отечества» статьи «Выписка о состоянии Императорской Публичной библиотеки за 1816 год...», в которой сообщалось о социальном составе читателей: были лица «...духовные разных христианских вероисповеданий...; много находилось военных чиновников...; еще приметнее было число чиновников гражданских, в особенности тех, которые продолжают службу в департаментах господ министров...; воспитанники разных казенных и частных учебных заведений; наконец, примечались в числе посетителей библиотеки люди, которые из охоты к чтению оставляли дела торговли и др. промыслов»³⁶. Таким образом, образованными людьми современники могли называть представителей дворянства, духовенства, чиновников разного уровня, студентов различных учебных заведений, купцов и ремесленников.

Своеобразным подтверждением разнородности российской «читающей публики» является высказывание известного публициста и издателя Ф. Б. Булгарина, который в 1820-х гг. выделял несколько категорий читателей: «знатные и богатые люди», люди «среднего состояния» и представители «нижнего состояния». По мнению Ф. Булгарина, наибольший интерес к чтению был сформирован у дворян, находящихся на службе, помещиков, живущих в деревнях, чиновников, купцов, заводчиков и мещан. Именно эта мультисословная по своему составу группа российских подданных была отнесена автором к «среднему состоянию» и составляла большинство «русской публики», которая «читает много, и большею частью по-русски, бдительно следит за успехами словесности...»³⁷.

Вторая, условно выделяемая в рамках данного исследования группа образованных российских подданных представлена не только активными читателями, но, главным образом, авторами учебных пособий, научно-публицистических произведений,

³⁶ Выписка о состоянии Императорской Публичной библиотеки за 1816 год, читанная библиотекарем, коллежским советником Красовским в торжественном годовом собрании, бывшем в библиотеке 2 января 1817 года // *Сын Отечества*. 1817. Ч. 35. № III. С. 99.

³⁷ Цит. по: *Клейменова Р. Н.* Книжная Москва первой половины XIX века. М., 1991. С. 203.

справочных изданий по российскому законодательству, журнальных статей, открытых писем в редакцию, различных проектов, особых мнений, всеподданнейших прошений, записок и др. текстов, в которых посредством употребления ключевых для описания европейских либеральных принципов понятий зафиксированы представления о содержании, возможных негативных и позитивных последствиях проведения в России административных и социально-экономических преобразований. Данная группа также не была социально однородной.

В соответствии с указанными критериями в работе представлены различные страты «образованного российского общества»:

1) *чиновники высшего звена* (действительные тайные советники, тайные советники, действительные статские советники, министры, сенаторы, члены Государственного Совета, губернаторы, члены различных особых комитетов и комиссий) – А. Р. Воронцов, И. А. Гагарин, А. Н. Голицын, Д. А. Гурьев, Г. Р. Державин, И. И. Дмитриев, П. В. Завадовский, О. П. Козодавлев, В. П. Кочубей, С. М. Кочубей, А. Б. Куракин, Д. И. Лобанов-Ростовский, П. В. Лопухин, И. В. Лопухин, Ф. Лубяновский, Н. С. Мордвинов, Н. Н. Новосильцов, В. С. Попов, С. О. Потоцкий, А. К. Разумовский, Г. Розенкамф, С. П. Румянцев, Н. П. Румянцев, А. А. Саблуков, М. М. Сперанский, Д. П. Трощинский, Н. И. Тургенев, И. Тутолмин, А. Чарторижский, д.с.с., Орловский гражданский губернатор П. И. Яковлев³⁸;

2) *военнослужащие и гражданские чиновники низшего и среднего уровня* – Ю. Янушевич (разжалован в солдаты³⁹), рядовой П. Львов, канцелярист В. Симонов⁴⁰, В. Полетика, поручик А. Крюков, С. Хапылев, секунд-майор И. Давыдов, П. Хавский, Е. К. Сиверс, Ф. Лангас, В. Ф. Малиновский, А. Д. Боровков, секретарь Сената М. Чулков, В. Н. Каразин, майор А. Кучевский⁴¹, флигель-адъютант П. Д. Киселев, С. Ушаков, надворные советники И. Наумов и Д. П. Извольский, М. С. Лунин (в 1818 г. – ротмистр), Г. С. Батенков, штабс-капитан

³⁸ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 295.

³⁹ См.: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 95.

⁴⁰ См.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 58.

⁴¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 33.

А. А. Бестужев, В. И. Штейнгель, Г. А. Перетц, Н. М. Муравьев (на 1816 – подпоручик, а с 1818 г. – поручик, с июля 1825 – капитан); П. Пестель (с 1821 г. – полковник);

3) *университетские профессора, учителя губернских училищ и гимназий* – К. И. Арсеньев, М. Балугьянский, А. Галич, К. Герман, старший учитель в училище Св. Петра Н. И. Греч, И. Кайданов, М. Т. Каченовский, В. Г. Кукольник, А. П. Кунин, И. Нейман, Г. Терлаич, Л. Цветаев, Х. Шлецер, Ф. Шмальц, Р. Тимковский, Г. П. Успенский;

4) *писатели и общественные деятели* – А. Н. Радищев, Н. М. Карамзин, А. Косинский, И. Г. Бутовский, П. Свиньин, К. И. Арнольд, А. Ф. Бестужев, Л. Давыдовский, И. П. Елагин, И. Д. Ертов, Т. С. Мальгин, А. Ремезов, С. П. Жихарев, А. А. Нартов, А. Ф. Малиновский, Н. М. Яновский;

5) *представители поместного дворянства, вышедшие в отставку* – М. А. Дмитриев-Мамонов (с 1816 г. – в отставке); П. Г. Каховский (в 1821 г. уволен по болезни в отставку), отставной майор Орлов⁴²; отставной гвардии поручик П. Рословцев, отставной вахмистр лейб-гвардии полка Д. Салтыков, И. Д. Якушкин (капитан, с 1818 г. в отставке).

6) *выпускники гимназий, воспитанники университетских пансионов, студенты университетов*, публичные выступления и сочинения которых были опубликованы в российских журналах первой четверти XIX в.⁴³.

В рамках обозначенного подхода к изучению процесса адаптации европейских принципов в России, необходимо решение следующих *исследовательских задач*: выявить содержание, положительные и отрицательные контексты употребления основных социально-политических понятий в текстах российских авторов и законодательстве последней трети XVIII – нач. XIX вв.; сопоставить значения социально-политических понятий в текстах российских авторов с либеральными принципами, заимствованными из работ европейских мыслителей;

⁴² См.: РГИА. Ф. 1147. Оп. 1 Д. 295.

⁴³ Как правило, при публикации фамилия автора не указывалась или использовались псевдонимы и условные сокращения, идентифицировать которые с конкретным человеком не удалось.

определить взаимосвязь и содержание понятий «свобода» и «собственность» в рамках дискуссий о факторах и приемлемых инструментах интенсификации российской экономики; установить соотношение понятий «государство», «закон», «гражданин» и «гражданские права» в контексте решения проблемы модернизации российского законодательства; выявить различные трактовки понятий «свобода», «рабство», «собственность» и их влияние на выработку стратегии и тактики отмены крепостного права; провести анализ смысловых взаимосвязей понятий «конституция», «революция» и «просвещение», используемых современниками для описания перспектив политического развития страны; сопоставить провозглашаемые в работах европейских авторов принципы с нормами российского законодательства; сравнить содержание предписываемых действовавшим российским законодательством моделей поведения и идейную направленность практических действий, необходимость которых обосновывалась с помощью основных социально-политических понятий.

Хронологические рамки исследования – последняя треть XVIII – первая четверть XIX в. – совпадают с началом процесса активного проникновения в Россию европейских социально-политических и экономических теорий, провозглашавших необходимость реализации принципов свободы личности, неприкосновенности частной собственности, верховенства закона, равенства гражданских прав, установления конституции и создания выборных органов сословного представительства. Именно в это время в России появляются не только оригинальные, но и переведенные на русский язык издания сочинений М. Вольтера, Д. Дидро, Ж. Ж. Руссо, П. Гольбаха, К. Гельвеция, Г. Рейналя, Ш. Монтескье, Д'Аламбера, А. Фергюсона, Ж.-Б. Сэя, Ж.-С. Сисмонди, А. Смита, И. Бентама и др. европейских авторов⁴⁴. Издание русскоязычных текстов европей-

⁴⁴ См.: подробнее о переводных изданиях работ иностранных авторов: *Баренбаум И. Е.* Французская переводная книга в русских переводах (2-я половина XVIII века) // Страницы Российской истории. Межвузовский сборник к 60-летию со дня рождения проф. Г. А. Тишкина – М., 2001. С. 388–428.

ских авторов было важным фактором, способствовавшим корректровке и дополнению социально-политического лексикона, т. к. в процессе перевода нередко возникала необходимость адекватной замены иностранных слов, не имевших аналогов в русском языке, или объяснения ранее известных понятий, но в непривычном для российских читателей значении⁴⁵. Таким образом, постепенно происходило усложнение понятийного аппарата, сопровождавшееся как появлением неологизмов, так и формированием новых смысловых оттенков уже известных ранее социально-политических понятий.

В повседневной практике российских подданных последней трети XVIII – первой четверти XIX в. процесс интеграции новых или корректровки значений уже известных слов и словосочетаний проявился двояко. С одной стороны, социально-политические понятия становятся важным инструментом идеологического воздействия со стороны государства⁴⁶, которое использовало их в законодательных актах для объяснения позиции верховной власти по самым различным вопросам, или напротив – запрещало и ограничивало их употребление в официальных текстах. С другой стороны, понятия «государство», «закон», «конституция», «гражданин», «гражданские права», «свобода», «рабство», «собственность», «революция» и «просвещение», становятся важным средством осмысления социальной действительности. Вне зависимости от транслируемых государством трактовок, российские подданные использовали указанные понятия в самых различных контекстах для выражения своего отношения к окружающей их реальности и описания как личных целей, так и представлений о так называемом «общем благе».

Особенно отчетливо данная тенденция проявилась в период правления императора Александра I. Именно поэтому в рамках

⁴⁵ См.: *Плавинская Н. Ю.* Как переводили Монтескье в России? // *Европейское Просвещение и цивилизация России.* М., 2004. С. 281–286; *Ширле И.* Учение о духе и характере народов в русской культуре XVIII века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»... С. 122.

⁴⁶ См.: *Марасинова Е. Н.* Власть и общество в России XVIII века (проблемы понятийной истории) // *Труды ин-та российской истории.* Вып. 5. М., 2005. С. 90; *Марасинова Е. Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 100–102.

обозначенного хронологического отрезка основное внимание уделяется периоду с 1801 по 1825 г. В это время появляется возможность посредством различных газет, журналов, научно-публицистических трактатов, всеподданнейших прошений, докладов, записок и проектов обозначить отношение к европейским теоретическим схемам и высказать свои представления о причинах и способах решения наиболее актуальных социально-экономических проблем. Более того, одновременно с текстами, которые непосредственно были обращены к «читающей публике» или властным структурам, наиболее активные представители образованного российского общества составляли различные воззвания, уставы и программы тайных обществ.

Территориальные границы исследования охватывают центральные, северо-западные и западные губернии Российской империи. Такая пространственная локализация исследования обусловлена рядом факторов: во-первых, именно жители этих губерний проявляли наибольшую активность в составлении проектов, записок, мнений и т. п. текстов; во-вторых, на этой территории издавались и имели широкое распространение анализируемые в работе общественно-политические журналы; в-третьих, на территории центральных, северо-западных и западных губерний существовала относительно развитая сеть средних учебных заведений и университетов, что оказывало влияние на уровень грамотности населения.

Все вышеизложенное, на мой взгляд, может служить убедительным аргументом, доказывающим целесообразность обращения в работах по истории общественно-политической мысли к «истории понятий», которая может выступать не в качестве основного предмета изучения, а как специфический *метод критики источников*, позволяющий исследователю более точно выявить все грани восприятия политических идей⁴⁷. Все

⁴⁷ См. подробнее: Козеллек Р. Теория и метод определения исторического времени // Логос: журнал по философии и прагматике культуры. 2004. № 5(44). С. 103–104; Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 35; Дубина В. Из Билефельда в Кембридж и обратно: пути утверждения «истории понятий» в России. Послесловие // Там же. С. 303; Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории... С. 104.

это позволит избежать упрощения исторической реальности, которая применительно к истории общественно-политической мысли представляет собой не только историю либерализма, консерватизма и др. политических идеологий, но, чаще всего, процесс взаимовлияния и взаимопроникновения различных идей, теорий, концепций.

Глава I

Методологические основания и исторические источники

§1. Методология и методы исследования

Отправной точкой в изучении особенностей понимания образованными российскими подданными европейских принципов свободы личности, неприкосновенности частной собственности, верховенства закона, равенства гражданских прав, установления конституции и создания выборных органов сословного представительства в России первой четверти XIX в. является признание тесной взаимосвязи языка, мышления и поведения людей. Философские основания такого подхода были заложены в работах Л. Витгенштейна и Б. Л. Уорфа¹, а с 1970-х гг. XX в. получили свое развитие в рамках так называемого «лингвистического поворота»².

Применительно к исследуемой в данной работе проблеме язык рассматривается как средство формирования и выражения общественного сознания в тесной взаимосвязи с практически действиями людей, мотивы совершения и результаты которых были зафиксированы в словесно-письменной форме. При таком подходе пристальное внимание исследователей должно быть направлено на то, с помощью каких понятий и словосо-

¹ Витгенштейн Л. Философские исследования // Языки как образ мира. М., - СПб., 2003. С. 220–546; Уорф Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку // Там же. С. 157–201.

² См.: подробнее: Копосов Н. Е. Как думают историки. М., 2001. С. 284–294.

четаний современники изучаемого времени выражали свое отношение к наиболее актуальным проблемам общественной жизни. Результатом проведения подобного рода исследований может стать выявление внутренних противоречий в представлениях и действиях людей прошлого. Все это, на мой взгляд, позволит понять глубинные причины того, что одни и те же идеи не только в разных странах, но и рамках одной страны, могли восприниматься фрагментарно, или напротив – дополняться новыми смысловыми акцентами.

Методологическим основанием конкретно-исторических исследований в рамках обозначенного подхода являются общие установки и принципы современной «истории понятий», которая, по мнению Х. Э. Бёдекера, «...появилась как противопоставление традиционной политической истории, полностью ориентированной на простую фиксацию событий в хронологическом порядке; а также против отрицающих эвристический подход теорий и гипотез позитивно-антикварного историописания; ...и против оторванной от социального и политического контекста истории идей...»³. В основе критических замечаний традиционных способов изучения прошлого было положено утверждение о невозможности понимания любых исторических процессов, вне зависимости от их масштаба и причин, без обращения к понятийно-категориальному аппарату изучаемой эпохи. С этих позиций воспроизводился принцип историзма, в соответствии с которым каждую историческую эпоху следует пытаться понять в ее собственных терминах.

На сегодняшний день в современной зарубежной историографии сложилось два основных подхода к изучению «истории понятий». Первый из них был сформирован в рамках немецкой *Begriffsgeschichte* и представлен рядом теоретических работ Р. Козеллека, который совместно с О. Брунером и В. Конце⁴

³ Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий // История понятий, история дискурса, история метафор. М., 2010. С. 37.

⁴ См. подробнее о взглядах и деятельности О. Брунера и В. Конце: Козеллек Р. Вернер Конце: традиция и обновление // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. Альманах. М., 1993. Т. 1. Вып. 1. С. 214–226; Pim Den Boer. The Historiography of German Begriffsgeschichte and the Dutch Project of Conceptual History // History of Con-

был одним из инициаторов и непосредственных руководителей проекта по написанию «Исторического лексикона социально-политического языка в Германии», объединившего усилия нескольких десятков немецких историков⁵. Основной предмет *Begriffsgeschichte*, в том виде как она представлена в работах Р. Козеллека⁶, – язык истории, т. е. язык, на котором пишется история, и язык, посредством которого формируются основные представления людей об историческом времени, социуме и своей роли в историческом процессе. В данном контексте представители немецкой *Begriffsgeschichte* подчеркивали, что историю «невозможно построить и невозможно помыслить без истории понятий»⁷.

Несколько позднее, чем немецкая *Begriffsgeschichte*, в англо-американской научной литературе был сформирован второй подход к исследованию различных аспектов общественного сознания посредством обращения к истории понятий – *History of Concepts*. Большое влияние на его становление оказала философия Джона Л. Остина и Джона Серля, чьи теории языковых актов (*Speech Act*) связывали как устные высказывания, так и зафиксированные в письменной форме проявления языковой активности людей с их действиями⁸. Такой подход к из-

cepts: *Comparative Perspectives*. Amsterdam. 1998. P. 13–22; *Концов Н. Е.* История понятий вчера и сегодня // *Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. научн. работ.* СПб., 2006. С. 10–16.

⁵ См.: *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland.* Stuttgart, 1972–1993. Bd. 1–8.

⁶ См.: *Koselleck R.* *Social History and Begriffsgeschichte* // *History of Concepts: Comparative Perspectives*. Amsterdam. 1998. P. 23–36; *Козеллек Р.* Можем ли мы распоряжаться историей? (Из книги «Прошедшее будущее. К вопросу о семантике исторического времени») // *Отечественные записки.* 2004. № 5. С. 226–241; *Он же.* Социальная история и история понятий // *Исторические понятия и политические идеи в России...* С. 33–53. *Он же.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // *История понятий, история дискурса, история метафор.* С. 21–33.

⁷ См. подробнее: *Живов В. М.* История понятий, история культуры, история общества // *Очерки исторической семантики русского языка раннего Нового времени.* М., 2009. С. 6–7.

⁸ См.: *Бёдекер Х. Э.* Отражение исторической семантики в исторической культурологии // *История понятий, история дискурса, история метафор.* С. 7, 12.

учению истории политической мысли представлен работами Дж. Покока и К. Скиннера. По их мнению, политический язык следует рассматривать одновременно и как средство коммуникации, и как целенаправленное политическое действие. С этих позиций любой текст следует изучать в тесной взаимосвязи с теми субъективными целями, которые преследовал его автор. Аргументируя данное утверждение, К. Скиннер писал: «Чтобы понять тексты, помимо прочего, мы должны воссоздать интенции, с которыми они создавались, а следовательно, должны понять, какое *действие* совершали их авторы посредством написания этих текстов»⁹. Таким образом, основным предметом History of Concepts, как особого направления в современной западной историографии, является не столько собственно значение отдельных понятий, сколько способ их использования в тесной взаимосвязи с различными нормативно-ценностными и политическими установками. В общем виде задача исследователя, использующего в конкретно-исторических работах инструментарий «истории понятий», должна состоять в том, чтобы «...определить доминирующие представления и общепринятые способы употребления понятия и затем установить, каким образом..., и в каком политико-историческом контексте эти способы стали конвенциональными и какие идеологические позиции они при этом отражали»¹⁰. В такой трактовке, по мнению Е. Н. Рощина, History of Concepts принципиально «отличается от анализа семантики понятий тем, что он не столько интересуется самими значениями, сколько связывает их трансформации с определенными политическими функциями, аргументами и идеологиями»¹¹.

В настоящем исследовании предпринимается попытка интеграции методологических установок Begriffsgeschichte и History of Concepts посредством отбора общих принципов, кото-

⁹ Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 65.

¹⁰ См.: Рощин Е. Н. История понятий: новый старый подход общественных наук // Политическая наука. 2009. № 4. С. 46, 50.

¹¹ Там же. С. 57.

рые, взаимодополняя друг друга, позволяют выявить различные трактовки социально-политических понятий, используемых образованными российскими подданными первой четверти XIX в. при описании окружающей их социально-политической реальности. В качестве таких общих теоретических установок, на мой взгляд, следует признать *пять взаимосвязанных принципов*:

1. *Принцип контекстуализации*, в соответствии с которым обращение в конкретно-исторических исследованиях к «истории понятий» должно сопровождаться выявлением широкого политического, социально-экономического и культурного контекстов. Обоснованием данного принципа является утверждение Р. Козеллека о том, что социально-политические понятия одновременно являются и «индикаторами», и «факторами» развития общественного сознания. Признавая влияние языка на исторический процесс, он подчеркивал, что «...событие не исчерпывается своим языковым выражением», но «...между ними существует известное напряжение, представляющее собой историческую переменную»¹². Все это, по мысли Р. Козеллека, обуславливает необходимость учитывать не только языковые, но и целый комплекс социально-экономических, политических и иных «внеязыковых факторов»¹³. Сочетание всестороннего анализа эволюции смысла понятий с изменениями в различных сферах общественное и частной жизни человека принципиально отличает историю понятий от методов лингвистического анализа. Таким образом, «историю понятий» следует изучать не как процесс изменения значений отдельных понятий, а как «историю их взаимосвязей с исторической действительностью»¹⁴.

Наряду с необходимостью внимательного отношения к изменениям социально-экономической и политической обстановки, органичным дополнением принципа контекстуализации является стремление исследователя при работе с текстом источника понять, какими мотивами руководствовался автор, какую цель он преследовал и на какую реакцию современни-

¹² Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей?... С. 229.

¹³ См.: Козеллек Р. Социальная история и история понятий. С. 38–40.

¹⁴ См.: Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий. С. 55.

ков мог рассчитывать, используя в тексте основные социально-политические понятия. Поиск ответов на все эти вопросы составляет, по мнению К. Скиннера, процедуру «контекстуального прочтения текста»¹⁵, проведение которой является необходимым условием для адекватного понимания любого высказывания. В такой трактовке принцип контекстуализации позволяет определить, какие конвенциональные значения имели интересующие исследователя понятия и какое влияние они оказывали на практические действия людей.

2. *Принцип жанрового многообразия используемых текстов.* Содержательно данный принцип является следствием признания недостаточности обращения в конкретно-исторических исследованиях только к текстам выдающихся или известных авторов¹⁶. При изучении истории идей лишь на основании анализа текстов «великих» авторов вне поля зрения исследователей оказывался вопрос о том, использовал ли автор при выражении своего мнения общепринятые значения социально-политических понятий, или наделял их новыми смысловыми акцентами. В конце 1960-х гг. К. Скиннер в докладе «О мало-важности великих текстов» подчеркивал, что для реконструкции контекста, а следовательно, и адекватного понимания смысла заложенного в тексте «...совершенно недостаточно сколь угодно пристального чтения отобранных «значимых» трудов «великих» авторов, а требуется радикальное расширение как набора изучаемых текстов, так и круга их создателей, включая сюда словари, толковники, пособия и прочую «подручную» литературу той или иной эпохи»¹⁷.

В конкретно-исторических исследованиях использование инструментария «истории понятий» предполагает привлече-

¹⁵ См. подробнее: Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли... С. 63–65; Дмитриев А. Контекст и метод (предварительные соображения об одной становящейся исследовательской индустрии) // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 11–12.

¹⁶ См.: Бёдекер Х. Э. Отражение исторической семантики в исторической культурологии. С. 6; Миллер А.И. «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий // Российская история. 2009. № 1. С. 151–152.

¹⁷ См.: Дмитриев А. Указ. соч. С. 11, 12.

ние широкого круга исторических источников, авторами которых могли быть как известные, так и неизвестные авторы, т. к. принципиальное значение имеет не степень влияния автора на общественное мнение, а сам факт использования в различных контекстах исследуемых понятий. Источниками информации для историка могут быть законодательные акты, словари и учебные пособия, докладные записки, материалы периодической печати, проекты реформ и программные документы различных официальных и тайных обществ, мемуары, частная переписка и др. произведения. Такой комплексный подход к формированию источниковой основы исследования, на мой взгляд, позволяет выявить различные оттенки социально-политических настроений, а также особенности трактовки политических принципов в различных социальных средах.

3. *Принцип системности*, базирующийся на признании существования логических и ассоциативных взаимосвязей между ключевыми социально-политическими понятиями, которые могут использоваться людьми для выражения отношения к различным явлениям окружающей их действительности. Наличие такого рода взаимосвязей, по мысли Р. Козеллека, неизбежно приводит исследователя к констатации того, что «...писать историю отдельных, изолированных понятий весьма сложно и даже невозможно»¹⁸. Следуя данной логике, Х. Э. Бёдекер, например, отмечал: «...история понятий в качестве истории познания посредством языка, должна постоянно принимать во внимание наличие связей между различными понятиями. Не одно отдельное понятие является предметом устремлений истории понятий, а весь понятийный аппарат, со всеми его внутренними взаимосвязями»¹⁹. Реализация принципа системности в конкретно-исторических исследованиях, на мой взгляд, возможна, но только при условии выдвижения историком четких критериев, в соответствии с которыми будет происходить формирование комплекса исследуемых понятий. Одним из таких критериев, например, может быть включенность понятия в

¹⁸ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий. С. 21, 26.

¹⁹ Бёдекер Х. Э. Размышления о методе истории понятий. С. 45.

семантическое поле какой-либо одной проблемы, явления или процесса. Все исследуемые в настоящей работе понятия были неотъемлемым элементом заимствованных извне либеральных концепций и активно использовались современниками при описании различных вариантов решения наиболее актуальных социально-политических и экономических проблем.

4. *Принцип «временных горизонтов».* Теоретическим обоснованием данного принципа является утверждение о многослойности темпоральной структуры основных социально-политических понятий: в каждом из них зафиксирован сформировавшийся в результате освоения окружающей действительности социальный опыт и, одновременно, представления о возможных перспективах развития общества. Размышляя о соотношении разнонаправленных элементов в структуре социально-политических понятий, Р. Козеллек отмечал, что «все ключевые слова политического или социального языка имеют многослойную темпоральную внутреннюю структуру и отсылают к современным реальностям либо в прошлое, либо в будущее», а следовательно, «...значение понятия может представлять собой смешение прошлого опыта, современной реальности и ожиданий от будущего»²⁰.

Наличие в содержании социально-политических понятий разнонаправленных «временных слоев», составляющих, по выражению Р. Козеллека, «пространство опыта» (Erfahrungsraum) и «горизонт ожиданий» (Erwartungshorizont), обусловлено изменениями в политической, социальной, экономической и культурной сферах, которые оказывали непосредственное влияние на процесс корректировки содержания понятия и появление новых, конкурирующих с известными ранее значений. Благодаря этим изменениям социально-политические понятия приобретали многозначность и становились не только инструментами описания наличной действительности, но и способом выражения представлений о том, каким должно быть общество в будущем. Именно такое положение было важным фактором

²⁰ Козеллек Р. К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий. С. 27.

формирования основных принципов либеральной и консервативной идеологии в Европе во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. В это время соотношение «пространства опыта» и «горизонта ожидания» меняется: происходит постепенный переход от конкретных значений, характеризующих «общество партикуляристского типа, общество привилегий сословий и корпораций», к еще достаточно абстрактным значениям, описывающим идеальные модели общественного устройства²¹.

В данном контексте принципиально важным для изучения процесса формирования и трансформации политических идей представляются категории «опыт» и «ожидания». Значение категории «опыт», в соответствии с тем, как оно представлено в работах Р. Козеллека, можно выразить с помощью словосочетания «современное прошлое»²². Не менее информативным, для прояснения смысловой связи «опыта» с прошлым и настоящим, на мой взгляд, является высказывание Н. Элиаса: «...понятия живы, пока в них сохраняется отражение прошлого опыта, пока ситуации прошлого возобновляются в настоящем, пока неизменна их функция в данном обществе, пока следующие друг за другом поколения с помощью этих слов осмысливают свой собственный опыт...»²³. Таким образом, «пространство опыта» включает в себя, с одной стороны, исторически сложившиеся, полученные от предшествующего поколения знания, а с другой, – сформированные в результате повседневной практики представления о том, каким образом может действовать индивид в условиях окружающего его социума.

Несколько другое наполнение в содержании социально-политических понятий имеет так называемый «горизонт ожиданий», который в большей степени отражает не реальность, а своеобразный проект ближайшего будущего. В общем виде, по

²¹ См.: *Копосов Н. Е.* История понятий вчера и сегодня. С. 18.

²² См.: *Байтеева М. В., Калимонов И. К.* Концепция «Прошедшего будущего» немецкого историка Рейнхарта Козеллека // Мировое политическое и культурное пространство: история и современность. Мат-лы межд. науч. конференции, 23–25 мая 2006 г. – Казань, 2006. С. 173.

²³ *Элиас Н.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. М., 2001. Т. 1. С. 63.

словам Р. Козеллека, «ожидание нацелено на еще не произошедшее и еще не ставшее опытом»²⁴. Однако «горизонт ожиданий» не являются полностью оторванным от реальности, напротив – в большинстве случаев, проекции будущего возникали либо как результат критики окружающей действительности, либо в силу наличия у людей стремления закрепить и продолжить позитивные, по их мнению, тенденции в развитии современного им общества.

В Европе со второй половины XVIII в. основные социально-политические понятия все чаще использовались для описания идеальных моделей будущего²⁵. Данная тенденция была тесно связана с формированием в общественном сознании нового понимания истории как процесса, результат которого не предопределен заранее, а зависит от деятельности людей. Такое понимание истории, по мнению Р. Козеллека, «...укрепило волю к скорейшему осуществлению намеченного будущего...» и сформировало представление о том, что «...последствия человеческой деятельности можно сделать предсказуемыми»²⁶. Отсутствие предопределенности, признание возможности сознательной корректировки процесса развития общества стало философским основанием для появления не только множества проектов преобразований, но и напротив – трактатов, доказывавших опасность и нецелесообразность проведения скольконибудь масштабных изменений в политической и социально-экономической сфере. Однако и в первом, и во втором случае описание позиции авторов происходило с помощью одних и тех же социально-политических понятий. При этом, в силу несовпадения целей и подходов авторов различных проектов будущего, их трактовки могли существенно отличаться, что приводило к появлению в общественном сознании противоречивых, а иногда и прямо взаимоисключающих интерпретаций.

В настоящем исследовании под термином «пространство опыта» подразумеваются распространенные в России послед-

²⁴ См.: Kosellek R. *Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten.* - Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag. STW, 1989. S. 354.

²⁵ См.: Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003.

²⁶ Козеллек Р. Можем ли мы распоряжаться историей?... С. 233.

ней трети XVIII в. и очевидные для современников к началу XIX в. значения, которые неоднократно воспроизводились в предшествовавшем законодательстве, в словарях и учебных программах для начальных и средних учебных заведений. Соответственно «горизонт ожиданий» – это фиксируемые с помощью понятий «государство», «закон», «гражданин», «гражданские права», «собственность», «рабство», «свобода», «конституция», «революция» и «просвещение», представления о перспективах развития страны, целях, принципах и методах решения наиболее актуальных социально-экономических и политических проблем. В письменной форме, на мой взгляд, так называемый «горизонт ожиданий» был представлен в проектах, докладных записках, протоколах и журналах работы Государственного Совета, материалах периодической печати, переведенных на русский язык работах европейских экономистов и правоведов, научно-публицистических работах российских авторов, а также в учебных пособиях для высших учебных заведений.

5. Органичным дополнением принципа «временных горизонтов» является *принцип сочетания «диахронного» и «синхронного» подходов*, предполагающий, с одной стороны, изучение изменений содержания понятия в исторической ретроспективе, а с другой – сопоставление того, какие значения имело понятие и в каких контекстах его употребляли современники в рамках относительно непродолжительного временного периода, который хронологически охватывал жизнь одного-двух поколений. По мнению Р. Козеллека, совмещение «синхронического» и «диахронического» подходов, помогает «...увидеть появляющиеся расхождения между старыми значениями слова, относящимися к некоторому исчезающему факту, и новым содержанием этого же самого слова»²⁷. Особенно заметными такого рода «расхождения» становятся в случае, если новое значение ранее известного понятия было заимствовано из другой социокультурной среды. Таким образом, реализация указанного принципа открывает возможность изучения процесса

²⁷ Козеллек Р. Теория и метод определения исторического времени // Логос: журнал по философии и прагматике культуры. 2004. № 5 (44). С. 114.

столкновения, конкуренции и взаимодополнения «старых» и «новых» значений, в результате которого одни и те же социально-политические понятия могли использоваться современниками для обоснования прямо противоположных концепций и практических действий.

В рамках исследования процесса адаптации в России европейских принципов свободы личности, неприкосновенности частной собственности, верховенства закона, разделения властей и равенства гражданских прав, совмещение диахронического и синхронического подхода, на мой взгляд, возможно посредством сравнения того, какие значения исследуемых социально-политических понятий были известны российским подданным второй половины XVIII в., с теми значениями и контекстами употребления, которые одновременно использовались в законодательных актах, материалах периодической печати, документах делопроизводства, научно-популярных произведениях, учебных пособиях и других текстах, созданных в первой четверти XIX в.

С учетом всех указанных ранее теоретических установок необходимым условием решения поставленных в работе исследовательских задач является использование таких *методов* работы с текстом исторических источников, с помощью которых можно было бы установить взаимосвязь между содержанием текста, поведением автора и окружающей его социальной реальностью. Сочетание всех трех элементов, на мой взгляд, позволит перейти от понимания идейной и практической направленности текста к реконструкции всего спектра общественно-политических настроений, и одновременно – к пониманию внетекстовой действительности. Для достижения подобного результата наиболее эффективным, на мой взгляд, является метод сравнительно-контекстуального анализа и метод критического дискурс-анализа Нормана Фэркло.

Содержательно *метод сравнительно-контекстуального анализа* состоит в сопоставлении различных вариантов употребления исследуемых социально-политических понятий в экономическом, социальном и политическом контекстах. Одновременно с данной процедурой сравнительно-контекстуальный метод предполагает изучение всего спектра определений,

синонимов и антонимов, позитивных и негативных коннотаций социально-политических понятий в текстах различных авторов, а также выявление представлений современников о функциях и признаках явлений и процессов, обозначаемых с помощью этих понятий.

Метод *критического дискурс-анализа* нацелен на изучение взаимовлияния между событиями, текстом и широким спектром социально-экономических, политических и культурных отношений. При этом внимание исследователя должно быть сконцентрировано на том, что и как было сказано или написано, и какие социальные последствия это вызвало. В такой трактовке дискурс – это одна из форм социальной практики, связанная с созданием как устных высказываний, так и письменных текстов²⁸. В реальности множество одновременно возникающих в обществе текстов составляют различные дискурсы, каждый из которых представляет особый способ общения и понимания социального мира²⁹. Следуя данной логике, наиболее приемлемой в рамках конкретно-исторических исследований является, на мой взгляд, идея М. Фуко о необходимости дифференциации дискурсов: каждый из них возникает как «совокупность высказываний, подчиняющихся одной и той же системе формирования» и обозначает пределы того, что в рамках определенного контекста признается важным и значимым³⁰. В настоящей работе такие «совокупности высказываний» представлены европейскими либеральными принципами, которые рассматривались образованными российскими подданными первой четверти XIX в. в качестве теоретических ориентиров в процессе поиска эффективных способов решения актуальных социально-экономических и политических проблем, или напротив – вызывали резкое неприятие и подвергались достаточно жесткой критике.

²⁸ См. подробнее: *Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В.* Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. – Харьков, 2004. С. 12, 101–102, 105–108.

²⁹ Там же. С. 22.

³⁰ См.: *Фуко М.* Археология знания / Пер. с фр. М. Б. Раковой, А. Ю. Серебрянниковой. СПб., 2004. С. 210, 227.

Разработанный Н. Фэркло метод критического дискурс-анализа включает в себя текстологический анализ употребления языка в процессе социальных взаимодействий³¹. Его реализация предполагает изучение трех взаимосвязанных уровней процесса межличностной коммуникации: текст, дискурсивная практика, социальная практика³².

На первом уровне необходимо изучить особенности построения текста, выявить ключевые для понимания авторского замысла слова и словосочетания. В рамках исследуемой проблематики такими ключевыми понятиями являются понятия «государство», «закон», «конституция», «гражданин», «гражданские права», «свобода», «рабство», «собственность», «революция», «просвещение».

Анализ «дискурсивной практики» направлен на сопоставление субъективных целей, преследуемых автором при создании текста и того, как его содержание могло быть интерпретировано современниками. При этом важно выяснить, использовал ли автор широко распространенные и не требующие дополнительных объяснений значения, или наделял известные понятия новыми смыслами. В настоящем исследовании при работе с текстом исторического источника учитывается непосредственная цель создания текста и его обращенность на конкретного читателя или какую-либо социальную группу. Одновременно предпринимается попытка реконструкции логических и ассоциативных связей, которые могли возникать у современников после прочтения текста.

Третий уровень критического дискурс-анализа предполагает изучение «социальной матрицы дискурса», т. е. анализ коммуникативного события в более широком социальном и культурном контексте³³. На этом уровне важно сопоставить текст и внетекстовую реальность, которая сознательно учитывается автором и влияет как на текст, так и на поведение людей. Следуя

³¹ См.: Fairclough N. *Discourse and Social Change*. Cambridge: Polity Press. 1992.

³² См. подробнее о трехмерной модели коммуникации Н. Фэркло: Филипс Л. Дж., Йоргенсен М. В. Указ. соч. С. 110–115, 130–141.

³³ Там же. С. 137–139.

данной установке, в рамках исследования процесса адаптации европейских идей в России первой четверти XIX в. особое внимание уделяется анализу социально-экономических и правовых условий, в которых находились авторы текстов, а также тому, какие действия они совершали, обосновывая их целесообразность с помощью ключевых социально-политических понятий.

Таким образом, в соответствии с указанными методологическими установками и методами, структура конкретно-исторического исследования должна иметь три взаимосвязанных блока, которые условно можно обозначить терминами «пространство опыта», «горизонт ожиданий» и «коммуникативная (социальная) практика».

В настоящей работе выявлению так называемого «пространства опыта», т. е. привычных и хорошо известных к началу XIX в., значений социально-политических понятий, посвящена вторая глава. В ней на основе текстологического анализа предшествовавшего законодательства, толковых словарей, хрестоматий и учебных пособий для начальных и средних учебных заведений, а также ряда литературно-публицистических произведений российских авторов последней трети XVIII – начала XIX в. предпринимается попытка реконструировать относительно устойчивые значения ключевых социально-политических понятий, которые во многом формировали общий интеллектуально-эмоциональный фон для восприятия европейских теорий.

Исследование содержания «горизонта ожиданий», трактуемого как комплекс представлений современников о перспективах развития страны, целях, принципах и методах решения наиболее актуальных социально-экономических и политических проблем, проведено в третьей и четвертой главе, каждая из которых разделена на три параграфа. В третьей главе посредством сравнительного анализа различных контекстов использования понятий «собственность», «свобода», «закон», «государство», «гражданин» и «гражданские права» выявляется отношение образованных российских подданных к европейским принципам неприкосновенности частной собственности, свободы экономической деятельности и верховенства закона

как к возможным рецептам модернизации российской экономики и законодательства. Реконструкции широкого спектра представлений об условиях и возможных последствиях решения крепостного вопроса, а также необходимости проведения в России масштабных политических преобразований посвящена четвертая глава, в которой анализируются как позитивные, так и негативные коннотации понятий «рабство», «свобода», «собственность», «конституция», «революция», «просвещение», «революция».

Важным показателем того, насколько представления современников о перспективах развития страны соответствовали действительности является социально-коммуникативная практика, которая проявлялась в форме официальных решений власти и практических действий граждан, направленных на достижение ими как частных, так и публично декларируемых целей. В соответствии с этим, во многом условным разделением, в первом параграфе пятой главы представлены основные направления внутренней политики государства, которые оказывали непосредственное влияние на жизнь российских подданных, а во втором – практические действия российских граждан первой четверти XIX в., описываемые с помощью исследуемых социально-политических понятий.

§2. Исторические источники и их классификация

Исследование особенностей адаптации европейских принципов свободы личности, неприкосновенности частной собственности, верховенства закона, равенства гражданских прав и конституционного правления в сознании и повседневной практике образованных российских подданных первой четверти XIX в. обуславливает необходимость привлечения широкого круга исторических источников различной видовой принадлежности. Следуя описанным в предшествующем параграфе методологическим установкам, основными критериями для отбора источников был ряд взаимодополняющих признаков: 1) наличие в тексте исторического источника основных социально-политических понятий; 2) в каждой группе привлекаемых источников должны быть отражены разные способы формирования и отражения общественно-политических настроений; 3) источниковая база исследования должна включать в себя не только размышления авторов о возможных перспективах развития страны, но и документы, отражающие различные модели поведения и конкретные действия людей в сложившихся к началу XIX в. социально-экономических и политических обстоятельствах. С учетом указанных выше признаков источниковую основу исследования составили как опубликованные ранее документы, так и документы, отложившиеся в 13 фондах Российского государственного исторического архива (РГИА) и 6 фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ).

В совокупности все используемые в работе источники можно разделить на *пять комплексов*, каждый из которых состоит из источников различной видовой принадлежности.

Первый комплекс источников представлен переведенными в начале XIX в. на русский язык текстами зарубежных авторов, описывавшими идеальные модели общественного устройства и действительное положение дел в странах Европы и США. Данный комплекс источников позволяет проследить степень информированности российских читателей о содер-

жании европейских экономических и политических теорий, принципах организации системы государственного управления и совершенствования законодательства. Предположительно, информация такого рода, наряду с целым рядом других факторов, формировала в сознании образованного российского подданного первой четверти XIX в. «горизонт ожиданий», т. е. представления о возможных перспективах развития Российской империи.

В соответствии с особенностями внутренней структуры текста и отличиями в способах подачи информации, источники данного комплекса могут быть дифференцированы на четыре группы:

1. *Публицистические и научно-популярные произведения европейских авторов.* К этой группе источников относятся как сочинения, переведенные на русский язык и изданные в России первой четверти XIX в. отдельными книгами, так и публикации русскоязычных переводов работ И. Бентама¹, Ч. Беккариа², Б. Констана³, Ж.-Б. Сэя⁴, А.Смита⁵ и Ф. Шмальца⁶ в периодической печати. Косвенным подтверждением востребо-

¹ [Бентам И.] О необходимости утверждать Законы на причинах. Из Бентама // Санктпетербургский журнал. 1804. № 6, июнь. (далее указывается сокращенное название журнала – СПбж); [Бентам И.] О пользе обнародования отчетов. Мысли взятые из Бентама // СПбж. 1804. № 1; [Бентам И.] Разсуждение о гражданском и уголовном законоположении с предварительным изложением начал законоположения и всеобщего начертания полной книги законов, и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов. Сочинение английского юрисконсульта Иеремии Бентама / Пер. М. Михайлов. – СПб. Т. 1–3; СПб., 1805–1811.

² Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Пер. с фр. Александр Хрущев. СПб., 1806.

³ Констан Б. Голос благородного француза // Сын Отечества. 1815. Ч. 21. № XIV. С. 60–64. (далее – СО)

⁴ [Сей Ж.-Б.] Чем правительство способствует народному обогащению? // Архив государственного хозяйства. Ч. 1. СПб., 1816. С. 4–14. (далее – Архив ГХ)

⁵ [Смит А.] Исследование свойства и причин богатства народов. Творение Адама Смита / Пер. с англ. Т. 1–4. СПб., 1802–1806; О национальном богатстве. Теория Адама Смита // Статистический журнал, издаваемый Карлом Германом. СПб., 1808. Т. II. Ч. I. С. 1–35. (далее – Стат. журнал); Система Адама Смита, изложенная весьма сокращенно // Вестник Европы. 1824. № 6, март. С. 130–137. (далее – ВЕ)

⁶ Шмальц Ф. Право естественное. СПб., 1820.

ванности работ этих авторов могут служить многочисленные упоминания о них в различных проектах, записках, учебных пособиях, материалах периодической печати и публичных выступлениях. Так, например, секретарь Сената П. Хавский, выступая перед слушателями подготовительных курсов для чиновников, претендовавших на должность аудиторов армейских полков, призывал их в процессе обучения обращаться к сочинениям И. Бентама и Ч. Беккариа⁷. Именно в произведениях этих авторов, по его мнению, российский читатель мог найти способы для познания теоретических оснований современного законодательства.

В общем виде все используемые в работе сочинения европейских авторов позволяют реконструировать, каким образом российскому читателю было представлено содержание принципов верховенства закона, равенства гражданских прав, презумпции невиновности, свободы экономической деятельности и неприкосновенности частной собственности.

2. *Опубликованные на страницах российских журналов тексты европейских конституций.* В период с 1802 по 1820 гг. в журналах «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Дух журналов» были опубликованы тексты «Конституции Итальянской республики», «Государственного устава Испанской монархии», «Конституции Французского королевства», «Конституция вольного города Кракова», «Государственного уложения Баварского королевства», «Государственного уложения Великого герцогства Баденского» и «Конституции Северо-Американских областей»⁸. Важной особенностью такого рода публи-

⁷ См. Речь, говоренная в канцелярии I отделения 6 департамента Правительствующего Сената, при начале учения чиновников, приуготовляемых по Высочайшей воле в аудиторы для армейских полков, секретарем Сената П. Хавским, 25 августа 1817 года // СО. 1817. Ч. 41. № XL. С. 48.

⁸ Конституция Итальянской республики // ВЕ. 1802. Ч. II. № 5, март. С. 71–79; Государственный устав Испанской Монархии // ВЕ. 1813. Ч. LXX. № 13. С. 48–67; № 14. С. 130–132; Конституция Французского королевства // СО. 1814. Ч. 13. № XVII. С. 193–197; Ч. 14. № XXV. С. 259–270; Дополнительный трактат относительно Кракова, области его и конституции, заключенный между Россиею, Австриею и Пруссиею // Дух Журналов. 1817. Ч. 23. Кн. 45. С. 795–818 (далее – ДЖ); Государственное уложение Баварского королевства // ДЖ. 1818. Ч. 31, ноябрь. С. 525–572; Государственное

каций является их избирательность. В большинстве случаев на страницах российских журналов размещались не полные тексты зарубежных конституционных актов, а лишь произвольно отобранные редактором и, следовательно, наиболее интересные, по его мнению, для российского читателя положения. При этом, как правило, публикации европейских конституций сопровождались предварительными замечаниями и комментариями издателей журнала, которые должны были помочь читателю оценить степень соответствия положений основного закона национальным особенностям конкретной страны. Иногда комментарии по своему объему превышали цитаты из текста конституции и превращались в подробный пересказ его содержания. Ярким примером этого могут служить статьи: «Несколько слов о новой французской конституции», «О некоторых выгодах Германской конституции», «О конституции Норвежского государства», «Конституция Англии (закон о парламенте)»⁹. Все это, на мой взгляд, существенно повышает информационные возможности источников данной группы, т. к. сознательный отбор материалов для публикации и наличие обширных комментариев позволяют исследователю выявить наиболее существенные, с позиции российских подданных первой четверти XIX в., признаки и функциональное назначение конституции.

3. *Информационные сообщения о положении в странах Европы и США.* К источникам этой группы относятся публикации в российских журналах новостных сообщений и заметок о произошедших в различных странах мира событиях. Содержательно такого рода публикации были связаны с событиями во Франции до и после прихода к власти Наполеона, Отече-

уложение Великого герцогства Баденского // Архив исторический и политический: из Духа журналов. СПб., 1818. С. 228–260. (далее – *Арх. ист. и полит.*); Конституция Северо-Американских областей // ДЖ. 1820. Ч. 38: Кн. 2. С. 73–88; Кн. 3. С. 97–116; Кн. 4. С. 157–164.

⁹ Несколько слов о новой Французской Конституции // ВЕ. 1802. Ч. VI. № 21, ноябрь. С. 52–62; О некоторых выгодах Германской конституции // ВЕ. 1808. Ч. XL. № 14. С. 183–187; О конституции Норвежского государства // ВЕ. 1816. Ч. 88. № 16. С. 48–67; Конституция Англии // ДЖ. 1817. Ч. 17. Кн. 5. С. 225–256.

ственной войной 1812 г., послевоенным устройством в ряде европейских государств¹⁰, а также описанием внутривластного и социально-экономического развития США¹¹. Главным источником информации для издателей российских журналов, размещавших на своих страницах такие информационные материалы, как правило, были иностранные газеты и журналы. Осуществляя перевод на русский язык последних известий о важных политических или экономических фактах, событиях и процессах, российские издатели нередко просто перепечатывали информацию из ведущих иностранных журналов, что воспринималось российскими читателями как дополнительное подтверждение достоверности содержания представленных материалов. В некоторых случаях подобные публикации сопровождались небольшими комментариями оценочного характера, которые сводились либо к призыву ориентироваться на европейский опыт, либо к критическим замечаниям реального положения дел в различных государствах мира. Таким образом новостные сообщения служили своеобразным дополнением к

¹⁰ См., например: Изображение состояния Французской республики, представленное консулами законодательному Совету // ВЕ. 1802. Ч. I. № 1, янв. С. 84–98; Действие войны и революции (из Парижского журнала) // ВЕ. 1802. Ч. I. № 2, янв. С. 77–78; Известия и замечания // ВЕ. 1802. Ч. II. № 5, март. С. 84–93; Объявления от Людовика XVIII французам // ВЕ. 1805. Ч. XXVI. № 5, март. С. 58–68; Положение Европы // СО. 1813. Ч. 4. № VII. С. 20–29; О возобновлении Германского союза (из Polit. Journ.) (окончание) // СО. 1815. Ч. 23. № XXXI. С. 214–218; Взгляд на нынешнее состояние Европейских государств // СО. 1814. Ч. 16. Кн. XXXV. С. 122–124; Общие замечания на нынешнее правление, на прокламацию Наполеона Французскому народу от 1 марта (17 февр.) 1815, и на созвание избирательных коллегий на Майском поле и пр. (извлечение из Цензора) // СО. 1815. Ч. 22. № XXIV. С. 192–197; № XXV–XXVI. С. 247–250; О якобинцах и якобинстве // СО. 1816. Ч. 28. № XII. С. 228–237; Взгляд на некоторые земли (из Берлинского журнала) // СО. 1816. Ч. 31. № XXIX. С. 111–120; Новости политические. Италия // СО. 1820. Ч. 65. № XLII. С. 93–94; Война в Испании // СО. 1823. Ч. 86. № XXI. С. 39–44; № XXV. С. 233–237; Новости политические. Португалия // СО. 1823. Ч. 86. № XXV. С. 230–232; и др.

¹¹ См., например: Письмо из Соединенных Американских областей // ВЕ. 1802. Ч. I. № 2, янв. С. 75–77; Взгляд на республику Соединенных Американских областей // СО. 1814. Ч. 17. № XLV. С. 253–270; **Опыты Северных Американцев переселить черных соотечичей своих обратно в Африку** (перев. из Politisches Journal) // СО. 1825. Ч. 103. № XX. С. 478–487.

тому, что провозглашалось в теоретических работах европейских авторов. Данное обстоятельство обуславливает необходимость использования источников этой группы в исследовании процесса адаптации европейских идей в России.

4. *Публикации в форме писем иностранцев.* Характерной особенностью подобного рода текстов, размещаемых на страницах российских журналов, была их ярко выраженная эмоциональная окрашенность. Изложение велось на русском языке от первого лица и, чаще всего, преподносилось как рассказ очевидца, который знает действительное положение дел в стране и желает поделиться своими личными переживаниями с читателями¹². Можно предположить, что такая форма подачи информации вызывала доверие у российских читателей и в совокупности с другими информационными сообщениями о положении в различных странах способствовала формированию представления о месте России в мире и перспективах ее развития.

Второй комплекс источников включает в себя документы, созданные в процессе функционирования различных властных структур, с помощью которых государство осуществляло регулирование общественных отношений и выражало свою позицию по наиболее важным социально-экономическим и политическим вопросам. Такого рода идеологическое воздействие со стороны государства происходило как на уровне официально декларируемых целей и описания желательных правил поведения граждан, так и на уровне конкретных действий в отношении отдельных российских подданных. В письменной форме позиции и практические действия государства, оказывавшие непосредственное влияние на общественно-политические настроения и поведение граждан, были зафиксированы в законодательных актах, публикациях официальных документов в

¹² См.: Письмо из С. Доминго, Французского американского острова // ВЕ. 1802. Ч. 1. № 2. С. 79–86; Письмо из Соединенных Американских областей // ВЕ. 1802. Ч. 1. № 2, янв. С. 75–77; С.-Маринская республика. Письмо одного немецкого путешественника в 1801 г. // ВЕ. 1802. Ч. VI. № 21, ноябрь. С. 63–69; Письмо одного немца из Северной Америки // ДЖ. 1816. Ч. 10. Кн. 13. С. 601–612; Письмо из Филадельфии от 8 июня // СО. 1816. Ч. 32. № XXIV. С. 78–80.

правительственных журналах, материалах делопроизводства. Все эти документы по характеру их воздействия на российских подданных первой четверти XIX в. следует разделить на три группы.

1. *Законодательные акты последней трети XVIII – первой четверти XIX вв.* При работе с источниками данной группы следует учитывать ряд принципиально важных видовых особенностей законодательных актов изучаемого времени. Во-первых, начиная со второй половины XVIII в., при издании законодательных актов верховная власть стремилась не только упорядочить взаимоотношения как между гражданами, так между гражданами и государством, но и заботилось о том, как наиболее важные законодательные акты могли быть восприняты известными представителями зарубежной интеллектуальной элиты, а также будущими поколениями российских подданных. Таким образом, законодательство становится полифункциональным источником, ориентированным одновременно на различные социальные страты внутри страны, а также «внешнюю и идеальную аудиторию»¹³. Именно поэтому, на мой взгляд, в целом ряде законодательных актов, изданных Екатериной II и Александром I, вполне органично могли сочетаться рассуждения об идеальных моделях общественного устройства и конкретные распоряжения, противоречащие этим рассуждениям.

Во-вторых, в Российской империи на рубеже XVIII – XIX вв. существовала исторически сложившаяся система прецедентного права, при которой одновременно могли издаваться так называемые «общие законоположения», адресованные непersonифицированному кругу лиц и обязательные к исполнению на всей территории империи, и законодательные акты, появление которых было итогом рассмотрения конкретных гражданских исков или уголовных дел в Сенате и Государственном Совете. Данное обстоятельство позволяет исследователю при обращении к законодательным актам выявлять не только со-

¹³ См. подробнее: *Марасинова Е. Н.* Власть и общество в России XVIII века (проблемы понятийной истории) // Труды института российской истории: Вып. 5. М., 2005. С. 88.

держание предписываемых государством стандартов поведения граждан, но и то, каким образом представители властных структур аргументировали необходимость принятия новых или дополнения ранее существовавших норм права.

Для решения поставленной цели и задач исследования были проанализированы 185 законодательных актов, изданных в годы правления Екатерины II, Павла I и Александра I. Основными критериями для отбора законодательных актов последней трети XVIII–начала XIX вв. служили два обстоятельства: употребление в тексте источника одного из основных социально-политических понятий и наличие в более поздних источниках, созданных в годы правления императора Александра I, упоминаний о данном законодательном акте. В соответствии с этими критериями законодательство Екатерины II и Павла I представлено 18 и 11 нормативно-правовыми актами соответственно, с помощью которых верховная власть устанавливала порядок наследования собственности, регламентировала процедуру банкротства и конфискации имущества, определяла условия получения и объем предоставляемых дворянству и различным группам городского населения прав и обязанностей, определяла условия перехода из одного «состояния» в другое, а также предпринимала попытки регулировать взаимоотношения между крестьянами и помещиками¹⁴.

Не менее широкий спектр общественных отношений регулировали законодательные акты, созданные в период правления императора Александра I. Законодательство этого време-

¹⁴ См.: Полное собрание законов российской империи, с 1649 года. СПб., 1830: Т. XVI, 1763. № 11.880. С. 313–316; Т. XVII, 1765. № 12.311. С. 10; Т. XVIII, 1767. № 12.897. С. 130–131; № 12.949. С. 192–280; № 12.950. С. 281–283; № 12.957. С. 290–320; Т. XIX, 1772. № 13.909. С. 631–635; Т. XIX, 1773. № 14.049. С. 843–845; Т. XX, 1775. № 14.275. С. 82–86; Т. XXI, 1781. № 15.198. С. 211; Т. XXI, 1782. № 15.447. С. 613–615; № 15.518. С. 676; Т. XXI, 1783. № 15.853. С. 1025; Т. XXII, 1785. № 16.187. С. 344–358; № 16.188. С. 358–384; Т. XXII, 1786. № 16.329. С. 534; № 16.421. С. 646–669; ПСЗ. Т. XXIII, 1793. № 17.101. С. 402–405; Т. XXIV, 1797. № 17.809. С. 335–336; № 17.879. С. 512–513; № 17.904. С. 524; № 17.906. С. 525–569; № 17.909. С. 587; Т. XXVI, 1800. № 19.310. С. 69; № 19.387. С. 133; № 19.402. С. 145–146; № 19.546. С. 286–287; № 19.692. С. 440–476; № 19.756. С. 532. (далее – ПСЗ.)

ни представлено в исследовании 156 нормативно-правовыми актами нескольких разновидностей: манифестами; указами (в т. ч. именными и сенатскими); Высочайше учрежденными докладами; Высочайше утвержденными мнениями Государственного Совета; Высочайше утвержденными положениями, учреждениями и уставами.

Несмотря на различия в процедуре создания и внутренней структуре текста, содержание этих документов было известно образованным российским подданным. Так, например, манифесты, являясь формой прямого обращения верховной власти к народу, подлежали обязательной публикации в официальных печатных изданиях, читались после церковной службы и вывешивались в «торговых местах». Аналогичным образом население узнавало и о содержании наиболее важных указов, различных «положений», «учреждений» и «уставов», которые издавались в Сенатской типографии и одновременно с рассылкой в соответствующие управленческие структуры каждой губернии продавались в книжных лавках и магазинах. Несколько иной порядок распространения информации был принят в отношении распространения сведений о содержании Высочайше утвержденных мнений Государственного Совета. Как правило, такого рода документы не подлежали обязательной публикации, но также, как и другие нормативно-правовые акты, рассылались Сенатом на места и были обязательны для исполнения чиновниками любого уровня.

2. Публикации официальных документов в правительственных периодических изданиях. Еще одним каналом трансляции позиции государства по различным вопросам социально-экономического и политического развития страны был «Санктпетербургский журнал», издававшийся министерством внутренних дел в период с 1804 по 1809 гг. Непосредственное участие в организации журнала принимали В. П. Кочубей и М. М. Сперанский. Журнал выходил с периодичностью один раз в месяц и имел два раздела: «Высочайшие указы и доклады министра внутренних дел» и «Переводы, сочинения и известия, до управления касающиеся». В первом разделе размещались именные указы императора разным лицам и учреждениям, от-

четы и доклады министра внутренних дел, а также различные правила, распоряжения и постановления. В рамках данного исследования был проведен текстологический анализ словоупотребления ключевых социально-политических понятий нескольких публикаций из первого раздела «Санктпетербургского журнала»: «Именной указ «Господину тайному советнику Псковскому гражданскому губернатору Лабздорфу»¹⁵, «Всеподданнейший доклад Его Императорскому Величеству князя Лопухина и Новосильцова»¹⁶, «Правила, постановленные по мнению Государственного Совета в руководство Министру Внутренних дел, при рассматривании условий между помещиками и крестьянами, по Указу февраля 20 дня, 1803 года»¹⁷. Все эти материалы, наряду с публикациями законодательных актов, позволяют выявить, каким образом в различных официальных документах могли трактоваться либеральные социально-политические понятия.

3. *Материалы официального делопроизводства.* К этой группе источников относятся разнообразные по форме и содержанию документы, в которых были отражены практические действия государства в отношении частных лиц. В письменной форме причины и результаты действий представителей государственной власти фиксировались в журналах заседаний Государственного Совета, деловой переписке различных министерств и ведомств, а также в материалах следствия и судебных решениях по гражданским и уголовным делам.

Содержательно все используемые в работе журналы заседаний и материалы служебной переписки можно разделить на две подгруппы. Документы первой из них содержат информацию о действиях власти по соблюдению правил, предусмотренных цензурным уставом 1804 г., и усилению контроля за издателем.

¹⁵ См.: Господину тайному советнику Псковскому гражданскому губернатору Лабздорфу // СПбж. 1804. № 4, апрель. С. 61

¹⁶ Всеподданнейший доклад Его Императорскому Величеству князя Лопухина и Новосильцова // СПбж. 1804. № 5, май. С. 53–94.

¹⁷ Правила, постановленные по мнению Государственного Совета в руководство Министру Внутренних дел, при рассматривании условий между помещиками и крестьянами, по Указу февраля 20 дня, 1803 года // СПбж. 1804. № 6, июнь. С. 11–16.

ми различной печатной продукции. Наиболее показательными документами этой подгруппы являются, например, материалы архивных дел «Об усилении надзора за заграничными изданиями»¹⁸ и «О запрещении И. Гречу издавать пособия для школ взаимного обучения без разрешения министра Духовных дел и Народного просвещения»¹⁹. Вторая подгруппа – журналы заседаний и деловая переписка по вопросам о конфискации собственности лиц, незаконно уехавших за границу²⁰, или напротив – материалы обсуждения по вопросу о необходимости и порядке компенсации убытков частным собственникам, нанесенных государством в результате строительства объектов инфраструктуры или ненадлежащего исполнения условий договора купли-продажи²¹.

Не менее отчетливо практические действия государства в отношении частных лиц зафиксированы в материалах следствия по гражданским и уголовным делам, которые по своему содержанию подразделяются на три категории. Первая категория – дела о злоупотреблениях чиновников различного уровня, допускавших серьезные нарушения в ходе исполнения своих служебных обязанностей²². Вторая категория включает в себя материалы следствия по делам о жестоком обращении с крепостными крестьянами или неисполнении помещиками взятых на себя, в соответствии с указом 20 февраля 1803 г., обязательств по освобождению крестьян. Наиболее показательными примерами такого рода материалов является «Дело о Елецком помещике майоре Орлове, осужденном за жестокое обращение с крепостными своими крестьянами»²³, «Дело о взятии в опеку имения Ярославского помещика Д.Салтыкова за жестокое обращение с крестьянами»²⁴, «Дело о крестьянах Рязанской губер-

¹⁸ См.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 457.

¹⁹ См.: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 271.

²⁰ См., например: РГИА. Ф. 1286. Оп. 54, 1806. Д. 92.

²¹ См.: Архив Государственного Совета. Т. IV. Царствование императора Александра I (с 1810 по 19 ноября 1825 г.). Журналы по делам департамента государственной экономики. СПб., 1881. С. 1451–1455. (*далее – Арх. ГС*).

²² См., например: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 483.

²³ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 295.

²⁴ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 84.

нии Зарайского уезда сельца Ловец и Бело-Омута гв.-поручика Рословцева, уволенных им в вольные хлебопашцы»²⁵. Третья категория – материалы следствия по делам о деятельности различных тайных обществ. Сравнительный анализ этих документов позволяет выявить, каким образом и представители государства, и лица, обвиняемые в организации нелегальных организаций, используя основные социально-политические понятия, характеризовали деятельность тайных обществ. В данном контексте наиболее информативными являются: «Свод показаний членов злоумышленного общества о внутреннем состоянии государства»²⁶; протоколы показаний П. И. Пестеля²⁷; «Дело об отобранных бумагах Дмитриева-Мамонова, касающихся до масонских лож»²⁸; материалы дела «О майоре Кучевском и писаре Пружковском, обличенных в составлении тайного общества в Астрахани»²⁹, документы «По делу чиновника Симонова, в тайном обществе бывшем в Петрозаводске»³⁰.

Третий комплекс источников – информационно-справочные издания и учебная литература. В соответствии с особенностями социальной функции, различиями в содержании и внутренней структуре текста, источники этого комплекса составляют три группы:

1. *Указатели действующего российского законодательства*, призванные помочь российскому гражданину быстро найти определенную юридическую норму, подлежащую применению в конкретных жизненных обстоятельствах. Одним из таких изданий являлось составленное С. Хапылевым «Систематическое собрание российских законов...», в котором российскому читателю были представлены выписки из различных манифестов, указов, рескриптов, регламентов и т. п. документов, сгруппированные по проблемно-тематическому принципу и снабженные достаточно подробными комментариями и

²⁵ РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. Т. 1, 1812. Д. 83.

²⁶ См.: ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 11; РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 170.

²⁷ Из показаний П. И. Пестеля // Декабристы. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. О. И. Киянская. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 237–311.

²⁸ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 15.

²⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 33.

³⁰ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 58.

пояснениями составителя³¹. Наличие такого рода авторских пояснений позволяет, на мой взгляд, выявить особенности расстановки смысловых акцентов при прочтении конкретных нормативно-правовых актов. Аналогичную структуру и информационную ценность имеет многотомное издание комиссии составления законов «Основания российского права»³². При этом авторы прямо подчеркивали практическую значимость данного издания не только для различных государственных учреждений, но для всех российских подданных: «Собрание сие не только должно служить руководством для присутственных мест, но послужит в немалую пользу для частных лиц: ибо они, будучи обязаны согласовывать свои деяния с законами, не могут извиняться неведением оных, между тем как судьба их часто зависит от одного сокрытого от них постановления»³³. В некоторых случаях практическая направленность такого рода изданий сочеталась с теоретическими рассуждениями о верховенстве закона, презумпции невиновности, важности законодательного закрепления принципов личной свободы и неприкосновенности частной собственности.

2. *Справочные издания по гражданскому делопроизводству*, в которых приводились образцы составления различных документов, необходимых для юридического оформления наследства, сделок купли-продажи, временных разрешений для крестьян на работу или «учение» в городе, а также документов, необходимых для освобождения крепостных крестьян. По своей структуре подобные издания были аналогичны так называемым «письмовникам», которые были хорошо известны в России с XVIII в., но в отличие от них содержали не просто общие рекомендации по составлению писем, а четко сформу-

³¹ См.: Систематическое собрание российских законов с присовокуплением правил и примеров из лучших законодателей, расположенное трудами Сергея Хапылева. Ч. 1. СПб., 1817.

³² Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи, издаваемые комиссией составления законов. Т. 1. СПб., 1821; Т. 2. СПб., 1822.

³³ Основания российского права, извлеченные из существующих законов... Т. 1. СПб., 1821. С 3.

лированные и шаблонированные по форме образцы написания официальных документов.

В настоящей работе проводится текстологический анализ образцов составления «отпускных», «верующих писем», «закладных» и «прокормежных паспортов», выдаваемых крестьянам для работы в городе, т. е. документов, которые были частью повседневной практики помещика. Все эти документы были опубликованы в многотомном издании С. Ушакова «Полный всеобщий стряпчий, или словарь, руководствующий к познанию практического гражданского делопроизводства»³⁴. Предполагается, что шаблонированный характер документов и многократность их составления могли оказывать влияние на представления помещиков о сущности права собственности и характере взаимоотношений крепостных крестьян и землевладельцев. Именно поэтому при работе с источниками данной группы, на мой взгляд, важно выявить устойчивые слова и словосочетания, а также используемые синонимы исследуемых социально-политических понятий.

3. *Толковые словари, изданные в России последней трети XVIII – первой четверти XIX вв.* Необходимость привлечения источников данной разновидности связана с тем, что толковые словари в наиболее отчетливой форме фиксируют известные и относительно устойчивые значения слов и словосочетаний. Во второй половине XVIII – начале XIX в. составители словарей предлагали не только определение того или иного слова, но и различные примеры словоупотребления, которые помогали бы читателям более точно понять сущность обозначаемого с его помощью явления или процесса. Данное обстоятельство в совокупности со сравнительным анализом словарей, изданных в разное время, позволяет проследить изменение значений основных социально-политических понятий во времени, выявить степень влияния на этот процесс европейских экономических и политических теорий. Для решения этой задачи в работе ис-

³⁴ Полный всеобщий стряпчий, или словарь, руководствующий к познанию практического гражданского делопроизводства. Ч. VI: П–Р. / Собр. С. Ушаковым. – СПб., 1817.

пользуются два издания «Словаря Академии Российской»³⁵, в которых были представлены определения понятий «государство», «гражданин», «гражданство», «закон», «право», «просвещение», «свобода», «собственность», «раб», «рабство», а также «Новый словотолкователь» Н. Яновского³⁶, содержащий словарные статьи о понятиях «конституция» и «революция».

4. *Учебные пособия и хрестоматии*, используемые в процессе обучения в высших и средних учебных заведениях. В качестве источников были привлечены учебники по «естественному праву», «гражданскому» и «уголовному праву», «истории философии», «статистике» и «политической экономии» К. И. Арсеньева³⁷, А. Галича³⁸, К. Германа³⁹, В. Г. Кукольника⁴⁰, А. П. Куницына⁴¹, И. Наумова⁴², И. Неймана⁴³, Г. Терлаича⁴⁴, Л. Цветаева⁴⁵, Х. Шлецера⁴⁶. При работе с текстами учебных пособий важно

³⁵ Словарь Академии Российской: Ч. II, от Г до З. СПб., 1790; Ч. III, от З до М. СПб., 1792; Ч. IV, от М до Р. СПб., 1793; Ч. V, от Р до Т. СПб., 1794; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. I.: А–Д. СПб., 1806; Ч. II.: Д–К. СПб., 1809; Ч. III.: К–Н. СПб., 1814; Ч. IV.: О–П. СПб., 1822; Ч. V.: П–С. СПб., 1822.

³⁶ Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 2.: К–Н. СПб., 1804. Ч. 3.: О–Ф. СПб., 1806.

³⁷ Начертание статистики российского государства, составленное главного педагогического института адъюнкт-профессором Константином Арсеньевым. Ч. 1–2. СПб., 1818–1819.

³⁸ История философских систем по иностранным руководствам, составленная и изданная педагогического института экстраординарным профессором Александром Галичем. Кн. 1–2. М., 1818–1819.

³⁹ Герман К. Всеобщая теория статистики для обучающихся сей науке, изданная от главного правления училищ. СПб., 1809.

⁴⁰ Кукольник В. Г. Российское частное гражданское право. Ч. 1–2. СПб., 1815.

⁴¹ Куницын А. П. Право естественное. Ч. 1. СПб., 1818; Ч. 2. СПб., 1820.

⁴² Наумов И. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб., 1813.

⁴³ Нейман И. Исследование правил политической экономии по системе Адама Смита. СПб., 1817; Он же. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814.

⁴⁴ Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России, начертанное профессором Григорием Терлаичем. Ч. 1–2. СПб., 1810.

⁴⁵ Первые начала естественного права, изданные для руководства учащихся профессором Львом Цветаевым. М., 1816.

⁴⁶ Начальные основания естественного права, изданные профессором Христианом Шлецером / Перевод С. Смирнова. М., 1810. Автор учебника в

определить, на какую целевую аудиторию ориентировались их авторы, а также тираж издания и общую структуру изложения информации.

В большинстве случаев цель издания указывалась в предисловии и была связана с желанием авторов предоставить студентам, а также всем интересующимся российским гражданам более или менее полное и доступное изложение читаемых ими учебных дисциплин. Так, например, Х. Шлецер писал о желании изложить «...отвлеченные начала естественного права простым и легким языком»⁴⁷, а Л. Цветаев признавал издание своих лекций по «естественному праву» эффективным способом избежать многочисленных ошибок и неточностей, допускаемых студентами в результате переписывания рукописных копий⁴⁸. После издания указа 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе»⁴⁹, в соответствии с которым все чиновники, претендовавшие на чин коллежского или статского советника, должны были сдавать экзамены по русскому языку, иностранному языку, истории, правоведению, математике и физике, круг потенциальных читателей учебных пособий значительно расширился. В 1810 г. Г. Терлаич, подчеркивал, что составленное им «руководство» предназначается не только студентам, но и всем чиновникам, обязанным получить свидетельства о прохождении «испытаний в науках»⁵⁰.

В сложившихся условиях учебная литература была востребована в среде университетских преподавателей, учащихся, студентов и чиновников. Косвенным подтверждением наличия спроса на подобного рода издания могут служить, например, сведения о тираже книги А. П. Куницына «Право естественное», который по данным Н. Я. Куприц, составил 1000 экз.,

период с 1801 по 1826 г. был профессором Московского университета.

⁴⁷ Начальные основания естественного права, изданные профессором Христианом Шлецером. М., 1810. С. I.

⁴⁸ Первые начала естественного права, изданные для руководства учащихся профессором Львом Цветаевым. М., 1816. Предисловие.

⁴⁹ См.: ПСЗ. Т. XXX, 1809. № 23.771. С. 1054–1057.

⁵⁰ См.: Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России, начертанное профессором Григорием Терлаичем. Ч. 2. СПб., 1810. С. 5.

а также информация о предварительной подписке на учебник В. Г. Кукольника «Российское частное гражданское право»⁵¹. В приложении к первой и второй части был опубликован список подписчиков, проживавших в 28 губерниях Российской империи, начиная от Санкт-Петербургской и Владимирской, до Кавказской, Иркутской, Симбирской и Тобольской губерний⁵².

Внутренняя структура используемых в работе учебников имела разбивку на главы и параграфы, каждый из которых был посвящен разъяснению одного из теоретических положений «политической экономии», «естественного», «гражданского» или «уголовного права». При этом, как правило, все эти теоретические положения преподносились читателю как очевидные для любого здравомыслящего человека и не требующие дополнительных доказательств аксиомы, даже в том случае, если их содержание не соответствовало действительности не только в России, но и в большинстве стран Европы. Лишь в некоторых работах В. Г. Кукольника, К. Арсеньева и Г. Терлаича, наряду с достаточно большой по объему теоретической частью, читатель мог найти раздел об отличиях в правовом положении различных сословий, порядке осуществления гражданского и уголовного судопроизводства в России и т. п. информацию. Однако и стилистически, и содержательно подобного рода информация не противопоставлялась теоретическим схемам, напротив – всячески подчеркивалось, что российское законодательство постепенно развивается в одном направлении с европейскими аналогами. Все это позволяет предположить, что учебные пособия для высших учебных заведений формировали образ желаемого будущего, т. е. так называемый «горизонт ожиданий».

Несколько иную идейную направленность имело содержание хрестоматий для учащихся начальных и средних учебных заведений. Одним из таких изданий была хрестоматия, составленная Н. И. Гречем для учащихся «верхних и средних классов» Главного немецкого училища Св. Петра, под заголов-

⁵¹ См.: *Куприц Н. Я.* А. П. Куницын, учитель Пушкина, государствовед // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 108.

⁵² См. подробнее: *Кукольник В. Г.* Российское частное гражданское право. СПб., 1815. Ч. 1. Приложение. С. 1–30; Ч. 2. Приложение. С. 1–12. СПб., 1815.

ком «Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе»⁵³. В предисловии к книге Н. И. Греч, объясняя учащимся цель и структуру хрестоматии, писал о том, что он следовал наставлениям директора училища о необходимости «наблюдать, чтоб каждая статья, сверх красот в отношении к языку и красноречию, заключала в себе какие-нибудь полезные истины, или имела нравоучительную цель, и чтоб в сей книге не было ничего противного благопристойности, двусмысленного или могущего возбудить в юношах вредное любопытство»⁵⁴. Главной целью такого рода изданий считалось наставление подрастающего поколения на примере исторических героев, воспитание чувства патриотизма и гражданского долга.

В данном контексте хрестоматии ориентировали учащихся не на европейские теории, а обращали к историческому прошлому, к опыту предшествующих поколений. При этом нередко, наряду с произведениями античных авторов, в качестве учебных текстов предлагались отрывки из сочинений Ф. Прокоповича, Н. В. Ломоносова, И. Болтина, И. Бецкова, Д. И. Фонвизина, М. Хераскова, Н. И. Новикова, А. П. Сумарокова, а также тексты современных российских авторов, таких как, например, Г. Р. Державин и Н. М. Карамзин⁵⁵. Данное обстоятельство позволяет провести исследователю сравнительно-контекстуальный анализ различных вариантов словоупотребления современниками ключевых социально-политических понятий в учебных текстах с различной идейной направленностью.

Четвертый комплекс источников представлен документами, в которых зафиксированы *различные формы общественной активности* российских подданных, связанные с их стремлением участвовать в обсуждении практических рекомендаций по решению наиболее актуальных социально-политических и эко-

⁵³ Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе с прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании / Изд. Н. И. Греч. – СПб., 1812.

⁵⁴ Там же. С. II.

⁵⁵ Державин Г. Р. Речь о пользе просвещения // Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе... С. 370–376; Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости // Там же. С. 233–242; Карамзин Н. М. Победы Екатерины II // Там же. С. 376–390.

номических вопросов. В письменной форме такого рода интенции были отражены на страницах частных общественно-политических журналов, в научно-популярных и публицистических произведениях российских авторов, многочисленных проектах, записках, особых мнениях, воззваниях, прокламациях и программных документах тайных обществ, а также в текстах «сельских уставов» для частновладельческих крестьян и духовных завещаниях, предписывающих освобождение крепостных людей.

1. *Материалы периодической печати*, относящиеся к данному комплексу источников, представлены публикациями в журналах «Вестник Европы», «Сын Отечества», «Русский вестник», «Отечественные записки», «Статистический журнал», «Труды Вольного экономического общества», «Дух журналов». Кроме этого, в работе использованы ежегодно издававшиеся сборники «Архив исторический и политический», «Архив истории и политики», «Архив государственного хозяйства», «Архив литературы», которые представляли собой подборку наиболее интересных для читателей «Духа журналов» статей. По итогам каждого года лучшие статьи одного раздела переплетались в отдельную книжку с оглавлением и титульным листом, на котором обозначалось название раздела и примечание – «Из духа журналов». Все указанные журналы распространялись как по предварительной подписке, так и в книжных магазинах, и были хорошо известны российскому читателю. Косвенным подтверждением этого может служить информация о тиражах и наиболее заметных публикациях, представленная в аналитических обзорах современников о положении и основных тенденциях развития российской периодической печати в царствование императора Александра I⁵⁶.

Целесообразность привлечения в данном исследовании материалов частных общественно-политических журналов определяется разножанровостью публикаций и двойственным характером содержащейся в них информации: с одной стороны, материалы, изданные на страницах журналов, оказывали

⁵⁶ См., например: Историческое и критическое обозрение Российских журналов // СО. 1821. Ч. 67. № I. С. 3–20. № II. С. 49–64; № III. С. 97–113; Ч. 68. № XII. С. 205–218; Ч. 72. № XXXV. С. 76–82.

влияние на процесс формирования общественных представлений о возможных вариантах решения актуальных проблем, а с другой – отражали позиции конкретных авторов по экономическим и политическим вопросам.

В общем виде материалы периодической печати, опубликованные в указанных выше журналах, можно условно разделить на три подгруппы. К первой относятся статьи в жанре «размышлений», «замечаний» или «описаний», авторы которых высказывали свою позицию по различным вопросам общественной жизни, сообщали читателям впечатления о заграничных поездках или размышляли об историческом прошлом России и европейских государств. В ряду таких публикаций наибольший интерес представляют работы М. Балудянского (Балугьянского), И. Кайданова, Н.М. Карамзина, М. Каченовского, Косинского, А. П. Куницына, П. Львова, П. Свинына⁵⁷, а также работы анонимных авторов, имена которых сокращались до одной-двух букв, заменялись псевдонимами, либо вообще не упоминались⁵⁸.

⁵⁷ См.: *Балудянский М.* Статья теоретическая о разделении и обороте богатства // Стат. журнал. 1808. Т. II. Ч. II. С. 1–76; *Кайданов И.* Обзорение политических происшествий Европы от смерти Фредерика Великого и начала Французской революции до 1812 года // СО. 1821. Ч. 69. № XVI. С. 53–70; № XVII. С. 101–117; *[Карамзин Н. М.]* О любви к Отечеству и народной гордости // ВЕ. 1802. Ч. 1. № 4, февр. С. 56–69; *[Карамзин Н. М.]* О верном способе иметь в России довольно учителей // ВЕ. 1803. Ч. VIII. № 8, апрель. С. 317–326; *[Каченовский М.]* О книжной цензуре в России // ВЕ. 1805. Ч. XIX. № 3, февр. С. 199–204; *Косинский.* Замечания на мысли об устройении счастливейшего быту крестьян Польских // ВЕ. 1815. Ч. LXXXII. № 16, август. С. 264–281; *Куницын А. П.* Старание Петра Великого о введении в России теоретического образования юношества в правоведении // СО. 1821. Ч. 67. № VI. С. 252–256; *Он же.* Замечание на книгу: Основания российского права, изданную Комиссиею составления законов // СО. 1819. Ч. 51. № VI. С. 241–252; *Он же.* Прибавление первое к замечаниям на основания Российского права // СО. 1819. Ч. 55. № XXXIII. С. 290–306; Ч. 56. № XXXIV. С. 3–18; *Львов П.* Примечания о древних русских законах // СО. 1814. Ч. 16. № XXXIII. С. 3–20; *Свинын П.* Киево-Межегорская фаянсовая фабрика // СО. 1816. Ч. 28. № VII. С. 3–14; *Он же.* Торговые отношения России с Соединенными Областями и взгляд на генеральную торговлю последних // Отечественные записки. 1820. Ч. IV. Кн. VII, ноябрь. С. 89–107; Кн. VIII, декабрь. С. 264–276 (далее – ОЗ); *Он же.* Наблюдения Русского в Америке // СО. 1814. Ч. 16. № XXXVI. С. 136.

⁵⁸ Большинство статей не имеют указания на авторство. В некоторых случаях личность автора удалось установить по упоминаниям в указных выше

Вторая подгруппа – тексты публичных выступлений В. Н. Каразина, генерал-суперинтенданта Рейнбота, В. Полетикки, гр. Сиверса, П. Хавского, а также неназванного воспитанника университетского Благородного пансиона⁵⁹. Особое место в этом ряду занимает речь императора Александра I на открытии и закрытии Польского Сейма⁶⁰. Несмотря на различия в социальном статусе выступавших, для всех текстов данной подгруппы характерен общий морально-назидательный стиль изложения, ориентация на будущее, которое, с позиций авторов, неразрывно связано с морально-нравственным совершенствованием личности, просвещением народа, модернизацией российской экономики и системы российского законодательства.

Третья подгруппа материалов периодической печати включает в себя опубликованные на страницах журналов письма российских читателей в редакцию. Авторы писем сообщали о произошедших с ними случаях, которые, по их мнению, могли

обозрениях российской печати. В сносках фамилии авторов, установленных таким способом, указываются в квадратных скобках.

⁵⁹ См.: *Каразин В. Н.* Речь о необходимости в настоящих обстоятельствах усилить домоводство // ВЕ. 1813. Ч. LXVII. № 1–2. С. 3–35; *Он же.* Речь о пользе просвещения в домоводстве // ВЕ. 1811. Ч. LIX. № 20, окт. С. 259–290; Речь о просвещении, говоренная покойным генерал-суперинтендантом Рейнботом в училище, состоящем при Евангельско-Лютеранской церкви Св. Анны // СО. 1817. Ч. 39. № XXX. С. 121–141; Речь, произнесенная в Полтаве маршалом малороссийской Полтавской губернии Роменского повета Василием Полетикою в собрании дворянства сей губернии, 11 января 1809 года // ВЕ. 1809. Ч. XLIII. № 4, февр. С. 262–267; Речь, произнесенная при открытии Высочайше утвержденной комиссии для составления учебных пособий кантонистам, президентом оной инженер-майором графом Сиверсом // СО. 1818. Ч. 44. № XI. С. 163–176; Речь, говоренная в канцелярии I отделения 6 департамента Правительствующего Сената, при начале учения чиновников, приуготовляемых по Высочайшей воле в аудиторы для армейских полков, секретарем Сената П. Хавским, 25 августа 1817 года // СО. 1817. Ч. 41. № XL. С. 41–49; Речь о том, что изучение законов должно быть главным предметом каждого благовоспитанного гражданина (читана одним из воспитанников Университетского Благородного пансиона) // ВЕ. 1804. Ч. XIII. № 1, янв. С. 28–44.

⁶⁰ Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при закрытии Сейма Царства Польского в 15/27 апреля 1818 года в Варшаве // ДЖ. 1818. Ч. 27, кн. 19. С. 559–564; Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при открытии Сейма Царства Польского в 15/27 день марта 1818 года в Варшаве // ДЖ. 1818. Ч. 27, кн. 14. С. 423–430.

служить основанием для «общего размышления» или примером для подражания⁶¹, делились впечатлениями о пребывании в странах Европы и Северной Америки⁶², выражали свою позицию по вопросам внешней политики⁶³, а также высказывали свои «соображения» о возможных способах «просвещения» российских подданных и решения крепостной проблемы⁶⁴. При этом информация преподносилась как личное мнение, подтвержденное не только теоретическими рассуждениями, но жизненным опытом автора.

2. *Научно-популярные и публицистические произведения, изданные отдельными книгами в России последней трети XVIII – первой четверти XIX в.* К источникам данной группы относятся различные по целям создания и стилистическим особенностям сочинения, авторы которых, прямо или косвенно, выражали свое мнение по наиболее актуальным проблемам социально-экономического и политического развития страны. Подобного рода размышления можно обнаружить в сочинениях о путешествиях по странам Европы Н. М. Карамзина и Ф. Лубяновского⁶⁵, историко-философских работах А. Ф. Бестужева Л. Давыдовского, И. П. Елагина, И. Д. Ертова, И. В. Лопухина, А. Ф. Малиновского, Т. Мальгина, Р. Тимковского,

⁶¹ Письма из Москвы в Нижний Новгород. Письмо третье // СО. 1813. Ч. 9. № XXXIX. С. 3–13; Письмо из Москвы в Нижний Новгород. Письмо шестое (окончание) // СО. 1813. Ч. 10. № XLVIII. С. 97–105; Любороссов Н. [П. Свиньин] Послание россиянина к издателю отечественных записок // ОЗ. 1823. Ч. XVI. Кн. XLIV. № 44, декабрь. С. 337–367.

⁶² [Свиньин П.] Наблюдения Русского в Америке // СО. 1814. Ч. 16. № XXXVI. С. 135–144; Письма из Лондона // СО. 1823. Ч. 89. № XLI. С. 17–33.

⁶³ [Ермолов Г. П.] Глас Россиянина к единоземцам // Русский вестник. 1813. № 10. С. 60–62 (далее – РВ); Письмо к друзьям о Бонапарте и нынешнем времени // СО. 1813. Ч. 10. № LI. С. 217–234; Извлечение из письма в Казань 29 октября 1823 года о празднестве по случаю освобождения короля Испанского // ОЗ. 1823. Ч. XVI. № 43, ноябрь. С. 324–329.

⁶⁴ О новых благородных училищах, заводимых в России. Письмо из Т. // ВЕ. 1802. Ч. II. № 8, апр. С. 358–366; О лучшем разделении крестьянских полей. От надворного советника Зубова // Труды Вольного экономического общества. 1820. Ч. 72. С. 232–236 (далее – Тр. ВЭО); Доброй помещик // ВЕ. 1807. Ч. XXXV. № 20, октябрь. С. 281–289.

⁶⁵ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Ч. III. // Сочинения Карамзина: Т. IV. – М., 1803; [Лубяновский Ф.] Путешествие по Саксонии, Австрии, Италии в 1800, 1801 и 1802 годах. Ч. 1. СПб., 1805.

Г. П. Успенского⁶⁶, а также в работах по политической экономике и статистике К. Арнольда, К. Арсеньева, Н. С. Мордвинова, О. П. Козодавлева, Н. И. Тургенева⁶⁷. Общими для всех указанных произведений было наличие, хотя и существенно отличавшихся по четкости формулировок и объему, трех сюжетно-тематических линий: сопоставление положения в России и странах Европы; попытка выявления закономерностей развития страны посредством сравнения исторического опыта

⁶⁶ Бестужев А. Ф. Учение, нравственность и правила честного человека. СПб., 1807; Давыдовский Л. Рассуждение о истинном человеческом благе, выведенное и доказанное из самой человеческой природы. М., 1782; Опыт повествования о России. Сочинение Ивана Елагина, начатое на 65 году от его рождения, лета от рождества Христова 1790, двора Его Императорского Величества обер-гофмейстера. М., 1803; Ертов И. Д. Картина Просвещения Россиян, пред началом девятого на десять века. Отрывки и смесь. СПб., 1799; Лопухин И. В. Излияния сердца, чтущего благодать единоначалия и ужасающего, взирая на пагубные плоды мечтания равенства и буйной свободы. М., 1796; Лопухин И. В. Отрывок сочинения одного старинного судии и его же замечания на известную книгу Руссову: du Contract Social. М., 1809; Малиновский А. Ф. Рассуждение о начале и основании гражданских общежитий. М., 1787; Мальгин Т. Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест Российского государства, и о качестве лиц и дел в оных. СПб., 1803; Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах. СПб., 1793; О различении греческого и римского просвещения, проистекающем из особенного духа, нрава и образа жизни оных народов. Слово в публичном собрании Императорского Московского университета июля 15 дня 1811 года, произнесенное Романом Тимковским. М., 1811; Успенский Г. П. Разсуждение о древности и достоинстве законов Российских до издания царем Алексеем Михайловичем Соборного Уложения и сходства сего последнего с некоторыми преждебывшими у нас узаконениями. Харьков, 1814; Опыт повествования о древностях русских Гавриила Успенского, императорского Харьковского университета профессора истории, статистики, географии российского государства и разных ученых обществ члена. Ч. 1–2. Харьков, 1818.

⁶⁷ Арнольд К. И. Мнение о системе тарифа в России. СПб., 1816; Арсеньев К. Обозрение физического состояния России и выгод от того проистекающих для народных промыслов, ныне существующих. СПб., 1818; Мордвинов Н. С. Дополнительные рассуждения по предмету мануфактур и тарифе. СПб., 1816; Он же. Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе. СПб., 1815; Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. СПб., 1818; Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства. Сочинение Россиянина. СПб., 1815 (автором книги был О. П. Козодавлев, что подтверждается посредством сравнительно-текстологического анализа опубликованных в газете «Северная почта» статей, см.: № 64, 70 за 1810 г.).

и современного положения дел в России; размышления об «истинности» предлагаемых европейскими мыслителями теоретических схем и их применимости на практике. В большинстве используемых в работе научно-популярных и публицистических сочинений авторы идеализировали историческое прошлое и будущее России, однако при этом подчеркивали, что для реализации обозначаемых ими перспектив развития необходимо наличие целого ряда экономических, политических и морально-этических условий. Всестороннее изучение источников данной группы позволяет исследовать противоречия в представлениях образованных российских подданных первой четверти XIX в.

3. *Проекты проведения преобразований, записки и особые мнения, направляемые в министерства, Государственный Совет или императору Александру I.* Характерной особенностью источников этой группы является их практическая направленность. В отличие от научно-популярных и публицистических произведений, авторы не рассчитывали на публикацию и сколько-нибудь широкое обсуждение своих предложений. Как правило, главным побудительным мотивом к написанию проектов и особых мнений было желание лично участвовать в процессе разработки необходимых стране преобразований. В данном контексте, вне зависимости от содержания и степени реализации того или иного предложения, сам факт написания проекта следует, на мой взгляд, рассматривать как практическое действие, направленное на достижение конкретного результата. При этом, одновременно с практической направленностью, содержание источников данной группы отражает не столько российскую действительность, сколько теоретические представления авторов проектов о том, каким образом возможно было решить ряд наиболее актуальных экономических и социально-политических проблем. Таким образом, проекты, записки и особые мнения можно рассматривать и как источники, позволяющие изучить «горизонт ожиданий», и как практическое воплощение одной из возможных моделей поведения представителей образованной части российского общества.

Содержательно все используемые в работе проекты, записки и особые мнения составляют *три подгруппы*. К первой из них относятся предложения по совершенствованию налоговой и таможенной политики, модернизации фабрично-заводского производства и создания системы судебной защиты интересов частных собственников. В наиболее отчетливой форме различные подходы к проблеме модернизации российской экономики представлены в «особых мнениях» Д. А. Гурьева «О государственных долгах» и его записке «О сочинении Мордвинова “Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе”»⁶⁸, проекте М. Карлевича «Об увеличении государственных доходов»⁶⁹, всеподданнейшей записке О. П. Козодавлева «О тарифе и фабриках»,⁷⁰ а также целом ряде проектов и «особых мнений» Н. С. Мордвинова⁷¹.

Вторую подгруппу составляют различные «мнения», «записки» и проекты, авторы которых предлагали различные варианты решения крепостного вопроса в России. Рассуждения о причинах и способах смягчения, а в перспективе и полной отмены личной зависимости крестьян, содержатся в проектах О. П. Козодавлева⁷², Н. П. Румянцева⁷³, А. Б. Куракина⁷⁴,

⁶⁸ См.: Особое мнение Гурьева // Архив графов Мордвиновых. Т. 3. СПб., 1902. С. 115–121; РГИА. Ф. 1154. Оп. 1. Т. XVI, 1817. Д. 2; РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 359.

⁶⁹ См.: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 486.

⁷⁰ См.: Всеподданнейшая записка министра внутренних дел, тайного советника Козодавлева, о тарифе и фабриках // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 1. Отд. 2. СПб., 1876. С. 232–237.

⁷¹ См.: РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 382, 492; РГИА. Ф. 1166. Оп. 1. Т. XVI. Д. 2; [Мордвинов Н. С.] Записка о новых налогах // Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. С. 551–573.

⁷² См.: РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. Т. 1, 1812. Д. 103; Козодавлев О. П. Рассуждение о постепенном освобождении крестьян из-под рабства и о способах, коими безопасно можно ввести между ими гражданскую свободу (около 1818 г.) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. Сб. док-в. Липецк, 2002. С. 145–158.

⁷³ См.: РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Т. I, 1811. Д. 140.

⁷⁴ См.: РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Т. I, 1820. Д. 10.

И. И. Дмитриева⁷⁵, Н. С. Мордвинова⁷⁶, Ю. Янушевича⁷⁷, И. А. Гагарина, Д. П. Извольского, П. Д. Киселева, С. М. Кочубея, А. Крюкова, В. Ф. Малиновского, Н. Н. Новосильцова, С. Потоцкого, И. Д. Якушкина⁷⁸, а также в различных документах неизвестных авторов, сохранившиеся в личном фонде императора Александра I⁷⁹.

Третья подгруппа – проекты и записки по совершенствованию российского законодательства и системы государственного управления. Авторы представленных в данной подгруппе документов подчеркивали необходимость упорядочения работы судов и модернизации российской правовой системы посредством законодательного закрепления презумпции невиновности, принципов неприкосновенности частной собственности, соразмерности общественной опасности преступления и наказания, ясности изложения и доступности законов для населения. Предложения и размышления по всем этим вопросам

⁷⁵ См.: РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. Т. 1, 1810. Д. 136.

⁷⁶ См.: РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 34; РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 156; [Мордвинов Н. С.] О правах собственности и зависимости // Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. С. 413–417.

⁷⁷ См.: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 95.

⁷⁸ См.: Гагарин И. А. Об облегчении рабства в России посредством уничтожения дворовых людей (1814–1815 гг.) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XIX века. Сб. док-тов. Липецк, 2002. С. 59–68; Бумаги надворного советника Д. П. Извольского об уничтожении рабства в России // Там же. С. 105–109; Киселев П. Д. О постепенном уничтожении рабства в России (1816 г.) // Там же. С. 92–94; Кочубей С. М. Записка действительного статского советника Кочубея, приложенная при всеподданнейшем письме князя Репнина // Там же. С. 136–138; [Крюков А.] Мысль беспристрастного дворянина и помещика, сообразная духу времени и слухам о уничтожении рабства или крепостного права // Там же. С. 138–145; Письмо В. Ф. Малиновского к графу В. П. Кочубею от 28 ноября 1802 г. с приложением записки о освобождении рабов // Там же. С. 42–45; Новосильцов Н. Н. Примечания на предоставленные статским советником С. М. Кочубеем учреждение или правила для управления имением // Там же. С. 131–134; Письмо графа Северина Потоцкого с поднесением проекта о введении в России майоратов для улучшения дворянских имуществ и благосостояния крестьян 3 мая 1818 г. // Там же. С. 126–130; Якушкин И. Д. Мнение смоленского помещика об освобождении крестьян от крепостной зависимости (1819–1820 гг.) // Там же. С. 249–252.

⁷⁹ См.: ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Ед. хр. 15, 62.

были изложены в записках Н. С. Мордвинова⁸⁰, П. В. Завадовского⁸¹, записке надворного советника И. Наумова⁸² и проекте секунд-майора И. Давыдова «Об усовершенствовании ведения делопроизводства в присутственных местах»⁸³, а также представленной в 1806 г. «Записке неизвестного о задачах Государственного Совета»⁸⁴.

Не менее актуальной, с точки зрения авторов проектов преобразований, была проблема повышения эффективности системы государственного управления. Различные варианты ее решения представлены в записке Д. П. Трошинского «О министерствах»⁸⁵, В. П. Кочубея «О положении империи и... введению лучшего устройства в разных отраслях правительством составляющих»⁸⁶, Н. С. Мордвинова «О принципах управления государством»⁸⁷ и в записках неизвестных авторов «О современном состоянии России» и «О государственном управлении»⁸⁸. Размышляя о целях и методах проведения административных преобразований, авторы выражали свое отношение к проблеме заимствования европейского опыта, принципам разделения властей, идее создания приемлемого для России механизма помощи монарху, необходимости «просвещения народа» и «укрепления силы закона». Аналогичный комплекс вопросов представлен в проектах

⁸⁰ См.: Мнение адмирала Мордвинова о смертной казни // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1859. Кн. IV, окт.–дек. Разд. V. С. 26–28 (далее – ЧИОИДР); Дополнительные статьи адмирала Мордвинова о смертной казни // ЧИОИДР. 1859. Кн. IV, окт.–дек. Разд. V. С. 30–36; Мнение адмирала Мордвинова о кнуте, орудии наказания // ЧИОИДР. 1859. Кн. IV, окт.–дек. Разд. V. С. 23–25; Мнение адмирала Мордвинова о неклеении лица у преступников // ЧИОИДР. 1859. Кн. IV, окт.–дек. Разд. V. С. 21–22; Мнение адмирала Мордвинова об оскорблении Величества (13 декабря 1820 г.) // ЧИОИДР. 1859. Кн. II, апр.–июнь. Разд. V. С. 6; [Мордвинов Н. С.] О силе и пространстве указа 12 декабря // Архив графов Мордвиновых: Т. 3. СПб., 1903. С. 182–193.

⁸¹ См.: Записка графа Завадовского // Русский архив 1908. № 6. С. 18–20.

⁸² См.: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 7.

⁸³ РГИА. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 18.

⁸⁴ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 18/14.

⁸⁵ См.: Записка Д. П. Трошинского о министерствах // Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1868. Т. 3. С. 1–162.

⁸⁶ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 50.

⁸⁷ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 124.

⁸⁸ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 52/48, 133.

и «особых мнениях», возникших в результате обсуждения в Государственном Совете вопроса «О правах Сената»⁸⁹.

Особое место в ряду проектов преобразований системы государственного управления России первой четверти XIX в. занимают конституционные проекты, разработанные А. Р. Воронцовым⁹⁰, М. М. Сперанским⁹¹, А. Чарторижским и Н. Н. Новосильцовым⁹². Сравнительный анализ этих документов позволяет выявить представления высокопоставленного чиновничества о назначении, структуре и содержании «конституции» как основополагающего законодательного акта, и наиболее приемлемые, с их точки зрения, варианты адаптации европейских правовых норм и принципов государственного устройства к исторически сложившимся в России социально-экономическим и культурным условиям.

4. *Воззвания, листовки, уставы и конституционные проекты тайных обществ.* При работе с источниками данной группы следует помнить, что все они были созданы нелегально и могли быть известны относительно небольшому кругу лиц. Различные по стилю изложения и целям составления, такого рода документы, помимо их основного содержания, позволяют определить, каким образом их авторы, используя основные социально-политические понятия, объясняли себе и своим потенциальным сторонникам ряд важных вопросов, касающихся общих принципов управления государством, характера взаи-

⁸⁹ См.: РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI, 1811. Д. 9–10. Ч. VI, VIII, XXIII; Мнение Мордвинова о правах Сената // Архив графов Мордвиновых. Т. 3. СПб., 1902. С. 221–225; Мнение о правах Сената графа С. П. Румянцева // Арх. ГС. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1878. С. 31–37.

⁹⁰ См.: Записка графа Воронцова о милостивом манифесте на коронацию императора Александра I, с материалами для сего манифеста // Русский архив. 1908. № 6. С. 4–18; Проект «Всемиловитейшей Жалованной Грамоты, Российскому народу жалуемой, 1801 г.» // Минаева Н. В. Век Пушкина. М., 2007. Приложение. С. 149–160.

⁹¹ См.: РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1807. Д. 65 а; Сперанский М. М. Введение уложению государственных законов (1809) (План всеобщего государственного преобразования) // Сперанский М. М. План государственного преобразования. М., 2004. С. 5–67.

⁹² См.: Конституционная хартия царства Польского // ГАРФ. Ф. 1769. Оп. 2. Ед. хр. 7; Государственная уставная грамота Российской империи (1818 г.) // Минаева Н. В. Век Пушкина. М., 2007. Приложение. С. 208–244.

моотношений между представителями различных социальных страт, стратегии и тактики проведения преобразований.

По степени публичности и непосредственным целям написания можно выделить четыре группы текстов: А) воззвания и прокламации, авторы которых стремились оказать воздействие на потенциальных читателей. Особенно отчетливо стремление привлечь единомышленников и призвать их к активным действиям отражено в воззвании, написанном от имени солдат Семеновского лейб-гвардии полка в октябре 1820 г.⁹³; Б) нелегально распространяемые листовки с текстом «Конституции Царства Польского»⁹⁴, посредством которых предпринимались попытки информировать население об особенностях системы государственного управления на присоединенных территориях и одновременно актуализировать вопрос о возможности дарования аналогичной конституции для всей территории Российской империи; В) уставы тайных обществ, формально закреплявшие цель и приемлемые методы ее достижения, задачи, обязанности и требования, предъявляемые к лицам, желавшим стать членами тайного общества. В настоящей работе эта разновидность документов представлена одним из наиболее полных вариантов «Устава Союза Благоденствия», сохранившимся в материалах следственной комиссии по делу декабристов⁹⁵ и критической запиской неизвестного «О союзе Благоденствия и других тайных обществах среди офицеров»⁹⁶; Г) конституционные проекты тайных обществ: «Русская правда», составленная руководителем «Южного Общества» П. И. Пестелем⁹⁷ и проект «Конституции» Н. Муравьева⁹⁸. Анализ содержания этих

⁹³ См.: ГАРФ. Ф. 1717. Оп. 1. Ед. хр. 130.

⁹⁴ См.: ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 25.

⁹⁵ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 10.

⁹⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1 с/а. Ед. хр. 2.

⁹⁷ См.: *Пестель П. И. Русская правда // Декабристы. Избранные труды / Сост., авт вступ. ст. и коммент. О. И. Киянская. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 59–189.*

⁹⁸ См.: Конституционный проект Н. М. Муравьева // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. / Сост., авт вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М.: РОССПЭН, 2010. С. 302–322.

документов позволяет выявить представления сторонников радикальных преобразований о сущности и назначении законов и конституции, праве собственности и личной свободы, функциях государства и содержании гражданских прав.

5. Особую группу источников, посредством которых возможно изучение практических моделей поведения либерально ориентированной части российского дворянства составляют: *духовные завещания*, в соответствии с которыми после смерти помещика крестьяне получали бы личную свободу⁹⁹; составленные дворянами для крестьян, принадлежащих им имений, «*сельские уставы*»¹⁰⁰; *проекты создания различных «благотворительных обществ*», «домов призрения», «рабочих домов» и т. п. заведений для людей «нижнего состояния, рассматриваемые как инструмент исполнения гражданского долга и одновременно способ воспитания людей «нижнего состояния»¹⁰¹.

Пятый комплекс источников включает в себя три группы разновидностей источников личного происхождения: *дневниковые записи, частные письма и воспоминания*. Целесообразность привлечения источников личного происхождения в исследованиях процесса адаптации европейских идей в России обусловлена особенностями социальной функции источников данного вида.

Дневниковые записи изначально не предназначались для публикации, а создавались с целью фиксации личных переживаний автора и были своеобразным способом осмысления окружающей действительности. Данное обстоятельство позволяет выявить не только официально декларируемые цели, но и личные предпочтения и оценки автора, выражаемые с помощью основных социально-политических понятий. В настоящей работе источники данной разновидности представлены дневниковыми записями Н. И. Тургенева¹⁰².

⁹⁹ См.: Духовное завещание Лунина // Архив графов Мордвиновых. Т. 6. СПб., 1902. С. 255–259.

¹⁰⁰ См.: Опыт сельского устава для помещичьего имения, состоящего на оброке. Временный устав сельца Анашкина с деревнями. СПб., 1819.

¹⁰¹ См.: РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 25.

¹⁰² Архив братьев Тургеневых: В 4 т. Т. 1.: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 г. СПб., 1911.

Личные письма также не предназначались для печати, однако в отличие от дневников они выполняли информационно-коммуникативную функцию и являлись своеобразным способом заочного общения автора и адресата. В этой связи при анализе материалов частной переписки принципиально важным становится не только личность автора, но и того человека, к которому он обращается, его социальный статус и характер межличностных отношений с автором. По этому критерию используемые в работе частные письма можно условно разделить на две подгруппы. К первой относятся письма Н. С. Мордвинова Н. Н. Новосильцову¹⁰³, А. Разумовского Б. И. Герману¹⁰⁴, А. А. Нартова А. Б. Куракину¹⁰⁵, авторы которых имели примерно равный социальный статус и были хорошо знакомы друг с другом. Ко второй подгруппе относятся письма А. Чарторижского, В. Н. Каразина и М. М. Сперанского¹⁰⁶ к императору Александру I. Различные по стилю изложения, все они были написаны с целью донести до верховной власти свое личное отношение к произошедшим событиям, многочисленным слухам и планам правительства, высказать неофициальные предложения и замечания, связанные с деятельностью различных государственных структур.

Особое положение в ряду частных писем занимает переписка императрицы Екатерины II с М.-Ф. Вольтером¹⁰⁷. В отличие от указанных выше источников, переписка была в 1802 г. издана отдельной книгой и должна была служить для российских подданных убедительным доказательством того, что

¹⁰³ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 230.

¹⁰⁴ Письмо А. Разумовского сенатору Б. И. Герману 6 февраля 1821 года // Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (1807–1829 гг.) СПб., 1883. С. 282.

¹⁰⁵ *Нартов А. А.* Письмо кн. А. Б. Куракину 25 октября 1781 г. // *Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818)* / Сост. П. А. Дружинин. М., 2002. С. 254–255.

¹⁰⁶ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I: Т. 2. М., 1913; Письмо В. Н. Каразина, посланное императору Александру в марте 1801 года // Шильдер Н. К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1897. Приложение. С. 324–330; ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Ед. хр. 100.

¹⁰⁷ Переписка российской императрицы Екатерины Второй с господином Вольтером с 1763 до 1778 год / Перев. А. Антоновский. Ч. 1–2. СПб., 1802.

провозглашенный императором Александром I внутриполитический курс является органичным продолжением политики Екатерины Великой. Одновременно с этим переведенные на русский язык письма российской императрицы и письма известного мыслителя XVIII в. были еще одним важным каналом информации о содержании европейских теорий и способах их адаптации к российским условиям.

Еще одна разновидность источников личного происхождения, авторы которых предполагали возможность последующей публикации своих записей, представлена воспоминаниями Г. Р. Державина, С. П. Жихарева, Ф. П. Лубяновского, С. Д. Пурлевского, Н. И. Тургенева, И. Д. Якушкина¹⁰⁸. Такая ориентация на читателя с начала XIX в. приобрела характер устойчивой тенденции и оказывала заметное влияние на содержание мемуаров¹⁰⁹. С этого времени на страницах воспоминаний нередко излагалась не только история собственной жизни, но и размышления на актуальные политические темы, свидетельства об отношении различных общественных групп к тем или иным событиям.

Таким образом, весь спектр используемых в работе источников является достаточным и необходимым для решения стоящих перед исследователем задач. Взаимодополняя друг друга, все они позволяют, посредством сопоставления различных вариантов употребления основных социально-политических понятий в экономическом, социальном и политическом контекстах, выявить особенности процесса адаптации либеральных принципов в России первой четверти XIX в.

¹⁰⁸ Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г. Р. Записки, 1745–1812: полный текст. М., 2000; Жихарев С. П. Записки современника. М., 1989; Лубяновский Ф. П. Воспоминания. 1777–1834. М., 1872; Пурлевский С. Д. Воспоминания крепостного 1800–1868 // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века / Вступ. ст., сост. В. А. Кошелева. – М., 2006. С. 108–155; Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001; Записки Ивана Дмитриевича Якушкина // Записки декабристов: Вып. 1. Лондон, 1862.

¹⁰⁹ См., подробнее: Тартаковский А. Г. 1812 год и русская мемуаристика: опыт источниковедческого изучения. М., 1980; Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М., 1997.

Глава II

Основные социально-политические понятия в текстах последней трети XVIII – начала XIX века

§1. Понятия «гражданин», «собственность» и «государство» в лексиконе российских поданных

Содержание и направленность развития общественно-политической мысли зависит от множества экономических и социально-политических факторов, оказывающих непосредственное влияние на изменение взглядов, оценок и поведение людей. Однако исследование только событийной истории или выявление мировоззрения наиболее выдающихся политических деятелей не позволяет реконструировать всё многообразие общественно-политических настроений. Сложность проведения такого рода исследований связана не столько с необходимостью привлечения значительного комплекса источников, сколько с проблемой их адекватной интерпретации. При работе с текстом источника важно помнить, что ключевые для понимания авторского замысла слова и словосочетания могли иметь значения, которые были очевидны для его современников, но уже не известны для историка. Необходимо также учитывать, что в сознании людей изучаемого времени одновременно сосуществовали и хорошо знакомые, связанные с личным опытом или опытом предшествующего поколения, и относительно новые смысловые значения, возникшие в результате заимствования или корректировки содержания ранее известных слов. Соотношение привычных и новых значений, составляющих, по выражению Р. Козеллека, со-

ответственно «пространство опыта» и «горизонт ожиданий», во многом определяло особенности понимания тех или иных политических идей и теорий. Таким образом, неотъемлемой частью исследований по истории общественно-политической мысли должно быть изучение привычных, очевидных для современников значений основных социально-политических понятий.

Конкретно-историческое исследование привычных для российского подданного на рубеже XVIII – начала XIX вв. смысловых значений социально-политических понятий должно сопровождаться выявлением логических и ассоциативных взаимосвязей между ними. Принципиально важно определить, каким образом содержание одного понятия в сознании современников дополняло смысловое значение другого. Выявление таких взаимосвязей, на мой взгляд, возможно посредством последовательного рассмотрения содержания понятий по принципу от человека к социальным институтам. Данный принцип подразумевает движение исследователя от понятий, обозначающих конкретного человека и используемых для описания его повседневной действительности, к понятиям, с помощью которых современники описывали взаимоотношения индивида с представителями различных сословий и социальными институтами, а также общие принципы функционирования политической системы. Следуя этой логике, сопоставим смысловые значения понятий «гражданин», «собственность» и «государство».

Во второй половине XVIII в. понятие «гражданин» имело политически нейтральное содержание и употреблялось, прежде всего, для обозначения городских жителей¹. Именно такая трактовка встречается в «Грамоте на права и вольности городом Российской Империи». Так, например, в ст. 53–56 грамоты «гражданином» назывался любой житель города, имевший в нем недвижимую собственность или постоянное занятие и записанный в «городскую обывательскую книгу»². Важно отметить, что употребление слова «гражданин» для обозначения общности места проживания не имело надындивидуального,

¹ См.: Алексеев А. А. История слова гражданин в XVIII веке // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 31. № 1. С. 67–73.

² ПСЗ. Т. XXII, 1785. № 16.188. С. 363.

группового характера. «Гражданин» рассматривался как отдельный человек, который должен был в точности исполнять все возложенные на него законом обязанности, а в случае нарушения каких-либо норм подвергался наказанию лично, что специально подчеркивалось в ст. 43 грамоты: «Да не взыщется на обществе градском личное преступление гражданина»³. Одновременно с принадлежностью к городским жителям, обладавшим определенными правами и обязанностями, понятие «гражданин» в законодательстве Екатерины II употреблялось и для обозначения более узкой по составу социальной группы «именитых граждан», в состав которой входили жители города, обладавшие выдающимися способностями, высоким уровнем образования, или большим денежным капиталом⁴.

В начале XIX в. политически нейтральное значение слова «гражданин» было воспроизведено в одном из наиболее известных словарей того времени – «Словаре Академии Российской». Составители объясняли читателям значение слова «гражданин» так: «Гражданин – городской житель, обитатель»⁵. Одновременно с отождествлением гражданина с городским жителем на рубеже XVIII – нач. XIX вв. было распространено и более широкое по смыслу значение: гражданин это еще и соотечественник, житель страны, подданный, вне зависимости от места проживания и сословной принадлежности. Следует отметить, что подобное значение становится общеизвестным во многом по инициативе верховной власти. По приказу Петра I на русский язык была переведена работа С. Пуфендорфа «О должностях человека и гражданина, содержащая в себе основания права естественного, государственного и народного»⁶. В 1783 г. императрица Екатерина II опубликовала новый перевод данной книги⁷ и сделала

³ Там же. С. 362.

⁴ Там же. С. 364, 381–382.

⁵ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1.: А–Д. СПб., 1806. Стб. 1233.

⁶ См. подробнее: Куницын А. П. Старание Петра Великого о введении в России теоретического образования юношества в правоведении // СО. 1821. Ч. 67. № VI. С. 252–256.

⁷ О должностях человека и гражданина. Книга к чтению, определенная в народных училищах Российской Империи. СПб., 1783.

её изучение обязательной частью школьного образования. В соответствии с уставом народных училищ от 5 августа 1786 г. на чтение книги «О должностях человека и гражданина» учащимися вторых классов народных училищ отводилось 5 часов в неделю⁸. Из этого учебного пособия учащиеся должны были узнать то, каким должен быть верноподданный «гражданин» и какие «должности» (обязанности) он имеет по отношению к своим соотечественникам, государям и Богу. С этого времени слово «гражданин» стало использоваться в названиях различных книг, периодических изданий⁹ и статей. И хотя, как справедливо отмечает Е. Н. Марасинова, «в целом понятие «гражданин» довольно редко употреблялось в художественных произведениях и публицистике второй половины XVIII столетия, а в частной переписке и вовсе почти не встречалось»¹⁰, к началу XIX в. в неофициальных текстах понятие «гражданин» активно использовалось и все чаще обозначало не только жителя города, но и любого подданного, проживающего на территории Российской империи. При этом, так же как и в случае с синонимами «гражданин» – «горожанин», дополнительным аргументом справедливости такого обозначения было обращение к историческому прошлому. Показательным, на мой взгляд, является статья, опубликованная в журнале «Вестник Европы» М. Т. Каченовским, в которой все жители России второй половины XVII в. назывались «гражданами»¹¹.

В начале XIX в. понятие «гражданин» для обозначения жителя страны употреблялось и в законодательных актах. Так, например, в изданном 18 мая 1803 г. «Уставе Императорского Ви-

⁸ См.: ПСЗ. Т. XXII, 1786. № 16.421. С. 646, 647, 663. В соответствии с учебным планом уездных училищ на изучение «должностей гражданина» с 1806 г. отводилось 3 часа в неделю, см.: ПСЗ. Т. XXIX. 1806. № 22.262; ПСЗ. Т. XXXI, 1810. № 24.325.

⁹ Так, например, с 1789 г. издавался журнал «Беседующий гражданин».

¹⁰ Марасинова Е. Н. «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»: к проблеме адаптации западных идей и практик в Российской империи. М., 2008. С. 116;

¹¹ [Каченовский М.] Мысли о России, или некоторые замечания о гражданском и нравственном состоянии русских до царствования Петра Великого (продолжение) // ВЕ. 1807. Ч. XXXI. № 2, янв. С. 107–120; (об авторстве М. Каченовского см.: Историческое и критическое обозрение Российских журналов // СО. 1821. Ч. LXVII. № 1. С. 13–14).

ленского университета и училищ его округа» подчеркивалось, что «университет имеет кафедры и профессоров для преподавания наук... полезных для граждан различного состояния»¹². Несколько позднее такая трактовка становится привычной и воспроизводится в учебных пособиях, как для гимназий, так и для высших учебных заведений. Яркой иллюстрацией этого может служить учебник К. Арсеньева по российской статистике, в котором слово «гражданин» – общее наименование представителей различных сословий, проживающих на территории Российской империи. Оно использовалось автором и для описания правового положения дворянства, как «высшего сословия граждан в монархическом государстве», так и «среднего состояния», к которому, по его словам, «относятся вообще все те граждане, которые занимаются наиболее гражданской промышленностью, ремеслами, фабриками и торговлею...»¹³. В таком обобщенном значении слово «гражданин» многократно употреблялось в публичных речах, произносимых на торжественных собраниях различных «официозных» и «вольных» обществ¹⁴.

Близким по смыслу понятию «гражданин» в лексиконе образованной части российского общества было слово «гражданство». Ряд исследователей по истории русского языка считают, что оно возникло значительно раньше понятия «гражданин» и обозначало определенную общность людей, имевших свои правила поведения, этические нормы и т. п. В таком значении слово «гражданство», по их мнению, появляется в переводных памятниках XIII–XIV вв.¹⁵. В XVII в. данная языковая традиция сохранялась и для В. Н. Татищева, например, смысл термина «гражданство» был тождественен слову «общество»¹⁶.

¹² ПСЗ. Т. XXVII, 1803. № 20.765. С. 614.

¹³ Начертание статистики российского государства, составленное главного педагогического института адъюнкт-профессором Константином Арсеньевым. Ч. 2: О состоянии правительства. СПб., 1819. С. 38, 51.

¹⁴ См.: Каразин В. Н. Речь о необходимости в настоящих обстоятельствах усилить домоводство // ВЕ. 1813. Ч. LXVII. № 1–2. С. 3–35.

¹⁵ См.: Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. 1. Ч. 1. Стб. 577; Словарь древнерусского языка XI–XIV вв. М., 1977. Вып. 4. С. 118.

¹⁶ См.: Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 286.

При этом под обществом понималось и совокупность всех подданных страны, и лица приписанные к городам¹⁷. Сосуществование этих двух значений четко проявляется при сравнительном анализе «Грамоты на права и вольности городам Российской Империи» (1785 г.) и определения понятия «гражданство» в «Словаре Академии Российской». В первом документе «гражданство» — принадлежность к «градскому обществу», и в этом значении предлагалось использовать словосочетание «гражданство города», а во втором — содержание понятия «гражданство» объяснялось следующим образом: 1) состояние гражданина, 2) берется иногда вместо самих граждан, жителей градских... в сем значении имя сие собирательное»¹⁸.

На рубеже XVIII – XIX вв. понятие «гражданство» подразумевало наличие у «граждан» отношений взаимной зависимости, при которой стремление удовлетворить какие-либо личные потребности, не считаясь с интересами других, объявлялось опасным для общества явлением. Данная мысль была четко сформулирована, например, в речи Р. Тимковского, произнесенной в «публичном собрании» слушателей Московского университета. Оценивая уровень развития древнегреческого общества, он отметил, что одним из существенных недостатков было положение, при котором «греческие законы более клонились к безопасности частной, ...нежели к порядку, благосостоянию и счастью *целого гражданства*», а важным преимуществом древних греков был «похвальный патриотизм», проявлявшийся в стремлении «всякого достаточного человека употреблять искусство и достаток свой

¹⁷ См. подробнее о концепте «общество» и эволюции его значений: *Schierle Ingrid. Zur Politisch-Sozialen Begriffssprache der Regierung Katharinas II. Gesellschaft und Gesellschaften: «Obščestvo» // Katharina II., Russland Und Europe. Beiträge Zur Internationalen Forschung. Mainz, 2001. P. 275–306; Гросул В. Я. Русское общество XVIII–XIX вв.: традиции и новации. М., 2003. С. 50–118; Андреева Т. В. Формирование общества как социального института, эволюция политических понятий «общество» и «общественное мнение» в конце XVIII – первой трети XIX вв. // Власть, общество и реформы в России: история, источники, историография. Мат-лы Всеросс. научн. конф. 6–7 декабря 2006 г. – СПб, 2007. С. 7–22.*

¹⁸ ПСЗ. Т. XXII, 1785. № 16.188. С. 363; Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1.: А–Д. СПб., 1806. Стб. 1234–1235.

не на собственное украшение, но на блеск и славу *целого гражданства*¹⁹.

Таким образом, понятие «гражданство» означало, с одной стороны, общность людей, а с другой – подразумевало противопоставление частного и общественного, индивидуальных потребностей отдельного гражданина и общества в целом, интересы которого всегда ставились выше интереса частных лиц. При этом общность людей, составлявших «гражданство», предполагала, прежде всего, близость морально-этических установок и ценностей, а также наличие взаимных обязанностей. Во второй половине XVIII в. для обозначения такого рода горизонтальных отношений между жителями Российской империи употреблялось понятие «сограждане». В книге «О должностях человека и гражданина» указывалось, что «гражданин» имеет обязанности перед «другими согражданами»²⁰.

Понятие «сограждане» нередко использовалось в качестве обращения к слушателям в различных научных и благотворительных обществах, а также в аудиториях высших и средних учебных заведений. Обращаясь к слушателям таким образом, оратор всегда стремился подчеркнуть духовное единство собравшихся. В данном контексте понятие «сограждане» всегда имело позитивную эмоциональную направленность и подразумевало не отдельного человека, а его членство в коллективе, группе, обществе. «Согражданами» называли людей не просто совместно проживающих на определенной территории (в некоторых случаях авторы специально подчеркивали необязательность этого обстоятельства для находившихся за границей россиян), а людей, имевших общность культуры, чувств и привязанностей. Именно такое содержание это понятие имело в различных учебных текстах, что позволяет говорить об устойчивости и бесспорности такой трактовки для современников. В

¹⁹ [Тимковский Р.] О различении греческого и римского просвещения, происходящем из особенного духа, нрава и образа жизни оных народов. Слово в публичном собрании Императорского Московского университета июля 15 дня 1811 года, произнесенное Романом Тимковским. М., 1811. С. 7, 9.

²⁰ См.: Марасинова Е. Н. «Рабы» и «граждане» в Российской империи XVIII века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»... С. 106.

хрестоматии, предназначенной для учащихся средних и старших классов училища Св. Петра в Санкт-Петербурге, в главе 5 «Учебные сочинения» была напечатана статья Н. М. Карамзина «О любви к Отечеству и народной гордости»²¹. В ней автор, размышляя о различии «физической, моральной и политической любви к Отечеству», предлагал читателям свое представление о том, кого следует называть «согражданами». По его мнению, это те люди, «с кем мы росли и живем, ...душа их сообразуется с нашею, делается некоторым ее зеркалом»²². У «сограждан» есть духовное единство и каждый из членов данной общности испытывает чувство любви к своему Отечеству, которая проявляется в любви к «согражданам». Именно «сия любовь к согражданам, или людям с которыми мы росли, воспитывались и живем, — писал Н. М. Карамзин, — есть вторая или моральная любовь к Отечеству...»²³.

Для современников признание существования между «согражданами» отношений взаимной заботы подтверждалось многочисленными высказываниями о том, какими качествами должен был обладать «истинный гражданин». В текстах различных авторов конструировался образ заботливого семьянина, спокойного и рационально мыслящего человека, который в силу внутренних убеждений, а не по принуждению извне, соблюдает все морально-этические и юридические нормы. Так, например, в речи «О пользе просвещения» Г. Р. Державин, обращаясь к учащимся народных школ, выразил надежду на то, что они усвоят «обязанности гражданина» следующими словами: «ты будешь надежным приятелем, мирным соседом, чадолюбивым отцом, благопокорным начальству подчиненным, ревностным к службе Государя своего подданным»²⁴.

²¹ Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости // Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе с прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. СПб., 1812. С. 233–242. (В хрестоматии была воспроизведена статья, опубликованная ранее в журнале «Вестник Европы». 1802. Ч. 1. № 4, февр. С. 56–69).

²² Там же. С. 234.

²³ Там же.

²⁴ Державин Г. Р. Речь о пользе просвещения // Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе... С. 375

Аналогичные качества гражданина российский читатель мог встретить и в различных литературных произведениях нравоучительного характера. Ярким примером такого текста является статья, опубликованная в первом номере журнала «Вестник Европы» под заголовком «Альцибиад к Периклу». Её автор в аллегорической форме показывал читателям пагубность идеи всеобщего «совершенного равенства». При этом один из безусловно положительных персонажей рассказа утверждал, что «...быть хорошим гражданином есть быть хорошим отцом, супругом, сыном»²⁵.

Важным связующим звеном между индивидуальными и общественно-значимыми качествами гражданина объявлялась семья. Размышления на эту тему можно было встретить не только в текстах, адресованных подрастающему поколению, но и на страницах известных российских журналов. Как правило, подчеркивалось, что «истинный гражданин» должен был не только сам обладать всеми перечисленными выше качествами, но и сформировать их у своих детей. Например, в статье «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» неизвестный автор, критикуя сложившуюся практику поручать воспитание своих детей иностранным гувернерам, писал: «Я говорил только о счастии заниматься воспитанием детей, но с другой стороны, оно есть и *долг гражданина*, обязанного в семействе своем образовывать достойных сынов отечества»²⁶. Привить ребенку «гражданские добродетели» рассматривалось как часть «гражданского долга» любого российского верноподданного.

Ориентиром в деле воспитания «истинного гражданина» для многих современников был изданный в 1767 г. «Наказ комиссии о составлении проекта нового уложения». В нем императрица Екатерина II, акцентировав внимание на том, что данные рекомендации предназначены как для родителей, так и для педагогов различных учебных заведений, изложила правила воспитания, цель которых в § 348 главы XIV «О воспитании» была сформулирована следующим образом: «Пра-

²⁵ См.: Альцибиад к Периклу // ВЕ. 1802. Ч. 1. № 1, янв. С. 15.

²⁶ Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // ВЕ. 1802. Ч. 3. № 12, июнь. С. 327.

вила воспитания суть основания, приуготовляющие нас быть гражданами»²⁷. В соответствии с представленными в документе рекомендациями «гражданин» должен был иметь «страх Божий», «охоту к трудолюбию и страх к праздности как источнику всякого зла и заблуждения», «почитание к гражданским законам», «пристойное в делах и разговорах поведение», «отвращение от мотовства», «учтивость», «благопристойность», «отвращение от всяких предерзостей», «соболезнование о бедных и несчастных», «склонность к опрятности и чистоте»²⁸. Все это, по мысли императрицы, должно было привести детей к «...добродетелям и качествам,... которыми в свое время могут они быть прямыми гражданами, полезными общества Членами и служить оному украшением»²⁹.

Таким образом, в транслируемых верховной властью пожеланиях и в текстах российских подданных образ «истинного гражданина» органично включал в себя качества, необходимые человеку в его повседневной, частной жизни, и, одновременно, качества, позволявшие ему быть полезным обществу. На уровне отдельной личности подразумевалось, что «трудолюбие» и «отвращение от мотовства» позволят «гражданину» поддерживать необходимый уровень материального благополучия, «честность», «учтивость», «почитание гражданских законов» обеспечат бесконфликтное взаимодействие с другими членами общества, а заботливое отношение ко всем членам семьи, в совокупности с христианскими добродетелями, помогут обрести душевное равновесие. В сочетании с желанием быть полезным обществу, все эти качества делали человека «истинным и верным Сыном Отечества»³⁰.

Стремление к бескорыстному служению и самопожертвованию на благо страны считалось проявлением обязательного

²⁷ См: ПСЗ. Т. XVIII, 1767. № 12.949. С. 255.

²⁸ ПСЗ. Т. XVIII, 1767. № 12.949. С. 256–257.

²⁹ ПСЗ. Т. XVIII, 1767. № 12.949. С. 257.

³⁰ О содержании концепта «Сын Отечества» см. подробнее: Schierle Ingrid. «Syn otečestva»: Der, «wahre Patriot» // Russische Begriffsgeschichte der Neuzeit. Beiträge zu einem Forschungsdesiderat. Köln., 2006. P. 347–367; Макасунова Е. Н. Власть и общество в России XVIII века (проблемы понятийной истории // Труды института российской истории. Вып. 5. 2005. С. 103.

для любого «истинного гражданина» чувства «любви к Отечеству». В данном контексте интересным представляется письмо М. М. Щербатова к сыну, в котором он писал: «Я буду говорить с вами об одной из главных добродетелей гражданина, которой является любовь к отечеству, для которого мы должны жертвовать собою...»³¹. Эта же мысль неоднократно встречается и в сочинениях по российской истории, авторы которых, описывая события Смутного времени или военные сражения в ходе войны с Турцией, объясняли героизм российских «граждан» наличием у них чувства «любви к Отечеству». Так, например, Н. М. Карамзин в книге «Историческое похвальное слово Екатерине Второй» (1802 г.), рассказывая о событиях русско-турецкой войны, подчеркивал готовность российских «граждан» встать на защиту «Отечества»: «все воспылали гневом на врага вероломного и ревностию наказать его, все *мирные граждане* готовы были лететь на поле брани»³².

Еще одна важная грань смыслового значения понятия «гражданин» просматривается при анализе различных вариантов словоупотребления прилагательного «гражданский», которое было широко распространено и встречается в различных текстах: от законодательных актов и материалов официального делопроизводства, до литературных произведений и частной переписки. Чаще всего оно использовалось для формального разграничения сферы деятельности на «гражданскую» и «военную службу», «гражданские» и «военные чины» и т. п. Однако на рубеже XVIII – нач. XIX вв. слово «гражданский» начинает приобретать новые коннотации и использоваться уже не только для обозначения принадлежности человека к «роду службы», но и для описания характера взаимоотношений «граждан» между собою, места и роли отдельной личности в обществе. Данная тенденция к смещению смысловых акцентов

³¹ Цит. по: Каменский А. Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII века: исследовательские проблемы. М., 2007. С. 27.

³² Карамзин Н. М. Победы Екатерины II // Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе... С. VIII, 385. (составитель хрестоматии Н. И. Греч указывал в оглавлении, что данный текст являлся извлечением из книги: Карамзин Н. М. Историческое похвальное слово Екатерине II. М., 1802).

зафиксирована в официально изданном «Словаре Академии Российской», составители которого прилагательное «гражданский» определяли как «принадлежащий гражданам»³³. Такая формулировка подразумевала, что «гражданскими» могут быть институты, явления или процессы, затрагивающие интересы отдельных индивидов. В данном контексте различные варианты употребления слова «гражданский» отражали сложившиеся в сознании образованной части российского общества представления о месте «гражданина» в системе социальных отношений, причинах и характере сословной дифференциации³⁴. Наиболее содержательным для реконструкции такого рода представлений, на мой взгляд, является словосочетание «гражданское общество».

Словосочетание «гражданское общество», также как и понятие «гражданин», употреблялось в законодательных актах для обозначения жителей города с середины 1780-х гг. XVIII в. В «Жалованной грамоте городам» «гражданское общество» – синоним словосочетания «градское общество», т. е. общества, к которому относились все жители городов, внесенные в обывательскую книгу и обладавшие установленными законом правами и обязанностями³⁵. Одновременно с этим понятие «гражданское общество» использовалось для описания характера взаимоотношений российских подданных с верховной властью. А. Ф. Малиновский в сочинении «Рассуждение о начале и основании гражданских общежитий», размышляя на эту тему, писал: «В гражданском обществе верховная власть состоит в праве постановлять законы, побуждать к соблюдению их, повелевать и заставлять повиноваться»³⁶. Для автора верховная власть, государство, правительство, с одной стороны, и «гражданское общество», с другой стороны, не являлись

³³ Словарь академии российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. 1: А–Д. СПб., 1806. С. 1234.

³⁴ См.: подробнее: Тимофеев Д. В. «Гражданин» и «государство» в России первой четверти XIX века: к истории понятий // Вопросы истории. 2009. № 5. С. 98–107.

³⁵ ПСЗ. Т. XXII, 1785. № 16.188. С. 365.

³⁶ Малиновский А. Рассуждение о начале и основании гражданских общежитий. М., 1787. С. 99.

конфликтующими субъектами, напротив, наличие у власти установленного законом права регулировать общественные отношения с целью предотвращения каких-либо социальных столкновений преподносилось как характерный признак само-го «гражданского общества». С этой позиции насильственные действия верховной власти оценивались им как деятельность «на благо» всех членов «гражданского общества».

В начале XIX в. подобная трактовка взаимоотношений власти и «гражданского общества» многократно воспроизводилась в различных учебниках для студентов университетов, гимназий и училищ разного уровня. В рекомендованном для учащихся учебного округа Московского университета пособии по «естественному праву», можно было найти такое определение гражданского общества: «В обществе гражданском находятся только граждане. <...> Члены такого общества рассматриваемые между собою суть граждане, а в соотношении к Правителю его подданные»³⁷. Таким образом, «гражданское общество» отождествлялось с общностью людей, проживающих на определенной территории и обязанных подчиняться верховной власти.

Однако общность обязательств исполнять волю монарха и характерная для «сограждан» духовная общность не предполагали установления социального равенства. Подтверждение этому российский читатель мог найти в неоднократно изданном «Наказе комиссии о составлении проекта нового уложения» (1767 г.), где от имени верховной власти утверждалось, что «гражданское общество, так как и всякая вещь, требует известного порядка, надлежит тут быть одним, которые правят и повелевают, а другим, которые повинуются»³⁸. Впрочем для современников существование множественной сословной и внутрисословной дифференциации российского общества было очевидным фактом и без наставлений императрицы. Различия в уровне материального благополучия и образования, наличие прав и привилегий, объем обязательных повинностей

³⁷ [Шлецер Х.] Начальные основания естественного права, изданные профессором Х. Шлецером. М., 1810. С. 25.

³⁸ ПСЗ. Т. XVIII, 1767. № 12.949. С. 238.

и налоговых выплат – все это было частью повседневной практики российского подданного и не позволяло ему воспринимать «гражданское общество» как нечто однородное и единое. В наиболее отчетливой форме, хотя и несколько позднее, признание «естественности» и очевидности социального неравенства членов «гражданского общества» было зафиксировано в учебном пособии по российской статистике: «Гражданское общество, руководствуясь единственной целью благом общим должно было равным образом положить различия между членами оного, сообразуясь с их способностями, заслугами, пожертвованиями и добродетелями. От сего происходит различные сословия граждан в каждом государстве»³⁹. В такой трактовке «гражданское общество» неоднородно, а состоит из отдельных «граждан», каждый из которых принадлежит к какому-либо «состоянию», что во многом определяет сферу его деятельности, характер обязательств перед государством, а также объем прав и привилегий.

Таким образом, в сознании большинства образованных людей в России второй половины XVIII – нач. XIX вв. понятие «гражданское общество», употребляемое в широком смысле слова для разграничения государственных институтов и подчиненных их власти индивидов, оказывалось абстрактным понятием, которое при сопоставлении с окружающей действительностью распадалось на отдельные сегменты, т. к. на первый план всегда ставился вопрос о том, к какому «состоянию» принадлежал тот или иной «гражданин». Именно поэтому, на мой взгляд, российские авторы с сарказмом оценивали известия о том, что во Франции слово «гражданин» противопоставлялось традиционным, отражавшим «естественные» различия людей обращениям «господин» и «госпожа». В одном из номеров журнала «Вестник Европы» за 1805 г. российскому читателю сообщалось о событиях во Франции: «Было доказано, что имя *Monsieur* (господин)... есть *нарушение гражданства*, что оно отделяет народ от дворянства, и унижает достопочтенную чернь, ...таким образом вместо *господ*, положено ти-

³⁹ Начертание статистики российского государства... Ч. 2. СПб., 1819. С. 38.

туловаться *гражданами*, а как женщины в подобных случаях подражают мужчинам, то и оне из госпож (Madam) и девиц (Mademoiselle) сделались *гражданками*»⁴⁰. В российском контексте подобного рода изменения в личном обращении оценивались как бессмысленные, т. к. слово «гражданин» имело политически нейтральное значение и не вызывало ассоциаций с идеями социального равенства. Напротив, оно подразумевало духовное единство, любовь всех «сограждан к Отечеству» вне зависимости от социального статуса и места жительства человека. Однако для тех российских подданных, кто был хорошо осведомлен о событиях в революционной Франции, понятие «гражданин» могло вызывать определенные негативные ассоциации. Видимо именно такие ассоциации, основанные на страхе распространения в России революционных идей, понятие «гражданин» вызывало у императора Павла I. Он запретил употреблять слово «гражданин» в донесениях на высочайшее имя и приказал заменять его обозначением принадлежности автора к определенному состоянию. В соответствии с распоряжением императора следовало заменять слово «гражданин» на «обыватель», «купец» или «мещанин»⁴¹. Такое распоряжение верховной власти, на мой взгляд, не только не противоречило сложившимся в сознании образованной части российского общества представлениям о «гражданах» и «гражданстве», как категориях во многом условных, требовавших всегда уточнения и указания принадлежности человека к конкретной сословной или даже внутрисословной группе, но служило еще одним доказательством адекватности привычного понимания значения понятия «гражданин».

Одним из наиболее очевидных проявлений существования социальной дифференциации «гражданского общества» считалось имущественное неравенство, основным показателем которого был размер принадлежащей человеку собственности.

⁴⁰ Признаки кружения голов французских // ВЕ. 1805. Ч. XXIV. № 24. С. 258.

⁴¹ См.: Песков А. М. Павел I. М., 2000. С. 87–88; Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории... С. 284; Гросул В. Я. Власть и общественное мнение в России XVIII–XIX веков // Труды института российской истории. Вып. 5. М., 2005. С. 123.

В России представители всех свободных сословий понимали, какие преимущества дает человеку «собственность». Собственник в любой ситуации чувствовал себя гораздо увереннее и мог позволить себе пойти на определенный риск в условиях постоянно изменявшейся рыночной конъюнктуры. В случае необходимости собственность могла быть продана, заложена или сдана в аренду, что помогало пережить ее владельцу даже самые серьезные финансовые затруднения.

Для российского дворянина собственность была важным показателем его внутрисословного статуса, который определялся не только происхождением, но еще и размером имущества и количеством крепостных крестьян. От наличия собственности во многом зависела и служебная карьера дворянина. Так, например, в соответствии с указом 1737 г. на службу в Сенат могли быть определены лишь дворяне, имевшие свыше 100 душ крестьян мужского пола, а претенденты на службу в коллегии и канцелярии – от 25 до 100 душ⁴². Размер собственности был важной характеристикой платежеспособности дворянина, что юридически отражалось в зависимости между количеством принадлежащей собственности и суммой банковской ссуды, выдаваемой под залог имения. Кроме этого сам факт наличия недвижимой собственности использовался как средство самопрезентации дворянина на различных балах, званых обедах и других встречах с представителями дворянского сословия⁴³. Не меньшее значение собственность имела и для российского купечества, дифференцированного по размеру имевшегося капитала на три гильдии. После реформ 1775–1785 гг. гильдейское купечество было освобождено от подушной подати, опеки посадской общины и замененной денежным взносом рекрутской повинности⁴⁴.

Таким образом, как в сфере формально-юридических отно-

⁴² См.: Фаизова И. В. Манифест о вольности и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 54–68.

⁴³ См.: Яковкина Н. И. Русское дворянство первой половины XIX века. Быт и традиции. СПб., 2002.

⁴⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. В 2 т. Т. 1. СПб., 2003. С. 114.

шений, так и на уровне межличностных взаимодействий обладание движимым и недвижимым имуществом было важным показателем внутригруппового статуса и деловых качеств личности. Более того, практически ни одна значимая для современников проблема не могла быть описана без использования понятия «собственность», т. к. вне зависимости от контекста употребления, оно актуализировало универсальную для любого социума проблему конструирования оптимальной для всех заинтересованных сторон системы взаимоотношений индивидов между собой, а также взаимодействия отдельного «гражданина» и «государства».

На рубеже XVIII – нач. XIX в. понятие «собственность» не было новым в лексиконе образованного российского подданного. Его смысловое значение раскрывалось в целом ряде законодательных актов, где в той или иной форме перечислялись признаки, способы получения и объекты собственности. Впервые в законодательстве Екатерины II понятие «собственность» встречается в «Генерал-прокурорском наказе комиссии о составлении проекта нового уложения» (1767 г.), в котором императрица, объясняя различия «права гражданского» и «права государственного», упоминала о «собственности граждан»⁴⁵. Немного позднее в резолюции на доклад генерал-прокурора «О праве каждого продать собственность свою, кому пожелает и о недействительности продажи прежде совершения и выдачи крепости покупщику» (1773 г.) был сформулирован один из главных признаков собственности: «Продать собственность всякой волен, кому похочет, согласно с законами, и запрещения нет продавцу по выгодности своей избирать покупщика»⁴⁶. С этого времени в текстах российских авторов обладание «собственностью», при условии соблюдения всеми заинтересованными сторонами установленной законом процедуры, предполагало свободу купли-продажи движимого и недвижимого имущества.

Действовавшее законодательство формировало в сознании образованного российского подданного образ собственника как

⁴⁵ ПСЗ. Т. XVIII, 1767. № 12.950. С. 283.

⁴⁶ ПСЗ. Т. XIX, 1773. № 14.049. С. 845.

человека, имевшего исключительное, т. е. полное и безграничное право обладания чем-либо. Основы такой трактовки, на мой взгляд, были заложены в манифесте 18 июня и указе 22 сентября 1782 г., в которых объявлялось, что право собственности дворян распространялось не только на леса, водоемы и все «произведения земли на поверхности», но «и в самих недрах той земли и в водах...» находившихся⁴⁷. Практически дословно данная норма была воспроизведена в «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства»⁴⁸.

Формально, указанные положения касались не всего населения страны, а лишь дворянства, однако провозглашенный в законодательстве принцип «полноты» прав собственника в сознании владельцев движимого и недвижимого имущества распространялся на все свободное население страны и воспринимался как общий, универсальный признак «собственности» вообще. Дополнительным аргументом справедливости такой трактовки для «граждан» недворянского происхождения была «Грамота на права и вольности городам Российской империи», в которой говорилось о наличии права собственности у всех городских жителей: «В городе живущим сохраняется и охраняется собственность и владение, что кому по справедливости и законно принадлежит как движимое, так и недвижимое»⁴⁹.

Не менее важным элементом смыслового значения понятия «собственность» было признание обязательности юридического оформления прав собственника. Показательно, на мой взгляд, что во всех приведенных выше цитатах и текстах других законодательных актов 70–80 гг. XVIII в. при упоминании о «собственности» всегда использовались словосочетания «согласно с законами», «законно принадлежит», «законно приобретенная» и т. п. В общем виде, проведенный анализ текстов законодательных актов позволяет сделать вывод о сознательном формировании властью смысловой взаимосвязи между правом человека на обладание собственностью и согласием государства признавать это право.

⁴⁷ ПСЗ. Т. XXI, 1782. № 15.447. С. 613–615; № 15.518. С. 676.

⁴⁸ ПСЗ. Т. XXII, 1785. № 16.187. С. 349.

⁴⁹ ПСЗ. Т. XXII, 1785. № 16.188. С. 359.

Подтверждением существования в сознании современников взаимосвязи понятий «право» и «собственность» является определение термина «собственность» в «Словаре Академии Российской». Именно категория «право», понимаемая как синоним слова «закон», преподносилась составителями в качестве главного признака «собственности». В издании 1794 г. читателю предлагались три словарные статьи: 1) «собственность – то же, что собственно, по праву бесспорно кому принадлежит»; 2) «собственно – по праву»; 3) «собственный – принадлежащий кому бесспорно, по праву»⁵⁰. Во всех вариантах словоупотребления составители подчеркивали взаимосвязь «собственности» и закрепленного государством права полного распоряжения имуществом.

Наряду с правовыми основаниями собственности в текстах российских авторов последней трети XVIII – начала XIX вв. прослеживается и еще одна очень важная для понимания отношения человека к своему имуществу, имуществу других граждан или государства, взаимосвязь понятия «собственность» с «естественными», материальными потребностями индивида. В данном контексте «собственность» связывалась с исторически сложившимся обычаями и традициями, а ее происхождение нередко преподносилось как естественный результат развития семьи и общины. В сочинении А. Малиновского российский читатель мог встретить утверждение о том, что «право собственности основано на природе и истине» и существовало с незапамятных времен⁵¹. В дальнейшем тезис о естественном и природном происхождении «собственности» в России нередко доказывался посредством обращения к общеизвестным морально-этическим нормам, основанным, прежде всего, на религиозных, христианских принципах. Так, например, в статье «Опыт о народном нравоучении», неизвестный автор, размышляя над текстом созданного во Франции в 1792 г. «Письма к французскому народу», подчеркивал, что провозглашенный в нем тезис «собственность каждого священна» в России яв-

⁵⁰ Словарь Академии Российской. Ч. V.: от Р до Т. СПб., 1794. С. 398–399.

⁵¹ Малиновский А. Указ. соч. С. 67–69.

лялся «общеизвестной истиной» и «азбукой общежития»⁵². В подтверждение своих слов, он напоминал читателям христианскую заповедь – «не пожелай дома ближнего твоего» и приводил стилизованные под народные пословицы выражения: «чужого не желай, а своего не теряй», «чужого не захватывай, а своего не разбрасывай»⁵³. В России, по мнению автора, задолго до появления «Письма к французскому народу», существовала норма, в соответствии с которой «...по уставам священной нравственности не только тот законопреступник, кто разоряет и грабит, но и тот, кто даже мыслию посягает на собственность ближнего»⁵⁴. Ссылки на религиозные, моральные или правовые нормы позволяли трактовать «собственность» как веками устоявшуюся, универсальную традицию, отражавшую природу человека и общества.

Еще одна грань смыслового значения понятия «собственность» прослеживается при анализе словоупотребления прилагательного «собственный», которое было синонимом слова «свой», «личный», принадлежащий какому-либо индивиду. Взаимосвязь прилагательного «собственный» с личностью, её волеизъявлением присутствует как в источниках личного происхождения, так и в официальных документах. Ярким примером этого являются записки С. П. Жихарева. Автор, размышляя над сложившейся практикой продвижения по службе с помощью рекомендательных писем высокопоставленных покровителей, соглашался с мнением М. И. Невзорова о том, что «...лучше положиться на собственные силы, ежели их не достает, так Бог помощник...»⁵⁵. Не менее отчетливо существование логической связи слов «собственный»—«свой»—«личный» было отражено в законодательстве Екатерины II и Павла I. В различных манифестах, указах и уставах, регламентировавших имущественные отношения граждан, многократно использовались словосочетания «собственная добрая воля», «собственное свое произволение»,

⁵² Опыт о народном нравоучении // РВ. 1812. № 5. С. 14.

⁵³ Там же. С. 40, 42.

⁵⁴ Там же. С. 19.

⁵⁵ Жихарев С. П. Записки современника. М., 1989. С. 30.

«собственное признание»⁵⁶ и т. п. Такое употребление прилагательного «собственный» формировало у современников ассоциативную связь с понятиями «человек» и «личность».

Одновременно с указанием на личность как субъект, обладавший собственностью, прилагательное «собственный» использовалось современниками и для обозначения того, что могло быть объектом собственности. В этом случае понятие «собственность» могло заменяться синонимом «имение». Так, например, в «Уставе о банкротах» (1800 г.), определявшем порядок выплаты долгов разорившихся собственников как государству, так и частным лицам, синонимом понятия «собственность» было словосочетание «движимое и недвижимое имение»⁵⁷. В соответствии с «уставом» к «собственному имению» относились «вещи, товары и деньги, находящиеся в руках банкрота и под его именем за собственные его признаваемые», а также «дворовые люди и без земли крестьяне»⁵⁸. Все это должно было быть описано и продано с публичного аукциона с последующей компенсацией потерь кредиторам. Таким образом, с точки зрения законодателя все вышеперечисленное относилось к «имению», т. е. к «собственности».

Особое внимание в приведенном списке имущества, которое по «Уставу о банкротах» могло быть использовано в качестве залога при выплате долговых обязательств, на мой взгляд, заслуживает позиция (пункт) «дворовые люди и без земли крестьяне». Очевидно, что такового рода имущество не могло быть залогом для лиц недворянского происхождения, т. к. в соответствии с действовавшим законодательством правом владения людьми имели только представители дворянского сословия. Однако даже для дворян очевидным было, что так называемая «крещеная собственность» — это особая часть «имения», не сопоставимая по своей значимости и правовому статусу ни с каким другим имуществом. На особое положение крепостных крестьян и дворовых людей в структуре «движимого и

⁵⁶ См., например: ПСЗ. Т. XXI, 1782. № 15.447. С. 613–615; Т. XXVI, 1800. № 19.692. С. 440–474.

⁵⁷ ПСЗ. Т. XXVI, 1800. № 19.692. С. 440, 443–445, 461.

⁵⁸ Там же. С. 445, 474.

недвижимого имущества» дворянина указывало и внимание верховной власти к крестьянскому сословию в целом. На протяжении всего царствования Екатерины II и Павла I были изданы различные манифесты и указы, в которых помещикам, с одной стороны, было дано право ссылать крестьян в Сибирь на каторгу, а с другой – законодательно ограничивалась возможность продажи людей с аукциона и время работы крестьян на помещичьих землях в форме барщины⁵⁹.

Для дворянина-душевладельца разнонаправленность распоряжений власти в отношении крестьян формировало ощущение недостаточности юридических оснований прав на обладание «крещеной собственностью». Действительно, ни Екатерина II, ни Павел I не пошли на создание позитивного законодательства, четко закрепившего право собственности на крестьян. В этих условиях, как справедливо отмечает А. Б. Каменский, «крепостное право регулировалось, главным образом, казуальным законодательством, не охватывавшим все его сферы, и обычным правом, а потому в определенной мере носило неправовой характер»⁶⁰. Однако, несмотря на отсутствие четких юридических оснований, повседневная практика управления крепостными и дворовыми людьми сохраняла в сознании дворян представление о крестьянах как особой, исторически сложившейся и передаваемой по наследству «собственности». Такое представление не могли изменить указы Павла I о запрещении продажи крестьян на аукционах или так называемый указ «О трехдневной барщине», так как, во-первых, отсутствовал механизм контроля за их исполнением, а во-вторых, все подобные указы воспринимались как очередное действие власти по регламентации отношений между собственниками и государством. В этом ряду были многочисленные акты, вносившие уточнения в порядок наследования движимого и недвижимого имущества⁶¹,

⁵⁹ См.: ПСЗ. Т. XVII, 1765. № 12.311. С. 10; Т. XXIV, 1797, № 17.809. С. 335–336; № 17.909. С. 587.

⁶⁰ Каменский А. Б. Крещеная собственность в законодательстве XVIII века // Представления о собственности в российском обществе XV–XVIII веков. Проблема собственности в общественном сознании и правовой мысли феодальной эпохи. М., 1998. С. 185.

⁶¹ См., например: ПСЗ. Т. XXVI, 1800, № 19.310.

а также распоряжения о конфискации собственности частных лиц по самым разным, в том числе и политическим мотивам. Так, например, в указе от 30 апреля 1800 г. предписывалось в случае объявления какого-либо «казенного взыскания... налагать на имение запрещение», что фактически означало ограничение права владельца распоряжаться своей собственностью, а в указе от 19 февраля 1800 г. объявлялось «о конфискации имения графа Воронцова за пребывание его в Англии»⁶².

Аналогичные действия государство проводило и в отношении других свободных сословий, вне зависимости от того, что принадлежало им в качестве собственности. На практике государство активно регулировало экономические, а следовательно, и имущественные отношения «граждан» посредством установления пороговых значений размера объявленного капитала для каждой гильдии купечества или отграничения размера денежных сумм по сделкам между купцами и дворянами⁶³, а также установления правил торговли в городах и т. п.

Таким образом, все указанные выше элементы содержания понятия «собственность» указывают на существование в сознании образованной части российского общества конца XVIII в. смысловой взаимосвязи с «правом» как системой установленных «государством» законов и отдельным «гражданином», который, являясь частью неоднородного по целому ряду признаков «гражданского общества», мог обладать движимым и недвижимым имуществом, но только в том случае, если это не противоречило интересам «государства». В данном контексте наиболее устойчивой была логическая связь трех понятий: «гражданин»—«собственность»—«государство». Последнее слово из этой триады указывало на институт, устанавливавший и обеспечивавший соблюдение законов, гарантировавших права собственника. Содержание взаимосвязей между этими понятиями прослеживается при анализе различных вариантов употребления слова «государство».

⁶² См.: ПСЗ. Т. XXVI, 1800. № 19.402. С. 145–146; № 19.756. С. 532.

⁶³ См. Новицкая Т. Е. Правовое регулирование имущественных отношений в России во второй половине XVIII века. М., 2005.

Понятие «государство» употреблялось в России для описания отношений власти и подчинения с XV–XVI вв.⁶⁴ Первоначально оно отождествлялось с понятием «государь» и означало «государев двор, власть государя, его правление, подвластные ему территории»⁶⁵. С конца XV до начала XVII вв., как аргументировано доказывает М. М. Кром, происходило постепенное дополнение и трансформация значения слова «государство»: «от полного отождествления его с личностью государя до осознания множеством провинциальных дворян и горожан своей политической общности через причастность к некоему целому, называемому «Московским государством»⁶⁶. С середины XVII в. смысловое поле понятия «государство» включало в себя не только территорию, подчиненную власти государя, но еще и аппарат управления, который к середине XVIII в. уже традиционно назывался «государственным».

После многочисленных дворцовых переворотов, в результате которых один «государь» при поддержке относительно небольшого числа представителей дворянской элиты и гвардии мог сместить другого, понятие «государство» во второй половине XVIII в. становится надличностным и употреблялось для обозначения института политической власти. Для представителей образованной части российского общества была очевидной несоизмеримость масштабов и времени существования «государства», как структуры управления, и «государя», как человека, наделенного верховной властью. Определенное влияние на завершение процесса «деперсонализации» понятия «государство», по мнению А. Б. Каменского⁶⁷, оказало изданное императором Павлом I 5 апреля 1797 г. «Учреждение об импе-

⁶⁴ Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 284–287; Хархордин О. Что такое государство: русский термин в европейском контексте // Понятие государства в четырех языках. Сб. ст. СПб., 2002. С. 165–189.

⁶⁵ Кром М. М. Рождение государства: из истории московского политического дискурса XVI века // Исторические понятия и политические идеи в России XVI–XX века: сб. науч. работ. СПб., 2006. С. 61.

⁶⁶ Там же. С. 64–65.

⁶⁷ См.: Каменский А. Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII века... С. 18.

раторской фамилии»⁶⁸, в котором представители царствующей династии были обозначены как особая, самостоятельная и главенствующая, но, все-таки, только часть «государства». Конечно, для большинства российских подданных, особенно для представителей «служивого» дворянства, «государь» оставался фигурой социального соотнесения, олицетворением силы и могущества Российского государства на международной арене, а также единственным источником власти внутри страны. Именно поэтому в частной переписке при выражении своего отношения к службе дворянин мог употреблять понятия «государь»–«государство»–«отечество» как синонимы⁶⁹. Последнее слово в этом ряде синонимов, на мой взгляд, подтверждает гипотезу о доминировании в сознании представителей образованной части российского общества на рубеже XVIII – нач. XIX в. расширительного понимания слова «государство» как населенной «согражданами» территории, управляемой верховным правителем с помощью специального административного аппарата.

В официально изданном «Словаре Академии Российской» читателям предлагалось следующее определение понятия «государство»: 1) «Государство – земля или страна, обладаемая государем, царство; 2) берется иногда вместо народ»⁷⁰. В данном определении составители словаря делали акцент на двух взаимосвязанных признаках государства: существование определенной территориальной общности («земля», «страна», «царство») и наличие субъекта волеизъявления («государь»), управляющего этой территорией. Следует отметить, что такое понимание слова «государство» отражало существовавшие с начала XVIII в. стереотипы. В общем виде их содержание можно свести к представлению о государстве как всегда активно действующей политической силе, которая имела все необходимые ресурсы для реализации поставленных целей и решения самых сложных задач. Именно такой образ государства транслировался посредством учебных пособий. Показательным примером

⁶⁸ ПСЗ. Т. XXIV, 1797. № 17.906. С. 525–569.

⁶⁹ См.: Марасинова Е. Н. Власть и личность. Очерки русской истории... С. 223, 232.

⁷⁰ Словарь Академии Российской. Ч. 2, от Г до З. СПб., 1790. С. 280.

является определение, рекомендованное учителям и преподавателям по курсу «Всеобщей статистики»: «государство... есть такое учреждение большого общества людей, по которому один, или многия именем всех начальствуют или, собственно говоря, правительствуют, а прочие все им повинуются»⁷¹. Справедливость установления логических и ассоциативных связей понятия «государство» с отношениями властвования и подчинения подтверждалась повседневной практикой. Сила государства, его способность к принуждению для современников была очевидным фактом, который многократно подтверждался и в сфере внешней политики, и в случае столкновения интересов частных лиц с интересами представителей управленческих структур, олицетворявших собой «государство» на местном уровне.

Одновременно с констатацией верховенства государства над всеми жителями страны в различных учебных пособиях внимание читателей акцентировалось на отсутствии отношений противостояния или противоборства между «государством» и «гражданином». Как правило, это достигалось посредством отождествления понятий «государство» и «отечество». Так, например, в изданной с 1783 г. более 10 раз книге «О должностях человека и гражданина», между «отечеством» и «государством», которое заботится обо всех своих подданных ставился знак равенства: «В собственном знаменовании *Отечество* есть то великое общество, которого кто сочлен, то есть: то *государство*, которому кто поддан или по месту своего рождения, или по переселению своему и жительству. Таковое великое общество, которое иногда простирается чрез многие земли, называется потому Отечеством, что в нем благо всех жителей и сочленов, одной властью или законами так содержится и споспешествуется, как в доме благо чад над попечением отеческим устрояется»⁷². В данном контексте «государство» оказывалось несводимо только к системе управления или общности территории, а подразумевало некую духовную общность и «отеческое попечение» о гражданах.

⁷¹ Герман К. Всеобщая теория статистики для обучающихся сей науке, изданная от главного правления училищ. СПб., 1809. С. 58.

⁷² О должностях человека и гражданина. СПб., 1817. С. 116–117.

Наличие у «сограждан» духовной общности, понимаемой, прежде всего, как общность религии и традиционных морально-этических норм, объявлялось необходимым условием существования любого государства. В наиболее отчетливой форме это условие было сформулировано, например, в статье «Нечто о началах правлений», опубликованной в апрельском номере «Санктпетербургского журнала» за 1804 г. Её автор прямо подчеркивал взаимосвязь религии и государства, провозглашая, что «охранять религию значит охранять государство»⁷³. Нередко в качестве дополнительного аргумента доказывавшего взаимосвязь государства, моральных и религиозных норм авторы приводили примеры из истории различных стран. Показательными, на мой взгляд, являются работы, написанные в характерной для того времени форме «диалога» различных исторических персонажей. Авторы такого рода публикаций, основываясь на своих собственных представлениях о жизни и взглядах известных людей, предлагали читателям «правдоподобные» ответы выдающихся исторических деятелей на различные вопросы. В одной из таких статей неизвестный автор обращался к мнению Петра Великого, который, по его словам, указывал на три основных условия достижения «государственного блага»: «твердость душ» – предполагавшая верность Богу; «крепость мышц» – отождествлявшаяся с физическим здоровьем населения; и развитие «внутренней промышленности»⁷⁴.

Не менее убедительным доказательством необходимости морально-этических оснований был пример послереволюционной Франции, где экономический и политический кризис удалось преодолеть только «...восстановив Религию, столь нужную для сердца в мире превратностей, не менее нужную для благоденствия государств»⁷⁵. В данном контексте все, что противоречило религии и вело к «падению нравов народа», объявлялось причиной гибели даже самых «могущественных государств». Именно поэтому «государство» должно было заботиться о нравственном воспитании своих «граждан».

⁷³ Нечто о началах Правлений // СПбж. 1804. № 4, апрель. С. 129.

⁷⁴ Разговор Петра I с Анною, английскою королевою // РВ. 1810. № 4. С. 67.

⁷⁵ Всеобщее обозрение // ВЕ. 1802. Ч. 1. № 1, янв. С. 78.

Справедливость права «государства» руководить действиями «граждан» аргументировалась несоразмерностью их функционального назначения, что подтверждалось многовековым опытом взаимодействия личности и государства в экономической и политической сферах. Чаще всего, функции «государства» раскрывались посредством рассмотрения условий его существования в тесной взаимосвязи с обязанностями «граждан». Так, например, одной из наиболее очевидных функций государства считалось обеспечение территориальной целостности и независимости страны. Однако, и это подчеркивалось в различных текстах второй половины XVIII – первой четверти XIX в., исполнение «государством» данной функции зависело от готовности «граждан» встать на его защиту. О наличии подобного рода обязанности неоднократно упоминалось в публикациях на внешнеполитические темы, а также в различных «наставлениях» для подрастающего поколения. Так, например, А. Ф. Бестужев, определяя значение гражданина в деле обеспечения обороноспособности страны, писал: «одна только сия неограниченная преданность составляет безопасность государства вообще, и каждого гражданина в особенности»⁷⁶. Он подчеркивал, что такое поведение «гражданина» необходимо не только государству, но и соответствует его собственным интересам.

Не менее очевидной функцией «государства» современники считали установление законов и осуществление судопроизводства. В некоторых случаях история государства прямо отождествлялась с историей российского законодательства и становления судебной системы⁷⁷, а главной обязанностью «гражданина», без которого «государство» не могло бы существовать, объявлялось соблюдение всех установленных властью законов, вне зависимости от того нравятся они поданным или нет. В издаваемом министерством внутренних дел «Санктпетербургском журнале» обязанность подчинения за-

⁷⁶ Бестужев А. Ф. Учение, нравственность и правила честного человека. СПб, 1807. С. 12.

⁷⁷ См., например: Мальгин Т. Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест Российского государства, и о качестве лиц и дел в оных. СПб., 1803.

конам доказывалась следующим образом: «...власть не может постоянно основана быть на том неопределенном условии, что народ будет повиноваться только тогда, когда будут хорошо управлять им и возгласит в противном случае. Подобное условие есть гибель Государства»⁷⁸.

Помимо подчинения законам и помощи в обеспечении внешней безопасности неизменно называлась еще одна обязанность «гражданина», которая, по сути, позволяла «государству» выполнять все обозначенные выше функции. Речь шла об обязанности своевременно и в полном объеме выплачивать все установленные законом налоги. Именно об этом писал А. Бестужев, объясняя своим читателям, что «в подкрепление Отечества необходимо нужно, чтоб каждый частный человек покорен был законам и платил Государству должную дань»⁷⁹. Указанная обязанность на фоне постоянного с начала XVIII в. повышения размера различных сборов и податей была частью повседневного опыта большей части населения страны. В случае невыплаты налогов незамедлительно следовали достаточно жесткие санкции со стороны государства: от начисления всевозможных штрафов и передачи под опеку государства частных предприятий, если должником оказывался представитель так называемых «свободных состояний», до отдачи в рекруты крепостных крестьян. При этом даже официально освобожденные от налогов представители привилегированных сословий, имея в своем распоряжении крепостных крестьян, были включены в процесс сбора подушной подати.

Таким образом, личный опыт и транслируемые посредством законов и различных учебных пособий значения понятий «гражданин» и «государство», формировали представление об исторической «укорененности» института государства и существовании его неразрывной взаимосвязи с гражданами. Но при этом обязанности «гражданина» российскому подданному были хорошо известны, их наличие подтверждалось повседневной практикой, а содержание обязанностей «государства» воспринима-

⁷⁸ Нечто о началах правлений // СПбж. 1804. № 4, апр. С. 134.

⁷⁹ Бестужев А. Ф. Указ.соч. С. 13.

лось как абстрактные категории, отражавшие в большей степени идеальную модель, а не окружавшую человека в данный момент времени реальность. На этом фоне вполне естественным является синонимичность слов «гражданин» и «подданный»⁸⁰. Лишь в сочинениях наиболее образованных и высокопоставленных представителей дворянской элиты понятие «гражданин» противопоставлялось «злоупотреблениям власти», «беззаконию» и предполагало наличие у человека закрепленных в особом «коренном законе» прав и обязанностей. Примером такой дифференциации значений являются строки из проекта Н. И. Панина «О фундаментальных законах»: «Где же произвол одного есть закон верховный, тамо прочная общая связь и существовать не может; тамо есть Государство, но нет Отечества; есть *подданные*, но нет *граждан*, нет того политического тела, которого члены соединялись бы узлом взаимных прав и должностей»⁸¹.

В большинстве исследуемых текстов слова «гражданин» и «подданный» были взаимозаменяемыми понятиями и, чаще всего, обозначали жителя России, который должен был исполнять все соответствующие его «состоянию» государственные обязанности. Возможность человека отстаивать свои права, упоминаемая в проекте Н. И. Панина почти как главный отличительный признак «гражданина», в конце XVIII в. еще не является предметом для широкого обсуждения. С различными оговорками и ссылками на действующее законодательство о праве «гражданина» отстаивать свои интересы говорилось лишь в отношении полученной по наследству или «благотриобременной» «собственности», в случае, если возникали каких-либо имущественные споры между частными лицами. Словосочетание «гражданские права» в более широком, в том числе и в политическом контексте, становится устойчивым выражением в текстах российских авторов лишь в первой четверти XIX в.

⁸⁰ См.: Марасинова Е. Н. «Рабь» и «граждане» в Российской империи XVIII века // «Вводя нравы и обычаи Европейские в Европейском народе»... С. 106; Она же. Власть и личность. Очерки русской истории... С. 287.

⁸¹ См.: Письма с приложениями графов Никиты и Петра Ивановичей Паниных блаженной памяти к государю Императору Павлу Петровичу // Император Павел I. Жизнь и царствование / Сост. Е. С. Шумигорский. СПб., 1907. С. 4.

§2. Трактовка понятий «свобода» и «рабство» в текстах российских авторов и предшествовавшем законодательстве

Важной составной частью социально-политического лексикона образованного российского подданного второй половины XVIII – нач. XIX вв., наряду с понятиями «гражданин», «государство» и «собственность», были логически взаимосвязанные, но противоположные по своему значению понятия «свобода» и «рабство». Известные еще со времени Древней Руси¹ на рубеже XVIII – нач. XIX вв. они использовались для описания характера межличностных взаимоотношений и обозначения допустимых границ поведения человека в обществе. В различных контекстах понятия «свобода» и «рабство» употреблялись в законодательных актах, учебных пособиях, многочисленных литературно-публицистических произведениях об историческом прошлом, настоящем и будущем российского общества², а также в дневниках и частной переписке. Комплексный сравнительно-контекстуальный анализ использования данных понятий в текстах источников позволяет, с одной стороны, определить содержание транслируемых верховной властью представлений о границах свободы человека в рамках своего сословия, с другой – выявить логические и ассоциативные связи, возникавшие в сознании представителей образованной части российского общества при употреблении слов «свобода» и «рабство».

В последней трети XVIII – нач. XIX в. понятие «свобода» имело несколько значений. В «Словаре Академии Россий-

¹ См. подробнее: *Виноградов В. В.* История слов. М., 1999. С.796; *Колесов В. В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 109–124, 179–186; *Черных П. Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 2001. Т. 2. С. 148.

² См: *Артемьева Т. В.* От славного прошлого к светлому будущему: философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005; *Стенник Ю. В.* Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественно-исторической мысли XVIII – начала XIX века. СПб, 2004.

ской» (1794 г.) его содержание раскрывалось в трех статьях: «свобода», «свободный», «освобождение». В первой из них «свобода» отождествлялась с отсутствием внешней зависимости человека от других лиц: «Свобода – воля, противопологается зависимости, порабощению»³. Независимость человека от внешнего принуждения, как основной признак «свободы», подчеркивалась и в определении слова «свободный», которое означало «вольный, не зависящий от другого», а в качестве примера словоупотребления составители словаря приводили выражение «или рабы или свободны»⁴. Таким образом «рабство» и «свобода» обозначали взаимоисключающие друг друга состояния человека. В данном контексте понятие «освобождение» было синонимом слова «избавление» и его смысловое значение разъяснялось с помощью выражения «освобождение узников»⁵.

На уровне отдельной личности «свобода» нередко трактовалась как отсутствие внешних ограничений и личных обязательств перед другими людьми. Подтверждением существования такой трактовки являются дневниковые записи Н. И. Тургенева, в которых он описывал свои чувства, переживаемые в Геттингене: «здесь, ...я и не имею тех священных обязанностей..., одним словом, хотя я здесь свободен, однакож не чувствую здесь того удовольствия, которое я чувствовал... в Москве»⁶. «Свобода» как отсутствие внешних обязательств в личной, повседневной жизни упоминается и в воспоминаниях Г. Р. Державина. Так, например, оценивая характер внутрисемейных отношений в доме князя Вяземского, он писал о признании хозяев «...модного искусства даровать друг другу свободу»⁷.

³ Словарь Академии Российской. Ч. V.: от Р до Т. СПб., 1794. С. 366. Данное определение совпадало с аналогичной словарной статьей в издании 1822 г., см.: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. VI.: от С до конца. СПб., 1822. С. 67.

⁴ Словарь Академии Российской. Ч. V.: от Р до Т. СПб., 1794. С. 366.

⁵ Там же. С. 368.

⁶ Архив братьев Тургеневых: В 4 т. Т.1.: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 г. СПб, 1911. С. 223.

⁷ Державин Г. Р. Записки из известных всем происшествий и подлинных дел, заключающие в себе жизнь Гаврилы Романовича Державина // Державин Г. Р. Записки, 1745–1812: полный текст. М., 2000. С. 82.

Подобная «свобода», следуя европейской моде, предполагала взаимное доверие и уважение интересов супругов.

Одновременно с признанием необходимости «внешней свободы» в сочинениях российских авторов особый акцент делался на исключительной важности для любого человека внутренней, «духовной свободы». Такая, по выражению современников, «истинная» или «совершенная свобода» не могла быть ограничена и преподносилась как способность человека размышлять о себе и окружавшем его мире, испытывать различные чувства по отношению к другим людям и Богу. При этом, как правило, подчеркивалось, что основой «истинной свободы» является христианская вера, которая помогала человеку избежать «рабства своих страстей»⁸. Следуя этой логике, Л. Давыдовский, например, призывал своих читателей стремиться к «просвещению и добродетели», как способу познания Бога и достижению состояния «совершенной свободы». В книге «Рассуждение о истинном человеческом благе, выведенное и доказанное из самой человеческой природы» (1782 г.) он писал о желании индивида познать себя, природу и Бога: «Вот истинное человеческое благо, из которого должен проистекать в душе нашей источник истинной радости и свободы. Ибо кто в ином чем свое благо полагает, тот всегда находится в рабстве у счастья или своих страстей: кто же оное поставляет в добродетели и просвещении, тот истинно совершенно свободен»⁹.

В большинстве подобного рода текстов авторы рисовали безусловно положительный образ человека, обладавшего внутренней, «совершенной свободой»: он всегда помнит о христианских обычаях и ценностях, образован, честен и добр по отношению к другим людям. Такой человек не требует для себя никаких политических прав или привилегий, считая их второстепенными, и убежден, что он «...создан быть свободным, блаженствовать душою и телом, руководствуясь непо-

⁸ Давыдовский Л. Рассуждение о истинном человеческом благе, выведенное и доказанное из самой человеческой природы. М., 1782. С. 13.

⁹ Там же. С 22–23.

средственно гласом все сотворившей Премудрости»¹⁰. Трактующая подобным образом, внутренняя «свобода» индивида не противопоставляла его обществу и государству. Главной опасностью для «свободы» объявлялись «человеческие слабости и пороки», которые приводили человека в состояние «рабства страстей». В данном контексте внутренняя «свобода» была противоположна по значению внутреннему же «рабству», которое не отождествлялось с правовым неравенством или внеэкономическим принуждением одного человека другим. На протяжении всего исследуемого периода такое политически нейтральное значение понятия «свобода» нередко использовалось для смещения смысловых акцентов в работах, затрагивавших вопрос о содержании «гражданской» и «политической свободы», из практической плоскости в область размышлений о морально-нравственной сущности человека.

Постепенно, по мере распространения в образованных кругах российского общества идей европейского Просвещения, в текстах российских авторов появилось утверждение о природном, «естественном» происхождении «свободы» человека. Как правило, подобного рода суждения сопровождались указаниями на наличие у любого индивида от рождения сознания и воли. С этого времени «свобода» объявлялась «естественным» состоянием человека, а в сочинениях российских авторов встречается словосочетание «природная свобода» или «естественная свобода». Однако в большинстве исследуемых текстов последней трети XVIII – начале XIX вв. «естественная свобода» использовалась как абстрактная категория, удобный теоретический конструкт, с помощью которого авторы могли описать положение человека в древности, еще до появления государства, и продемонстрировать читателям относительность «свободы» гражданина в современном им обществе.

Наиболее четко это прослеживается в сочинении А. Ф. Малиновского «Рассуждение о начале и основании гражданских общежитий» (1787 г.). Автор признавал наличие у челове-

¹⁰ Лопухин И. В. Отрывок сочинения одного старинного судии и его же замечания на известную книгу Руссову: du Contract Social. М., 1809. С. 50.

ка от рождения «естественной свободы». Такая свобода, выражавшаяся в способности человека сознательно руководить своими действиями, теоретически ограничивалась только его физическими возможностями и совпадала с «природной свободой», которая, по мысли А. Малиновского, «есть право делать все то, что позволяет природа»¹¹. Однако, рассматривая свободу как «природное и естественное состояние человека», автор подчеркивал, что в действительности она всегда имела относительный, условный характер, т. к. все члены «гражданского общества» находятся в положении взаимной зависимости. Справедливость данного утверждения А. Малиновский последовательно доказывал, противопоставляя близкие, но не тождественные по значению понятия «свобода» и «независимость». В разделе «О природной свободе» он объяснял читателям свою позицию так: «...не надлежит смешивать свободу с независимостью. Сперва кажется, что они имеют будто между собою некоторое сродство, но совсем нет никакого, они даже так между собою противны, что по существу своему одна другую разрушает и не могут пребывать в соединении»¹². Для А. Малиновского «независимость» — это положение, «...когда частный человек имеет право делать все, что ему за благо разсудится, не заботясь о том, что делаемое вредно или полезно для других...»¹³. Полная независимость, трактуемая им как ничем не ограниченная возможность человека удовлетворять свои желания, могла привести к «совершенной зависимости», т. е. к порабощению одного индивида другим и уничтожению свободы человека в обществе¹⁴. В реальности «свобода», по мнению автора, возможна только в условиях «взаимной зависимости», которая «...не только не разрушает нашу свободу, но напротив того сохраняет ее в совершенной безопасности»¹⁵.

Объясняя читателям сущность «взаимной зависимости» лю-

¹¹ Малиновский А. Ф. Рассуждение о начале и основании гражданских обществ. М., 1787. С. 3.

¹² Там же. С. 2.

¹³ Там же. С. 4.

¹⁴ Там же. С. 5.

¹⁵ Там же. С. 6.

дей в обществе, А. Малиновский подчеркивал, что она не предполагала установление между «гражданами» отношений власти и подчинения, напротив – осознание каждым членом общества подобной взаимозависимости должно было проявляться в форме признания, наряду с собственными интересами, прав и свобод других индивидов. Внешним же ограничителем «свободы» должны быть установленные государством законы, и любой гражданин, по мысли автора, должен был рассуждать следующим образом: «Закон, воспрещая мне что-либо предпринять против свободы моих единоземцев, удостоверяет тем и меня в безопасности со стороны других. Свобода всякого народа сохраняется только до тех пор, пока он покорствуется законам»¹⁶. Таким образом, «свобода» трактовалась, одновременно, как морально-этическая и правовая категория, предполагавшая, что человек сознательно и добровольно ограничивает себя в том случае, если его действия нарушают свободу других граждан.

Взаимосвязь «свободы» с «законом» и способностью человека к самоконтролю прослеживается не только в публицистических произведениях, но и в официальных наставлениях, адресованных подрастающему поколению. Аналогичная модель поведения свободного человека была рекомендована, например, в «Высочайше утвержденных правилах для учащихся в Императорском Дерптском университете» (1803 г.). В разделе «Об обязанностях студента к самому себе» при обозначении главной цели пребывания учащихся в университете, наряду с «приобретением высших знаний для будущего своего назначения», было заявлено о необходимости «приобретения навыка в надлежащем употреблении *свободы* своей и управлении собою»¹⁷. В соответствии с правилами поведения учащимся всегда следовало помнить, что «...добровольное почитание к законам и благонравию есть истинная *свобода*, прямое управление самим собою»¹⁸. Предполагалось, что в процессе обучения и воспитания у студента формировалась способность к самоконтролю, внешним проявлением которого должны были

¹⁶ Там же. С. 8.

¹⁷ ПСЗ. Т. XXVII, 1803. № 20.905. С. 851.

¹⁸ Там же. С. 851.

быть «благоразумная бережливость и любовь к порядку», «воздержание и умеренность»¹⁹. Все эти качества, в сочетании с законопослушным поведением, назывались искусством «управлять собой» или «истинной свободой».

Таким образом, в публицистических произведениях и правилах поведения для подрастающего поколения «свобода» преподносилась как совокупность внешней и внутренней «свободы», которая проявлялась в наличии у человека стремления к «духовному» самосовершенствованию и способности к самоконтролю, а также осознания взаимной зависимости граждан.

Не менее важным фактором формирования в сознании образованного российского подданного понимания, что такое «свобода» в условиях окружающего его общества, было действующее российское законодательство. Сравнительный анализ использования понятия «свобода» в законодательных актах Екатерины II и Павла I позволил выявить несколько устойчивых элементов его содержания, которые были официально продекларированы верховной властью и непосредственно влияли на повседневную жизнь людей.

Практически во всех манифестах, указах и «всемилодивейших грамотах» «свобода» преподносилась как особая привилегия, знак благосклонного расположения высочайшей особы, даруемая не всем российским подданным вообще, а представителям каждой социальной или профессиональной группы в отдельности. Так, например, в годы правления Екатерины II было издано несколько указов, провозглашавших различные «права и свободы» приезжавшим в Россию на постоянное жительство иностранным колонистам. В манифесте от 22 июля 1763 г. объявлялось о даровании права «всем пребывавшим в Империю Нашу на поселение иметь свободное отправление веры по их уставам и обрядам беспрепятственно» и «освобождении» от «всяких налогов и тягостей» на срок от 5 до 30 лет в зависимости от места проживания²⁰. В дальнейшем, кроме

¹⁹ Там же. С. 851.

²⁰ ПСЗ. Т. XVI, 1763. № 11.880. С. 313, 314.

«свободы вероисповедания» и «освобождения» от повинностей, колонистам гарантировалось, что даже при поселении на землях частных владельцев, они, заключая договор об аренде земли, «...навсегда оставались свободными»²¹. Данная норма, по мнению некоторых современных исследователей²², рассматривалась Екатериной II как способ подготовки землевладельцев к постепенному переходу от использования труда крепостных крестьян к практике использования труда вольнонаемных работников.

В «Высочайшей грамоте менонистам» (1800 г.) «свобода» для приглашенных в Россию иностранных поселенцев трактовалась более широко. Им предоставлялась: 1) «свобода в беспрепятственном отправлении веры по церковным их установлениям и обычаям...»; 2) «освобождение... селений и домов от всякого рода постоев и квартирования, исключая того времени, когда где команды проходить будут...»; 3) «полная свобода и власть распоряжаться собственным своим имением по произволу и благоприобретению каждого, за исключением... земли им от казны отведенной»; 4) «свобода селениям выбирать по собственным своим правилам опекунов над имением малолетних детей, оставшихся после умерших»²³. Предполагалось, что все перечисленные в манифесте 22 июля 1763 г. и «Высочайшей грамоте менонистам» свободы, могли привлечь в Россию квалифицированных иностранных работников. Для образованной же части «коренных» российских подданных подобное перечисление служило своеобразной иллюстрацией того, в какой форме могла быть юридически зафиксирована «свобода» в условиях отечественной реальности и, одновременно, дополнительным подтверждением наличия у верховного правителя монопольного права определять её содержание для различных категорий населения.

²¹ ПСЗ. Т. XVIII, 1767. № 12.897. С. 130.

²² См.: *Ржеуцкий В. С.* Французы на русских дорогах: иммиграционная политика Екатерины II и формирование французских землячеств в России // *Европейское просвещение и цивилизация России*. М., 2004. С. 238–254; *Бартлетт Р.* Поселение иностранцев в России при Екатерине II и проекты освобождения крепостных крестьян // Там же. С. 255–263.

²³ ПСЗ. Т. XXVI, 1800. № 19.546. С. 286–287.

Дифференцированный характер устанавливаемых монархом для каждой сословной группы «свобод», отчетливо проявлялся и в наиболее часто цитируемых на рубеже XVIII–нач. XIX вв. законодательных актах – «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и «Грамоте на права и выгоды городам Российской Империи». В первом из них российскому дворянству подтверждались «на вечные времена... вольность и свобода». Наряду с множеством различных прав и привилегий, обозначенных в документе без использования слова «свобода», дворянин обладал «свободой от постоя», имел «свободную власть и волю... благоприобретенные им имения дарить..., завещать, ...отдать..., передать или продать кому заблагорассудится»²⁴. При этом подчеркивалось, что весь комплекс «прав, привилегий и вольностей» распространялся только на тех, кто имел неопровержимые доказательства своей принадлежности к «благородному сословию»²⁵. Данное обстоятельство было дополнительным подтверждением очевидной для любого российского подданного взаимосвязи содержания «свободы» с сословной принадлежностью и внутрисословным статусом человека.

Для лиц недворянского происхождения существование такой взаимосвязи было четко зафиксировано в «Жалованной грамоте городам». Несмотря на то, что в преамбуле этого документа императрица, объявляя о намерении «освободить рукоделия, промыслы и торговлю от принуждений и притеснений», обращалась ко всем жителям городов, в основной части документа при употреблении понятия «свобода» всегда указывалось о какой группе горожан идет речь. Так, например, в § 15 объявлялась «свобода от постоя» для бургомистра, ратмана и городского головы», а в § 107 и § 113 провозглашалось «освобождение от телесного наказания» для купцов первой и второй гильдий соответственно²⁶.

В российском законодательстве последней трети XVIII в. понятие «свобода» использовалось и для обозначения возмож-

²⁴ ПСЗ. Т. XXII, 1785. № 16.187. С. 348, 349.

²⁵ Там же. С. 354.

²⁶ ПСЗ. Т. XXII, 1785. № 16.188. С. 360, 369.

ности так называемых «вольных людей» «самим избирать себе род жизни». На практике это означало предоставление лицам, которые не имели юридически закрепленного статуса, но соответствовали необходимым условиям, права записываться в мещанское или купеческое «состояние», а также поступать на государственную службу. В указах 28 июля 1781 г. и 20 октября 1783 г. объявлялось о предоставлении «польским пленным» и «оказавшихся при последней переписи разных народов вольных людях» «свободы избирать такой род жизни, какой сами они за благо рассудят, на пользу общую и для своего собственного пропитания...»²⁷. Однако в действительности декларируемая «свобода избирать род жизни» означала не право, а *обязанность* человека записываться в какое-либо податное сословие и своевременно выплачивать все установленные правительством налоги. В противном случае человек мог быть причислен к категории «гулящих людей» и в соответствии с законом подвергался наказанию. Данное обстоятельство не позволяло современникам трактовать «свободу избирать себе род жизни» как реальную возможность свободного перемещения в социальном пространстве в условиях существовавшей в России многоуровневой сословной и внутрисословной дифференциации.

Таким образом, во всех указанных выше контекстах «свобода» воспринималась не как абстрактная категория, а была связана в сознании современников с конкретным «набором» «прав, привилегий и преимуществ», дарованных верховной властью представителям определенной социальной группы. В повседневной жизни эта взаимосвязь проявлялась в существовании многочисленных различий правового и имущественного положения российских подданных, а также в сепаратном характере российского законодательства и судопроизводства, которые допускали многочисленные исключения из общих правил при рассмотрении частных дел.

Понятие «свобода», как надсословная категория, в равной степени относящаяся ко всем российским подданным, в законодательстве употреблялось значительно реже. Как правило, в

²⁷ ПСЗ. Т. XXI, 1781. № 15.198. С. 211; Т. XXI, 1783. № 15.853. С. 1025.

таким контексте понятие «свобода» присутствовало в манифестах по случаю окончания войны или вступления на престол нового императора. Так, например, в манифесте Екатерины II «О высочайше дарованных разным сословиям милостях по случаю заключения мира с Портой Оттоманскою» было объявлено об «освобождении» преступников, осужденных за совершение целого ряда преступлений, упразднении временных налогов и списании казенных задолженностей частным лицам²⁸. Аналогичные распоряжения содержатся и в одном из первых манифестов Александра I «Об облегчении участи преступников и сложении казенных взысканий»²⁹. Следует отметить, что во всех подобных манифестах «освобождение» преподносилось как очередная «милость» монарха, демонстрировавшая его заботу о российских подданных.

Еще один вариант словоупотребления понятия «свобода» вне сословного контекста встречается в российском законодательстве при декларации «свободы вероисповедания», трактуемой как разрешение российским и иностранным подданным сохранять исторически сложившиеся религиозные обряды и конфессиональную принадлежность. В «Жалованной грамоте городам» (1785 г.) такое разрешение было сформулировано в § 124 следующим образом: «дозволяется иноверным, иногородним и иностранным свободное отправление веры»³⁰. Весной 1797 г. свобода вероисповедания была провозглашена в манифесте 18 марта «О свободном вероисповедании... в присоединенных от Польши губерниях» и указе 3 апреля «О наблюдении свободы вероисповедания». В первом из них необходимость предоставления такой свободы аргументировалась наличием у государя обязанности защитить своих подданных от чрезмерной активности «духовенства Римско-Католического исповедания». Объясняя причину издания манифеста, Павел I писал: «Вступив на прародительский Наш Императорский престол, предположили Мы священным себе долгом обеспечить

²⁸ ПСЗ. Т. XX, 1775. № 14.275. С. 82–86.

²⁹ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 19.814. С. 604.

³⁰ ПСЗ. Т. XXII, 1785. № 16.188. С. 379–380.

каждому свободу исповедания веры им содержимой...»³¹. При этом он подчеркивал, что представители римско-католической церкви, «пользуясь сами свободой исповедания», не должны «тайно советами и внушениями, или же явно и насильственно» способствовать переходу православных людей в католическую веру. Выбор вероисповедания человек должен был делать самостоятельно «...по добровольному руководству совести»³². Такая трактовка была близка рассмотренному выше тезису о духовной свободе как «истинной», «совершенной» свободе человека в обществе.

Однако предоставление человеку «свободы вероисповедания» с точки зрения верховной власти было важно не только для отдельного гражданина, но и для всего общества в целом³³. В преамбуле указа от 3 апреля 1797 г. неукоснительное соблюдение «свободы вероисповедания» объявлялось необходимым условием сохранения гражданского порядка: «Свобода веры и оставление каждому исповеданию оной по собственному убеждению совести, есть наилучшее средство сохранить между обитателями различного закона тишину и спокойствие»³⁴. Именно поэтому функции контроля за соблюдением такой «свободы» возлагались на представителей местной администрации, а губернаторам Литовской, Минской и Киевской губерний было дано предписание «...наблюдать..., дабы различие закона не служило никому поводом притеснять друг друга, но каждый бы оставаясь при исповедании того, к коему совесть его прилипнет, был добрым и мирным гражданином»³⁵.

В общем виде свобода вероисповедания в законодательстве преподносилась как инструмент сохранения внутривластной стабильности. В начале XIX в. такой инструменталистский подход к вопросам религии не вызывал у образованной части российского общества сколько-нибудь серьезных возражений, а его

³¹ ПСЗ. Т. XXIV, 1797. № 17.879. С. 513.

³² Там же. С. 513.

³³ См. подробнее: Григорьев С. Л. Религиозные взгляды и религиозная политика Павла I. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург. 2004.

³⁴ ПСЗ. Т. XXIV, 1797. № 17.904. С. 524.

³⁵ Там же. С. 524.

справедливость подтверждалась не только существованием указов Павла I, но и обращением к мнению Екатерины II. В опубликованной в 1802 г. М. Антоновским «Переписке российской императрицы Екатерины Второй с Вольтером» российский читатель мог найти высказывание императрицы, отражавшее её взгляд на религиозную политику правительства: «...гонение раздражает сердца, но свобода в исповедании умягчает оные и соделывает менее упорными; она утешает сии распри, противоборствующие спокойствию Государственному и союзу Гражданскому»³⁶. Таким образом, свобода вероисповедания, с одной стороны, отождествлялась с правом человека на внутреннюю, духовную свободу, а с другой стороны, была связана с функцией государства по поддержанию политической стабильности.

Все указанные выше коннотации понятия «свобода», вне зависимости от того, подразумевались ли под «свободой» духовные искания человека, «искусство управлять собой» или определенный набор пожалованных верховной властью привилегий, не предполагали противопоставления отдельного человека «государству». Проведенный сравнительно-контекстуальный анализ различных вариантов употребления понятия «свобода» позволяет утверждать, что негативные по своей эмоциональной окрашенности коннотации данного слова были связаны с противопоставлением свободы «безвластию», «безначалию», «буйству», «необузданности», «ложным идеям социального равенства» и «рабству».

Ярким примером отрицания свободы как «безначалия» и «безвластия», возникавших вследствие бездумного увлечения «ложными идеями», является произведение И. В. Лопухина с «говорящим» о позиции автора названием «Излияния сердца, чтущего благость единоначалия и ужасающегося, взирая на пагубные плоды мечтания равенства и буйной свободы»³⁷. Его автор подчеркивал, что подлинная «свобода» невозмож-

³⁶ Переписка российской императрицы Екатерины Второй с господином Вольтером с 1763 до 1778 год / Перев. А. Антоновский. Ч. 1. СПб., 1802. С. 19.

³⁷ Лопухин И. В. Излияния сердца, чтущего благость единоначалия и ужасающегося, взирая на пагубные плоды мечтания равенства и буйной свободы. М., 1796.

на в условиях социального равенства и безвластия. По словам И. В. Лопухина, «все вопиет нам о естественности неравенства; все возвещает необходимость, пользу *подчинения* и власти, коих взаимное действие есть душа порядка, связь мира и путь к возможному совершенству»³⁸. Стремление же к «равенству» есть результат неправильного понимания сущности «свободы» человека в обществе, которая при таком прочтении становится опасной для общества «буйной свободой». Такая «свобода» может привести к «рабству», так как каждый человек, вообразив себя равным с другими, будет действовать только в своих собственных интересах, не учитывая при этом интересов и потребностей своих «сограждан». Избегать такого развития событий считалось возможным только в случае, если каждый человек будет помнить о взаимной зависимости людей в обществе и неукоснительно соблюдать установленные государством законы.

В общем виде противопоставление понятий «свобода» и «рабство» в последней трети XVIII в. не предполагало отношений противостояния личности и государства. Слово «рабство», также как и «свобода» имело несколько значений и употреблялось в различных контекстах. Во-первых, в соответствии со сложившейся с начала XVIII в. традицией оно использовалось для выражения преданности и верноподданнических чувств всего свободного населения страны. Основанием для формирования подобной коннотации стал указ 1 марта 1702 г., регламентирующий формуляр посланий на высочайшее имя. В соответствии с ним, все подобного рода документы должны были заканчиваться подписью «Вашего Величества низжайший раб»³⁹. Проведенный Е. Н. Марасиновой анализ прошений, поданных на высочайшее имя после 1702 г., убедительно показал, что новый формуляр был легко усвоен челобитчиками, а словосочетания «низжайший раб», «покорный раб» перешли в разряд автоматически воспроизводимых штампов⁴⁰. В этом

³⁸ Там же. С. 35.

³⁹ ПСЗ. Т. IV, 1702. № 1899. С. 189.

⁴⁰ См.: Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 258–263; Она же. Власть и общество в России XVIII века... С. 93–102;

качестве они употреблялись не только в прошениях, но и в различных проектах. Так, например, И. Бецкой «В генеральном плане московского воспитательного для приносных детей дома», а Н. Панин, Э. Миних, А. Голицын, И. Чернышев в «Исполнительном учреждении» к данному плану, представленных Екатерине II 11 августа 1767 г. и 20 ноября 1772 г. соответственно, воспроизвели уже привычное в таких случаях выражение «Вашего Величества всеподданнейшие рабы»⁴¹.

Следуя этой традиции, представители образованного российского общества нередко использовали словосочетания «верный раб», «рабская верность», «преданный раб» и в частной переписке⁴². В данном контексте понятие «раб» не имело уничижительного значения и не отождествлялось со словом «невольник», а приближалось к значению «подданный», «верный человек», «преданный слуга». Своеобразным отражением существования подобной трактовки, уже в царствование императора Александра I, было сочинение профессора Харьковского университета Г. Успенского, в котором он объяснял читателям значения слова «раб»: «Названия *раб* и *рабство* происходит от слова работа, яко должности приличной и свойственной рабу; слово же работа есть однозначнаменательное слову служение; работать и служить значило прежде одно и то же; и названия *служение* и *рабство* Славяноруссами принимаемы были в одинаковом смысле. По сей причине у нас и все государственные служители даже самых первейших классов с означенного 1702 года назывались и в подаваемых Государям бумагах писались всегда *рабами*...»⁴³.

Словосочетание «Вашего Величества нижайший раб» из официально установленного формуляра обращений к императрице было исключено указом 19 февраля 1786 г., в котором все-

⁴¹ См.: ПСЗ. Т. XVIII, 1767. № 12.957. С. 291–292; Т. XIX, 1772. № 13.909. С. 635.

⁴² См., например, тексты писем А. А. Нартова А. Б. Кочубею: *Дружинин П. А. Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818)*. М., 2002. С. 258, 255.

⁴³ *Успенский Г. Опыт повествования о древностях русских. Ч. 2.: О обычаях россиян в гражданском их состоянии и правительстве*. Харьков, 1818. С. 202.

народно провозглашалось: «в присылаемых Ея императорскому Величеству письмах и реляциях или донесениях, по окончании оных, вместо всеподданнейшего раба, подписывать просто: всеподданнейший, или верный подданный; а равным образом в патентах, присяжных листах и во всех прочих бумагах, где до сего слово раб включаемо было, вместо онаго употреблять имя: подданный»⁴⁴. Однако такое изменение формуляра не привело к исчезновению из официальных и личных бумаг термина «раб». В посланиях на высочайшее имя дворянство упорно продолжало подписываться «нижайший раб» и после указа 1786 г.⁴⁵

Решение Екатерины II о запрещении использовать в официальных документах подписи «раб», на мой взгляд, было вызвано не только «стремлением императрицы к иному уровню контактов со своим ближайшим окружением»⁴⁶ и желанием соответствовать образу «просвещенного монарха», но и выдвижением в общественном сознании на первый план как минимум двух однозначно негативных коннотаций слова «раб», прямо противоречивших отождествлению понятия «раб» с верным, честным и преданным слугой.

Первая из них была связана с противопоставлением устойчивого словосочетания «раб Божий» выражению «раб страстей», которое употреблялось для обозначения человека ведущего несоответствующий нормам христианской морали образ жизни. Такой «человек, – по словам Л. Давыдовского, – может прилепляться к суетам и быть скверным рабом своих страстей»⁴⁷, а следовательно, он не обладал всеми теми качествами, которые должны были быть у «истинного христианина» и «верноподданного». Данная трактовка понятия «раб» в 1794 г. была зафиксирована в официально изданном «Словаря Академии Российской», составители которого, объясняя читателям значение этого слова, писали, что оно «употребляет-

⁴⁴ ПСЗ. Т. XXII, 1786. № 16.329. С. 534.

⁴⁵ Марасинова Е. Н. Власть и общество в России XVIII века... 102; Она же. Личность и власть в России XVIII века (проблемы понятийной истории) // Е. Р. Дашкова: портрет в контексте истории. М., 2004. С. 81.

⁴⁶ Марасинова Е. Н. Власть и общество в России XVIII века... С. 99.

⁴⁷ Давыдовский Л. Указ. соч. С. 13.

ся... для означения человека, предавшегося какому-нибудь пороку», а в качестве примера правильного словоупотребления предлагали выражение «раб страстей своих»⁴⁸.

Второе негативно окрашенное значение было связано с представлениями о внутреннем душевном примитивизме и низком уровне морально-этических качеств человека, находившегося в состоянии «раба». Со второй половины XVIII в. слова «раб» и «рабство» все чаще использовались в отношении лично зависимых от воли помещика дворовых людей и крепостных крестьян. В официальных и неофициальных текстах постепенно формировался образ «раба» как «невежественного» человека, который склонен к распространению различных слухов и совершению необдуманных поступков. Так, например, в «Генеральном плане Московского воспитательного дома» (1767 г.) И. Бецкой предостерегал дворян от недооценки степени влияния на детей общения с крепостными людьми: «Тот самый крепостной или крепостная первый будет... друг или подруга сыну твоему или дочери твоей. Дети твои... напитаются в первые годы возраста всеми пороками, всею грубостью, всеми худыми разговорами от сих рабов... От сообщества с ними наследуют они невежество, свирепства, развратные нравы... <...> Такие-то плоды приобретает человек, воспитанный там, где глупость и коварство, где общества *подлых рабов*, несмысленных кормилиц и бесстыдных служанок обитают»⁴⁹.

В процитированном выше тексте отражены характерные для большинства дворянства представления о том, что «рожденным и воспитанным в рабстве»⁵⁰ людям свойственны «грубость», «невежество», «свирепство», «развратные нравы», «глупость» и «коварство». Все эти негативные качества объявлялись результатом плохого воспитания и жесткого обращения с людьми, находившимися на положении «рабов», а средством смягчения нравов провозглашалось «просвещение» и смягчение системы наказаний. Основываясь на данном постулате, И. Бецкой писал о пагубности жестокого обращения с

⁴⁸ Словарь Академии Российской. Ч. V.: от Р до Т. СПб., 1794. С. 2.

⁴⁹ ПСЗ. Т. XVIII, 1767. № 12.957. С. 309.

⁵⁰ Там же. С. 311.

учащимися воспитательного дома: «Когда же обходиться станут с питомцами как с *рабами*, не только вкоренят в них тоже, что *рабам* прилично, но чрез то свергнут их в погибель толь великую, что можно уже тогда сказать справедливо: О коль бедны сии создания!»⁵¹. Аналогичное суждение о насилии и жестокости, как главной причине грубости нравов людей находившихся в «рабстве», образованный российский подданный мог найти и в неоднократно переизданном «Наказе комиссии о составлении проекта нового уложения», где Екатерина II, рассуждая о принципах вынесения наказаний, отмечала, что «...с рабами не должно обходиться весьма сурово, ибо они тотчас к обороне приступают» и «...надлежит, чтоб законы гражданские... злоупотребление рабства отвращали...»⁵².

Постепенно в кругах образованного российского дворянства бережное и рациональное обращение с крепостными крестьянами стало приравняться к «добродетели» достойной «просвещенного человека»⁵³. Яркой иллюстрацией существования подобного рода аналогий в начале XIX в. может служить опубликованная в первом номере журнала «Вестник Европы» статья «Портрет милой женщины», автор которой, описывая нравственные качества своей знакомой, одной из её «добродетелей» называл «...снисходительное, родственническое, так сказать, обращение даже и к служащим ей»⁵⁴. По словам рассказчика, «она боится дать им почувствовать их *рабство*», и поэтому «не приказывает, но просит, не бранится, а с приятною уговаривает, и не требует от них других услуг, кроме самых необходимых»⁵⁵. И хотя о таком характере взаимоотношений своей героини с «рабами» автор упоминал лишь вскользь, общий положительный контекст этого сюжета подразумевал, что описанная модель поведения должна рассматриваться современниками как образец для подражания.

⁵¹ Там же. С. 323.

⁵² ПСЗ. Т. XVIII, 1767. № 12.949. С. 204, 238.

⁵³ См.: Марасинова Е. Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. (по материалам переписки). М., 1999. С. 203–237.

⁵⁴ Портрет милой женщины // ВЕ. 1802. Ч. 1. № 1, янв. С. 57.

⁵⁵ Там же. С. 57.

Содержательно в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного на рубеже XVIII – нач. XIX в. понятия «раб» и «рабство» были взаимосвязаны и все чаще употреблялись в негативном контексте для описания отношения полной зависимости одного человека от другого. Именно такое значение было указано в качестве основного в «Словаре Академии Российской»: «раб – «находящийся в совершенной зависимости у другого», а «рабство – состояние раба»⁵⁶. Неотъемлемыми признаками такого «состояния» считалось отсутствие у человека каких-либо юридически оформленных прав. Показательным в данном контексте, на мой взгляд, являются слова В. Ф. Малиновского в письме В. П. Кочубею в ноябре 1802 г.: «Описать как томится раб или целое их селение, трудно, но лица рабов и хижины их изображают то сами. Люди не радующиеся о своем существе, влекущие свою жизнь поневоле, в трудах и недостатке – то суть *рабы*. Земляки и братья по христианству, рабы живут как пленники в своем Отечестве, отчуждены всех прав его и преимуществ и даже обережения законов в рассуждении собственности и самой безопасности жизни...»⁵⁷. Автор, безусловно сочувствуя крепостным крестьянам, на мой взгляд, перечислил существенные для его современников признаки «рабского состояния». По его словам, «рабство» сопровождается подавленным эмоциональным состоянием, подневольным трудом, отсутствием собственности, личной безопасности и каких бы то ни было законных прав.

Таким образом, во второй половине XVIII – начале XIX в. в сознании образованного российского подданного произошло смещение смысловых акцентов: от употребления понятия «раб» в значении «покорный слуга» и «верный подданный» к формированию негативного отношения к «рабству» как к несовместимому с нормами христианской морали социальному явлению, которое связано с насилием и полным бесправием человека. В

⁵⁶ Словарь Академии Российской. Ч. V.: от Р до Т. СПб., 1794. С. 1–2.

⁵⁷ Письмо В. Ф. Малиновского к графу В. П. Кочубею от 28 ноября 1802 г. с приложением записки о освобождении рабов // *Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XVIII века*. Сб. док-тов. Липецк, 2003. С. 43.

первой четверти XIX в. такая трактовка будет отправной точкой при рассмотрении различных вариантов освобождения крепостных крестьян, а также постановки вопроса о наделении наиболее образованной части российских граждан «политическими свободами», отсутствие которых в различных проектах политических преобразований могло обозначаться словом «рабство».

§3. Содержание понятий «закон», «конституция» и «революция»

Во второй половине XVIII в. понятие «закон» не было новым в лексиконе образованного российского подданного и использовалось как в политическом, так и в неполитическом контекстах. Еще со времени Древней Руси оно употреблялось для обозначения границ допустимого поведения человека в обществе и выступало в качестве синонимов таких слов как «завет», «заповедь», «обычай». В этом смысле его содержание было тесно связано с нормами христианской морали и зафиксировано в устойчивом словосочетании «Закон Божий», обозначавшем неизменные и обязательные для каждого человека правила поведения¹. Такая трактовка продолжала оставаться доминирующей вплоть до конца XVII – начала XVIII в., когда, наряду с существовавшим ранее религиозным содержанием, основным становится светское значение этого слова.

Однако к началу XIX в. смысловая взаимосвязь понятия «закон» с религией не была полностью утрачена, напротив – составители «Словаря Академии Российской» и в 1792, и в 1809 г., предлагали два варианта определения этого слова: 1) «Закон – предписание, правило поведения, учащее, что делать и чего не делать»; 2) «Закон – определенный образ Богопочитания, содержимый известным народом, вера»². Одновременно в этом же словаре было зафиксировано разделение на «законы естественные», которые «суть чувства и врожденные понятия о справедливости влияющие создателем во всех человеков», и «законы гражданские – государями и властями

¹ См.: Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб., 2000. С. 128; Степанов Ю. С. Константы: словарь русской культуры. М., 2004. С. 599–604.

² Словарь Академии Российской. Ч. 3.: от З до М. СПб., 1792. С. 9; Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 2.: Д–К. СПб., 1809. Стб. 612.

светскими уложенные уставы»³.

Сравнительный анализ этих определений позволяет выявить ряд принципиально важных признаков «закона», которые, с точки зрения составителей словаря, отражали его содержание и способ установления. Во-первых, отождествление закона с «верой» и «образом Богопочитания» акцентировало внимание читателей на его взаимосвязи с традициями и обычаями народа. Во-вторых, подчеркивалось, что закон – это не только набор предписаний и установлений, но еще и определенный комплекс морально-нравственных качеств, которые предполагают наличие у человека «чувства справедливости». В такой трактовке соблюдение норм закона являлось не обязанностью, а «естественной» потребностью каждого гражданина. В третьих, прямое указание на субъекты, волеизъявление которых следовало воспринимать в качестве «неотложного правила» «предписания» или «установления», должно было укрепить уверенность в том, что как «божественные», так и «гражданские законы» могут быть установлены только сверху, а следовательно, их появление не связано какой-либо процедурой согласования зафиксированных в них норм и правил поведения. Все эти признаки «закона» на рубеже XVIII–XIX вв. были общим фоном для формирования представления о законе как универсальном регуляторе общественных отношений.

В общем виде проведенный анализ литературно-публицистических произведений и учебных пособий, а также материалов периодической печати, позволяет говорить о существовании, как минимум, *двух взаимосвязанных друг с другом функций «закона»*, которые были признаны современниками наиболее значимыми. Прежде всего, «закон» воспринимался как «источник добрых нравов»⁴ и *средство ограничения «человеческих страстей»*⁵. И. Елагин, например, писал о благотворной роли

³ Словарь Академии Российской. Ч. 3. С. 9–10; Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный. Ч. 2. Стб. 612.

⁴ [Завадовский П. В.] Записка графа Завадовского // Русский архив. 1908. № 6. С. 20.

⁵ См.: Нравственное состояние Европы в середине Осьмогонадесять столетия // СПбж. 1805. № 3. С. 82.

«закона»: «Народ повсюду несмыслен..., но святостью веры и твердостью законов гражданских неистовства его связуются»⁶. Не случайно в многочисленных наставлениях законодателям, регулярно появлявшихся на страницах столичных журналов, звучали призывы обратить пристальное внимание не только на лучшие образцы европейского законодательства, но и традиционные для российского народа нравы и обычаи. В одной из таких публикаций, автор, размышляя над работой «мудрого законодателя», писал о необходимости помнить, «...что законы имеют целью исправлять, сколько возможно, несовершенства человеческие»⁷. Подразумевалось, что «закон» «предохраняет» граждан от совершения преступлений не только посредством угрозы наказания⁸, но и воспитания, целью которого было «исправление народных нравов». В данном контексте «закон» должен был быть основан на традициях и обычаях народа и, одновременно, способствовать «исправлению нравов», что позволило бы сохранить самобытность российской культуры и воспитать новое поколение российских подданных.

В одном ряду с указанной выше воспитательной функцией «закона», неоднократно подчеркивалось его важность для организации *управления и обеспечения целостности государства*. Именно такое значение в первой четверти XIX в. становится общепринятым и встречается как в научных работах российских ученых, так и в периодической печати. Например, профессор Императорского лицея А. П. Куницын в сочинении «Право естественное», объясняя читателям значение слова «закон», писал: «слово закон по своему производству означает природу, далее которой что либо простираться не должно или не может. В переносном смысле закон есть положение, выражающее необходимость, по которой что-либо случается или случится должно»⁹. Следовательно, по мнению А. П. Куницына и его

⁶ [Елагин И. П.] Опыт повествования о России. Сочинение Ивана Елагина, начатое на 65 году от его рождения, лета от рожества Христова 1790, двора Его Императорского Величества обер-гофмейстера. М., 1803. С. XVI, XVII.

⁷ Нечто о началах Правлений // СПбж. 1804. № 4, апр. С. 117.

⁸ См.: Наумов И. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб., 1813. С. 14.

⁹ Куницын А. П. Право естественное. Ч. 1. СПб., 1818. С. 38.

современников, любой «закон», с одной стороны, устанавливал естественные ограничения действий человека в социуме, а с другой – отражал закономерную необходимость развития процессов в обществе и природе. В такой историко-философской трактовке «закон» отождествлялся, со «...способами, коими люди соединяются и сохраняются в обществе, и без которых бы общество разрушилось...»¹⁰. Все это позволяло утверждать, что без наличия «положительных законов» общество не только не сможет успешно развиваться, но и обречено на гибель.

Предотвратить разрушение общественных связей, по мнению авторов большинства учебных пособий по курсам «естественного» и «гражданского права», могло и должно было государство в лице «верховного правителя», который издает необходимые обществу «законы». С этой позиции «закон» рассматривался как «...выражение высочайшей воли, полагающей правила поведения Граждан во всех случаях их жизни, и во всех взаимных их отношениях в обществе Гражданском»¹¹. Аналогичное понимание закона присутствует и работе ординарного профессора Московского университета Х. Шлецера «Начальные основания естественного права». По его словам, «правитель имеет право выбирать нужные средства к достижению общей цели, то есть имеет право давать законы...»¹². Наличие у государя такого «права», по мысли автора, способствовало бы установлению необходимого для любой страны соответствия между нравами народа и содержанием законов. Следует отметить, что такой инструменталистский взгляд на содержание

¹⁰ См.: Успенский Г. П. Рассуждение о древности и достоинстве законов российских до издания царем Алексеем Михайловичем Соборного уложения и сходства сего последнего с некоторыми преждебывшими у нас узаконениями. Харьков, 1814. С. 6; Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи, издаваемые комиссиею составления законов. Т. 1. СПб., 1821. С. 2.

¹¹ [Терлаич Г.] Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России, начертанное профессором Григорием Терлаичем. СПб., 1810. Ч. 2. С. 10; Аналогичные определения понятия «закон» см.: Куницын А. П. Указ. соч. Ч. 2. СПб., 1820. С. 71; Шмальц Ф. Право естественное. СПб., 1820. С. 380.

¹² [Шлецер Х.] Начальные основания естественного права, изданный профессором Христианом Шлецером. М., 1810. С. 27.

законодательства и функции «просвещенного монарха» не противоречил ни исторически сложившейся системе государственного управления, ни основным положениям работ европейских философов и правоведов. В первой четверти XIX в. указанная взаимосвязь закона с «нравами», «обычаями» и волеизъявлением верховного правителя будет оказывать заметное влияние на процесс адаптации в России принципа конституционного правления и формирования двойственного отношения к революции как способу проведения общественных преобразований.

В отличие от понятий «гражданин», «собственность», «государство», «свобода» «рабство» и «закон» понятия «конституция» и «революция» не имели в России многовековой истории, а были заимствованы в XVIII в. из европейского политического лексикона. В процессе заимствования они, как и любые привнесенные извне понятия, используемые современниками для описания окружавшей их социальной реальности, должны были быть «встроены» в привычную языковую картину мира. Данное обстоятельство существенно осложняет исследование, т. к. привнесенные из «чужой» культурной среды социально-политические понятия обозначали явления и процессы, которые не являлись частью повседневного опыта, и для большинства населения оставались достаточно абстрактными категориями. Самым простым способом конкретизации было объяснение их значения посредством использования хорошо известных, но не полностью тождественных по своему содержанию синонимов. При этом, как правило, политически нейтральные значения принимались без каких-либо изменений и были тождественны своему европейскому содержанию, а значения, резко контрастировавшие с привычными нормами, ценностями и стереотипами поведения, могли подвергаться корректировке. Такой алгоритм культурной адаптации нередко приводил к тому, что европейские идеи в России выражались в терминах предшествующей эпохи, значение которых было хорошо известно современникам и не требовало дополнительных пояснений¹³. Все это обуслов-

¹³ См: Ильин М. В. Умножение идеологий или проблема «переводимости» политического сознания // Полис. 1997. № 4. С. 78–87.

ливает целесообразность сопоставления первоначальных значений заимствованных из Европы социально-политических понятий и различных вариантов их словоупотребления в текстах российских авторов последней трети XVIII – нач. XIX в.

В английской языковой практике понятие «конституция» появляется в начале XVII в. в значении «сложение», «состав», «соединение», «строение тела». Так, например в 1602 г., У. Фулбек, размышляя о природе общественных объединений, отметил, что «корпорации в их общем виде и *сложении (constitution)* напоминают природное тело человека»¹⁴. Аналогичная трактовка «конституции» как совокупности частей тела животных или человека встречается в текстах французских авторов вплоть до середины XVIII в. Применительно к сфере политики времени понятие «конституция» употреблялось лишь как своеобразная метафора, подчеркивавшая взаимосвязь всех органов государственного управления или сфер жизни общества. Однако уже с середины XVII в. оно приобретает более отчетливое политическое звучание. Катализатором этого процесса было появление в Англии различных тайных обществ и клубов, которые в качестве устава или программы составляли свои так называемые «конституции»¹⁵. Постепенно, по мере распространения масонских организаций в различных странах Европы, «конституция» становится синонимом словам «устав», «свод внутренних правил»¹⁶.

Одновременно с этим понятие «конституция» употреблялось не только для обозначения организационной структуры и правил поведения внутри какого-либо «общества», но и в более широком социально-политическом контексте – как общее наименование исторически сложившегося комплекса обычаев

¹⁴ Цит по: Ильин М. В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. М., 1997. С. 313.

¹⁵ См.: Джейкоб М. К. Масонство // Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М., 2003. С. 276; Киясов С. Е. Масонство в эпоху просвещения (генезис, идеология, эволюция, статус). Автореферат... дисс. док-ра ист. наук. Волгоград, 2008.

¹⁶ См.: Артемьева Т. В., Бажанов В. А., Микешин М. И. Рецепция британской социально-философской мысли в России XVIII–XIX вв. СПб., 2006. С. 24; Джейкоб М. К. Указ. соч. С. 277.

и законов, признаваемых всеми жителями страны. Подтверждением существования такой трактовки являются слова известного английского политика Г. Болинброка, сказанные им в 1733 г.: «Под конституцией мы понимаем... ту совокупность законов, установлений и обычаев, которая вытекает из неких твердых принципов разума, направлена на некие установленные цели общественного блага, образуют такую общую систему, которой сообщество согласно подчиняться»¹⁷. Во Франции первой половины XVIII в. «конституция» отождествлялась с «основными установлениями политической власти», а к середине века преподносилась как результат целенаправленных «усилий нации, направленных на оформление, регламентацию и осуществление власти»¹⁸.

В дальнейшем все это стало основанием для широкого распространения в странах западной Европы второй половины XVIII в. представления о «конституции» как системообразующем законодательном акте (или комплексе законов), в котором должны быть зафиксированы принципы и структура государственного управления, характер взаимоотношений короля и парламента, гарантированы права и свободы граждан¹⁹.

Основными каналами трансляции смыслового значения понятия «конституция» в России на рубеже XVIII – нач. XIX вв. были как изданные на языке оригинала, так и переведенные на русский язык произведения английских и французских мыслителей, рассказы очевидцев о событиях Великой Французской революции, деятельность масонских организаций в России, а также публикация на страницах периодической печати конституционных актов ряда европейских государств.

Все указанные выше европейские значения понятия «конституция» на рубеже XVIII – первой четверти XIX вв. были хорошо известны в России. В концентрированном виде почти все они были представлены, например, в «Новом словотолко-

¹⁷ Цит по: Ильин М. В. Слова и смыслы... С. 313.

¹⁸ Вальдес Х. М. Политика // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. 133–134.

¹⁹ См.: Будагов Р. А. Развитие Французской политической терминологии в XVIII веке. М., 2002.

вателе» Н. М. Яновского. Автор этого словаря, объясняя современникам, что следует понимать под словом «конституция», отметил три основных значения: «1) составление, природа, сложение тела человеческого; 2) учреждение, устав, собрание коренных законов гражданских или духовных, всеобщих или частных, составляющих правление какого-либо народа; 3) постановление (или Государя, что будет значить Указ, или Гетмана, что называли манифестом, или Сейма, что кроме *конституции* другого имени не имело), имеющее силу закона, или недостающего в книге Статут, или недоразумение объясняющее»²⁰. При внимательном прочтении данного определения становится очевидным, что понятие «конституция» не было для современников абсолютно новым и уже имело определенный исторический контекст.

Не останавливаясь подробно на неполитическом значении «конституции» как «сложения человеческого тела», рассмотрим в каких контекстах и в связи с какими обстоятельствами, приведенные Н. М. Яновским значения встречаются в официальных и неофициальных текстах второй половины XVIII – нач. XIX вв. Во-первых, трактовка конституции как «устава», на мой взгляд, была связана с распространением в России масонских организаций, в ходе которого воспроизводились не только организационная структура и наиболее важные ритуалы, но и традиция существования в каждом «обществе» основополагающего документа под названием «конституция». Нередко подобного рода документы вручались при открытии новых лож, что свидетельствовало об их принадлежности к европейским масонским организациям. Так, например, в декабре 1776 г. по поручению И. Елагина и Н. И. Панина князь А. Б. Куракин, после подписания «акта подчинения» верховным орденом властям шведских масонов, получил «конституцию» (учредительную грамоту) на основание в Санкт-Петербурге главноуправляющей ложи под названием «Капитул Феникс». Несколько позднее, в июне 1772 г., аналогичную

²⁰ Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 2.: К–Н. СПб., 1804. Стб. 366–367.

«конституцию» получила ложа «Девяти муз», а в мае 1779 г. была открыта «Великая национальная ложа в России»²¹. Всего по подсчетам современных исследователей в России XVIII в. существовало более 140 масонских лож²², каждая из которых могла иметь свою так называемую «конституцию». В это время, по мнению В. Ю. Захарова, именно масонство было одной из основ развития российского конституционализма²³.

Во-вторых, отождествление «конституции» с «постановлением Государя, Гетмана или Сейма» соответствовало исторически сложившейся в западных губерниях Российской империи юридической практике. Так, например, в присоединенных к России польских землях словом «конституция» с XVI в. традиционно обозначались все постановления Сейма. Данное обстоятельство, на мой взгляд, оказало определенное влияние на понимание того, какой круг вопросов, непосредственно касавшихся каждого человека, могла регулировать «конституция», и то, каким образом она могла быть учреждена в общероссийском масштабе. Конечно, содержание польских «конституций» не было широко известно на всей территории страны, но об их существовании и примерном спектре включенных в их состав положений знали не только жители присоединенных польских территорий, но многие российские чиновники, юристы и переписчики, которые участвовали в рассмотрении имущественных споров между землевладельцами, т. к. нередко подобного

²¹ См. подробнее: *Соколовская Т.* Капитул Феникса: высшее тайное масонское правление в России (1778–1822). Пг., 1916. С. 2–5; *Дружинин П. А.* Неизвестные письма русских писателей князю Александру Борисовичу Куракину (1752–1818). М., 2002. С. 26, 119.

²² *Артемяева Т. В.* От славного прошлого к светлому будущему: философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 340. Всего в начале XIX в. в России действовало около 200 масонских лож с общей численностью более 5 тыс. человек, см: *Федоров В. А.* Декабристы и их время. М., 1992. С. 50.

²³ *Захаров В. Ю.* Российский конституционализм второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. в контексте развития западноевропейской правовой мысли. Автореферат дисс. ... док. ист. наук. М., 2010. С. 26–28; *Захаров В. Ю.* Основные этапы развития масонства в России, его соотношение с конституционализмом // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 96. М., 2008. С. 35–49.

рода дела направлялись в различные департаменты Сената и другие как центральные, так и местные органы власти.

Косвенным подтверждением данного предположения являются многочисленные ссылки на положения польских «конституций» XVIII в. в законодательных актах на протяжении всей первой четверти XIX в. Как правило, обращение к этим документам происходило при рассмотрении порядка взимания налогов и имущественных споров между землевладельцами. Так, например, в «Высочайше утвержденном докладе Сената о выпуске частным людям казенных имений» (1803 г.) было рекомендовано «...при отдаче казенных имений в аренды брать достаточные залоги по основанию конституции 1775 года»²⁴, а в докладе Сената «О платеже владельцам иезуитских недвижимых имений по шести процентам» (1805 г.) анализировался порядок взимания соответствующих налогов в «конституциях» 1775, 1776, 1789 и 1793 гг.²⁵ Прямое обращение к текстам «конституций» практиковалось и при рассмотрении частных споров о порядке наследования недвижимого имущества. Яркой иллюстрацией этого являются Высочайше утвержденные доклады Сената «О выделе вдовам части из имения мужей их, если после оных остались дети с ними прижитые» и «О дозволении владельцам уступать наследственные их иезуитские имения» (1806 г.), в которых неоднократно воспроизводились положения из «конституций» 1764, 1775, 1776, 1788, 1789 гг.²⁶

В неофициальных текстах российских авторов, наряду с упоминаниями о польских «конституциях» XVIII в. при разрешении имущественных споров, можно найти утверждения и о том, что в них содержались нормы, регламентировавшие взаимоотношения крестьян и землевладельцев. Так, например, неизвестный автор проекта «улучшения состояния земледельцев и земледелия в крае от Польши приобретенном», размышляя о способах повышения эффективности сельского хозяйства, упоминал о некоторых статьях «конституций 1510–1539 годов»,

²⁴ ПСЗ. Т. XXVII, 1803. № 20.801. С. 673.

²⁵ ПСЗ. Т. XXVIII, 1805. № 21.586. С. 774–778.

²⁶ ПСЗ. Т. XXIX, 1806. № 22.219. С. 650–652; № 22.341. С. 804–807.

в соответствии с которыми, по его мнению, была «утверждена свобода поселян»²⁷.

Таким образом, на мой взгляд, обращение к так называемым польским «конституциям» XVIII в. могло формировать в сознании образованного российского подданного представление о содержании «конституции» как основополагающего законодательного акта: в нем должны были быть определены размер и порядок исполнения гражданами фискальных обязательств перед государством, установлены правила наследования недвижимой собственности и упорядочены взаимоотношения крестьян и землевладельцев. Следует отметить, что такая трактовка содержания «конституции» не только не подразумевала ограничения власти императора, но напротив – всячески подчеркивала необходимость высочайшего утверждения всех её положений. Именно на это обстоятельство обращал внимание своих читателей Н. М. Яновский, подчеркивая, что «Малороссия... приемлет токмо за закон конституции Польские, изданные прежде 1656 года, а с последующими потом сообразуется токмо в случае повеления верховной власти, чтобы поступать по такой-то конституции, введенной во вновь приобретенных польских губерниях»²⁸. В данном контексте «конституция» становилась не просто «уставом» или «постановлением», а законом обязательным для исполнения всеми российскими подданными. Однако в конце XVIII – нач. XIX в., даже при наличии санкции Государя, «конституцией» мог быть назван не любой законодательный акт, изданный в форме «указа», «манифеста», «учреждения» или «рескрипта», а «собрание *коренных* законов,... составляющих правление какого-либо народа»²⁹. С этого времени словосочетание «коренной закон» нередко употреблялось как синоним слова «конституция».

Необходимый для отличия любого закона от «конституции» смысловой акцент, на мой взгляд, достигался посредством употребления прилагательного «коренной», значение которого, объяснялось словами «старинный, первобытный,

²⁷ ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 5 об.

²⁸ Яновский Н. Указ. соч. Ч. 2. Стб. 366–367.

²⁹ Там же. Стб. 366–367.

главный»³⁰. Более четко представление о том, что же представляет собой так называемый «коренной закон» российский подданный мог получить, читая публицистические сочинения по истории российского права. Так, например, в одной из работ коллежского асессора, члена российской академии наук Т. С. Мальгина (1752–1819 г.) «коренным законом» было названо «Соборное уложение» 1649 г. Характеризуя развитие российского законодательства XVII в., автор писал о результатах правления царя Алексея Михайловича: «известно всякому, что сей мудрый и остроумный Государь и законодатель... издал всеобщую коренную книгу Государственных законов под названием Уложения...»³¹. Кроме этого ссылки на «уложение» как «коренной закон» присутствовали, например, и во всенародно объявленном указе «О решении дел по наследствам, в коих участвуют дядья с племянниками», в котором предписывалось «...при решении такого рода дел впредь следовать коренному закону, уложению»³². Подобное отождествление «коренного закона» с уложениями, судебниками и др. крупными памятниками российского законодательства было широко распространено и встречалось на страницах периодической печати даже после войны 1812 г. Например, П. Ю. Львов (1770–1825 гг.) в статье «Примечания о древних русских законах» привел наиболее полный список исторически сложившихся и последовательно сменявших друг друга «коренных законов»: «...у нас от времени Ярослава I и по самый XVIII век были весьма полные, коренные законы, под сими именами: Правда русская Ярослава I, Судебник царя Иоанна Васильевича, Уложение царя Алексея Михайловича»³³.

Таким образом, при употреблении словосочетания «коренной закон» у современников возникали ассоциации с исторически сложившимися, проверенными временем и опытом многих

³⁰ См.: *Словарь Академии Российской*. Ч. III. – К-Н. СПб., 1814.

³¹ *Мальгин Т.* Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест Российского государства, и о качестве лиц и дел в оных. СПб., 1803. С. III–IV.

³² ПСЗ. Т. XXVIII, 1805. № 21.687. С. 919.

³³ *Львов П.* Примечания о древних русских законах // СО. 1814. Ч. 16. №XXXIII. С. 7–8.

поколений комплексом юридических норм, которые, по мере необходимости и по воле верховной власти, могли подвергаться корректировке. На этом фоне отмеченная выше синонимичность, взаимозаменяемость слов «конституция» и «коренной закон» позволяет предположить, что в российском варианте принципиально важным качеством «конституции» должна была быть её органичная связь с предшествующим законодательством и исторически сложившимися традициями. В идеале её появление должно было лишь упорядочить систему российского законодательства и повысить эффективность работы органов государственного управления, но не изменить форму монархического правления.

Именно эта цель прослеживается в конституционных проектах последней трети XVIII в. Весной 1783 г. Н. И. Панин, при активном участии Д. И. Фонвизина, написал записку под характерным, на мой взгляд, для всех конституционных проектов того времени названием «Рассуждение о фундаментальных законах». Прочность государства, по его словам, должна быть основана на «непременных» или «коренных» государственных законах, неукоснительное соблюдение которых приведет к «прекращению злоупотреблений самовластья»³⁴. О «благотворном» влиянии «коренных законов» на дальнейшее развитие Российской империи писал и А. А. Безбородко. В «Записке для составления законов российских» он, не отрицая необходимость сохранения в России монархии, предлагал с помощью «фундаментальных», «коренных» законов регламентировать правовое положение всех сословий, упорядочить административную и судебную систему, создать совещательный орган при императоре, который помогал бы монарху разрабатывать необходимые законы³⁵.

Замена понятия «конституция» словосочетанием «коренной закон» позволяла, с одной стороны, смягчить негативные ассоциации, возникавшие при употреблении слова «конституция»

³⁴ См.: Вдовина Л. Н. Дворянский конституционализм в политической жизни России XVIII века // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 44–46;

³⁵ См.: Медушевский А. Н. Конституционные проекты в России // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX веков. М., 2000. С. 112.

после Великой Французской революции. Не случайно, на мой взгляд, что в названиях различных конституционных проектов первой четверти XIX в. вместо слова «конституция» использовали словосочетания «государственная уставная грамота» или «уложение государственных законов», т. к. они ассоциировались в сознании современников с известными и проверенными временем законодательными актами, такими, как «устав», «грамота» и «уложение». С другой стороны, использование в качестве синонима словосочетания «коренной закон» более точно соответствовало восприятию «конституции» не как конечной цели, а лишь как инструмента систематизации российского законодательства, ограничения «самовластья» фаворитов и произвола чиновников. Такой инструменталистский подход отчетливо просматривается в записке П. А. Строганова «О существе нашей конституции», написанной, по данным Н. В. Минаевой³⁶, весной 1801 г. В ней П. А. Строганов (1774–1817 гг.) сформулировал свое понимание слова «конституция»: «Конституция – это закон, определяющий порядок, который следует соблюсти при создании административных законов, которые непременно, поскольку они требуют видоизменений, объяснений и т. д., должны подвергнуться перемене согласно известному, строго определенному, неизменному способу, который закрыл бы дверь всякому произволу и, следовательно, уменьшил бы зло, могущее произойти от различия способностей тех, кто стоит во главе государства»³⁷. В таком понимании конституция – это система основополагающих принципов, в соответствии с которой следовало корректировать устаревшие и устанавливать новые законы. При этом особо подчеркивалась важность сохранения в неизменности самих этих принципов, что позволило бы сохранить стабильность политического и социально-экономического развития страны.

После Великой французской революции 1789 г. в кругах образованного российского общества сложилось двойствен-

³⁶ См.: Минаева Н. В. Век Пушкина. М., 2007. С. 20.

³⁷ Цит по: Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 114; см. оригинал текста записки П. Строганова на фр. языке: Николай Михайлович, вел. кн. Граф П. А. Строганов. СПб., 1903. Т. II. С. 40–41.

ное, противоречивое отношение к «конституции». С одной стороны, утверждалось, что «конституция, вольность, равенство, права человека и всей нации» — это «великие слова», которые «кружат сумасбродные головы», «обольщают или ослепляют простолюдина»³⁸. Именно в результате подобного «кружения голов», по мысли современников, и произошла сопровождавшаяся насилием и массовым кровопролитием «революция». В такой трактовке «конституция» оказывалась одним из элементов смыслового поля понятия «революция» и вызывала у большинства российских подданных негативные ассоциации.

С другой стороны, в произведениях российских авторов подчеркивалась приверженность мирным, легальным способам проведения преобразований, а слово «конституция» все чаще заменялось словосочетанием «коренной закон», что позволяло несколько сместить смысловые акценты: установление конституции предполагало не кардинальные изменения общественного устройства, а всего лишь упорядочение по инициативе монарха системы законодательства с учетом традиций и обычаев народа. Косвенным подтверждением существования подобной трактовки является устойчивое выражение «конституция народа», которое достаточно часто встречается в текстах российских авторов. В одной из журнальных публикаций читатель мог найти такие наставления «мудрому законодателю»: «Он заключит, что злоупотребления происходят от неисполнения законов, он изыщет способы исполнения их. Но так как последнее неразрывно связано с общими и частными нравами, то он обратится к исправлению их, сохраняя однако же *конституцию народа*. А для сего утвердит, прежде всего, основание всех гражданских обществ *Религию*, без коей нет нравственности»³⁹. В данном контексте «конституция» — это комплекс исторически сложившихся, характерных для какого-либо народа традиций, обычаев и религиозных верований. Подобная трактовка подразумевала противопоставление

³⁸ См.: Мысли беспристрастного гражданина о буйных французских переменах. СПб., 1793. С. 18, 59.

³⁹ Нечто о началах правлений // СПбж. 1804. № 4, апрель. С. 129.

«конституции», как установленного верховной властью и основанного на опыте предшествующих поколений «коренного закона», европейскому опыту «кровавой революции».

Понятие «революция», так же как и «конституция», было заимствованным и первоначально имело политически нейтральное значение. Современные исследователи отмечают, что латинское слово «*revolutio*» впервые появилось в христианской литературе поздней античности и применялось к таким явлениям как смещение камня у захоронения Христа или странствия души, а примерно с XII в. использовалось для описания астрономического феномена кругового вращения светил вокруг Земли⁴⁰. В таком понимании слово «революция» употреблялось для обозначения масштабных изменений периодического характера и было тождественно понятиям «вращение», «оборот», «перемена». Лишь во второй половине XVII в. в западно-европейской общественной мысли этот термин стал приобретать расширительный смысл. Так, например, в 1661 г. в одном из трактатов о событиях в Англии Дж. Хауэлл, увязывая политические потрясения с расположением небесных светил, впервые придал слову «революция» социальный подтекст, употребив его в значении «смена господ»⁴¹.

С этого времени понятие «революция» обозначало не столько астрономические, сколько социально-политические изменения. Закреплению нового значения способствовала происходившая с начала XVII в. корректировка представлений о характере и направленности исторического процесса: идея о кругообороте в сознании людей постепенно переплеталась с концепцией необратимого, линейно-прогрессивного характера развития человечества. В таком контексте, по словам В. В. Васильковой, термин «революция» являлся «конкретно-историческим перепрочтением архитипического канона пересотворения

⁴⁰ См.: Магун А. Опыт и понятие революции // Новое литературное обозрение. 2003. № 64. С. 59.

⁴¹ Василькова В. В. Идеи Просвещения и революция: архитипические основания теорий исторического круговорота // Философский век. Альманах. Вып. 5.: Идея истории в российском просвещении. Сб. ст. / Отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб., 1998. С. 245.

мира», которое, с одной стороны, предполагало уничтожение и разрушение старого, а с другой – создание нового социального порядка⁴². Возможно, именно поэтому «революция» представлена в сочинениях европейских просветителей конца XVII – нач. XVIII в., то грозным и жестоким призраком прошлого, то предвестником грядущего века «разума и справедливости»⁴³.

Окончательное закрепление политического значения понятия «революция» в Европе произошло во второй половине XVIII в. После 1789 г. оно ассоциировалось с непреодолимой силой природы и истории и, одновременно, с конфликтным взаимодействием между различными политическими силами и конкретными историческими персонажами. С этого времени «революция» воспринимается как безусловно важное историческое событие со значительными последствиями⁴⁴.

В России 1760–1770 гг. европейское понятие «революция» первоначально переводилось как «перемена» или «изменение». Возможно, следуя этой традиции, В. Крамаренков при переводе в 1775 г. сочинения Монтескье «О духе законов», вместо «revolutions» использовал слово «перемена»⁴⁵. Однако после событий 1789 г. «революция» воспринималась образованным подданным как нечто большее, чем просто «перемена» или «изменение»⁴⁶. Постепенно, благодаря публикациям в российских газетах достаточно подробной информации о событиях во Франции, формировалось представление о содержании революционных изменений и их последствиях как для отдельного человека, так и для всего общества.

В целом ряде работ отечественных историков при описании реакции российского общества на известие о начале Французской революции исследователи приводят слова французского

⁴² Там же. С. 246.

⁴³ Петинова А. И. Насилие и терпимость: образ революции в раннепросветительских сочинениях // Монархия и народовластие в культуре Просвещения. М., 1995. С. 100.

⁴⁴ Магун А. Указ. соч. С. 61.

⁴⁵ См.: Плавинская Н. Ю. Как переводили Монтескье в России? // Европейское Просвещение и цивилизация России. М., 2004. С. 284.

⁴⁶ См.: Моряков В. И. Русское просветительство второй половины XVIII века. М., 1994. С. 163.

посла в России Л.-Ф. Сегюра и пастора реформаторской церкви в Петербурге Э. Дюмона о том, с каким воодушевлением и радостью была воспринята весть о падении Бастилии. По словам иностранцев, люди разных наций – французы, русские, датчане, немцы, англичане, голландцы – на улицах поздравляли друг друга, обнимались, словно их самих избавили от тяжелой цепи, висевшей на них⁴⁷. Однако, как справедливо отметил В. А. Чудинов, такая реакция не отражала настроения всего образованного общества и была лишь кратковременным всплеском эмоций, проживавших в столице иностранцев и отдельных представителей европеизированного дворянства⁴⁸. В сознании образованного российского подданного отношение к революции было более сложным и внутренне противоречивым.

Важными источниками информации, формировавшими образ «революции» были завезенные в Россию иностранные книги и периодические издания. Так, например, в первые годы французской революции в книжных лавках Москвы и Санкт-Петербурга продавались книги с «говорящими» об их содержании названиями: «Парижские революции», «Письма графа Мирабо к его избирателям», «Курьер Прованса» и т. п.⁴⁹. Однако наиболее полную и «свежую» информацию российский читатель мог получить в российских газетах «Санктпетербургские ведомости» и «Московские ведомости». По мнению Ю. А. Лимонова, именно эти издания, выходившие с периодичностью два раза в неделю достаточно большими для того времени тиражами от 2000 до 4000 экземпляров, были основным и массовым источником информации, формировавшем представления российских подданных о французской революции⁵⁰.

⁴⁷ См., например: *Итенберг Б. С.* Россия и Великая французская революция. М., 1988; *Великая французская революция и Россия.* М., 1989; *Семенова А. В.* Великая Французская революция и Россия (конец XVIII – первая четверть XIX вв.). М., 1991. С. 12; *Гросул В. Я.* Русское общество XVIII–XIX вв.: традиции и новации. М., 2003. С. 84.

⁴⁸ См.: *Чудинов В. А.* Французская революция: история и мифы. М., 2007. С. 10–11.

⁴⁹ См. *Семенова А. В.* Указ. соч. С. 15.

⁵⁰ *Лимонов Ю. А.* Русские газеты и Великая Французская революция // *Великая французская революция и Россия.* М., 1989. С. 289.

Содержательно в публикациях о событиях во Франции, которые оказывали влияние на наполнение понятия «революция» политически окрашенным смысловым значением, можно условно выделить несколько тем. К первой из них относятся публикации об установленном в годы революции законодательстве. Так, например, в «Санктпетербургских ведомостях» 14 сентября 1789 г., а в «Московских ведомостях» 22 сентября 1789 г. была напечатана статья под заголовком «Франция. Из Парижа от 24 августа», которая содержала в себе русскоязычный перевод «Декларации прав человека и гражданина»⁵¹. Интересно отметить, что издатели газеты, представляя этот текст читателям, сообщали о нем как о первой части предполагаемого «Нового Уложения». Второй темой, периодически возникавшей на страницах российских газет, была информация о дискуссиях в Национальном собрании и созыве Генеральных Штатов.

Однако наряду с указанными выше позитивными, созидательными по своей направленности следствиями революции, на протяжении 1789–1792 г. основное внимание уделялось сообщениям о голоде и различных народных выступлениях, финансовых проблемах властей и быстром росте инфляции⁵². При этом информация о деструктивных последствиях, как правило, сопровождалась подробным описаниями «ужасов революции», с которыми почти ежедневно сталкивались жители Франции. Так, например, в одном из номеров «Санктпетербургских ведомостей» была опубликована информация о методах работы военных трибуналов: «У главного мятежника отсечена сперва рука, а потом колесован он живой; из прочих же повешены 22, да 33 посланы навечно на галеры»⁵³. Не менее страшными были заметки о расправе «черни» с заключенными в тюрьмах людьми, в которых сообщалось о том, что «...по крайней мере пять тысяч учинили жертвы ненасытной народа кровожадности»⁵⁴. Неред-

⁵¹ См.: Санктпетербургские ведомости. 1789. № 74; Московские ведомости. 1789. № 76.

⁵² Лимонов Ю. А. Указ. соч. С. 292–301.

⁵³ Цит. по: Лимонов Ю. А. Русские газеты и Великая Французская революция. С. 299.

⁵⁴ Там же. С. 307.

ко такого рода публикации содержали в себе оценочные суждения издателей газет и журналов о революции как о явлении, противоречащем морально-этическим нормам и привычным представлениям о поведении благопристойного гражданина. «Рука содрогается от ужаса, – восклицал неизвестный автор публикации в «Санктпетербургских ведомостях», – описывая происшествия, при коих могли быть в таком пренебрежении долг к Государю и долг к человечеству»⁵⁵.

Еще одним информационным каналом, с помощью которого образованная российская публика могла составить представление о том, что такое «революция» были рассказы русских путешественников о Франции 1789–1794 гг.⁵⁶ Самыми известными соотечественниками, имевшими опыт пребывания в стране, охваченной революционными потрясениями, были П. А. Строганов (1774–1817 гг.) и Н. М. Карамзин (1766–1826 г.). Однако их влияние на общественное мнение в России было различным. Так, например, П. А. Строганов, находившийся продолжительное время во Франции со своим воспитателем Ж. Роммом, никогда не публиковал своих впечатлений о революции. Путешествуя по Франции под псевдонимом «господин Очерь», он вел переписку с отцом, в которой сообщал о наиболее интересных, на его взгляд, событиях. Проведенный В. А. Чудиновым анализ этих писем убедительно доказывает, что традиционные для отечественной историографии упоминания о членстве графа П. А. Строганова в Якобинском клубе и участии в заседаниях Национального собрания не могут рассматриваться как пример безусловно позитивного отношения к революции⁵⁷. Молодой П. А. Строганов не понимал сущностных причин революции, нередко называя её привычным словом «мятеж», а одной из главных причин волнений называл дефицит запасов хлеба⁵⁸. Он действительно был на заседаниях клуба «Друзей закона», но, по мнению В. А. Чудинова, не уча-

⁵⁵ Цит по: Семенова А. В. Указ. соч. С. 13.

⁵⁶ Там же. С. 15–16.

⁵⁷ См.: Чудинов В. А. «Русский якобинец» Павел Строганов: легенда и действительность // Новая и новейшая история. 2001. № 4. С. 42–70.

⁵⁸ Чудинов В. А. Французская революция: история и мифы. С. 256–257.

ствовал в дискуссиях и в основном играл «молчаливую роль статиста»⁵⁹. Безусловно, революция вызвала у него эмоциональный подъем, но он не считал возможным использование подобного сценария в России. В одном из писем П. А. Строганов зафиксировал свое отношение к революции следующим образом: «В письме, которое я с оказией отправил отцу, ... я сообщил, как я восхищаюсь Революцией, но в то же время дал ему знать, что полагаю подобную революцию непригодной для России»⁶⁰. В дальнейшем неприятие революционных методов преобразований неоднократно высказывалось им в годы правления императора Александра I.

В отличие от писем П. А. Строгонова, записки о революционной Франции Н. М. Карамзина были известны читающей российской публике. Современные исследователи творческого наследия Н. М. Карамзина многократно отмечали эволюцию его отношения к французской революции: первоначально он положительно относился к происходившему во Франции, а позднее, особенно после казни в январе 1793 г. короля Людовика XVI, считал произошедшее трагедией и, безусловно, осуждал методы Якобинской диктатуры⁶¹. Именно такое негативное отношение очевидца революционных событий он представил в неоднократно изданных в 1790-х – нач. XIX в. «Письмах русского путешественника»⁶². В записях, датированных апрелем 1790 г., российский читатель мог найти достаточно мрачное описание столицы революционной Франции: «Париж ныне не то, что он был. Грозная туча носится над его башнями и помрачает блеск сего некогда пышного города. [...]

⁵⁹ Там же. С. 263–264;

⁶⁰ Цит. по: Чудинов В. А. Французская революция: история и мифы. С. 278.

⁶¹ См.: Итенберг Б. С. Указ. соч. С. 22–28; Лотман Ю. М. Политическое мышление Радищева и Карамзина и опыт французской революции // Великая Французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 55–68; Он же. Эволюция мировоззрения Карамзина (1789–1803) // Н. М. Карамзин: pro et contra. СПб., 2006. С. 749–787; Семенова А. В. Указ. соч. С. 18–21; Чудинов В. А. Французская революция: история и мифы. С. 11; Минаева Н. В. Век Пушкина. М., 2007. С. 55–72.

⁶² Впервые отрывки из «Писем русского путешественника» были опубликованы в «Московском журнале» в 1792 г.

Ужасы революции выгнали из Парижа самых богатых жителей; знатнейшее дворянство удалилось в чужие края»⁶³. Не описывая каких-либо конкретных «ужасов революции», автор, обращаясь к воображаемому адресату с вопросом «Говорить ли о Французской революции?», выражал уверенность в том, что он и без его рассказов был хорошо информирован: «Вы читаете газеты: следственно происшествия вам известны»⁶⁴.

В «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзин называл революцию «трагедией»⁶⁵, которая неизбежно ведет к утрате морально-нравственных качеств и гибели не только тех людей, против кого она была направлена изначально, но и многих её непосредственных участников. Развитие революции по такому сценарию, по мысли Н. М. Карамзина, неизбежно в случае, если беспорядки принимают массовый, народный характер. Размышляя о роли народа и пагубных последствиях революции, он писал: «Народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция отверстый гроб для добродетели и – самого злодейства. [...] Всякие же насильственные потрясения гибельны, и каждый бунтовщик готовит себе эшафот»⁶⁶. Главным уроком, который необходимо было извлечь из всего произошедшего в революционной Франции должно было стать осознание того, что «всякое гражданское общество, веками утвержденное, есть святыня для добрых граждан; и в самом несовершеннейшем надобно удивляться чудесной гармонии, благоустройству, порядку»⁶⁷. В таком контексте «революция» противопоставлялась «естественному» развитию общества, «гармонии», «благоустройству» и «порядку».

Все указанные выше публикации о французской революции, вне зависимости от того представлены ли они были «перепечатками» из иностранных газет или издавались в форме «путевых заметок путешественника», формировали в сознании образованно-

⁶³ Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Ч. III. // Сочинения Карамзина: Т. IV. М., 1803. С. 181, 182.

⁶⁴ Там же. С. 189.

⁶⁵ Там же. С. 190.

⁶⁶ Там же. С. 192–193.

⁶⁷ Там же. С. 192–193.

го российского подданного негативный образ «революции», который включал в себя морально-нравственную оценку событий, а также представления о причинах и последствиях революции.

Регулярно публикуемые в «Санктпетербургских ведомостях» и «Московских ведомостях» описания «ужасов революции», способствовали определению сущности «революции» с помощью хорошо известных и привычных слов, таких как, например, «бунт» или «мятеж», которые ассоциировались с разгулом насилия, беспорядками и массовым кровопролитием. Подобная подмена понятий была характерна не только для сообщений в газетах, журналах и сочинениях отдельных российских авторов, но и в официальных текстах. Так, например, в законодательных актах, иллюстрировавших реакцию российских властей на события во Франции, понятие «революция» не употреблялось, но вместо него использовались привычные и, безусловно, отрицательно эмоционально окрашенные слова и выражения. Во всенародно объявленном указе от 8 февраля 1793 г. «О прекращении сообщения с Франциею по случаю произошедшего в оной возмущения и умерщвления короля Людовика XVI...» **вводился запрет на ввоз в Россию французских книг и журналов**, а всем казенным учреждениям и частным лицам предписывалось разорвать всяческие отношения с Францией. В соответствии с указом, всех, находившихся на территории России французов, за исключением тех, кто добровольно в установленном порядке принесут клятву о «непричастности ни делом, ни словом, ни мыслею правилам безбожным и возмутительным, во Франции ныне введенных и исповедуемых», предписывалось в трехнедельный срок выслать за пределы страны⁶⁸. Аргументируя необходимость введения подобных запретительных мер, Екатерина II объявляла о намерении оградить российских подданных от распространения «заразы» в виде «правил безбожия, неповиновения верховной Государской власти». При этом, намеренно не употребляя слово «революция» для обозначения событий 1789 – нач. 1793 гг., императрица многократно использовала в тексте такие образ-

⁶⁸ ПСЗ. Т. XXIII, 1793. № 17.101. С. 405.

ные выражения как «буйство», «неистовые намерения», «дух возмутительный против государя», «безбожные правила», а всех активных участников революционных событий называла «бунтовщиками и извергами»⁶⁹. Все это подчеркивало разрушительный, противозаконный характер любых «революций».

Важной составной частью образа «революции» были известные российскому читателю руководители революции, чьи имена многократно встречались в публикациях о событиях во Франции. Их личные мнения, действия и поступки нередко преподносились как непосредственное отражение «истории революции». На этом фоне «революция» могла восприниматься как борьба за власть различных политических лидеров, группировок, или так называемых «партий». При этом постепенно, по мере возвышения над политическим ландшафтом Франции фигуры Наполеона Бонапарта, «революция» все чаще связывалась с торжеством эгоизма и тщеславия её вождей. Показательными, на мой взгляд, являются слова И. П. Пнина (1773–1805 гг.), записанные им в книге «Опыт о просвещении относительно к России»: «Вся революция предпринята была для Бонапарта, чтоб возвысить его на Бурбонский престол, поднести ему титул императора и вручить гораздо большую власть, нежели каковою пользоваться некогда могли короли французские»⁷⁰. В такой трактовке «революция» не имела для французского народа никакого политического смысла и не вела его по пути прогресса.

С конца 1790-х гг. в публикациях, посвященных революционным событиям во Франции, постепенно происходило смещение акцентов от простого описания событий к размышлениям о причинах и последствиях «революции». Пытаясь логически объяснить произошедшее, современники, как правило, делали это в завуалированной форме, и основными причинами революции называли злоупотребления местных властей, слабость Людовика XVI, падение нравов, увлечение ложными идеями⁷¹.

⁶⁹ Там же. С. 402–405.

⁷⁰ Цит по: Семенова А. В. Указ. соч. С. 24.

⁷¹ См: Стенник Ю. В. Тема Великой французской революции в консервативной литературе и публицистике 1790-х годов // Великая Французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 74–75.

Размышления же об очевидных для всех последствиях «революции» имели более открытый характер и размещались на страницах как частных, так и официальных журналов.

В начале XIX в. **вопрос о практических результатах Французской революции** был представлен в журнале «Вестник Европы», который начал издаваться в Москве с 1802 г. и достаточно быстро стал одним из наиболее популярных изданий того времени. В нем размещались переводные статьи из французских и немецких журналов, а также оригинальные сочинения российских авторов, прямо или косвенно затрагивавшие тему революции и её последствий⁷².

Первым и наиболее очевидным для современников негативным следствием «революции» была гибель людей. О масштабах и количестве человеческих жертв «войны революционной»⁷³ неоднократно информировали российские газеты и журналы, цитируя целыми страницами сообщения европейских очевидцев. В одной из подобных публикаций неизвестный автор, подводя своеобразный итог французской «революции», писал: «...во Франции на тысячи эшафотов лилась бесценная кровь человеческая. Десять тысяч революционных Бастилий наполнены были жертвами гильотины. Несчастье и отчаяние начертаны были на лице каждого»⁷⁴. Естественно, что все аналогичные этому сообщению публикации формировали негативное отношение к «революции», которая с начала XIX в. **оценивалась не просто как политический переворот, а как достаточно длительный процесс, затрагивавший всех жителей страны.**

Непосредственно связанным с массовым кровопролитием следствием «революции» объявлялось общее «падение нравов». Как правило, подчеркивалось, что оно было неизбежно в обстановке разрушения традиционных норм и институтов, т. к.

⁷² См. подробнее: *Теплова В. А.* «Вестник Европы» Карамзина о Великой Французской революции и формах правления // XVIII век. Сборник 8. Л., 1969. С. 269–280.

⁷³ Всеобщее обозрение // ВЕ. 1802. Ч. I. № 1, янв. С. 66.

⁷⁴ Краткое изображение перемен, которые претерпела религия во Франции, как во время господствования ужасов, так и прежде, и после сей эпохи (из немецкого журнала) // ВЕ. 1805. Ч. XXII. № 15, август. С. 214.

человек оказывался нравственно дезориентирован и вынужден был действовать во имя сохранения собственной жизни, даже если это сопровождалось гибелью других людей. Именно такая причинно-следственная связь предлагалась читателям журнала «Вестник Европы» в целом ряде статей, авторы которых, объясняя причины роста насилия, восклицали: «Сколь людей, рожденных совсем не кровожадными, сделались извергами, когда революция привела их в необходимость погибнуть или губить других!»⁷⁵. В некоторых случаях авторы публикаций соглашались с утверждением о том, что «...революция сделала многих Французов почти варварами»⁷⁶.

Наглядным показателем отрицательного действия революции на нравы людей, по мысли целого ряда российских, немецких и французских авторов, был значительный рост преступности. При этом они нередко отмечали, что увеличение количества правонарушений произошло в годы революции и с этого времени приобрело характер долговременной тенденции. Подобное суждение российский читатель мог найти на страницах «Вестника Европы» в форме сообщений из различных французских провинций. Например, в письме из города Нанси, сообщалось, что «...в тамошний уголовный суд часто представляют малолетних злодеев, воров и даже убийц»⁷⁷. Пытаясь объяснить такого рода факты, неизвестный автор писал: «Это ужасно, но мудрено ли? Они были воспитаны среди злодейств революции. Примеры более действуют на юные сердца. К тому же родители не могли в страшное время прилежно заниматься нравственным образованием детей своих»⁷⁸. Невозможность, даже после окончания «мятежной революции», справиться с ростом «ужасных разбоев» при помощи «обычных», т. е. используемых всеми правительствами в мирное время, методов была признана на самом выс-

⁷⁵ Некоторые примечания гражданина Мишо для историков Французской революции // ВЕ. 1802. Ч. VI. № 21, ноябрь. С. 36.

⁷⁶ Важный самозванец во Франции (из французского журнала) // ВЕ. 1803. Ч. IX. № 11, июнь. С. 219.

⁷⁷ Действие войны и революции (из Парижского журнала) // ВЕ. 1802. Ч. I. № 2, янв. С. 77–78.

⁷⁸ Там же. С. 77–78.

шем государственном уровне, о чем убедительно свидетельствовало предложение учредить во Франции «чрезвычайные судилища»⁷⁹.

Не менее яркой для российского читателя иллюстрацией произошедшего в ходе «революции» «падения нравов», была информация о намерениях некоторых французских политиков упразднить религию. Так, например, в специально посвященной этому вопросу статье сообщалось, что «еще в самом начале Французской революции Вера, равно как и все прочее, было предметом преобразования»⁸⁰. Доказательством серьезности такого рода планов служили слова аббата Черутти: «Я намерен открыть вам тайну, от которой зависит следствие нашей революции. [...] По моему мнению, не могу человечеству оказать лучшей услуги, как уничтожить Религию – я разумею не одну Религию Христианскую, но все без исключения»⁸¹. Комментируя данное высказывание, автор статьи ставил желание запретить религию в один ряд с многочисленными фактами вмешательства революционных властей в частную жизнь граждан: «У несчастных отнимали имение и жизнь, но этого не довольно: надобно было еще заставить их принять учение, что нет Бога, и что смерть есть вечный сон!»⁸². В результате знакомства с подобными высказываниями «революция» в сознании российского читателя была противопоставлена как «священным правилам нравственности», сформулированным в рамках христианского вероучения, так и нормам права.

Нередко неприятие разрушительных для общества последствий «революции» отражалось в форме образных сравнений и выражений. Следуя широко распространенной на рубеже XVIII – нач. XIX в. практике изучения закономерностей протекания социальных процессов по аналогии с природными явлениями, в трудах европейских и российских авторов развитие

⁷⁹ Изображение состояния Французской республики, представленное консулами законодательному Совету // ВЕ. 1802. Ч. I. № 1, янв. С. 85.

⁸⁰ Краткое изображение перемен, которые претерпела религия во Франции... // ВЕ. 1805. Ч. XXII. № 15, август. С. 206.

⁸¹ Там же. С. 210.

⁸² Там же. С. 213.

общества сравнивалось с развитием человеческого организма. Во всех подобных текстах «революция» отождествлялась с болезненным состоянием человека, которое возможно преодолеть только в том случае, если общество еще не окончательно утратило «нравственные силы» и могло объединиться в борьбе с беззаконием, безнравственностью и насилием. Именно такой «рецепт» оздоровления общества предлагал автор опубликованной в «Санктпетербургском журнала» статьи «Нечто о началах правлений». Размышляя о принципах, которыми должен был бы руководствоваться идеальный «законодатель», он писал: «Наконец, если Государство... потерпело сильную революцию, Законодатель будет поступать с ним, как с человеком выздоравливающим и требующим высочайшей осторожности. Если найдет внутри государства врагов, разрушительными началами своими известных, то соединит все партии против той, которая возмущает общество, и, преодолев её, поставит себе целью утушать ненависть, мщения и личные ожесточения»⁸³.

Таким образом, понятие «революция» употреблялось для обозначения, безусловно, значимых и резких изменений, имевших, как правило, разрушительные последствия. Именно эти признаки революции были зафиксированы, например, в толковом словаре Н. Яновского: «Революция – внезапная перемена в правлении какого народа, произведенная сильным потрясением всего общественного тела для установления другого порядка вещей»⁸⁴. Для образованного российского подданного было очевидным, что такие изменения сопровождаются открытым взаимным противостоянием граждан одного общества в борьбе за достижение различных политических целей. Наличие противоборствующих сторон позволяло делать предположения, что результаты «революции» не конечны, а её «достижения» могут быть сведены к минимуму или даже уничтожены её противниками в исторически обозримом будущем. В данном контексте показательно, на мой взгляд, что современники для обозначения движения политического процесса в противопо-

⁸³ Нечто о началах правлений // СПбж. 1804. № 4, апрель. С. 136.

⁸⁴ Яновский Н. Указ. соч. Ч. 3.: О–Ф. СПб., 1806. Стб. 516.

ложном «революции» направлении использовали специальный термин – «контр-революция»⁸⁵.

В большинстве текстов «революция», как «внезапная перемена в правлении какого народа», противопоставлялась состоянию покоя, устойчивости, естественному процессу органичного развития и привычному в повседневной жизни отдельного индивида порядку вещей. Более того, подчеркивалось, что в процессе революционных изменений неизбежно происходит отрицание опыта предшествующих поколений и, как следствие, исторически сложившихся норм морали и права. В такой трактовке заимствованное из чужой культурной среды слово «революция» оказывалось противоположным по своей идейной направленности привычным значениям понятий «закон», «гражданин», «собственность», «свобода», «государство», каждое из которых, в различных контекстах, отрицало идею установления социального равенства, положение безвластия и беззакония. Проведенный анализ словоупотребления этих понятий в текстах последней трети XVIII – начале XIX в. показал, что все они были связаны с идеей постепенного, эволюционного развития общества, которое представлялось возможным при наличии установленных государством «коренных законов», традиционной дифференциации прав и обязанностей «граждан», обладавших духовной свободой, общностью веры и объединенных чувством «любви к Отечеству и Государю».

⁸⁵ Там же. Стб. 516.

Глава III

Проблема реформирования экономики и системы законодательства в представлениях образованных российских поданных первой четверти XIX века

§1. «Собственность» и «свобода» экономической деятельности в контексте модернизации отечественной экономики

Корректировка привычных значений основных социально-политических понятий, дополнение их новыми коннотациями происходили постепенно на протяжении всей первой четверти XIX в. Своеобразным катализатором данного процесса было восшествие на российский престол в результате дворцового переворота молодого императора Александра I, провозгласившего о неприятии внутриполитического курса Павла I и намерении «...править по законам и сердцу... Государыни Императрицы Екатерины Великой...»¹. Для большинства представителей образованной части российского общества такое обещание означало уничтожение чрезмерного, мелочного контроля за жизнью граждан, возобновление частных деловых и культурных контактов с Европой, возвращение стабильности в продвижении по службе и предсказуемости действий верховной власти. Подтверждением обоснованности такого рода ожиданий были первые манифесты и указы нового императора. Только в марте–апреле 1801 г. было издано более 15 законода-

¹ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 19.779. С. 583.

тельных актов, связанных с отменой различных ограничений, установленных Павлом I, и восстановлением норм действовавшего при Екатерине II законодательства. Так, например, по повелению Александра I были демонтированы все виселицы в городах; упразднена Тайная экспедиция; объявлено об амнистии, смягчении наказаний и «сложении казенных взысканий» для различных категорий преступников²; восстановлено действие «Жалованной грамоты дворянству», «Положения о проведении дворянских выборов», городского положения и «Жалованной грамоты городам»³; отменены ограничения на ввоз и вывоз, как иностранных, так и российских товаров⁴, разрешен свободный въезд на территорию России и выезд за её пределы⁵; упразднен запрет на ввоз из-за границы книг и объявлено о дозволении печатать книги в частных российских типографиях⁶. Все это на фоне предшествующего царствования Павла I воспринималось как «избавление от деспотизма» и начало новой эпохи в истории страны. Через несколько лет современники, вспоминая первые годы XIX в., писали о настроении в российском обществе: «Начало царствования императора Александра I было ознаменовано самыми блестящими надеждами для благосостояния России. Дворянство отдохнуло, купечество не жаловалось на кредиты, войска служили без труда, ученые учились, чему хотели, все говорили, что думали, и все по многому хорошему ждали еще лучшего»⁷.

Содержательно подобные «надежды на благосостояние» первоначально были связаны с решением двух наиболее актуальных проблем: интенсификации российской экономики и систематизации действующего российского законодательства. Актуальность для современников первой из них была очевидна и подтверждалась постоянным ростом потребительских цен,

² ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 19.824. С. 608; № 19.813. С. 603–604; № 19.814. С. 604.

³ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 19.810. С. 601–602; № 19.790. С. 590; № 19.811. С. 602.

⁴ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 19.791. С. 591; № 19.812. С. 603; № 19.803. С. 597.

⁵ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 19.801. С. 593.

⁶ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 19.807. С. 599.

⁷ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 170. Л. 3.

вызванным непродуманной денежно-эмиссионной политикой правительства Екатерины II. Необоснованное увеличение объема денежной массы к началу XIX в. привело к обесцениванию бумажных ассигнаций и значительному снижению их курса по отношению к серебряному рублю: в 1790-е гг. он упал с 87 к. до 66¼ коп. за 1 руб. к 1800 г., а в 1814 г. – до 20 коп.⁸. Падение курса было долговременной тенденцией и привело к еще более серьезным последствиям – быстрому росту темпов инфляции. По данным, опубликованным в «Статистическом журнале» за период с 1782 по 1803 гг., «цены вещам... большею частью удвоились», а потребительские цены на основные продовольственные товары только на протяжении 1801–1802 гг. возросли почти в четыре раза⁹. Позднее, к 1814 г., рост цен, по свидетельству В. П. Кочубея, составлял 20%¹⁰. В кругах высшей правительственной элиты, включавшей членов Государственного совета, Сената, министров и товарищей министров, актуальность реформирования российской экономики подтверждалась также информацией о постоянно возраставшем дефиците государственного бюджета, который почти ежегодно составлял 20–25%¹¹.

Признание необходимости реформирования отечественной экономики проявилось, прежде всего, в повышении интереса российской читающей публики к сочинениям модных европейских экономистов. Этому способствовало широко распространенное в Европе представление о назначении и функциях «политической экономии», которая зачастую преподносилась в качестве действенного инструмента финансовой стабилизации и ускорения развития страны. Постепенно в сознании об-

⁸ См.: Юхт А. И. Русские деньги от Петра Великого до Александра I. М., 1994. С. 260, 266; Белоусов Р. А. Государственный бюджет дореволюционной России // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2001. С. 39.

⁹ Замечания к таблицам, показывающим цены нужнейшим съестным припасам в Москве с 1782 по 1803 год // Стат. журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1. С. 154.

¹⁰ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 50. Л. 30–31.

¹¹ См. подробнее данные о соотношении доходной и расходной части государственного бюджета: Арх. ГС. Т. 3. СПб., 1878. С. 613–634; Т. 4. СПб., 1881. Стб. 2; Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 74, 81, 87; Белоусов Р. А. Указ. соч. С. 42.

разованной части российского общества сформировалась уверенность в том, что в основе любых практических мероприятий правительства должны были лежать научно обоснованные теоретические схемы, которые системно охватывали бы весь спектр стоящих перед страной социально-экономических проблем, и помогли бы выработать логически непротиворечивые, а главное, эффективные методики стимулирования экономического развития России.

Познакомиться с содержанием работ модных европейских экономистов российский читатель мог, обратившись к целому ряду журналов, которые публиковали переводы произведений А. Смита, И. Бентама, А. Фергюсона, Ж.-Б. Сэя, Ж.-С. Сисмонди, таких, например, как, «Экономический журнал», «Статистический журнал», «Северная звезда», «Дух журналов», «Архив государственного хозяйства», «Санктпетербургский журнал», «Труды Вольного экономического общества»¹². При этом русская периодическая печать не ограничивалась простым изданием переводов сочинений европейских экономистов, а шла дальше, нередко разворачивая на своих страницах своего рода дискуссию о приемлемости для России их теоретических выводов. Наибольшее внимание было уделено представлению различных позиций по вопросу о свободе торговли, взаимоотношениях граждан и государства в сфере экономики. Как правило, такие публикации содержали сравнительный анализ учения А. Смита и его последователей с работами представителей французской школы физиократов или подробный анализ основных принципов современной политической экономии с точки зрения их практического использования. Так, например, в 1804 г. на страницах «Санктпетербургского журнала» была опубликована статья «Изложение учения Адама Смита и сравнение оного с учением Французских экономистов»¹³, а

¹² См.: *Предтеченский А. В.* Экономические журналы первой четверти XIX века // *Общественная мысль в России XIX века. Труды ЛОИИ СССР АН СССР.* Вып. 16. Л.: наука, 1986. С. 7–18.

¹³ Изложение учения Адама Смита и сравнение оного с учением Французских экономистов // *СПбж.* 1804. № VII, июль. С. 109–116; № IX, сент. С. 128–137.

«Статистический журнал» напечатал в 1806 г. статью М. Балудьянского (Балудянского) «Изображение хозяйственных систем», автор которой сопоставлял основные положения учений Ф. Кенэ, А. Смита и Ж.-Б. Сэя¹⁴. Несколько позднее, в том же журнале, читатель мог найти в статье под заголовком «О национальном богатстве» достаточно пространственные цитаты из работ А. Смита¹⁵. Публикации в российских журналах, посвященные творчеству европейских экономистов продолжались на протяжении всего царствования Александра I¹⁶.

Одновременно с появлением трудов либеральных западно-европейских экономистов в российских журналах, они выходили в свет и отдельными книгами. С 1803 г. образованный российский подданный мог ознакомиться с работой Ж.-С. Симонди «Новые начала политической экономии, или богатства в его отношении к народонаселению» и основными произведениями Ж.-Б. Сэя. Годом ранее, по инициативе министра финансов А. И. Васильева, Н. Р. Политковским был осуществлен перевод и издание наиболее известного сочинения А. Смита «Исследование свойства и причин богатства народов»¹⁷.

Издание сочинений европейских авторов осуществлялось не только в столице, но и в ряде крупных городов России. Так, например, в Казани по инициативе профессора политической экономии местного университета П. С. Кондырева в 1812 г. был издан русскоязычный перевод сочинения Г. Сарториуса, «Начальные основания народного богатства и государствен-

¹⁴ Изображение хозяйственных систем Михаила Балудянского, доктора прав, профессора Санктпетербургского императорского педагогического института, редактора при комиссии о составлении законов по части политической экономии и финансов // Стат. журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1. С. 45–70; Ч. 2. С. 32–70.

¹⁵ О национальном богатстве. Теория Адама Смита // Стат. журнал. СПб., 1808. Т. II. Ч. I. С. 1–35.

¹⁶ См., например: Система Адама Смита, изложенная весьма сокращенно // ВЕ. 1824. № 6, март. С. 130–137. Более подробно об интересе российского общества к работам европейских экономистов см.: *Артемяева Т. В., Бажанов В. А., Микешин М. И.* Рецепция британской социально-философской мысли в России XVIII–XIX веков. СПб., 2006. С. 49–56.

¹⁷ [Смит А.] Исследование свойства и причин богатства народов. Творение Адама Смита / Пер. с англ. Т. 1–4. СПб., 1802–1806.

ное хозяйство». О популярности этой работы красноречиво свидетельствует составленное переводчиком приложение, в котором, видимо с целью привлечения потенциальных читателей, был опубликован список подписчиков, проживавших вне Москвы и Санкт-Петербурга. В числе выразивших свое желание приобрести книгу были четыре губернатора, губернские предводители дворянства, священники, городские головы и старосты, купцы, мещане, учащиеся гимназий из многих даже достаточно отдаленных городов, таких как Красноярск, Иркутск, Якутск, Нерчинск, Нарым, Верхнеудинск и др. Определенный интерес к работе Г. Сарториуса проявили высшие и средние учебные заведения: Казанский университет заказал 50 экземпляров, Астраханская, Симбирская и Нижегородская губернские гимназии выписали по 25, 10 и 7 экземпляров соответственно¹⁸.

Наряду с журналами и книгами заметную роль в процессе освоения принципов европейской экономической теории в начале XIX в. сыграли преподаватели Главного Педагогического института (с 1819 г. – Санкт-Петербургского университета) К. Арсеньев и А. П. Куницын, профессора Казанского университета П. С. Кондырев и И. Нейман, Харьковского университета И. М. Ланг и Б. О. Рейт. Так, например, в Казанском университете с 1808 г. преподавание «политической экономии» велось на основе работ Г. Сарториуса и А. Смита, а в 1817 г. профессор И. Нейман издал книгу «Исследование правил политической экономии по системе Адама Смита»¹⁹, в которой он воспроизводил основные положения читаемого им курса «политической экономии».

В некоторых случаях университеты становились инициаторами проведения открытых конкурсов письменных работ посвященных решению различных экономических вопросов. Так, в 1811 г. по инициативе профессоров Харьковского университета был объявлен конкурс на лучшее решение задачи, сформулированной таким образом: «Защищаемая Адамом Смитом

¹⁸ См.: Аникин А. В. Путь исканий: социально-экономические идеи в России до марксизма. М., 1990. С. 107–108.

¹⁹ См.: Нейман И. Исследование правил политической экономии по системе Адама Смита. СПб., 1817.

неограниченная свобода в производстве ремесел действительно ли есть единственное средство, которым может обеспечить продолжительное и возрастающее благосостояние народа; или же свобода производства ремесел должна быть ограничена, то объяснить, на каком основании и в каком объеме может быть допущено это ограничение»²⁰. Такая постановка вопроса предполагала всесторонний анализ работ А. Смита и представление логически обоснованной собственной позиции по указанной теме.

Все вышесказанное позволяет предположить, что представители образованной части российского общества были хорошо информированы о содержании европейской «политической экономии». Конечно, мотивы для чтения подобного рода сочинений были самые разнообразные: кто-то читал их для того, чтобы уметь поддержать светскую беседу и показаться «просвещенным» и начитанным, другие искали полезные рецепты повышения рентабельности собственных хозяйств, третьи на основе теоретических постулатов европейских экономистов пытались разработать оптимальные в российских условиях проекты преобразований. Однако вне зависимости от побудительных мотивов общим итогом моды на сочинения европейских экономистов стало постепенное распространение в образованных кругах российского общества представления о том, что развитие экономики напрямую зависит от характера взаимоотношений личности и государства, а ключевыми понятиями, отражавшими различные аспекты этих отношений, являются понятия «свобода» и «собственность». С этого времени «свобода» и «собственность» становятся для современников системообразующими понятиями, с помощью которых они в различных проектах, «особых мнениях», научно-популярных произведениях, учебных пособиях для высших учебных заведений и в личной переписке выражали свои представления о перспективе экономического развития страны.

В начале XIX в. отправной точкой в размышлениях о значении «собственности» для экономического развития обще-

²⁰ Цит. по: Либерализм в России. М., 1996. С. 118.

ства было утверждение о её «естественном» происхождении. В данном контексте возникновение «собственности» трактовалось как закономерная ступень в развитии любого общества при переходе от собирательства и рыболовства к торговле и земледелию. При этом, как правило, подчеркивалось, что у всех народов «собственность» была основой для «усовершенствования семейственного состояния», становления законодательства и формирования государства²¹. Универсальность и прогрессивный характер влияния «собственности» на развитие общества нередко преподносились в форме не требующей дополнительных объяснений аксиомы: «Там не может быть населения, сколько бы дико оно не было, где не признается право собственности»²².

В тесной взаимосвязи с тезисом об «исторической укоренности» «собственности» рассматривался вопрос о её сущности в современном обществе. Ответ на подобного рода вопросы можно было легко найти на страницах учебных пособий по курсу «естественного права», включавшего в себя раздел «о праве собственности» граждан. Чаще всего, ориентируясь на работы европейских правоведов и экономистов, российские авторы призывали читателей различать понятия «собственность» и «право собственности». Так, например, профессор Московского университета Л. А. Цветаев (1777–1835 гг.), учебное пособие которого, наряду с произведениями Ч. Беккариа и И. Бентама, было рекомендовано использовать при обучении российских чиновников в соответствии с указом 6 августа 1809 г.²³, предлагал следующее определение: «Собственность

²¹ См., например: *Известие о нынешнем состоянии республики Рагузы, писанное гражданином ея* // ВЕ. 1802. Ч. 5. № 17. С. 59; [Цветаев Л.] *Первые начала естественного права, изданные для руководства учащихся профессором Львом Цветаевым*. М., 1816. С. 39–41; *О торговле древних и новых народов* // СО. 1821. Ч. 73. № XLVI. С. 264; *Сравнение Крестовых походов с священной бранью текущего столетия* // СО. 1822. Ч. 75. № I. С. 3; *О дипломатии* // СО. 1823. Ч. 88. № XXXVIII. С. 196.

²² *Обозрение краткой истории торговых революций* // СПбж. 1809. № VII, июль. С. 109.

²³ См. подробнее: [Хавский П.] *Речь, говоренная в канцелярии 1-го отделения 6 департамента Правительствующего Сената, при начале учения чиновников, приуготовляемых по Высочайшей воле в аудиторы для армей-*

есть вещь, которую может человек располагать произвольно и исключительно. Право располагать оною таким образом называется *правом собственности*; лицо, имеющее сие право, называется *хозяином*»²⁴.

Сформулированное таким образом определение не противоречило привычному на рубеже XVIII – нач. XIX в. значению понятия «собственность», как права полного распоряжения имуществом, но при этом акцентировало внимание на том, что юридически «собственностью» могут быть признаны только неодушевленные «вещи». Аналогичное понимание сущности права собственности предлагал в книге «Право естественное» А. П. Куницын, утверждая, что «собственность есть право исключительно употреблять вещь, не нарушая прав других людей»²⁵. Одновременно с этим в учебных пособиях проводилась дифференциация понятий «собственность», «владение» и «удержание»²⁶. По мнению профессора Московского университета (1801–1826 гг.) Х. Шлецера, различия между ними заключались в характере и объеме права распоряжения имуществом: «Право собственности различествует от простого владения и удержания. Удержание означает простую способность располагать вещью, не имея права и желания пользоваться ею. Владение означает способность и желание пользоваться вещью, не имея на оную права»²⁷. На практике такое разделение давало возможность собственнику получать прибыль, сдавая свое имущество в аренду, залог или в управление другим частным лицам.

Рассматривая «собственность» как «самое полное право пользоваться и располагать имуществом по произволу»²⁸, рос-

ских полков, секретарем Сената П. Хавским, 25 августа 1817 года // СО. 1817. Ч. 41. № LX. С. 48.

²⁴ [Цветаев Л.] Первые начала естественного права... С. 17. Близкое по смыслу определение «собственности» было приведено в кн.: Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России, начертанное профессором Григорием Терлаичем. Ч. 1. СПб., 1810. С. 101, 185.

²⁵ Куницын А. П. Право естественное. СПб., Ч. 1. 1818. С. 79.

²⁶ См.: [Цветаев Л.] Первые начала естественного права... С. 17.

²⁷ [Шлецер Х.] Начальные основания естественного права, изданные профессором Христианом Шлецером. М., 1810. С. 13.

²⁸ Основания российского права, извлеченные из существующих законов

сийские авторы нередко соглашались с высказыванием И. Бен-тама о том, что «собственность есть основание надежды, ожидание извлекать известные выгоды из обладаемой вещи...»²⁹. Именно такие, позитивные по своей направленности, «ожидания» собственников они называли главным стимулом экономической активности граждан, деятельность которых неизбежно будет способствовать развитию экономики России в целом.

Существование зависимости между наличием у граждан «собственности» и уровнем экономического развития страны, по мнению К. Арсеньева, Н. И. Тургенева, А. П. Куницына, Н. С. Мордвинова, М. М. Сперанского, подтверждалось историческим опытом развитых стран Европы и выработанными на его основе теоретическими постулатами политической экономики. Аналогичные утверждения можно было встретить в предисловиях к изданиям сочинений европейских авторов. Так, например, при публикации в журнале «Архив государственного хозяйства» работы Ж.-Б. Сея от имени редакции читателю сообщалось, что данная теория «...основана на правилах твердых, извлеченных из опытов всех народов»³⁰, а в качестве дополнительного аргумента, подтверждающего справедливость такой оценки, упоминалось о пожаловании её автору императором Александром I «особого подарка». В рекомендованной таким образом российским читателям работе Ж.-Б. Сей подтверждал тезис о важном значении «собственности» для экономического развития европейских стран, подчеркивая, что именно «...безопасность лица и собственности, обеспеченная в большей части Европейских государств, благоприятствует общественному благоденствию...»³¹.

Российской империи, издаваемые комиссиею составления законов. Т. 2. СПб., 1822. С. 22.

²⁹ [Бентам И.] Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. С предварительным изложением начал законоположения и всеобщего начертания полной Книги законов и с присовокуплением опыта о влиянии времени и места относительно законов. Сочинение английского юрисконсульта Иеремии Бен-тама. Т. 2. СПб., 1806. С. 46.

³⁰ [Сей Ж.-Б.] Чем правительство способствует народному обогащению? // Архив ГХ. Ч. 1. СПб., 1816. С. 4.

³¹ Там же. С. 6.

Не менее убедительным и очевидным фактом, способствовавшим формированию в общественном сознании представления о прогрессивной роли собственности, был указ 12 декабря 1801 г., в котором император Александр I, обосновывая представление «всем российским подданным, кроме тех, кои причислены к помещичьим владениям», права «приобретать покупкою земли» в «собственность», писал о желании верховной власти «...дать новое поощрение земледелию и промышленности народной...»³². С этого времени в различных проектах и записках по вопросам оздоровления финансовой системы России можно было встретить утверждения о том, что без учета интересов собственника любые попытки государства направленные на интенсификацию российской экономики будут безрезультатными. Показательным, на мой взгляд, является «особое мнение» Н. С. Мордвинова, в котором он писал о невозможности ликвидации дефицита государственного бюджета в случае, если правительство не будет заботиться о благосостоянии российских граждан. По его словам, правительству всегда следует помнить о том, что «...доколе не будут сняты казенные налоги на капиталах лежащие, не будет уважена собственность городских жителей и дома их освобождены от постоев... до тех пор все другие финансовые меры оставаться будут малоутешительными, и казначейство государственное не достигнет цветущего состояния»³³. Именно такое утилитарное обоснование необходимости юридического закрепления прав собственника было характерно для большинства представителей правительственной элиты России первой четверти XIX в.³⁴.

В процессе знакомства с работами европейских авторов и сопоставления их теоретических рекомендаций с российской реальностью в образованных кругах российского общества произошло признание взаимозависимости благосостояния «государства» и «граждан»: с одной стороны, главным двигателем

³² ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 20.075. С. 862–863.

³³ РГИА. Ф. 1166. Оп. 1. Т. XVI. Д. 2. Л. 20.

³⁴ См. подробнее: *Тимофеев Д. В.* Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск, 2006. С. 62–114.

социально-экономического развития страны объявлялась экономически активная, обладавшая частной «собственностью» личность, а с другой – подчеркивалось, что «...народ наслаждается общим благом тогда, когда правительство, приняв на себя попечение о благе подданных, старается доставить им полную безопасность, как в рассуждении личных прав, так и в рассуждении собственности»³⁵. В данном контексте в журналах, научно-популярных работах, учебных пособиях и многочисленных проектах «улучшения общего благосостояния» России, «собственность» рассматривалась как необходимое, но не единственное условие успешного экономического развития страны в ближайшей перспективе. Практически во всех исследуемых текстах, авторы отмечали, что на практике наличие у индивида движимого и недвижимого имущества может стать катализатором экономического развития всего общества только в том случае, если право частной собственности будет зафиксировано в неизменном, «коренном законе».

Теоретическое обоснование необходимости законодательного оформления права собственности российский читатель мог найти в пользовавшихся большой популярностью³⁶ произведениях И. Бентама, в одном из которых он прямо провозглашал: «Законом только может утвердиться постоянное и прочное обладание, достойное имени собственности»³⁷. Одновременно с теоретическими постулатами ярким примером, иллюстрировавшим практическое значение юридического закрепления права собственности, была Англия, экономическое благополучие которой напрямую связывалось с системой законов, защищавших интересы собственника. Так, в журнале «Вестник Европы» за 1806 г., неизвестный автор, отвечая на

³⁵ [Арсеньев К. И.] Начертание статистики российского государства, составленное главного педагогического института адъюнкт-профессором Константином Арсеньевым. Ч. 2. 1819. С. 108.

³⁶ См. подробнее: Предтеченский А. В. Англomania // Анатолий Васильевич Предтеченский: из творческого наследия. СПб., 1999. С. 71–73; Артемьева Т. В., Бажанов В. А., Микешин М. И. Рецепция британской социально-философской мысли... С. 59–70.

³⁷ Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении... Т. 2. С. 41.

вопрос «отчего мало английских ремесленников выезжает из своего отечества в чужие земли», приходил к выводу, что такое положение обусловлено тем, что «нигде ремесленник не может быть столь уверен, что собственность ему принадлежит, как в Англии»³⁸. Именно стабильность в отношении права «собственности» была одной из причин повышенного интереса российского дворянства и купечества к английскому способу ведения хозяйства³⁹.

С первых месяцев царствования императора Александра I идея законодательного закрепления принципа неприкосновенности частной собственности была неотъемлемой частью «ожиданий» российского образованного общества. Не случайно в проекте манифеста, который должен был всенародно объявлен на торжественной коронации Александра I второго сентября 1801 г.⁴⁰, целый ряд статей был посвящен этому вопросу. Подготовка текста манифеста, получившего позднее название «Жалованная грамота российскому народу», была поручена А. Р. Воронцову. Предложенный им на обсуждение Негласного комитета в июле 1801 г. проект содержал в себе целый ряд либеральных постулатов, таких как свобода личности, свобода слова и вероисповедания, неприкосновенность собственности⁴¹. В представленном на «Высочайшее рассмотрение» 14 августа 1801 г. проекте А. Р. Воронцов прямо писал о необходимости установления юридических гарантий прав собственника в России: «Пусть любой вид собственности личной, недвижимой или земельной, как родовой, так и приобретенной обеспечивается и гарантируется каждому по закону»⁴². В окончательной редакции манифеста, сохранившейся в личных бумагах К. Г. Репинского, от имени верховной власти всем

³⁸ Отчего мало английских ремесленников выезжает из своего отечества в чужие земли // ВЕ. 1806. Ч. XXVIII. № 13. С. 37.

³⁹ *Предтеченский А. В.* Англомания. С. 49, 92, 94.

⁴⁰ Предполагаемая дата коронации была указана в проекте А. Р. Воронцова.

⁴¹ *Минаева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. С. 44–46.

⁴² [Воронцов А. Р.] Articles ou materiaux qui peuvent servir a la confection d'un edit ou manifeste de privileges, franchises etc. // Русский архив. 1908. Кн. 2. № 6. С. 9.

российским подданным объявлялось: «Возобновляем, утверждаем и постановляем, что право собственности движимого и недвижимого имения, есть право Российского подданного, поколику оно свойственно в силу законов каждому чиновосостоянию в Государстве»⁴³.

Как известно, на состоявшейся в Москве 15 сентября 1801 г. коронации был провозглашен обычный для таких случаев манифест, в котором объявлялось об освобождении от рекрутского набора на текущий год, однократном снижении податей на 25 копеек с души, списании штрафов и казенных недоимок т. п.⁴⁴. Однако отказ Александра I от обнародования одобренного им ранее проекта «Жалованной грамоты российскому народу» не изменил направленности общественных ожиданий. Законодательное закрепление неприкосновенности частной собственности оставалось в качестве желанной цели на протяжении всего исследуемого периода, что отражено в многочисленных высказываниях, как представителей правительственных кругов, так и в программных документах различных «вольных» и «тайных» обществ. В наиболее отчетливой форме близость позиций по вопросу о собственности проявляется, например, при сравнительном анализе «Записки неизвестного члена Государственного Совета о задачах Государственного Совета» (1806 г.) и программных документов декабристов. В первом источнике автор, обозначая главные направление деятельности Совета, писал: «Во-первых, требуется, чтоб каждый гражданин обеспечен был в своем состоянии имуществом, которое бы видел он так твердо и неколеблемо себе принадлежащим, что собственность его ни временным налогом подвержена, ниже кем-либо и никогда нарушаема быть не может»⁴⁵. При этом он недвусмысленно высказывался о необходимости выработки Государственным Советом правил, в соответствии с которыми

⁴³ Проект «Всемилоостивейшей Жалованной Грамоты, Российскому народу жалуемой, 1801 г.» // *Минаева Н. В.* Век Пушкина. М., 2007. Приложение. С. 153.

⁴⁴ См.: ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 20.011. С. 788–789.

⁴⁵ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 18/14. Л. 16.

правительство не могло бы под предлогом нехватки денежных средств «ущемлять» интересы собственников⁴⁶.

Не менее четко стремление зафиксировать право российских «граждан» на обладание «собственностью» прослеживается в «Русской правде» П. И. Пестеля, текст которой в 1822–1823 гг. обсуждался на собраниях «Южного общества», а следовательно, может рассматриваться как источник, отражавший не только позицию его автора, но и организации в целом⁴⁷. В соответствии с этим документом после прихода к власти была бы провозглашена следующая норма: «Право собственности или обладания есть священное и неприкосновенное, долженствующее на самых твердых, положительных и неприкосновенных основах быть утверждено и укреплено, дабы каждый гражданин в полной мере уверен был в том, что никакое самовластие не может лишить его ниже малейшей части его имущества»⁴⁸. Аналогичное положение предполагал включить в текст будущей российской конституции и Н. Муравьев. По его глубокому убеждению, в основном законе страны необходимо было закрепить основополагающий принцип «гражданского общежития», в соответствии с которым «право собственности, заключающее в себе одни вещи, священно и неприкосновенно»⁴⁹.

Признание необходимости четкого определения в законе права собственности было обусловлено не только знакомством с основными принципами европейской экономической теории, но и отсутствием на практике четкого порядка урегулирования конфликтов между отдельными собственниками, а также между ними и государством. Наиболее резкая оценка сложившегося положения содержится в высказывании М. М. Сперанского о том, что «собственность и личность в реальной жизни не ограждена от произвола, ...а законности нет и в помине»⁵⁰. Ко-

⁴⁶ Там же. Л. 18–19.

⁴⁷ См.: Федоров В. А. Декабристы и их время М., 1992. С. 105.

⁴⁸ Пестель П. И. Русская правда // Декабристы. Избранные труды / Сост., авт. вступ. ст. и коммент. О. И. Киянская. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 171.

⁴⁹ Конституционный проект Н. М. Муравьева // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX веков. Сост., авт вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. – М.: РОССПЭН, 2010. С. 306.

⁵⁰ Цит. по: Давыдов М. А. «Оппозиция Его Величества». М., 1994. С. 117.

нечно, в большинстве случаев современники были более сдержаны в своих высказываниях по данному вопросу, но в различных научно-публицистических сочинениях и учебных текстах нередко упоминали о необходимости создания действенных механизмов защиты права собственности. При описании идеальных условий, необходимых для укрепления института собственности, а следовательно, и дальнейшего развития экономики, их авторы предлагали достаточно четкие формулировки правовых норм, с помощью которых следовало защищать интересы собственников при возникновении имущественных споров между отдельными гражданами. Так, например, в книге «Основания российского права» можно было прочесть следующее утверждение: «Каждый имеет право охранять свою собственность. Для обороны имущества своего от нападений другого может он в нужном случае употреблять и силу, однако же сие должно быть в то самое время, когда другой нападает на его имущество»⁵¹. Использование гражданами «силы» для защиты своей собственности рассматривалось как следствие «естественного права» любого человека живущего в обществе. Именно такое обоснование предлагал А. П. Куницын, утверждая, что «никто не может завладеть собственностью другого, ибо таковое завладение было бы нарушением права»⁵². Следует отметить, что все подобные определения преподносились как своеобразная аксиома, признанная не только в развитых странах Европы, но и в Российской империи.

Однако в различных, заведомо не предназначенных для публикации проектах, «ожидания» того, что в первую очередь необходимо было зафиксировать в действовавшем законодательстве имели более прагматичный, утилитарный характер. В подобных документах было отражено характерное для большинства образованных российских подданных представление о том, что закон должен детально регламентировать имущественные отношения граждан, а также установить четкий порядок разрешения всех имущественных конфликтов, даже в

⁵¹ Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи... Т. 2. С. 56.

⁵² Куницын А. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 86.

том случае, если они возникали между близкими родственниками. В этом смысле вполне типичным, на мой взгляд, являлся представленный осенью 1801 г. проект некоего секунд-майора И. Давыдова. Он предлагал установить правило, в соответствии с которым в случае, если после передачи имущества от родителей к взрослым детям, они умирали раньше родителей, право собственности наследовалось не по нисходящей линии (т. е. младшим братьям или внукам), а вновь переходило к родителям⁵³. Все аналогичные проекты, вне зависимости от содержания предлагаемых авторами изменений, возникали, как правило, в связи с рассмотрением какого-либо конкретного дела и создавались с целью детализации норм существующего законодательства.

Более общие, концептуально нагруженные предложения возникали в проектах, где, наряду с другими вопросами, рассматривался вопрос о характере взаимоотношений граждан и государства в сфере экономики. Важным аспектом таких отношений признавался вопрос о порядке урегулирования конфликтов между частными собственниками и государством. При этом подчеркивалось, что все стороны такого конфликта должны были бы выступать как равные субъекты права. Так, например, А. Р. Воронцов в проекте манифеста о восшествии императора Александра I на российский престол предлагал установить юридическое равенство отдельного гражданина и государства при рассмотрении имущественных споров в судах: «В случае оспаривания или тяжбы между государственным имуществом или казной короны с одной стороны, и частным лицом с другой, государственное имущество или казна рассматриваются как обычная спорящая сторона и не будет иметь никаких преимуществ по отношению к другой стороне. Человеку, который будет представлять интересы государственного имущества или короны, и которому поручено защищать ее интересы, пойдет теми же путями, и будет подчиняться тем же юридическим формальностям, что и простой собственник»⁵⁴.

⁵³ РГИА. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 18. Л. 5 об. – 6.

⁵⁴ [Воронцов А. Р.] *Articles ou materiaux qui peuvent servir a la confection d'un edit ou manifeste...* С. 11.

На уровне ожиданий предполагалось, что равенство обязательств неукоснительно соблюдать закон налагало бы на государство, по аналогии с нормами экономических взаимоотношений между гражданами, обязанность возмещать частному собственнику любой материальный ущерб, причиненный правительством в ходе выполнения своих функций. Дополнительным основанием для формирования таких надежд были многочисленные публикации в российских журналах, информирующие читателя о содержании европейского законодательства. Примером юридического закрепления имущественных обязательств «государства» перед «гражданами» мог быть опубликованный в журнале «Вестник Европы» «Государственный устав испанской монархии», в одной из статей которого всенародно провозглашалось: «Король не может взять собственности ни у какого лица или общества, ниже препятствовать в обладании оною и в получении от нее прибыли; а если бы оказалось нужным для какого-либо общепольного дела взять его, то сие должно быть учинено не иначе как с вознаграждением, так, чтобы лишаящийся получил равное возмездие по усмотрению людей опытных и честных»⁵⁵. Существование в европейском законодательстве прямого указания на неприкосновенность частной собственности, при одновременном признании возможности возмездного изъятия имущества граждан во имя поддержания «общего блага», воспринималось как пример достижения разумного компромисса между идеальными теоретическими схемами и реальностью.

Аналогичное стремление соединить интересы отдельных граждан и интересы общества в целом, олицетворением которого для российских подданных было государство, отчетливо прослеживается в текстах проектов, созданных как по высочайшему соизволению, так и в различных тайных обществах. Показательным в данном контексте является проект «Государственной уставной грамоты Российской Империи» и текст «Конституционной хартии Царства Польского», составленный

⁵⁵ Государственный устав Испанской монархии // ВЕ. 1813. Ч. LXX. № 13. С. 61.

Н. Н. Новосильцовым при активном участии А. Чарторижского. Сравнительно-текстологический анализ этих документов показал практически дословное совпадение статей, определявших право граждан на обладание «собственностью» и провозглашавших принцип возмещения потерь, понесенных по вине государства. В статье 97 «Государственной уставной грамоты» и в статье 26 «Конституционной хартии Царства Польского» была зафиксирована следующая норма: «Всякая собственность на поверхности ли находящаяся или в недрах оной сокровенная, какого бы рода не была, в чем бы не состояла и кому бы не принадлежала, признается священной и неприкосновенною. Никакая власть, и не под каким предлогом посягнуть на нее не может. Посягающий на чужую собственность осуждается и наказывается как нарушитель общественного спокойствия»⁵⁶. Однако и в первом, и во втором документе (в статьях 98 и 27 соответственно) признавалось, что государство должно иметь в случае возникновения общественной необходимости право изъятия собственности граждан. В «Конституционной хартии Царства Польского», которая, по мнению ориентированных на либеральные ценности современников, могла стать прообразом общероссийской конституции, провозглашалось: «Тем не менее, правительство имеет право требовать от частного лица пожертвования своей собственностью для общественно-полезного дела за справедливое и предварительное вознаграждение. Закон установит случаи и формы применения этого принципа»⁵⁷. Очень близкой по данному вопросу была позиция и членов тайных обществ. Так, например, в конституционном проекте П. Пестеля была зафиксирована следующая норма: «Ежели кто собственности своей лишен быть должен для Блага общего, то надлежит к тому приступить не иначе как когда полномерное существует убеждение в том, что Благо общее неминуемо того требует и не может иначе быть достигнуто, но в и сем случае должно всегда последовать наперед предварительное полное

⁵⁶ Государственная уставная грамота Российской империи (1818 г.) // *Минаева Н. В.* Век пушнина. М., 2007. Приложение. С. 226; ГАРФ. 1769. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 5.

⁵⁷ ГАРФ. Ф. 1769. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 6.

возмездие»⁵⁸. При этом подчеркивалось, что каждое такое изъятие должно было утверждаться особым законодательным актом, в котором четко прописывалась процедура установления «справедливой» оценки и передачи имущества частных лиц государству.

Указанное выше сходство позиций, на мой взгляд, было сформировано не только благодаря знакомству с произведениями либеральных экономистов и основами законодательства в странах Европы, но и под воздействием практики прямого государственного регулирования экономическими процессами в России на протяжении всего XVIII в. В результате, достаточно широко было распространено мнение о «естественности», а в некоторых случаях и неизбежности в процессе исполнения государством своих функций возникновения противоречий между «общей пользой» и интересами отдельного собственника.

Убедительные доказательства справедливости такого рода мнений образованный российский читатель мог найти в многочисленных публикациях, посвященных истории становления российской фабрично-заводской промышленности. Как правило, авторы таких работ, обращаясь к историческому опыту экономических взаимоотношений личности и государства в России, писали о том, что в определенные периоды времени «особые» обстоятельства вынуждали правительство идти на нарушение «права собственности». Так, например, в статье «Взгляд на состояние мануфактур в России...», российский читатель мог познакомиться с достаточно подробным анализом изменений методов и подходов к управлению экономикой со времени Петра I до 1814 г. На протяжении всей работы внимание читателей неоднократно акцентировалось на том, что любое ужесточение или смягчение отношения государства к частным собственникам всегда обосновывалось стремлением к «общему благу». Так, по мысли автора, именно заботой об «общественной пользе», несмотря на многочисленные жалобы помещиков, было вызвано решение Петра I о «приписке» беглых крестьян к заводам. Обусловленная сложной внешнеполити-

⁵⁸ Пестель П. И. Русская правда. С. 171.

ческой обстановкой потребность государства в «заведении» новых мануфактур трактовалась как достаточное основание для нарушения прав собственника, а следовательно, сама «необходимость предписала закон, и право собственности должно было уступить общественной пользе»⁵⁹. Логическим продолжением исторического экскурса было утверждение о том, что по мере развития экономики практика безвозмездного изъятия частной собственности исчезнет, а все имущественные споры будут решаться на взаимовыгодной основе.

К началу 1820 г. такой характер взаимоотношений личности и государства по вопросу о собственности преподносился в качестве желательной нормы, которая уже в ближайшее время непременно будет закреплена в российском законодательстве. В изданной комиссией составления законов книге «Основания российского права» принцип возмещения потерь собственникам был сформулирован так: «Если Государственная нужда или польза требует отчуждения частной собственности на общественное употребление, тогда чинится за оную хозяину удовлетворение»⁶⁰. В такой трактовке речь шла не о конфискации, которая признавалась допустимой мерой только в отношении имущества лиц совершивших особо тяжкие преступления (в случае, если они не имели ближайших родственников), а лишь о «принужденной продаже» имущества государству. Справедливая компенсация потерь в денежной форме рассматривалась как способ сохранения «собственности» гражданина, позволявший ему приобрести новое имущество, не препятствуя государству выполнять свои функции по обеспечению обороноспособности страны, строительству дорог, крепостей, мостов и др. объектов инфраструктуры. Подобный подход полностью соответствовал тому, что предлагали в своих проектах, докладных записках и научно-популярных произведениях Н. С. Мордвинов, Н. Н. Новосильцов, М. М. Сперанский, А. П. Куницын, В. П. Кочубей, Н. Муравьев, П. И. Пестель и др. современники.

⁵⁹ Взгляд на состояние мануфактур в России и на законы к оным относящиеся с XVI столетия по 1814 год // СО. 1822. Ч. 82. № L. С. 157–158.

⁶⁰ Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи... Т. 2. С. 30.

Таким образом, в сознании образованного российского гражданина первой четверти XIX в. сформировалось представление о наличии прямой зависимости «общего благосостояния» от поведения двух основных субъектов – «государства» и «гражданина», каждый из которых, обладая «собственностью», играл важную роль в развитии экономики. Частный собственник в целях получения прибыли организует производство различных товаров, занимается торговлей и оказанием многочисленных услуг населению, а государство обеспечивает безопасность граждан и благоприятные условия для развития частного предпринимательства. Размышляя о перспективах развития отечественной экономики, российские авторы, как правило, отмечали, что оно возможно только в случае соблюдения оптимального баланса интересов личности и государства. При этом основным критерием, с помощью которого возможно было бы определить, насколько в каждой конкретной стране удалось достичь оптимального соотношения интересов государства и личности, признавалось не только наличие у граждан «права собственности», но и права на «свободу» экономической деятельности. В данном контексте «свобода» и «собственность» воспринимались как необходимые условия развития страны.

Понимание важности предоставления гражданам «свободы» экономической деятельности базировалось на хорошо известном российской читающей публике тезисе об атомарно-механистической природе общества, в соответствии с которым оно представлялось единой системой непрерывно взаимодействующих друг с другом индивидов. Каждый из элементов данной системы, стремясь удовлетворить свои потребности, активно проявляет себя и, таким образом, способствует развитию общества в целом. Именно такое обоснование необходимости «свободы» предлагал читателям «Статистического журнала» М. Балугьянский (Балудянский), подчеркивая существование причинно-следственной связи между благосостоянием общества и характером предоставляемой гражданам «свободы»: «Каждый знает, что для него полезнее, но что польза каждого человека в особенности не должна противоречить пользе государственной, ибо общее благо есть ничто иное как *сумма* всех

частных благ. Следовательно надлежит предоставить каждому: 1) Свободу добывать естественные продукты; 2) Свободу обрабатывать оные; 3) Свободу торговать оными; 4) Свободу в употреблении или иждивении продуктов»⁶¹. По мысли автора, сравнительный анализ учений меркантилистов, физиократов и А. Смита, позволил убедиться в безусловной справедливости утверждения о том, что «свобода» является основным источником «народного богатства»⁶².

Наиболее очевидным следствием «свободы» на страницах периодической печати называлось укрепление обороноспособности страны. Характерным примером установления такой взаимосвязи была статья «Некоторые мысли о необходимости могущественной внешней защиты безопасности и спокойствия государств», автор которой, признавая, что «могущество Державы состоит в... народном богатстве или в избытке всякого рода произведений над нуждами народа», предлагал ответ на вопрос «от чего же рождается богатство». По его мнению, первопричиной благополучия и безопасности развитых стран был «труд», а следовательно, «изобилие... источников народного богатства зависит от мер, предпринимаемых правительством на обеспечение свободы народной промышленности»⁶³. Таким образом, «свобода» экономической деятельности одновременно обеспечивала и материальное благополучие отдельных граждан, и внешнюю безопасность всего общества.

Суждения о позитивном воздействии «свободы» на экономику можно было найти не только на страницах периодических изданий, но и услышать в многочисленных «речах», которые произносились в публичных собраниях. Так, напри-

⁶¹ Изображение различных хозяйственных систем Михаила Балудянского, доктора прав, профессора Санкт-Петербургского Императорского педагогического института, редактора при комиссии о составлении законов по части политической экономии и финансов (продолжение) // Стат. журнал. 1806. Т. 1. Ч. 2. С. 62.

⁶² См. подробнее о социально-экономических воззрениях М. Балугьянского: Косачевская Е. М. Михаил Андреевич Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971.

⁶³ Некоторые мысли о необходимости могущественной внешней защиты безопасности и спокойствия государств // СО. 1814. Ч. 51. № II. С. 66.

мер, на торжественном заседании Харьковского Филотехнического общества 13 января 1813 г. Н. Каразин выступил с «речью», опубликованной позднее отдельной брошюрой тиражом 200 экз., в которой выразил уверенность в том, что «совершенная и беспредельная свобода промыслов и рукоделий», наряду с «просвещением» и «усовершенствованием отечественных законов», будет способствовать восстановлению отечественной экономики после войны 1812 г. и «составит твердое основание... благоденствию» России⁶⁴.

В исследуемый период времени идейным основанием, подтверждавшим справедливость либерального принципа свободы экономической деятельности, были теории известных европейских мыслителей. Практически ни одна публикация, посвященная проблемам интенсификации российской экономики, не обходилась без прямого цитирования или подробного изложения идей А. Смита и его последователей. Как правило, в подобных текстах авторы не ограничивались простой констатацией того, что европейские «экономисты приемлют неограниченную свободу во всех родах промышленности и труда»⁶⁵, а, сопоставляя учения физиократов, меркантилистов и сторонников идей А. Смита, писали об открытии ими «естественных» закономерностей развития общества, главной из которых являлась зависимость между степенью экономической «свободы» человека и «общим благосостоянием».

Достаточно часто понятие «свобода» использовалось для обозначения главной, центральной идеи всей «политической экономии». Показательным примером отождествления смысла европейских экономических учений XVII – нач. XIX в., на мой взгляд, являются слова, написанные Н. И. Тургеневым в книге «Опыт теории налогов». Практически с первой и до последней страницы частотность употребления понятия «свобода» создает у читателя впечатление о том, что именно оно являлось ключевым для понимания даже самых сложных экономиче-

⁶⁴ Каразин Н. Речь о необходимости в настоящих обстоятельствах усилить домоводство // ВЕ. 1813. Ч. XLVII. № 1–2. С. 21.

⁶⁵ Изображение различных хозяйственных систем Михаила Балудянского... С. 61.

ских вопросов. Более того, понятие «свобода» у Н. И. Тургенева выступало не только как экономическая, но и морально-этическая категория, противоположностью которой были слова «насилие», «самовольство» и т. п. В предисловии к первому изданию книги автор, раскрывая читателю «истинную» «пользу изучения политической экономии», выразил свое отношение к принципу «свободы» экономической деятельности так: «Занимающийся политической экономией, рассматривая систему меркантилистов, невольно привыкает ненавидеть всякое насилие, самовольство и в особенности методы делать людей счастливыми вопреки им самим. Проходя систему физиократов, он приучается любить правоту, свободу, уважать класс земледельцев, столь достойный уважения сограждан и особенной попечительности правительства... Физиократы одним из главных правил представляли свободу совместничества в промышленности народной... Наконец, занимающийся политической экономией, проходя систему называемую Смитовою или критическою,... и здесь увидит, что все благое основывается на свободе, а злое проходит от того, что некоторые из людей, обманываясь в своем предназначении, берут на себя дерзкую обязанность за других смотреть, думать, за других действовать...»⁶⁶. Сформулированное таким образом негативное отношение ко всем, кто «берет на себя дерзкую обязанность» ограничивать естественное стремление человека к «свободе» и «благополучию», акцентировало внимание читателей на необходимости изменить существовавшую во многих странах мира этатистскую модель взаимоотношений «граждан» и «государства». Интересно отметить, что аналогичная трактовка идей А. Смита была не только в работе Н. И. Тургенева, но периодически воспроизводилась в различных российских журналах вплоть до 1824 г. Неприятие чрезмерного контроля со стороны правительства за производственной и торговой деятельностью граждан преподносилось как системообразующая идея всего учения А. Смита и его последователей. Не случайно в «сокращенном» изложении теоретических постулатов известного

⁶⁶ Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. СПб., 1818. С. V–VII.

во всем мире экономиста российскому читателю сообщалось: «Смит, равно как и писатели, которых называли мы экономистами, сильно вооружается противу охоты издавать разные стеснительные постановления. При всяком случае одобряет он *свободу* земледелия, торговли и вообще промышленности, при всяком случае показывает вредные действия постановлений, которыми хотят дать им направление, или же останавливать естественный ход оных. Доказывает, что упомянутые постановления... противны своей цели, ибо ими стесняются или же ослабляются успехи обогащения. Его девиз: пускай делают, пускай развозят»⁶⁷.

В одном ряду с теоретическими трудами европейских экономистов не менее убедительным доказательством справедливости тезиса о «свободе», как важном факторе, оказывавшем заметное влияние на развитие экономики, была информация о «процветании» тех стран, где принцип «свободы» экономической деятельности был, по мнению современников, реализован на практике. При этом, чаще всего, в качестве образца упоминались «Северо-Американские соединенные области». В российских журналах такого рода информация была представлена в трех основных жанрах: в форме писем иностранцев, рассказывавших о положении у себя на родине, записок русских путешественников об увиденном в различных странах мира, а также в виде перепечаток статей из наиболее известных зарубежных изданий. Так, в 1816 г. в журнале «Сын Отечества» было напечатано «Письмо из Филадельфии», из которого следовало, что быстрому подъему экономики данной «области» способствовали «свобода» и умеренность системы налогообложения⁶⁸. Двумя годами ранее П. Свиньин в статье «Наблюдения Русского в Америке», восхищаясь быстрыми успехами американцев в развитии различных технических приспособлений, объяснял этот феномен «покровительством законов и свободой предприимчивости»⁶⁹. Не менее действенным фактором

⁶⁷ Система Адама Смита, изложенная весьма сокращенно. С. 130–137.

⁶⁸ Письмо из Филадельфии от 8 июня // СО. 1816. Ч. 32. № XXIV. С. 78–80.

⁶⁹ См.: [Свиньин П.] Наблюдения Русского в Америке // СО. 1814. Ч. 16. № XXXVI. С. 136. (Фамилия автора указана в № XXXVII. С. 182.)

экономического развития «свобода» преподносилась в заметке «Новая Франция в Америке», автор которой отмечал, что при освоении новых земель «торговля, ремесла и всякая промышленность пользуются полною свободою», а также в перепечатанной из «Лейденского журнала» статье «Взгляд на Северную и Южную Америку», информировавшей российского читателя о положении жителей «Соединенных областей», где, по словам автора, «в щастливой свободе, под защитою кроткого правительства, граждане живут благополучно»⁷⁰.

Представленные в многочисленных публикациях теоретические обоснования и практические результаты «свободы» предпринимательства актуализировали постановку вопроса о роли государства и наиболее эффективных методах управления экономикой. С одной стороны, очевидным и бесспорным признавалась необходимость влияния государства на макроэкономические процессы с помощью системы законов, налоговой, таможенной и денежно-эмиссионной политики. Одновременно с этим в текстах российских авторов первой четверти XIX в. высказывалось мнение о том, что используемые государством методы не должны были существенным образом ограничивать «свободу» экономической деятельности отдельного индивида, напротив – вмешательство в хозяйственную деятельность частных предприятий следовало свести к минимуму.

Именно такую идеальную модель взаимоотношений государства и личности считал наиболее перспективной автор книги «Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства». Размышляя о принципах, которыми, по его мнению, должно было руководствоваться правительство, он писал: «От наук и опытов почерпнутыми сведениями просвещенные правительства полагали, что... надлежит держаться того правила, чтоб сколько можно менее было стеснений, и сколь можно более *свободы*, чтоб Правительство сколь можно меньше участвовало в промышленности и торговле частных лиц; чтоб оно наблюдало за ними только слегка, покровитель-

⁷⁰ Взгляд на Северную и Южную Америку // Арх. ист. и полит. СПб., 1816. С. 145; ДЖ. 1816. Кн. 37. С. 465.

ствуя их, и устраняя всемерно все препятствия и стеснения, какие токмо им в шествии их к собственной пользе встретиться могут; чтоб оно старалось даже скрывать и необходимый надзор свой над частною промышленностью, поелику и самое малейшее движение со стороны Правительства может произвести страх в частных людях, и остановить их в производстве промыслов»⁷¹. Все указанные автором, «правила», в случае их неукоснительного соблюдения, способствовали бы повышению экономической активности граждан, и, как следствие, более интенсивному развитию экономики. В рамках описанной модели функции государства сводились к «наблюдению» и «устранению всех препятствий» частной инициативе, а «свобода» преподносилась не как конечная цель, а лишь в качестве средства для достижения «общественного благополучия».

Такой инструменталистский подход к пониманию значения «свободы» экономической деятельности присутствовал в многочисленных публикациях, содержавших, как правило в достаточно абстрактной форме, различные пожелания и рекомендации правительству. Например, в статье с характерным для подобного рода публикаций заголовком «Чем правительство способствует народному обогащению», утверждалось, что «правительство обладает средством», с помощью которого оно может ускорить экономическое развитие. По словам автора, «...средство сие состоит в том, чтобы предоставить каждому свободу заниматься тем, что он считает для себя выгоднее, не стесняя промышленности никакими распоряжениями»⁷². Не менее ярким примером понимания «свободы» как инструмента правительственной политики, были сочинения, написанные в жанре рассказа очевидца, посетившего какое-либо промышленное предприятие. Как правило, авторы подобных публикаций, наряду с изложением основных этапов истории предприятия и подробным описанием его «современного состояния», делились с читателями своими мыслями о том, что

⁷¹ [Козодавлев О. П.] Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства. Сочинение Россиянина. СПб., 1815. С. 9–10.

⁷² Чем правительство способствует народному обогащению // Архив ГХ. Ч. 1. СПб., 1816. С. 14.

необходимо для успешной работы данного производства в будущем. Именно такая последовательность изложения была характерна для статьи П. Свиньина «Киево-Межегорская фаянсовая фабрика», опубликованной в журналах «Сын Отечества» и «Отечественные записки». Выказывая свои предположения о перспективах развития фабрики, П. Свиньин писал: «Весьма вероятно, что фабрика сия, при пособиях Правительства, из коих главнейшая суть свобода и доверенность, дойдет до высшей степени совершенства»⁷³. Таким образом, автор напрямую отождествлял «свободу» с «пособием правительства», что, на мой взгляд, может служить еще одним подтверждением наличия в образованных кругах российского общества представления о «свободе» как эффективном инструменте модернизации отечественной экономики.

Аналогичное понимание значение «свободы» зафиксировано не только в материалах периодической печати. Близкие по своей идейной направленности предложения можно было найти в многочисленных «докладных записках, «особых мнениях», отчетах и др. документах, составленных Н. С. Мордвиновым, В. П. Кочубеем, Д. А. Гурьевым, М. М. Сперанским, О. П. Козодавлевым и др. представителями российского правительства. Так, в отчете за 1802–1807 г. по министерству внутренних дел, к ведению которого, помимо других вопросов относилось и наблюдение за фабрично-заводской промышленностью, В. П. Кочубей предлагал «...оставить частным видам промышленности, сколь можно свободное течение, не стеснять их ни в выборе предметов, к коим они устремляются, ни в образе их производства и распродажи изделий»⁷⁴. В противном случае, по его мнению, многие предприятия могут «придти в упадок», а их владельцы к «разорению». О необходимости правительству помнить, что «коммерция основана на

⁷³ См.: Свиньин П. Киево-Межегорская фаянсовая фабрика // ОЗ. СПб., 1818. С. 261.

⁷⁴ [Кочубей В. П.] Краткий отчет по министерству внутренних дел с начала учреждения его по 25 ноября 1807 года // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 1: отд. 2. СПб., 1876. С. 198.

свободе» писал в 1802 г. и Д. А. Гурьев⁷⁵. Важным критерием целесообразности реализации обсуждаемых в Государственном Совете проектов, по его словам, было сохранение интересов государственной казны и отсутствие «стеснений частной свободе»⁷⁶.

Указанное выше сходство позиций проявлялось также в оценке причин медленной реализации на практике принципа свободы экономической деятельности. В ожидании действенных мер правительства, направленных на минимизацию вмешательства государства в частные дела граждан, российские авторы, чаще всего, указывали на два важных обстоятельства, которые оказывали влияние на процесс реализации принципа свободы экономической деятельности.

Во-первых, заметным препятствием для практического воплощения принципа «свободы», по мнению современников, был субъективный фактор, связанный с «привычкой» чиновников низшего и среднего звена осуществлять контроль за деятельностью всех экономически активных граждан. В одном из номеров «Духа журналов» признание благоприятного влияния «системы... предоставляющей наибольшую свободу» сопровождалось следующим замечанием: «Казалось бы, ничего нет легче исполнения сей системы, но решиться оставить вещи свободному их движению, и не желать чести вмешиваться в управление ими, есть таковой подвиг, который превышает возможности Государственного человека!»⁷⁷. Надежды на преодоление сопротивления чиновников в общественном сознании связывались с «благотворным соизволением» верховной власти, которая, с одной стороны, должна была заботиться о подготовке честных и «просвещенных» чиновников, а с другой – заставить их исполнять все распоряжения монарха, направленные на реализацию принципа предоставления экономической свободы российским гражданам.

⁷⁵ См.: Особое мнение Гурьева // Архив графов Мордвиновых. Т. 3. СПб., 1902. С. 120.

⁷⁶ РГИА. Ф. 1154. Оп. 1. Т. XVI, 1817. Д. 2. Л. 27.

⁷⁷ См.: О системах государственного хозяйства // ДЖ. 1816. Кн. 9. С. 427–428; Архив ГХ. Ч. 1. 1816. СПб., 1816. С. 137.

Во-вторых, и на страницах журналов, и в различных проектах представителей правительственной элиты России⁷⁸, многократно воспроизводился тезис о том, что в каждом конкретном обществе степень предоставляемой «свободы» должна соответствовать особенностям развития фабрично-заводской промышленности, сельского хозяйства и торговли, а также сложившимся на данный момент времени внешнеполитическим обстоятельствам. Неопровержимым доказательством обоснования справедливости данного утверждения для современников был исторический опыт управления отечественной экономикой в царствование Петра I и Екатерины II. В некоторых публикациях авторы, отдавая «должное почтение мудрости» монархов, отмечали, что в XVIII в. в силу неподготовленности российской экономики к введению «неограниченной свободы», отдельные решения правительства оказывались несвоевременными. Так, например, по мнению автора статьи «Взгляд на состояние мануфактур в России...», проводимая Екатериной Великой в 1770–1780 гг. политика привела к неоднозначным результатам. С одной стороны, произошло быстрое увеличение количества фабрик и заводов, численность которых к 1802 г. достигла 2270⁷⁹, а с другой – быстрый рост привел к появлению множества мелких, неконкурентоспособных предприятий. В целом, анализируя причины такого положения, автор статьи подчеркивал неподготовленность российского общества 1770–1780 гг. к «неограниченной свободе» экономических отношений: «Опыт показал, что в то время, когда состояние мещан было еще малочисленно и худо образованно, когда торговля еще не усовершенствовалась и не имела надлежащего хода, *неограниченная свобода* породила множество мелких фабрик и мануфактур, которые были учреждены без достаточного капитала, управлялись без нужных сведений, без машин,... без желания усовершенствоваться, без понятия о ходе торговли, без

⁷⁸ См. Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. С. 62–110.

⁷⁹ Взгляд на состояние мануфактур в России и на законы к оным относящиеся с XVI столетия по 1814 год (продолжение) // СО. 1822. Ч. 82. № LI. С. 198.

надлежащего соображения и без ведения необходимых счетных книг»⁸⁰. В данном контексте необходимыми условиями реализации принципа «свободы» экономической деятельности было наличие большого числа образованных предпринимателей, обладавших достаточным для развития производства капиталом. Формирование таких условий, по мысли автора, происходило постепенно. Лишь в царствование императора Александра I сложилось положение, когда «...успехи промышленности требуют, чтобы Правительство даровало искусствам и ремеслам, фабрикам и мануфактурам более свободы, нежели сколько давал им первый регламент о учреждении Коллегии»⁸¹, а следовательно, было признано, что «...свобода и частные выгоды суть единственные пружины, управляющие промышленностью»⁸².

Однако признание в начале XIX в. своевременности предоставления «свободы» не означало признания необходимости полного и безусловного самоустранения «государства» из сферы экономики. Напротив, именно оно должно было определить уровень развития различных отраслей экономики и установить соответствующие этому уровню границы «свободы» экономической деятельности граждан. В данном контексте «безграничная свобода» рассматривалась лишь как достаточно абстрактная модель, при реализации которой следует учитывать особенности каждой конкретной страны. Наиболее отчетливо такая позиция была сформулирована в текстах, отражавших различные позиции современников по вопросу о «свободе торговли», даже в том случае, если их авторы признавали «свободу» основным двигателем экономического развития. Например, в статье «Выгоды свободной торговли» от имени издателя сообщалось, что он, как и присылавшие письма в редакцию «люди всяких состояний», признает важность «свободы торговли», но при этом «...не желает полной и безусловной свободы торговли, которая в существе своем есть точно такая же химера, как и полная свобода политическая и гражданская»⁸³.

⁸⁰ Там же. С. 197–198.

⁸¹ Там же. С. 202.

⁸² Там же. С. 200.

⁸³ Выгоды свободной торговли // Архив ГХ. Ч. 1. 1816. С. 101.

В большинстве исследуемых текстов авторы, рассматривая «свободу» как инструмент экономической политики правительства, призывали различать «свободу» внутренней и международной торговли. Считалось, что предоставление «свободы» торговых операций для «коренных российских подданных» на всей территории российской империи, безусловно, способствовало бы дальнейшему развитию страны. Содержательно словосочетание «свобода внутренней торговли» предполагало упразднение целого ряда исторически сложившихся ограничений. Одним из них было ограничение прав на торговлю посредством разделения российского купечества на гильдии. По мнению Н. С. Мордвинова, такая дифференциация существенно замедляла процесс накопления необходимых для развития российской промышленности капиталов и оказывала влияние на снижение налоговых поступлений в государственный бюджет. В «Записке по случаю издания дополнительного постановления об устройстве гильдий и прочих состояний» он, напоминая, что «узаконяемое где-либо от правительства разделение упражнений человеческих, во все времена, и от всех народов опытами было признано за главнейшую препону к народному обогащению»⁸⁴, не только резко протестовал против установления зависимости между принадлежностью человека к той или иной гильдии и суммой банковского кредита, на которую этот индивид мог рассчитывать, но и доказывал необходимость уничтожения гильдейских различий. По его словам, «...доколе у нас торговля и внутренняя промышленность не получит совершенной свободы, с предоставлением заниматься оными всем сословиям народа без всякого различия и без всякого со стороны Правительства участия и притязания – до тех пор Россия не достигнет цветущего состояния...»⁸⁵.

Еще одним препятствием на пути к «свободе» внутренней торговли, которое со временем могло быть устранено, современники называли существование монополий на производство и торговлю определенными видами товаров. Монополизация

⁸⁴ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 382. Л. 25.

⁸⁵ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 382. Л. 25.

рынка иногда объявлялась прямой причиной сокращения производства и дефицита товаров, а следовательно, и роста потребительских цен. Так, например, в книге «Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства», образованному российскому подданному на конкретных примерах доказывалось, что в условиях ограничения свободы торговли «...нет соревнования, а потому и цена состоит во власти корыстолюбивого продавца или монополиста»⁸⁶. Эффективным и «самым надежнейшим средством» противодействия такого рода негативным явлениям называлось «...свобода и устранение принуждений, запрещений и всех подобных препон...», т. к., по словам автора, только «свобода делает частную монополию весьма затруднительною»⁸⁷. Результатом упразднения монополий должно было стать усиление конкуренции и снижение товарных цен. Таким образом, провозглашалось, что реализация принципа «свободы внутренней торговли» оказала бы влияние на повседневную жизнь каждого российского гражданина.

Отношение современников к «свободе» в сфере международной торговли было не столь однозначным⁸⁸. Общеизвестным было лишь утверждение о «естественном» праве «народов... производить всякого рода торговлю на основании права свободы ...и, сообразно с целию своей безопасности, спокойствия и благосостояния», издавать «...постановления о ввозе, вывозе, провозе, осмотре, конфискации иностранных товаров»⁸⁹. Однако по вопросу о содержании подобного рода «постановлений» нередко звучали диаметрально противоположные мнения. Особенно заметными разногласия по вопросу о «свободе» внешней торговли стали после 1815 г. С этого времени на страницах российской печати и отдельными брошюрами появились различные «мнения» современников о том, какое влияние на развитие отечественной экономики может оказать

⁸⁶ [Козодавлев О. П.] Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства. С. 12.

⁸⁷ Там же. С. 10, 20.

⁸⁸ См. подробнее: Геворкян С. М. Борьба фритредеров и протекционистов в первой четверти XIX века. М., 1953; Либерализм в России. С. 118–120.

⁸⁹ [Цветаев Л.] Первые начала естественного права... С. 73.

введение «запретительного» или «свободного таможенного тарифа»⁹⁰.

Сторонники так называемого «свободного тарифа», к числу которых относились, например, университетские профессора К. Арсеньев, И. М. Ланг, Б. О. Рейт, министр финансов Д. А. Гурьев, председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного Совета В. П. Кочубей (1816–1819 гг.), а также Н. И. Тургенев и Н. Бестужев, аргументируя свою позицию, писали о благотворном влиянии на российскую промышленность конкуренции с другими странами. Конечно, они признавали слабость российской экономики по сравнению с развитыми странами Европы. В этих условиях свобода внешней торговли рассматривалась ими в качестве действенного средства, способного научить российских предпринимателей производить более качественный товар с наименьшими затратами. Не менее важным аргументом в споре между фритредерами и протекционистами было утверждение о том, что при свободном тарифе возможен приток иностранных инвестиций и активное заимствование новых технологий. В данном контексте интересно письмо Д. А. Гурьева А. А. Аракчееву, в котором он, положительно высказываясь о намерении правительства снизить таможенные пошлины, писал: данная мера «...есть ничто иное как возвращение к тому порядку, который прерван был разрушением свободных сношений между народами просвещенными, и которые в течение 100 лет разливал и питал в России источниками изобилия и богатства»⁹¹. По его словам, для России уже наступило «время... вернуть народной про-

⁹⁰ См., например: *Арнольд К. И.* Мнение о системе тарифа в России СПб., 1816; *Мордвинов Н. С.* Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе. СПб., 1815; *Он же.* Дополнительные рассуждения по предмету мануфактур и тарифа. СПб., 1816; Мысли о мануфактурах и хозяйстве // ДЖ. 1816. Ч. 10, кн. 8. С. 361–364; Замечания одного россиянина на изданные разные мнения, в которых сочинители старались объяснить истинные пользы Отечества нашего во внутренней и внешней торговле // Архив ГХ. 1816. Ч. II. С. 77–86; Мысли россиянина о политической экономии нынешнего времени // ОЗ. 1823. Ч. XIV. № 37, май. С. 157–173.

⁹¹ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 359. Л. 3.

мышленности естественную ея свободу, которая одна может обогащать государство»⁹².

Аналогичные суждения можно найти не только в текстах представителей правительственной элиты России первой четверти XIX в., но и в поступавших на высочайшее имя проектах, авторами которых были помещики или мелкие чиновники. Так, например, служащий министерства финансов Карлевич в 1814 г. представил императору проект о способах увеличения государственных доходов, в котором он, наряду с целым рядом других мер, предлагал уменьшить таможенные пошлины. По его мнению, «сие принесло бы в полном своем действии значительную пользу как верностию самих пошлин, так особливо по влиянию на свободу и честность торговли...»⁹³. Все это должно было значительно укрепить доверие к российскому правительству и способствовать стабилизации курса российского рубля. Подобное, утилитарное по своей сути, обоснование снижения таможенных пошлин нередко встречалось и на страницах российских журналов⁹⁴.

Не менее убедительные доводы, но уже против «свободы» в сфере внешней торговли, приводили сторонники политики протекционизма. Соглашаясь с необходимостью предоставления «свободы» экономической деятельности внутри страны, М. М. Сперанский, О. П. Козодавлев, Н. С. Мордвинов, Н. П. Румянцев, К. В. Нессельроде допускали возможность установления для защиты отечественного производителя временных «искусственных» ограничений в сфере международной торговли. Низкая конкурентоспособность большинства российских товаров, за исключением, пожалуй, лишь продукции сельского хозяйства, обуславливала, по их мнению, целесообразность проведения государством протекционистской политики. Например, один из наиболее последовательных сторонников идей А. Смита Н. С. Мордвинов объяснял необходимость ограничения «сво-

⁹² Там же. Л. 5.

⁹³ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 486. Л. 8 об.

⁹⁴ См., например: *Свиньин П.* Торговые отношения России с Соединенными областями и взгляд на генеральную торговлю последних // ОЗ. 1820. Ч. IV. Кн. VII, ноябрь. С. 89–107; Кн. VIII, декабрь. С. 264–276.

боды» внешней торговли существованием заметного разрыва в уровне экономического развития России и ведущих стран Европы, а также отсутствием единых, общих для всех стран правил проведения таможенной политики⁹⁵.

В российской периодической печати призыв сочетать «свободу внутренней торговли» с политикой протекционизма нередко сопровождался ссылками на позитивный опыт развитых стран Европы. В данном контексте показательной, на мой взгляд, является статья, автор которой, подписавшийся псевдонимом «Любороссов Н.», анализируя содержание основных «правил торговли» в Англии, убеждал российских читателей в том, что наибольшую выгоду можно получить, если увеличить вывоз за границу не сырья, а готовых товаров и, одновременно, установить «запрещение ввозить из чужих земель такие произведения, которые уменьшить могут потребление собственных того же рода»⁹⁶. Автор подчеркивал, что даже в Англии, которая повсеместно объявляла о своей приверженности принципу «свободы торговли», на практике правительство приводило достаточно гибкую таможенную политику и могло в необходимых случаях ограничивать ввоз в страну определенной категории товаров.

Еще более настороженное отношение к «свободе» внешней торговли было распространено среди российских заводчиков и фабрикантов. В этих кругах словосочетания «свободная торговля», «свободный тариф» вызывали тревогу и страх за будущее своих предприятий, которые в силу объективных причин не могли выдержать товарной экспансии из Европы. О существовании негативного отношения к «свободному тарифу» зимой 1815 г. О. П. Козодавлев сообщал в письме к Александру I: «Как здесь, так и в Москве возобновились пуще прежнего разглашения, что выйдет весьма скоро новый тариф, по которому будет впуск в Россию иностранных товаров. Слухи сии до того умножаются и так делаются общими, что устрашают наших фабрикантов не без основания. Они предвидят, что

⁹⁵ Мордвинов Н. С. Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе // Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. С. 99.

⁹⁶ См.: [Любороссов Н.] Послание россиянина к издателю отечественных записок // ОЗ. 1823. Ч. XVI. Кн. XLIV. № 44, декабрь. С. 364.

свободный ввоз иностранных произведений разорит их фабрики совершенно»⁹⁷. По свидетельству О. П. Козодавлева, многие российские промышленники в ожидании снижения ввозных таможенных пошлин намеренно поднимали цены на свою продукцию, чтобы таким образом, хотя бы частично, компенсировать убытки от введения «свободного тарифа». В результате даже еще не реализованное намерение правительства изменить правила внешней торговли приводило к негативным для большинства населения страны последствиям. На этом фоне все чаще раздавались мнения о том, что «свобода внешней торговли» не может быть «безграничной», а правительство должно было проводить гибкую таможенную политику, которая позволяла бы развивать отечественное производство и, одновременно, не закрывала доступ иностранных товаров на российский рынок. На практике это предполагало дифференциацию размера таможенных пошлин не только в зависимости от вида товара, но и наличия аналогичного производства в России. Руководствуясь данными критериями, по словам О. П. Козодавлева, «надобно некоторые вещи разрешить к привозу, другие запретить; на ввоз иных статей умножить пошлину, а на другие убавить или совсем отменить»⁹⁸. Таким образом, введение «свободы внешней торговли» без ущерба для российской экономики представлялось возможным только при условии проведения постоянного анализа состояния промышленности и сельского хозяйства в масштабах всей страны, а так как подобный анализ не мог быть осуществлен самими предпринимателями, следовательно, решение о «границах свободы внешней торговли» должно принимать государство.

⁹⁷ [Козодавлев О. П.] Всеподданнейшая записка министра внутренних дел, тайного советника Козодавлева, о тарифе и фабриках // Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии. Вып. 1. Отд. 2. СПб., 1876. С. 232.

⁹⁸ Там же. С. 234.

* * *

Проведенный анализ словоупотребления понятий «свобода» и «собственность» в рамках экономического дискурса позволил выявить ряд особенностей понимания современниками их смыслового значения. Во-первых, и «собственность», и «свобода» воспринимались образованной частью российского общества в качестве важнейших факторов, оказывавших решающее влияние на характер развития современной экономики. Во-вторых, наиболее важной задачей представлялось законодательное закрепление права частной «собственности» и установление четкого порядка компенсации гражданам имущественных потерь, нанесенных в результате деятельности государства. В отношении же экономической «свободы» ожидания современников были более абстрактны и нередко противоречивы. С одной стороны, содержание «свободы» сводилось к уничтожению мелочной регламентации со стороны государства. В этом случае роль правительства сводилась к «наблюдению» и «устранению всех препятствий» частной инициативе, что содержательно совпадало с известной по работам европейских мыслителей моделью «государства ночного сторожа», предполагавшей возможность вмешательства правительства в жизнь отдельных граждан только в случае крайней необходимости. С другой стороны, в большинстве исследуемых текстов «свобода» трактовалась как эффективный инструмент в руках правительства, а не основополагающий принцип, которым должен был бы руководствоваться в своей повседневной деятельности российский купец, мелкий торговец или владелец фабрики, завода, ремесленной мастерской и т. п. Такое понимание предполагало, что расширение объема «свободы» граждан в сфере экономики следует ожидать от неустанно заботящейся об «общественном процветании» верховной власти.

§2. Функциональное назначение и принципы совершенствования российских «законов»

С приходом к власти императора Александра I ожидания «благотворных преобразований» проявлялись не только в признании необходимости предоставления «свободы» экономической деятельности и реализации принципа неприкосновенности частной «собственности», но и в форме надежд на скорейшее улучшение российского законодательства. Основаниями для формирования подобного рода ожиданий были заявления верховной власти о намерении восстановить в стране «силу закона», искоренить злоупотребления местных властей и усовершенствовать систему судопроизводства.

Восстановление действия «закона» было объявлено Александром I одной из важнейших государственных целей, которая соответствовала «духу времени». Не случайно, что одним из первых, после коронации в Москве 15 сентября 1801 г., был издан указ «Об учреждении комиссии для пересмотра прежних уголовных дел», по которому освобождались все заключенные, «...коих вины важны были только по обстоятельствам политическим...»¹. Данная мера преподносилась в качестве действия новой власти по исправлению ошибок предшествующего царствования. Руководствуясь этими аргументами, император за первые десять дней царствования подписал распоряжения об освобождении 482 заключенных². Однако несмотря на безусловно положительное отношение общества к амнистии, она была единовременной мерой и оценивалась современниками лишь как действие власти по восстановлению справедливости.

С первых месяцев царствования Александра I общество ожидало от верховной власти более масштабных действий, направленных на «восстановление силы закона»³. Для современ-

¹ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 20.012. С. 789–791.

² См.: Шильдер Н. К. Император Александр Первый, его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1897. С. 15.

³ См.: Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петро-

ников актуальность подобных преобразований была очевидна и отражалась, например, в широко распространенном мнении о том, что взятка чиновникам является единственным способом «снискания благосклонности» местной администрации, а любая судебная «тяжба» не может быть решена положительно без помощи высокопоставленного «покровителя»⁴. Практика решения споров в суде посредством взятки была частью привычной, хотя и неформальной процедуры, которая воспринималась как исторически сложившееся препятствие на пути к правосудию. Именно такое отношение выразил с своих воспоминаниях С. П. Жихарев, описывая различные бюрократические барьеры, возникавшие в ходе решения дела о наследовании отцовского имения⁵. В данном контексте восстановление «силы закона» для многих ассоциировалось с ужесточением контроля за чиновниками, искоренением взяточничества и бюрократизма. Укреплению такой связи способствовали неоднократные заявления верховной власти, в которых признавалось наличие в России взяточничества и злоупотреблений властью местными чиновниками. В этой связи понятие «закон» прямо противопоставлялось понятиям «самовластье», «произвол», «лихоимство». Так, например, в объявленном «всенародно» указе 29 января 1802 г. «О штрафах с судей и секретарей за неправое решение дела...» подчеркивалось, что «законы» являются «главнейшим основанием для судьи» и он должен руководствоваться только нормами действовавшего закона, а не различными примерами и собственными аргументами⁶.

Не менее яркой иллюстрацией необходимости укрепления «силы закона» был указ 16 августа 1802 г. «О непроступлении Губернаторам пределов власти, назначенных им законами»⁷. И хотя данный указ не был предан широкой огласке, он отражал достаточно широкий спектр нарушений закона мест-

заводск, 2002. С. 12–37.

⁴ См. подробнее: *Писарькова Л. Ф.* К истории взяток в России (по материалам «секретной канцелярии» кн. Голицыных первой половины XIX в.) // Отечественная история. 2002. № 5. С. 33–49.

⁵ *Жихарев С. П.* Записки современника. М., 1989. Т. 2. С. 204–205.

⁶ ПСЗ. Т. XXVII, 1802. № 20.127. С. 29–33.

⁷ ПСЗ. Т. XXVII, 1802. № 20.372. С. 221–222.

ными властями. В документе всем губернаторам под угрозой уголовного наказания предписывалось помнить о необходимости «точного исполнения законов» и «...пресечении гнусного лихоимства, отвращая малейшее попятное к оному всех подчиненных им»⁸. При этом верховная власть, обращаясь к губернскому начальству, перечисляла целый ряд злоупотреблений местных властей. Чиновников любого уровня, в том числе и губернаторов, предостерегали от того, чтобы они «... не простирали бы власти своей за пределы законов, заводя и уничтожая безгласным образом следствия по одному своему произволению»; «не вмешивались бы предложениями своими... в судебные дела...»; «не делали бы никому личных вызовов, или посылок своими повелениями по каким-либо частным просьбам»; «не вмешивались бы отнюдь в дворянские и гражданские выборы...»; «воздерживались бы от пристрастных представлений к определению на места к производству в чины без заслуг и в неурочные годы людей недостойных...»; «не обременяли никого из чиновников особыми комиссиями... по своим собственным делам, отлучая от должностей...»; «...в решении дел не смотрели ни на какое лицо, ни на какие предложения, тем менее, на партикулярные письма, хотя бы от знатнейших людей в государстве, не поступали бы... по точной силе и словам законов»⁹.

Следует отметить, что появление данного указа было вызвано результатами проведенного по поручению императора Г. Р. Державиным расследования по делу о злоупотреблениях губернатора Калужской губернии Д. А. Лопухина, а его содержание отражало реальное положение на местах¹⁰. Многие из перечисленных в указе «злоупотреблений» были хорошо известны не только жителям Калужской губернии, но и других губерний Российской империи, что, на мой взгляд, было прак-

⁸ Там же. С. 222.

⁹ Там же. С. 221–222.

¹⁰ См. подробнее о ходе расследования и его итогах: Уортман Р. С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 207–208; ПСЗ. Т. XXVII, 1802. № 20.374. С. 223–226; ПСЗ. Т. XXVII, 1802. № 20.516. С. 366.

тическим основанием для формирования позитивных ожиданий, связанных с всенародно объявленным намерением нового императора править без «ослабления силы закона».

В начале XIX в. одной из главных причин возникновения «самовластья» чиновников и медлительности производства дел в судах называли неупорядоченность действовавшего российского законодательства. Актуальность систематизации и устранения противоречий в законах не вызывала у современников никаких сомнений. Аргументируя необходимость проведения работы по упорядочению российского законодательства, они нередко апеллировали к планам российских монархов от Петра I до Екатерины II составить новый свод законов¹¹. Для современников ярким подтверждением желания Екатерины II создать новое уложение была опубликованная в 1802 г. на русском языке переписка российской императрицы с Вольтером, в ходе которой она неоднократно сообщала о своих законотворческих планах¹². В дальнейшем на страницах периодической печати и в различных сочинениях российских авторов упоминалось о работе «комиссий», создаваемых на протяжении всего XVIII в. с целью систематизации и обновления законов. Практически ни одно издание, посвященное юридическим вопросам не обходилось без обращения к истории работы «Уложенной комиссии» и выражения уверенности в том, что задуманное Екатериной II будет воплощено в реальности «ныне царствующим монархом». Наиболее четко обоснование исторической преемственности и, одновременно, актуальности проблемы систематизации законодательства, было сформулировано в опубликованном на страницах «Санктпетербургского журнала», «Всепоподданнейшем докладе Его Императорскому

¹¹ В действительности, по подсчетам Е. Н. Марасиновой, попытки создать новое уложение предпринимались в 1700, 1714, 1720, 1726, 1728, 1730, 1754, 1761, 1767, 1796 гг., т. е. практически каждый новый монарх заявлял о необходимости совершенствования законов. См. подробнее: *Марасинова Е. Н.* Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 90; *Уортман Р. С.* Указ. соч. С. 64–65; *Омельченко О. А.* Кодификация права в России в период абсолютной монархии (вторая половина XVIII в.) М., 1989.

¹² Переписка российской императрицы Екатерины Великой с г. Вольтером с 1767 по 1778 год. Ч. 2. СПб., 1802. С. 214.

Величеству князя Лопухина и Новосильцова», и в изданном отдельной книгой, но практически полностью воспроизводящем тот же текст, «Докладе министерства юстиции о преобразовании комиссии составления законов». И в том и в другом случае, в качестве доказательства актуальности модернизации российского законодательства, читателям объяснялись цели, структура и план работы комиссии 1767 г.¹³ В данном контексте реорганизация Александром I, созданной еще в 1784 г. под руководством П. В. Завадовского «Комиссии для сочинения проекта о сокращении канцелярского порядка» в «Комиссию составления законов», оценивались современниками как органичное и необходимое продолжение политики Екатерины II.

Важным фактором, укреплявшим уверенность российских подданных в своевременности модернизации российского законодательства, были указы императора, в которых он прямо обращал внимание на негативные последствия противоречивости и бессистемности российских законов. Так, например, в указе от 5 июня 1801 г., обращаясь к П. В. Завадовскому, император писал: «Я всегда знал, что с самого издания уложения до дней наших... законы, истекая от Законодательной власти различными и часто противоположными путями, и быв издаваемы более по случаям, нежели по общим государственным соображениям, не могли иметь ни связи между собою, ни единства в их намерениях, ни постоянности в их действии. Отсюда всеобщее смешение прав и обязанностей каждого, мрак, облакающий равно судью и подсудимого, бессилие законов в их исполнении, и удобность переменять их по первому движению прихоти или самовластия»¹⁴. Аналогичная критика сложившегося к началу XIX в. положения высказывалась и в указе от 25 августа 1801 г. «О составлении положения о форме суда». В

¹³ См.: Всеподданнейший доклад Его Императорскому Величеству князя Лопухина и Новосильцова // СПбж. 1804. № 5, май. С. 53–72; Доклад министерства юстиции о преобразовании комиссии составления законов, Высочайше утвержденный Его Императорским Величеством, и выписка из поднесенных Его Императорскому Величеству присутствием Комиссии Рапортов об успехе трудов ее по высочайшему повелению переведенные на разные языки. Ч. I. СПб., 1804. С. 1–11.

¹⁴ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 19.904. С. 683.

нем Александр I отмечал, что отсутствие четкой системы законов пагубно влияет на функционирование системы судопроизводства. По его оценкам, «...большая часть жалоб суть и всегда были на медленность решения», а главная причина этого состояла в том, «...что правила обрядов, быв рассеяны во многих законах, едва лучшим законоискусникам во всей подробности их ведомы»¹⁵. Результатом «рассеянности законов» было, по словам императора, положение, при котором судебные дела в России «... влчаться в продолжении многих лет без решения, и самые простые и удоборешимые споры... превращаются в тяжкие и разорительные тяжбы...»¹⁶. Все подобные заявления императора достаточно быстро распространялись в кругах образованного русского общества и были восприняты как своеобразная «декларация о намерениях» осуществить реформу системы судопроизводства и законодательства. С этого момента критика взяточничества, бюрократизма, «своеволия» и «самовластья» чиновников, бессистемности и противоречивости норм закона высказывалась как высокопоставленными чиновниками, так и членами различных «тайных обществ», в том числе и тех, кого в дальнейшем будут называть декабристами¹⁷.

На этом фоне произошло заметное увеличение спроса на юридическую литературу, обусловившее неоднократное переиздание различных «руководств» и справочников по российскому законодательству. Так, например, было осуществлено переиздание работы Ф. Плавикова «Памятник из законов», автор которой для удобства читателей сгруппировал законы, изданные со времени Соборного Уложения 1649 г., по категориям за каждый год и расположил их, начиная с 1798 г., в обратном хронологическом порядке¹⁸. Не меньшей популярностью в начале XIX в. пользовались работы М. Чулкова, Л. Максимовича, Ф. Лангаса, А. Ремезова¹⁹. Одновременно с ориентированными

¹⁵ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 19.989. С. 759.

¹⁶ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 19.989. С. 759.

¹⁷ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 170. Л. 5.

¹⁸ См.: Уортман Р. С. Указ. соч. С. 86.

¹⁹ См.: [Чулков М.] Словарь юридический, или Свод российских узаконений, временных учреждений суда и расправы. М., 1788; [Лангас Ф.] Словарь юридический, или Свод российских узаконений по азбучному порядку.

на практику «руководствами», особый интерес читающей российской публики вызывали и переводы на русский язык сочинений европейских правоведов, содержавшие, как правило, в простой и понятной форме теоретические основы «правоведения». Одним из наиболее популярных сочинений такого рода были произведения И. Бентама и Ч. Беккариа²⁰. В общем виде, знакомство российской читающей публики с работами европейских авторов оказало заметное влияние на представления современников о принципах построения идеальной модели законодательства²¹ и корректировку исторически сложившегося значения понятия «закон».

Наряду с широко распространенными еще со второй половины XVIII в. представлениями о законе как главном регуляторе общественных отношений, понятие «закон» в значении «правило», общепризнанный «образец поведения», «способ соединения людей в общество», в первой четверти XIX в. употреблялось и для описания содержания неформальных внутрисловных или групповых норм²². Наличие такого варианта словоупотребления позволяет предположить, что в это времена значение слова «закон» было дополнено новыми коннотациями: в неофициальных текстах оно использовалось не только при описании позиции

Тобольск, 1791; Указатель российских законов, временных учреждений, суда и расправы / Изд. Л. Максимовичем. М., 1803; *Ремезов А.* Ручная книга о правах и обязанностях тяжущихся по части делопроизводства апелляционным порядком. М., 1808.

²⁰ См.: *[Бентам И.]* О пользе обнародования отчетов. Мысли взятые из Бентама // СПбж. 1804. № 1; *[Бентам И.]* О необходимости утверждать Законы на причинах // СПбж. 1804. № 6, июнь; *Бентам И.* Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. В 3 т. / Пер. М. Михайлов. СПб., 1805–1811; *Беккариа Ч.* О преступлениях и наказаниях / Пер. с фр. А. Хрущев. СПб., 1806.

²¹ См. подробнее: *Медушевский А. Н.* Бентам и принципы конструирования рациональной правовой системы в России // Диффузия европейских инноваций в Российской империи. Екатеринбург, 2009. С. 120–128.

²² См.: *Тимофеев Д. В.* Понятие «закон» в политическом лексиконе европеизированного российского дворянства первой четверти XIX века // Вестник Челябинского гос. ун-та. История. Вып. 20. 2007. № 11. С. 16; *Он же.* Соотношение понятий «закон» и «свобода» в правительственных проектах и российской публицистике первой четверти XIX века // Проблемы истории, филологии и культуры. Вып. XVI/3. М.,–Магнитогорск–Новосибирск, 2006. С. 84.

государства или содержания религиозных норм, но и обозначении корпоративных правил поведения и принципов организации каких-либо общественных объединений. На мой взгляд, такое расширительное толкование отражает формировавшуюся в то время тенденцию к росту индивидуализма, постепенному признанию самоценности не только государственных, но личных интересов. Однако более важное, на мой взгляд, изменение было связано не с расширением сферы применимости понятия, а с корректировкой представлений о функциональном назначении «закона» и содержании принципов, которые должны были составлять основу любого законодательного акта.

После объявления Александром I курса на «восстановления силы закона», главным функциональным назначением «закона» считалось *обеспечение личной безопасности «граждан»*. Признание взаимосвязи между устанавливаемыми государством правилами поведения и правом отдельной личности на «безопасность» произошло под воздействием работ европейских правоведов. В переведенном по высочайшему повелению на русский язык сочинении И. Бентама «Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении» российский читатель мог найти высказывание известного во всей Европе правоведа о том, что «главнейший предмет законодательства – попечение о безопасности» и «без законов нет безопасности»²³. Содержательно данное утверждение было воспринято образованной частью российского общества как своеобразная аксиома, очевидность которой не требует доказательства. Именно в такой форме о назначении законов писал, например, С. Хапылев, предваряя обзор действующего российского законодательства: «Итак неоспоримое намерение гражданских законов представляет нам всеобщее начальное положение совершенной безопасности гражданина, как в рассуждении его лица, жизни и чести, так и его имений и преимуществ вольности»²⁴. Посте-

²³ Бентам И. Рассуждения о гражданском и уголовном законоположении / Пер. М. Михайлов. СПб., 1806. Т. 2. С. 40.

²⁴ [Хапылев С.] Систематическое собрание российских законов с присовокуплением правил и примеров из лучших законодателей, расположенное трудами Сергея Хапылева. Ч. 1. СПб., 1817. С. 4.

ленно главным признаком общественной «полезности» любого закона, выражающим смысл его существования, признается его направленность на защиту интересов отдельной личности. Показательными, на мой взгляд, являются размышления во «Введении к уложению государственных законов» М. М. Сперанского о предназначении законодательства. По его словам, «законы существуют для пользы и безопасности людей им подвластных»²⁵, а следовательно, «общий предмет всех законов есть учредить отношения людей к общей безопасности лиц и имуществ»²⁶.

Признание в качестве одной из важнейших функций закона обеспечение личной безопасности звучало и в публичных выступлениях императора Александра I. Так, на открытии Польского Сейма российский самодержец призвал депутатов: «... вы предпосеете постановить законы, которые будут служить к ограждению драгоценных благ: безопасности лиц ваших, собственности и свободы ваших мнений»²⁷. Подобное обращение царствующей особы было для современников дополнительным подтверждением справедливости установления взаимосвязи между принципом безопасности личности и содержанием идеального законодательного акта.

Нередко идея о необходимости законодательного закрепления «естественного» права личности на «безопасность» преподносилась как отражение некой исторической закономерности, «духа времени», который, по выражению современников, «есть общий глас народа». При этом понятие «безопасность» в трудах и европейских, и российских авторов, трактовалось достаточно широко и включало в себя не только неприкосновенность личности, но и право индивида на свободу и обладание частной собственностью. Именно такая взаимосвязь функционального назначения закона и его содержания отражена в журнале «Архив истории и политики». Обзор опубликованных

²⁵ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 12.

²⁶ Там же. Л. 10.

²⁷ Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при открытии Сейма Царства Польского в 15/27 день марта 1818 года в Варшаве // Архив ист. и полит.: Из духа Журналов 1818 года. СПб., 1818. С. 98.

в «Духе журналов» за 1819 г. статей начинался с материала под заголовком «Чего требует дух времени? Чего желают народы?». Отвечая на поставленный таким образом вопрос, автор публикации рассуждал о наиболее важных потребностях своих современников: «народы... утомленные опустошительными войнами... вздыхают о мире и спокойствии; ...гонимые за разное верие, спрашивают свободы совести, терпимости вер; обремененные налогами, желают облегчения...; стесненные в правах личности и собственности, ищут неприкосновенности прав сих... И все сии желания можно совокупить в одном, всеобъемлющем – владычество законов»²⁸.

Установление «владычества законов», гарантировавших личную безопасность граждан, а следовательно, способствующих достижению «блага общего», представлялось желанным итогом «усовершенствования» российского законодательства. В данном контексте показательно, что значение словосочетания «общее благо» раскрывалось посредством объяснения взаимной зависимости между личной свободой и законом. Незвестный автор опубликованной в журнале «Вестник Европы» статьи писал: «...под народным счастьем и благом общественным нельзя представлять себе ничего другого, кроме обеспеченной каждому члену общества свободы достигать счастья способами, дозволенными законом, согласуясь с собственным своим чувством и образом мыслей. Из сего объясняется теперь, что счастье народное может быть только следствием законов...»²⁹. Все вышесказанное, на мой взгляд, свидетельствует о возникновении в России начала XIX в. логической взаимосвязи понятий «закон», «личная безопасность», «гражданские права» и «гражданская свобода».

Включенность в смысловое поле понятия «закон» юридических гарантий безопасности личности и целостности государства придавало данному слову, безусловно, позитивную эмоциональную окрашенность. Однако наряду с позитивными

²⁸ Чего требует дух времени? Чего желают народы? // Архив истории и политики: из духа журналов 1819 года. СПб, 1819. С. 11.

²⁹ Что делает благодать Владетеля долговременною и непоколебимою // ВЕ. 1805. Ч. XXII. № 15, август. С. 250.

коннотациями, понятие «закон» вызывало и ряд негативных ассоциаций, которые формировались у человека при личном столкновении с реально действующей системой российского судопроизводства. Взяточничество, чиновничий произвол, продвижение дел по протекции – все эти явления были на виду и обуславливали осознание необходимости решения проблемы исполняемости законов. При этом иногда подчеркивалось, что данная проблема не является сугубо российским феноменом, а существует и в развитых странах Европы. О возможности и нецелесообразности существования закона, положения которого не реализуемы на практике, писал автор, опубликованной в журнале «Русский вестник» статьи «Нравственное состояние областей Европейских»: «Англичане величают личною безопасностью, то есть законом, предписывающим, что бы никто не был задержан без предварительного исследования дела его. Но в той же Англии, где принят сей закон, имеют право без всякого объявления хватать в матросы... Где же личная безопасность?»³⁰. Появление в периодической печати такого рода замечаний было убедительным подтверждением тезиса о недостаточности формального провозглашения закона.

В поисках решения проблемы исполняемости законов высказывалось множество мнений о причинах недейственности установленных государством юридических норм. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют выделить ряд причин, которые образованные российские подданные считали наиболее существенными. Первая из них была связана с оценкой сущностной природы «закона» и выражалась в констатации того, что закон, какой бы совершенный он ни был, не может регулировать все возникавшие между людьми взаимоотношения, т. к. реальность намного сложнее и разнообразнее формально установленных правовых норм. Косвенным подтверждением признания такого несоответствия является выписка из постановления Государственного Совета от 17 марта 1802 г. по делу помещика Орлова, «изнуряющего крестьян сво-

³⁰ Нравственное обозрение областей Европейских // РВ. 1817. № 11–12. С. 52–53.

их жестокими и бесчеловечными поступками», в котором наряду с вынесением решения о наказании помещика было признано: «Совет... не находит в законах точного постановления о суде и наказании таковых злоупотреблений...»³¹.

Не менее важной причиной малой эффективности существующих законов современники называли отсутствие четкой и внутренне непротиворечивой системы юридических норм, позволявшей быстро и правильно квалифицировать противоправные деяния граждан, а также отсутствие системы подготовки профессиональных юристов. К началу XIX в., по мнению, например, секунд-майора Ивана Давыдова, предоставившего на имя императора Александра I в октябре 1801 г. всеподданнейшую записку «Об усовершенствовании ведения делопроизводства в присутственных местах», сложилось положение, когда «законы российские веками умножаемые... весьма трудно самому юриспруденту все знать». Такая ситуация была осложнена отсутствием квалифицированных кадров, что и являлось, по словам И. Давыдова, «...первым препятствием правосудию»³². Решение данной проблемы автор записки связывал с ужесточением административного и общественного контроля за судами, систематизацией российского законодательства, упрощением системы судебного делопроизводства и созданием для дворян специальных училищ правоведения.

В общем виде, повышение эффективности законов представлялось возможным при наличии *комплекса объективных условий*. Прежде всего, *закон должен был быть основан на достоверном знании реального положения дел в стране*. В качестве источника такого достоверного знания могли быть не только поступающие от губернаторов отчеты, но и статистические данные, собираемые российскими учеными. Полученная таким образом информация о социально-экономическом развитии страны, по мнению одного из первых русских статистиков К. Германа, позволила бы повысить эффективность нового российского законодательства. В одной из своих статей он писал об этом так:

³¹ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 295.

³² РГИА. Ф. 1250. Оп. 1. Д. 18. Л. 3.

«Никакое правительство не может иначе придти в состояние учредить полезные заведения и законы для соблюдения и преумножения народного богатства как посредством точных понятий о правилах государственного хозяйства»³³. При этом он особо подчеркивал, что без опоры на статистические данные в стране «...нет законами определенной свободы»³⁴.

Утверждение о необходимости учитывать при создании законов особенности социально-экономического развития страны и тщательно просчитывать возможные последствия их применения неоднократно обсуждалось в периодической печати. Нередко этот тезис подтверждался примерами негативного действия законов в других странах. Яркой иллюстрацией для российских читателей возможности возникновения негативных последствий от принятия не соответствующего реальному закону, была опубликованная в 1819 г. статья под заголовком «Еще некоторые причины бедности Англии», в которой от лица российского подданного, находящегося в Англии, рассказывалось об отрицательном влиянии на экономику этой страны закона «о призрении бедных». Этот закон, по мнению автора, только увеличивал количество бедных и таким образом еще более усугублял их положение³⁵.

Необходимость установления соответствия между содержанием закона и особенностями социально-экономического и политического развития была признана на высшем государственном уровне. Данное утверждение неоднократно воспроизводилось в форме официальных документов, которые размещались на страницах российских журналов. Так, в одном из номеров «Санктпетербургского журнала» был опубликован всеподданнейший доклад П. В. Лопухина и Н. Н. Новосильцева, в котором два высокопоставленных чиновника, обращаясь к императору, писали о том, что хороший закон должен «...точно определить все части государственного управления и обязанности подданных, сообразно духу правления, характе-

³³ Герман К. Материалы для российской статистики // Стат. журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1. С. 72.

³⁴ Там же. С. 81.

³⁵ Еще некоторые причины бедности Англии // ДЖ. 1819. Кн. 20. С. 357–372.

ру народному, политическому и естественному положению государства»³⁶. С этим соглашались даже наиболее последовательные сторонники предлагаемых европейскими либеральными мыслителями теоретических схем. В полном соответствии с принципами, изложенными в трудах И. Бентама и Ч. Беккариа, признавалась ключевая роль «закона» в процессе регулирования общественных отношений, но, одновременно, было сформировано четкое понимание того, что даже самый хороший законодательный акт не может изменить природы общества. Именно в этом контексте известный своими либеральными проектами адмирал Н. С. Мордвинов в записке «О принципах управления государством» предостерегал современников: «...Законы и уставы, изложенные на началах ложных, или на сведениях ошибочных, могут в последствии причинить более вреда, нежели небрежение в исполнении законов благодетельных»³⁷. Таким образом, реалистичность закона, соответствие его действительности представлялась важной характеристикой любого законодательного акта.

Вторым элементом комплекса условий, необходимых для обеспечения действенности «закона» на практике, российские авторы называли *наличие у государства возможности контролировать его исполнение* – применять физическую силу в отношении лиц совершающих противоправные деяния. Так, например, автор статьи «Некоторые мысли о необходимости могущественной внешней защиты безопасности и спокойствия Государств», писал: «Закон, определяющий границы круга действий каждого человека в отношении к кругу действий других людей, и постановляющий между ними границы справедливости, всегда существовал бы в теории, но без сомнения был бы ничтожным по недостатку в силе или внешней защите»³⁸. Именно способность государства наказывать нарушителей и своевременно объявлять о возможности применения силы, по

³⁶ Всеподданнейший доклад Его Императорскому Величеству князя Лопухина и Новосильцева // СПбж. 1804. № 5, май. С. 74.

³⁷ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 124. Л. 5.

³⁸ Некоторые мысли о необходимости могущественной внешней защиты безопасности и спокойствия Государств // СО. 1819. Ч. 51. № II. С. 52.

мысли автора, является важным условием соблюдения «закона» как гражданами, так и отдельными государствами.

Еще одно необходимое условие эффективного функционирования законов, которое упоминалось в различных текстах первой четверти XIX в. – *доступность закона и четкость изложения юридических норм*. Теоретическое обоснование важности этого условия российский читатель мог найти в переведенных на русский язык сочинениях европейских правоведов. В большинстве случаев, их авторы подчеркивали, что «закон» должен был быть «написан простым наречием», понятным каждому гражданину страны³⁹. Реализация этого принципа, по мнению Ч. Беккариа, способствовало бы предупреждению преступлений. В широко известной российскому читателю работе «О преступлениях и наказаниях» он, в главе «О средствах предупреждения преступления», писал: «Хотите предупредить злодеяние? Учините законы ясными, простыми, словом таковыми, чтобы каждое общество ими управляемое для защиты их совокупляло силы свои, не допуская некоторой части из народа потрясать здания оных до самого его основания»⁴⁰. В такой трактовке «ясность» законов соответствовала естественному стремлению любого общества к мирному, бесконфликтному развитию.

В российском обществе подобного рода утверждения получили положительный отклик на страницах журналов и учебных пособий. При этом, как правило, российские авторы не ограничивались только цитированием соответствующих суждений из работ европейских правоведов, но искали примеры «ясности» формулировок в истории российского законодательства. Своеобразным образцом такого законодательства, по мнению, например, П. Львова и М. Т. Каченовского, можно было считать «Соборное уложение» 1649 г., которое было «...написано кратко, просто, и также ясно для нас, как и для наших предков»⁴¹.

³⁹ См. Беккариа Ч. Указ. соч. С. 34; [Бентам И.] О необходимости утверждать законы на причинах. Из Бентама. С. 135.

⁴⁰ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 184–185.

⁴¹ Львов П. Примечания о древних русских законах // СО. 1814. Ч. 16. № XXXIII. С. 14, 19–20; [Каченовский М. Т.] Мысли о России, или некоторые замечания о гражданском и нравственном состоянии русских до царствования Петра Великого // ВЕ. 1807. Ч. XXXI. № 1, янв. С. 12. (о принадлежности

Признание «ясности» формулировок необходимым для восстановления «силы закона» условием было характерно и для многочисленных проектов, предлагаемых как высокопоставленными чиновниками, так и представителями различных тайных обществ. Так, например, А. Р. Воронцов в одной из записок, созданных в процессе подготовки проекта манифеста о восшествии императора Александра I на престол, призвал российского самодержца «...снабдить Россию достаточными и ясными законами, для ограждения состояния каждого из подданных...»⁴². Аналогичные пожелания установить в России «...твердые, ясные и краткие законы, которые бы, врываясь в память, предупреждают злоупотребления» высказывали Г. С. Батеньков, В. И. Штейнгель, А. А. Бестужев, П. Г. Каховский, Г. А. Перетц⁴³.

Одновременно с «ясностью слога» и «простотой наречия» под доступностью «закона» подразумевалась также его публичность или «общеизвестность». В сочинениях европейских авторов необходимость всенародного объявления «законов», аргументировалась утверждением о том, что «всякий гражданин должен ведать, когда он виновен и когда прав»⁴⁴. И. Бентам в одной из своих работ восклицал: «Какая опасная сеть для гражданина закон, о котором он неизвестен! Со стороны правительства было бы сие величайшим преступлением»⁴⁵. В данном контексте прямо подчеркивалось, что задача сделать «законы» понятными и «общеизвестными» является одной «из первых обязанностей правительства»⁴⁶.

В текстах российских авторов принцип «общеизвестности» законов многократно воспроизводился в различных журналах,

данной статьи перу М. Т. Каченовского, см.: Историческое и критическое обозрение Российских журналов // СО. 1821. Ч. 67. № I. С. 3–20).

⁴² Записка графа Воронцова о милостивом манифесте на коронацию императора Александра I, с материалами для сего манифеста // Русский архив. 1908. № 6. С. 5.

⁴³ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 170. Л. 4.

⁴⁴ Беккариа Ч. Указ. соч. С. 56.

⁴⁵ Бентам И. Разсуждения о гражданском и уголовном законоположении. Т. 1. СПб., 1805. С. 504.

⁴⁶ Там же. Т. 3. СПб, 1811. С. 187, 348–357.

научных и учебных публикациях. По данным В. В. Календаровой, проанализировавшей 37 статей из 69 номеров «Санктпетербургского журнала» за период с 1804 по 1809 гг., о нем достаточно часто упоминалось на страницах официального издания министерства внутренних дел⁴⁷. Практически на протяжении всей первой четверти XIX в. в российских журналах можно было встретить статьи, авторы которых доказывали, что в реализации на практике принципа «общеизвестности» заинтересованы все граждане, т. к. именно «...они обязаны будут согласовывать деяния свои с законом» и «...не смогут извиниться неведением оно, между тем как судьба их часто зависит от одного скрытого от них постановления»⁴⁸. Не менее четко принцип публичности был сформулирован в различных учебных пособиях. Так, например, в учебниках по гражданскому и уголовному праву И. Наумова, И. Неймана и Л. Цветаева неоднократно подчеркивалось, что «закон должен быть сведом и ясен для каждого»⁴⁹, а «...обязанность подданных соотносить свои поступки» с законами «...не прежде начинается, как они будут известны гражданам или обнародованы»⁵⁰.

Обсуждение тезиса об обязанности правительства доводить до сведения «граждан» смысл и содержание «законов» проходило и на высшем государственном уровне. Так, на одном из заседаний «Особого комитета председателей департаментов Государственного Совета» был выработан проект создания «Комиссии хранилища и обнародования законов», к сфере деятельности которой относились бы регистрация, систематизация и рассылка законов во все присутственные места и

⁴⁷ См.: Календарова В. В. Либеральные идеи в России в начале XIX в.: попытки правительственной пропаганды (опыт количественного анализа содержания первых министерских журналов) // Источник. Историк. История. Сб. научн. трудов. СПб., 2001. Вып. 1. С. 52–72.

⁴⁸ РГИА. Ф. 777. Оп. 1 Д. 288. Л. 2; Куницын А. П. Замечание на книгу: Основания российского права, изданную Комиссиею составления законов // СО. 1819. Ч. 51. № VI. С. 241–242.

⁴⁹ См., например: Наумов И. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб., 1813. С. 14; Нейман И. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 34.

⁵⁰ [Цветаев Л.] Первые начала права естественного, изданные для руководства учащихся профессором Львом Цветаевым. М., 1816. С. 54.

церковные приходы. Участники обсуждения данного проекта неоднократно соглашались с тем, что «закон токмо обязывает со времени его извещения»⁵¹, подчеркивая при этом важность информирования о содержании законов всего населения страны, вне зависимости от сословной принадлежности или уровня образования. «Известность сия, – говорилось в документе, – приобретается доведением возвещения до таковой степени явности, чтобы уже более никому не возможно было утверждать, что не имел случая узнать онаго»⁵². Только после того как правительство «удостоверится, что всеобщее возвещение... уже исполнено» закон мог считаться «известным»⁵³ и вступало в силу правило: «Незнание закона не служит извинением»⁵⁴.

Наряду с «ясностью слога» и «общеизвестностью», еще одним важным условием повышения действенности «закона», упоминания о котором российский читатель мог найти как в официальных текстах, так и в публицистических произведениях, объявлялась *«беспристрастность» исполнения норм закона*. В большинстве текстов это подразумевало дословность прочтения «закона» и противопоставлялось практике его расширительного толкования в зависимости от обстоятельств конкретного дела и статуса участвующих в судебном процессе сторон. Так, например, в книге «Основания русского права» под заголовком «беспристрастное исполнение по точным словам закона», читателю, в качестве бесспорной и общеизвестной аксиомы, предлагалось утверждение: «Законы должны исполняемы быть по точным словам и настоящему их смыслу, беспристрастно и не смотря на лице сильных»⁵⁵. При этом, как правило, подчеркивалось, что несоблюдение данного принципа неизбежно приводит к «ослаблению силы закона», а следовательно мешает достижению «общего блага». В данном контексте достаточно типичными представляются слова

⁵¹ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1, 1811. Д. 9–10. Ч. VIII. Л. 43 об.

⁵² Там же. Л. 44 об.

⁵³ Там же. Л. 44 об.

⁵⁴ Там же. Л. 43.

⁵⁵ Основания русского права, извлеченныя из существующих законов Российской империи, издаваемая комиссиею составления законов. Т. 1. СПб., 1821. С. 19.

И. Наумова о необходимости реализации принципа дословного исполнения закона: «Действительность Закона гражданского состоит в том, чтоб не иначе было определяемо наказание преступлению как по словам онаго, и чтоб также приговор о наказании был исполняем по его словам. Иначе и действие закона и сила по нем приговора ослабнут, и святая цель гражданского спокойствия не будет совершаться»⁵⁶.

В идеале принцип «дословности» и «беспристрастности» исполнения закона предполагал, что судья не имел права выносить какие-либо решения, основываясь на собственных догадках или личных пристрастиях. В случаях же, когда закон не давал четких инструкций, или допускал двойственное толкование, представители «исполнительной власти» должны были обращаться за разъяснениями к «законодателю»⁵⁷. Такой порядок позволял бы предотвратить противоречивость трактовок отдельных положений «закона» в различных губерниях Российской империи. Более же широкая общественная дискуссия о содержании законов могла стать основой для неправильного понимания их смысла и привести к произволу. Именно об этом в 1819 г. писал барон Г. А. Розенкампф (1762–1832 гг.) в ответе на опубликованную в журнале «Сын Отечества» критическую статью А. П. Куницына о работе «Комиссии составления законов». По его глубокому убеждению, «при изложении существующего права всякие умствования и отступления не только бесполезны, но еще и вредны, ибо во-первых, нисколько не служат к объяснению отечественного Законодательства, а во-вторых, подают повод к разным толкам и еще большим отступлениям, и представляют верное средство злоумышленным людям толковать законы по своему произволу и превращать их смысл»⁵⁸. Следуя данному правилу, комиссия составления законов, по словам Г. Розенкампфа, «...постановила священ-

⁵⁶ Наумов И. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб., 1813. С. 12–13.

⁵⁷ См.: [Цветаев Л.] Первые начала права естественного, изданные для руководства учащихся профессором Львом Цветаевым. М., 1816. С. 56.

⁵⁸ Розенкампф Г. Ответ на замечания на книгу: Основания Российского права, напечатанные в шестой книжке Сына Отечества // СО. 1819. Ч. 52. № XII. С. 246.

нейшею обязанностью держаться сколь возможно самих слов закона, не позволяя себе отступать от оных и вдаваться в отвлеченные умствования и тонкости»⁵⁹.

Все перечисленные выше условия эффективного функционирования законов – реалистичность, наличие у государства возможности использовать силу, четкость формулировок, публичность и дословность применения – были, с точки зрения образованного человека начала XIX в., необходимы, но не достаточны для осуществления главного предназначения закона – одновременно обеспечить государственную целостность и защитить «естественные» права граждан. Такая двойственная цель, по мнению современников, могла быть достигнута только в том случае, если будет создана система законов, основанная на общих теоретических принципах. С этих позиций выработка общих теоретических оснований преподносилась как эффективный способ устранения имевшихся в законе противоречий. При этом, как правило, подчеркивалось, что принятие подобной теоретической основы не означало полной отмены или кардинальной перестройки существующего законодательства, а должно было помочь выявить устаревшие законы, систематизировать «пригодные» и стать своеобразным фундаментом для создания в будущем новых законов.

Типичное, на мой взгляд, обоснование необходимости корректировки законов в соответствии с «общими принципами» было представлено в статье «Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении к России», опубликованной зимой 1803 г. в журнале «Вестник Европы». Незнакомый автор писал о бесперспективности развития прецедентного права, которое привело к тому, что народы «... скопили горы предписаний, а им во всем почти не доставало законов»⁶⁰. Уже в XVIII в. для многих стало очевидно, «... что не многочисленность предписаний, но всеобщая пригодность их более потребна, что невозможно и даже напрасно описывать все могущее быть случаи, и для каждого особое правило

⁵⁹ Там же. С. 246.

⁶⁰ Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении к России // ВЕ. 1803. Ч. VII. № 2, янв. С. 146–147.

устанавливать, когда не бывает двух совершенно одинаковых случаев; а потому бесполезно также затверживать все тысячи разнообразных обстоятельств: ибо кто бы и знал их все на память, оставался бы со всем тем просто указателем, не будучи хорошим судьей»⁶¹. Выход из сложившегося положения, по свидетельству автора, жители таких стран как Швеция, Саксония, Пруссия и целый ряд других немецких земель, связывали с работой комиссий, призванных «...учредить теорию или умственной порядок, по которому бы узаконения могли быть приводимы в исполнение»⁶². Содержательно теоретические основы законодательства должны были состоять в формулировке общих принципов построения системы законов, а также четком определении наиболее значимых «дефиниций», таких как «закон» и «права», «дела» и «деяния», «сделка», «владение» и «собственность»⁶³. В России основанием для выработки общих теоретических принципов, по мнению автора, должен быть, прежде всего, «Наказ комиссии для составления проекта нового уложения» Екатерины II, а также «узаконения о дворянстве, городах, полиции, указ о поединках, учреждение об управлении губерний»⁶⁴. Формулировкой необходимых теоретических оснований для системы российского законодательства должна была заниматься, также как и в других странах, специально созданная «Комиссия составления законов».

Аналогичное отношение к идее систематизации российского законодательства на основе четко сформулированных «общих принципов» было выражено и в официально изданном «Докладе министерства юстиции о преобразовании комиссии составления законов», и в конституционных проектах М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова, Н. Н. Новосильцова. В данном контексте не случайно, что одним из положений «Краткого изложения основ», созданного в процессе подготовки «Государственной уставной грамоты Российской империи»,

⁶¹ Там же. С. 147–148.

⁶² Там же. С. 148–149.

⁶³ Там же. С. 149.

⁶⁴ Там же. С. 150–151.

был пункт о необходимости основания «законов» на так называемых «незыблемых принципах»⁶⁵.

Проведенный сравнительно-контекстуальный анализ использования понятия «закон» в текстах законодательных актов, учебных пособий, журнальных статей, в различных проектах и записках, посвященных проблемам реформирования страны, позволил выявить содержание «незыблемых принципов», которые, как предполагали авторы этих документов, могли бы стать теоретической основой для совершенствования российского законодательства. Наиболее четко, и в полном соответствии с европейскими теоретическими постулатами, провозглашались *три основополагающих принципа идеального законодательства*.

Первым из них был принцип *«равенства всех перед законом»*. Заимствованный из работ европейских авторов, прямо подчеркивавших, что при совершении правонарушения «... знатнейшие особы должны подвергаться тем же наказаниям, каким подлежит и последний гражданин»⁶⁶, данный принцип преподносился как общеизвестная во всем мире истина. Нередко дополнительным подтверждением «общеизвестности» были публикации в российских журналах «писем очевидцев» из различных стран мира. В одном из таких писем, например, излагались основополагающие принципы местной «конституции» острова С.–Доминго, в которой провозглашалось: «Закон равен для всех, как в наказании, так и в покровительстве»⁶⁷.

Не менее убедительные доказательства очевидности и целесообразности использования принципа «равенства граждан перед законом», российский читатель мог найти в различных изданиях по «естественному», «гражданскому» и «уголовному праву». Так, например, ординарный профессор Санкт-Петербургского университета А. П. Куницын в работе «Право

⁶⁵ См.: МIRONENKO С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 175; Он же. Страницы тайной истории самодержавия: Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 36.

⁶⁶ Беккариа Ч. Указ.соч. С. 97.

⁶⁷ Письмо из С. Доминго, Французского американского острова // ВЕ. 1802. Ч. 1. № 2. С. 80.

естественное» писал о том, что «законы должны быть всеобщие, т. е. всех граждан равнообязывающие»⁶⁸, а его коллега из Московского университета Л. Цветаев, размышляя о сущности власти и законов, утверждал: «Законы могут быть различны смотря по своим предметам, но должны быть общие для всех граждан, т. е. в одинаковых обстоятельствах должны дать всем равные права и равные возлагать на всех должности»⁶⁹.

Как правило, авторы подобных учебных пособий, аргументируя важность принципа равенства граждан перед законом, приводили достаточно обширные цитаты из «Наказа уложенной комиссии». Именно такой способ использовал, например, С. Хапылев, напоминая читателям слова Екатерины II о функциях и содержании законов: «Государственное постановление... должно хранить равенство и свободу граждан. Равенство состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам и воспрещалось бы богатым удручать меньшее их стяжания имеющих»⁷⁰. В большинстве аналогичных изданий принцип равенства перед законом преподносился читателям не только как часть реформаторского курса Екатерины Великой, но и важный элемент общественных представлений о будущем развитии общества. Интересно отметить, что такая трактовка, как показала в своем исследовании Т. В. Артемьева, отчасти соответствовала ожиданиям образованной части российского общества, т. к. принцип «равенства граждан перед законом» упоминался практически во всех утопических произведениях, написанных российскими авторами во второй половине XVIII – первой четверти XIX вв.⁷¹.

На протяжении всей первой четверти XIX в. многократное обращение к «Наказу уложенной комиссии», на мой взгляд, ориентировало читателей не столько в прошлое, сколько в бу-

⁶⁸ Куницын А. П. Право естественное. Ч. 2. СПб., 1820. С. 71.

⁶⁹ [Цветаев Л.] Первые начала права естественного, изданные для руководства учащихся профессором Львом Цветаевым. М., 1816. С. 53.

⁷⁰ [Хапылев С.] Систематическое собрание российских законов с присовокуплением правил и примеров из лучших законодателей, расположенное трудами Сергея Хапылева. Ч. 1. С. 14.

⁷¹ См.: Артемьева Т. В. От славного прошлого к светлому будущему: философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб., 2005. С. 437.

дущее, в силу того, что этот документ рассматривался современниками как своеобразное руководство для ныне действовавшего правительства. Косвенным подтверждением согласия правительства с тезисом о равенстве граждан перед законом был ряд публикаций в издаваемом министерством внутренних дел «Санктпетербургском журнале»⁷². На уровне правительственных проектов, данный принцип был зафиксирован в ст. 17 «Конституционной хартии Царства Польского», провозглашавшей, что «Закон одинаково охраняет всех граждан без различия их класса и положения»⁷³, а также в ст. 80 «Государственной уставной грамоты российской империи», в соответствии с которой на всей территории страны «закон без всякого различия, покровительствует равно всем гражданам»⁷⁴.

Вторым основанием идеального законодательства современники называли *принцип презумпции невиновности*, предполагавший, что «до приговора судейского никто не мог считаться виновным»⁷⁵, и любой подозреваемый в совершении правонарушения не должен подвергаться наказанию до того момента, когда его вина полностью доказана. Данное утверждение нередко звучало в публичных речах на различных торжественных собраниях и преподносилось как отражение намерения властей восстановить в стране справедливость и «силу закона». Так, например, П. Хавский, выступая перед чиновниками в VI Департаменте Сената, цитировал слова из преамбулы указа 8 августа 1801 г., которые отражали искреннее намерение Александра I с помощью «закона» защитить несправедливо обвиняемых российских подданных: «Предавая обвиняемого действию закона, если Я хочу, чтоб преступление было наказано и получило должное возмездие, то еще более того желаю, чтоб невиновность находила в том же законе и суде все средства к своему

⁷² См.: Календарова В. В. Либеральные идеи в России в начале XIX в.: попытки правительственной пропаганды (опыт количественного анализа содержания первых министерских журналов) // Источник. Историк. История. Сб. научн. трудов. СПб., 2001. Вып. 1. С. 67, 72.

⁷³ ГАРФ. Ф. 1769. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 4.

⁷⁴ Государственная уставная грамота Российской империи 1818 года // Минаева Н. В. Век Пушкина. М., 2007. Приложение. С. 224.

⁷⁵ Беккариа Ч. Указ.соч. С. 71.

оправданию»⁷⁶. По мнению выступавшего, обеспечение защиты невиновным, наряду с наказанием преступников, было одной из важнейших целей, к достижению которой должны стремиться все государственные служащие, имевшие отношение к системе судопроизводства. Таким образом «закон» должен был обеспечить защиту личности от несправедливого наказания.

Размышляя о способах, позволявших исключить возможность наказания невиновных, российские авторы первой четверти XIX в. писали о необходимости запрета на применение физического насилия для получения признания от обвиняемых. Показательным в данном контексте являются целый ряд особых мнений адмирала Н. С. Мордвинова⁷⁷, в которых он выступал за запрещение пыток, отмену смертной казни и призывал всегда помнить о том, что «свидетельство о невиновности должно всегда быть более уважено, нежели свидетельство о преступлении»⁷⁸. В более широком контексте презумпция невиновности означала обязанность следственных органов доказывать виновность подозреваемого в совершении правонарушения, представляя в суд систему неопровержимых доказательств. Ординарный профессор Московского университета Л. Цветаев в изданном им «руководстве для учащихся» писал: «Прежде нежели кто осужден будет, должно доказать, что он действительно преступил закон»⁷⁹.

Повышенный интерес российской читающей публики к тому, каким образом описанная в сочинениях европейских

⁷⁶ [Хавский П.] Речь, говоренная в канцелярии I отделения 6 департамента Правительствующего Сената, при начале учения чиновников, приуготовляемых по Высочайшей воле в аудиторы для армейских полков, секретарем Сената П. Хавским, 25 августа 1817 года // СО. 1817. Ч. 41. № XL. С. 46.

⁷⁷ См.: Мнение адмирала Мордвинова о неклеянии лица у преступников // ЧИОИДР. 1859. Кн. IV, окт.–дек. Разд. V. С. 21–22; Мнение адмирала Мордвинова о кнуте, орудии наказания // ЧИОИДР. 1859. Кн. IV, окт.–дек. Разд. V. С. 23–25; Мнение адмирала Мордвинова о смертной казни // ЧИОИДР. 1859. Кн. IV, окт.–дек. Разд. V. С. 26–28; Дополнительные статьи адмирала Мордвинова о смертной казни // ЧИОИДР. 1859. Кн. IV, окт.–дек. Разд. V. С. 30–36.

⁷⁸ Мнение адмирала Мордвинова об оскорблении Величества (13 декабря 1820 г.) // ЧИОИДР. 1859. Кн. II, апр.–июнь. Разд. V. С. 6.

⁷⁹ [Цветаев Л.] Первые начала права естественного, изданные для руководства учащихся профессором Львом Цветаевым. М., 1816. С. 63.

авторов идеальная модель может функционировать в действительности, вызвали журнальные публикации о наиболее «громких» судебных разбирательствах. Иногда подобного рода сообщения становились поводом для написания критических замечаний, в которых российским читателям подробно объяснялись необходимые для вынесения обвинительного приговора «признаки» преступления. Ярким примером такой публикации является напечатанная в журнале «Сын отечества» статья «О рассмотрении причин к обвинению»⁸⁰. В ней были перечислены общие «признаки преступления» и подчеркивалось, что в случае, если у следствия нет убедительных доказательств вины человека, всегда необходимо следовать «...спасительному правилу, что во всяком обвиняемом надлежит предполагать невинность, покуда не будет доказано противное»⁸¹.

Третьим принципом, который назывался современниками в качестве одного из «общих оснований» идеального законодательства, был *принцип «соразмерности наказания и преступления»*, в соответствии с которым «закон» должен был предельно четко установить степень общественной опасности совершенного правонарушителем деяния и меру его личной ответственности. Теоретическое обоснование этой идеи российский читатель мог найти в переведенных на русский язык сочинениях Ч. Беккариа и И. Бентама, посвятивших данному вопросу отдельные главы и параграфы⁸², а также в опубликованной в 1802 г. переписке Екатерины Второй с Вольтером, где российская императрица недвусмысленно выражала намерение «положить преступлению соразмерное наказание»⁸³.

⁸⁰ Поводом для появления данной статьи было широко освещаемое в иностранных журналах дело французского доктора Кастена, обвиняемого в отравлении двух человек с целью получения наследства. См. подробнее: Обвинительный акт по делу доктора Кастена // СО. 1823. Ч. 90. № XLVIII. С. 56–77; № XLIX. С. 117–126.

⁸¹ О рассмотрении причин к обвинению // СО. 1823. Ч. 90. № XLIX. С. 116.

⁸² См.: Беккариа Ч. Указ. соч. С. 37–42; Бентам И. Разсуждения о гражданском и уголовном законоположении. Т. 2. С. 546–552.

⁸³ Переписка российской императрицы Екатерины Великой с г. Вольтером с 1767 по 1778 год. Ч. 2. СПб., 1802. С. 215.

С этого времени принцип соразмерности наказания стал неотъемлемой частью преподаваемого в российских гимназиях и университетах курса гражданского и уголовного права. Яркой иллюстрацией этому может служить учебник И. Неймана «Начальные основания уголовного права». В § 10 «О соразмерности наказаний с преступлениями» учащимся предлагалось следующее утверждение: «...за деяния нарушающие безопасность должны быть определены наказания и притом такие, которые были бы достаточны для предупреждения сих деяний, то есть заключали бы в себе ни более, ни менее зла, нежели сколько нужно для предупреждения оных. В сем состояла бы совершенная соразмерность наказаний с преступлениями»⁸⁴. На протяжении всего параграфа автор неоднократно подчеркивал, что установление соответствия между деянием и тяжестью наказания обязательно должно было быть закреплено в законе и не зависеть от субъективной позиции судьи. По его словам, «наказание следующее за каждое преступление должно быть определено законом, а не предоставлено воле судьи, ибо сопряжение наказаний с преступлениями есть дело законодателей, рассуждающего о соразмерности их общим правилам»⁸⁵. В такой трактовке установленная «законом» «соразмерность наказания» становилась дополнительной защитой от произвола местных властей, способствовала предупреждению совершения правонарушений и, как следствие, повышению личной безопасности граждан.

Система значений понятия «закон» в первой четверти XIX в., наряду с общими теоретическими принципами, включала в себя еще и представления о том, каким образом следует проводить модернизацию российского законодательства. Одновременно ориентируясь на сочинения европейских правоведов и примеры из отечественной истории, российские авторы, прежде всего, акцентировали внимание на идее о возможности внесения изменений в законы только по мере созревания необходимости в таких переменах. С одной стороны, бесспорным считалось многократно цитируемое утверждение И. Бентама о том, что «...престу-

⁸⁴ Нейман И. Начальные основания уголовного права СПб., 1814. С. 14–15.

⁸⁵ Там же. С. 19.

пать к составлению гражданских и уголовных законов надлежало не иначе, как по мере обстоятельств, дававших чувствовать в них необходимость»⁸⁶. Похожие по смыслу высказывания неоднократно воспроизводились на страницах российских журналов в статьях, перепечатываемых из наиболее популярных зарубежных изданий. Так, в 1815 г. в журнале «Сын Отечества» под рубрикой «Современная история и политика» была опубликована статья «Общие замечания на нынешнее правление», автор которой, анализируя положение в Европе, размышлял о правилах изменения законодательства: «...единственное средство привести законы в уважение заключаются в наблюдении правила: перемениать их только тогда, когда все чувствуют необходимость в перемене... При исправлении законов, можно указать, что в них было недостаточно и требовало перемены; совершенное же уничтожение прежних законов есть средство тех, которые желают заменить хорошие установления дурными»⁸⁷.

С другой стороны, аналогичный подход к процессу обновления законов, по мысли российских авторов, соответствовал историческому опыту России и был известен большинству российских монархов. В данном контексте, практически на протяжении всего текста «Разсуждения о древности и достоинстве законов Российских», профессор Харьковского университета Г. П. Успенский доказывал своевременность появления судебныхников 1497 г., 1550 г. и Соборного уложения 1649 г. При этом, в качестве необходимых причин составлении нового судебного Иваном IV, он называл «...неустройства государственные, самосудную власть вельмож, презрение законов, превратность древних обычаев...»⁸⁸,

⁸⁶ Бенгам И. Разсуждения о гражданском и уголовном законоположении. Т. 1. С. 506.

⁸⁷ Общие замечания и пр. (из Цензора) (окончание) // СО. 1815. Ч. 22. № XXV–XXVI. С. 249; Начало статьи см.: Общие замечания на нынешнее правление, на прокламацию Наполеона Французскому народу от 1 марта (17 февр.) 1815, и на созвание избирательных коллегий на Майском поле и пр. (извлечение из Цензора) // СО. Ч. 22. № XXIV. С. 192–197.

⁸⁸ Успенский Г. П. Разсуждение о древности и достоинстве законов Российских до издания царем Алексеем Михайловичем Соборного уложения и сходства сего последнего с некоторыми преждебывшими у нас узаконениями. Харьков, 1814. С. 16.

т. е. те явления, многие из которых вызывали недовольство образованных российских подданных и в начале XIX в.

Важной характеристикой процесса модернизации российского законодательства в исследуемых текстах исторических источников объявлялась преемственность, понимаемая как *опора на исторический опыт предшествующих поколений*, зафиксированный в форме юридических норм. В этой связи подчеркивалась важность сохранения всего того, что может быть «пригодным» в новых условиях. Именно это качество, по мнению И. П. Елагина, было характерно для славянских племен, которые, даже после переселения на новые земли, «сохраняли древнюю веру, законы и обычаи»⁸⁹.

Позитивные оценки использования принципа преемственности при совершенствовании действующего законодательства высказывались в различных журнальных публикациях, посвященных как историческому прошлому, так и актуальным современным проблемам⁹⁰. Практически на протяжении всего царствования Александра I идея модернизации российских законов «с оглядкой» на проверенные временем правовые нормы многократно воспроизводилась и в официальных изданиях. В первые годы правления, по данным В. В. Календаровой, идея преемственности упоминалась на страницах издаваемого МВД «Санктпетербургского журнала»⁹¹, а позднее была одной из постоянных тем публикуемых комиссией составления законов многотомных изданий «Основания российского права» и «Труды комиссии составления законов». В последнем из указанных

⁸⁹ [Елагин И. П.] Опыт повествования о России. Сочинение Ивана Елагина, начатая на 65 году от его рождения, лета от рождения Христова 1790, двора Его Императорского Величества обер-гофмейстера. М., 1803. С. 67.

⁹⁰ См., например: Львов П. Ю. Примечания о древних русских законах // СО. 1814. Ч. 16. № XXXIII. С. 7–11; Речь государственного советника Портамиса, которому поручено было от консулов представить на рассмотрение Законодательному Совету новый проект гражданского уложения для Франции // ВЕ. 1802. Ч. 1. № III, февр. С. 65–77; Нечто о началах правлений // СПбж. 1804. № 4, апрель. С. 118, 121, 127–128;

⁹¹ См.: Календарова В. В. Либеральные идеи в России в начале XIX в.: попытки правительственной пропаганды (опыт количественного анализа содержания первых министерских журналов) // Источник. Историк. История. Сб. научн. трудов. СПб., 2001. Вып. 1. С. 65–66, 71.

изданий было опубликовано, например, «Соображение Комиссии составления законов» от 6 июня 1812 г., в котором прямо подчеркивалось, что «всякие законы тогда наиболее могут приличествовать государству, когда они освещены уже временем» и «...не одни люди, но и время постановляет и определяет начала законодательства»⁹².

Логически взаимосвязанным с идеей преемственности новых «законов» было утверждение о существовании «естественного» *соответствия норм права конкретно-историческим обстоятельствам каждой страны*. О существовании такой взаимосвязи неоднократно упоминалось в различных сочинениях по истории российского права, а в качестве аргумента приводились примеры различия законов в русских землях периода раздробленности. В соответствии с новой политической реальностью, писал Г. Успенский об этом периоде русской истории, «...каждый из владельцев своего удела, сообразуясь с обстоятельствами и потребностями своих подданных, к общим законам присовокуплял, по видимому, собственные, которые не могли быть согласны с законами другим уделов»⁹³. По мере централизации страны различия стали малозначительными и «законы» вновь стали общими для всех русских земель. С этого времени существенные отличия были заметны при сопоставлении «законов» различных стран.

В начале XIX в. усвоенный из трудов европейских просветителей второй половины XVIII в. тезис о наличии универсальных оснований для составления законов во всех странах мира, органично сочетался с идеей необходимости учитывать национальные особенности каждой страны. На этом фоне, примерно с 1805–1807 гг., в российской периодической печати достаточно широко обсуждалось намерение Наполеона установить в подвластных ему землях «всеобщие», универсальные для всех по-

⁹² Соображение Комиссии составления законов // Труды комиссии составления законов. Т. 1. СПб., 1822. С. 138.

⁹³ Успенский Г. П. Рассуждение о древности и достоинстве законов Российских до издания царем Алексеем Михайловичем Соборного уложения и сходства сего последнего с некоторыми преждебывшими у нас узаконениями. Харьков, 1814. С. 15.

коренных народов законы. Как правило, авторы такого рода публикаций, высказывая скептическое отношение к идее установления «всеобщей монархии», констатировали бесперспективность создания и «всеобщих законов», не учитывавших национальные особенности каждой конкретной страны⁹⁴. Наиболее яркой иллюстрацией такой трактовки тезиса о соответствии содержания «закона» конкретно-историческим и культурным особенностям была опубликованная в 1807 г. на страницах «Санктпетербургского журнала» статья неизвестного автора, в которой высказывалось следующее суждение: «Заметить должно, что законы, писанные для всех народов, не могут быть полезны ни для одного. Они суть отвлеченные умозрения, а законы должны быть изображением нужд народных; нужды же народные относительноны всегда к обстоятельствам»⁹⁵.

Важным показателем соответствия закона «обстоятельствам», чаще всего, объявлялась *согласованность* его положений с «*нравами народа*». Такая трактовка подразумевала, что в основании национального законодательства должны были быть положены традиционные, привычные для населения обычаи и религиозные нормы, т. е. то, что обозначалось словосочетанием «народный дух». Нередко в российских журналах необходимость учитывать особенности «духа народа» преподносилась в форме наставлений «мудрому законодателю». В одной из таких публикаций, автор, провозглашая бесспорный тезис о том, что «...законы безсильны, если находятся в противоположности с общими нравами»⁹⁶, высказывал ряд рекомендаций «мудрому законодателю». По его словам, «составляя законы для общества, он не поставит себя вне онаго, и напротив тщательно сохранит щастливые предразсудки, древние привычки, ...кои получает общество от многих рождений и которое не только составляет наследство настоящего, но и имущество будущих: ибо сие вхо-

⁹⁴ См., например: О всеобщей монархии в политическом и нравственном смысле // СО. 1813. Ч. 9. № XLIII. С. 171–184.

⁹⁵ О том, что образование людей к гражданскому состоянию есть удаление их от состояния природы // СПбж. 1807. № 5, май. С. 82.

⁹⁶ Нечто о началах правлений // СПбж. 1804. № 4, апрель. С. 120.

дит в состав *народного Духа*»⁹⁷. Таким образом согласованность «закона» с традиционными нормами и обычаями повышала бы его действенность, а следовательно, и стабильность социально-экономического и политического развития общества.

Справедливость установления взаимосвязи между содержанием «закона» и «нравами народа» в текстах российских авторов неоднократно подтверждалась цитатами из «Наказа» уложенной комиссии» фразы Екатерины II: «Законы должны быть приспособлены к характеру той нации, для которой они писаны»⁹⁸. При этом, как правило, подчеркивалось, что «естественной» причиной необходимости подобного «приспособления» как у древних, так и у современных народов, являлись природно-географические условия и исторически сложившиеся особенности политического устройства. Например, Р. Ф. Тимковский, выступая в Московском университете с речью «О различении греческого и римского просвещения», напоминал слушателям о том, что народы «...живут под разными полосами неба, населяют разные страны, различно питаются, собственные имеют правления и учреждения, пользуются своими правами и законами...»⁹⁹. Все это во многом предопределило характер «просвещения граждан» и степень их законопослушности, а следовательно, по мысли Р. Ф. Тимковского, «...то государство... есть совершеннейшее и блаженнейшее, которое управляется законами, наиболее сходными с его духом, нравами, занятиями и образованностью»¹⁰⁰.

Аналогичные суждения высказывались и применительно к историческому опыту России. В «Примечаниях о древних русских законах» П. Ю. Львов, рассматривая вопрос о степе-

⁹⁷ Там же. С. 131.

⁹⁸ [Хавылев С.] Систематическое собрание российских законов с присовокуплением правил и примеров из лучших законодателей, расположенное трудами Сергея Хавылева. Ч. 1. С. 15.

⁹⁹ [Тимковский Р. Ф.] О различении греческого и римского просвещения проистекающем из особенного духа, нрава и образа жизни оных народов. Слово в публичном собрании императорского Московского университета июля 15 дня 1811 года, произнесенное Романом Тимковским. М., 1811. С. 3

¹⁰⁰ [Тимковский Р. Ф.] О различении греческого и римского просвещения... М., 1811. С. 4.

ни развитости отечественного законодательства в сравнении с европейским, главным его достоинством называл то, что «законы русские, ...будучи основаны на силе разума и на благодушии славянорусского, постоянного народа, ...не изменялись в продолжении нескольких сот лет, ибо изданы были согласно нравам, обычаям, вере и местному людей пребыванию»¹⁰¹. Внешение изменений в «законы» происходило «...по необходимой надобности, с переменою обстоятельств целого Государства согласною». В этот момент они, по словам автора, «...то пополнялись новыми статьями, то очищались от тех злоупотреблений, какие утеснителями России введены были»¹⁰². Именно такой алгоритм создания и обновления законодательства представлялся читателям как наиболее приемлемый в современных условиях и соответствовавший общему смыслу публичных заявлений Александра I, о том, что «закон без нравов не может иметь другого действия, кроме принужденного насильственного, а потому всегда слабого»¹⁰³.

В различных учебных, справочных и практических пособиях по российскому праву читатель мог получить представление о том, в какой форме, провозглашенный еще при Екатерине II принцип соответствия «народному духу», должен быть зафиксирован в «законе». Как правило, в указанных текстах, наряду с общими рассуждениями о том, что «законодателю надлежит сообразно с особенным положением каждого народа предписать правила для деяний членов общества...»¹⁰⁴, говорилось о целесообразности установления зависимости между тяжестью наказания за конкретное преступление и общими «нравами народа». Например, И. Нейман писал об этом так: «Законодатель при назначении причин уменьшения степени наказания... обязан принимать в особенное уважение нравы народа, для которого пишет свои законы и настоящее положение государства»¹⁰⁵. Это позво-

¹⁰¹ Львов П. Примечания о древних русских законах // СО. 1814. Ч. 16. № XXXIII. С. 15–16.

¹⁰² Там же. С. 15–16.

¹⁰³ См.: Архив Государственного Совета. Т. 3.: Царствование Александра I (1801–1810). СПб., 1878. С. XXIV.

¹⁰⁴ Нейман И. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 12.

¹⁰⁵ Там же. С. 47–48.

лило бы, с одной стороны, уменьшить чрезмерную жестокость, а с другой – установить такое наказание, страх пред которым останавливал бы тех, кто намеривался совершить преступление.

В общем виде, на мой взгляд, признание необходимости установления соответствия норм закона «духу народа» не противопоставлялось универсальным для всех народов принципам «равенства перед законом», «общеизвестности» и «ясности слога», доказательности и «соразмерности наказания». Но своеобразие «обширнейшей в свете Империи»¹⁰⁶, объединившей множество различных по своей культуре народов, обусловило необходимость, наряду с «общими государственными» законами, устанавливать местные, или, по выражению того времени, «частные законы».

Целесообразность их установления и соотношение с «общими законами» представлены в опубликованном докладе министерства юстиции, который был подготовлен на основании Всеподданнейшего доклада П. В. Лопухина и Н. Н. Новосильцова¹⁰⁷. В тексте доклада подчеркивалось, что «...начала права суть общие для Империи: по сему и законы, утвержденные на сих основаниях права, должны быть общими всем частям оной, дабы.... подданные единого Государя, под благотворным влиянием оных в равной мере наслаждались тою *гражданскою свободою и безопасностью*, которую они дают, хранят и распространяют»¹⁰⁸. Однако признание данного принципа «справедливым и полезным», сопровождалось утверждением, что его «...нельзя принять за общее и никакому изменению неподверженное правило при составлении законов для простран-

¹⁰⁶ Доклад министерства юстиции о преобразовании комиссии составления законов, Высочайше утвержденный Его Императорским Величеством, и выписка из поднесенных Его Императорскому Величеству присутствием Комиссии Рапортов об успехе трудов ея по Высочайшему повелению переведенные на разные языки. Ч. 1. СПб., 1804. С. 21.

¹⁰⁷ См.: Всеподданнейший доклад Его Императорскому Величеству кн. Лопухина и Новосильцова. С. 53–94. В феврале 1804 г. на основании этого доклада в был издан указ «О преобразовании комиссии составления законов». См.: ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.187. С. 160–173.

¹⁰⁸ Доклад министерства юстиции о преобразовании комиссии составления законов... Ч. 1. С. 22.

ной Империи Российской: ибо различные степени гражданственности некоторых Губерний и другие местные обстоятельства необходимо требуют, для благосостояния их... частных законов и форм судебных»¹⁰⁹. Учреждению «частных законов» должен был предшествовать длительный этап подготовки, в ходе которого необходимо «...собрать и исчислить главные местные обстоятельства сих губерний, и приняв в уважение климат, религию их жителей, обычаи и политические перемены, с ними бывшая, найти разности, какие произошли от того в законах и формах судебных»¹¹⁰. Такая задача полностью соответствовала определению «частных законов», приведенному как в докладе 1804 г., так и в изданной много лет позднее статье А. П. Куницына: «Частные законы и учреждения, суть не что иное как отступление от законов общих, по уважению различия веры, языка, нравов и других местных обстоятельств»¹¹¹. Тезис о необходимости «уважения» всех перечисленных в определении культурных особенностей отдельных губерний не предполагал дробной и существенной дифференциации правового пространства Российской империи. «Частные законы» должны были лишь дополнить «общие государственные», но ни в коем случае не противоречить им. В идеале, все это должно было привести к положению, при котором «...Губернии или города, физическими или моральными отношениями различные, получают основанные на общих началах права и соответствующие местному положению законы»¹¹², что позволит провести необходимое обновление правовых норм и укрепить «силу закона» на всей территории страны.

¹⁰⁹ Там же. С. 22.

¹¹⁰ Там же. С. 23.

¹¹¹ Куницын А. П. Прибавление первое к замечаниям на основания Российского права // Сын Отечества. 1819. Ч. 55. № XXXIII. С. 291; Всеподданнейший доклад Его Императорскому Величеству кн. Лопухина и Новосильцова. С. 80–81.

¹¹² Доклад министерства юстиции о преобразовании комиссии составления законов... Ч. 1. СПб., 1804. С. 23.

* * *

Проведенный сравнительно-контекстуальный анализ словоупотребления понятия «закон» позволил выявить зафиксированные в законодательных актах, материалах периодической печати, научно-популярных и учебных текстах первой четверти XIX в. представления образованной части российского общества о перспективах модернизации законодательства. Содержательно ожидания преобразований основывались, с одной стороны, на привычной трактовке «закона», как инструмента воспитания и управления, с помощью которого правительство должно обеспечить «общую» и личную безопасность подданных. В данном контексте понятие «закон» было логически взаимосвязано с понятием «государство», т. к. именно государство должно было стать инициатором любых изменений в действовавшем законодательстве и осуществлять жесткий контроль за неукоснительным исполнением всех юридических норм. При этом в качестве ориентиров для «мудрого правителя», намеревавшегося усовершенствовать российское законодательство, должен был служить, одновременно, и собственный исторический опыт, и теоретические основы европейского права. Позитивным следствием подобной двойственности ориентиров было бы сохранение необходимого соответствия «духу и нравам народа» без которого, ни один «закон» не исполнялся бы гражданами добровольно.

С другой стороны, благодаря знакомству с работами либеральных европейских мыслителей, конечным итогом реформирования российского законодательства представлялась реализация на практике таких универсальных, направленных на обеспечение безопасности отдельной личности принципов, как системность, публичность и ясность «слога», равенство граждан перед законом, презумпция невиновности, соразмерность наказания и преступления. Всестороннее освещение в текстах европейских и российских авторов содержания данных принципов постепенно привело к формированию логической и ассоциативной взаимосвязи понятий «закон»—«гражданин»—«гражданские права», которая, на мой взгляд, стала новым, заимствованным элементом смыслового поля понятия «закон».

С этого времени одним из важнейших критериев полезности установленного верховной властью «закона», провозглашалась его направленность на обеспечение безопасности «граждан». Однако одновременно, в полном соответствии с тезисом о необходимости соответствия содержания закона «народному духу», подчеркивалось, что объем и характер «гражданских прав» может быть различен не только в разных странах, но и масштабах одной страны.

§3. «Государство» и «права граждан» в рамках дискуссий о способах обеспечения личной безопасности

Понятия «государство» и «гражданин» на рубеже XVIII – нач. XIX в. были важной частью социально-политического лексикона образованного российского подданного. К этому времени сложились устойчивые представления о функциях государства и обязанностях каждого гражданина: государство должно было обеспечить внешнюю безопасность страны, установить законы и осуществлять судопроизводство, определять цели и методы реализации денежно-эмиссионной и налоговой политики, а гражданин должен был своевременно и в полном объеме выплачивать установленные государством налоги и исполнять «натуральные повинности». Все эти традиционные представления, отчетливо зафиксированные в различных текстах российских авторов последней трети XVIII в., продолжали циркулировать в кругах образованного российского общества и в первой четверти XIX в. Однако одновременно в сознании образованного российского подданного происходил сложный процесс дополнения и корректировки привычных значений понятий «государство» и «гражданин».

Изменение в содержании первого из них было связано с корректировкой представлений о функциональном назначении так называемого «благоустроенного государства»: одновременно с указанными выше функциями, главной его целью провозглашалось обеспечение личной безопасности и «гражданских прав» подданных. Подобное утверждение многократно воспроизводилось как в учебных пособиях для студентов высших учебных заведений, так и на страницах российских журналов¹.

¹ См.: Тимофеев Д. В. Образ государства в периодической печати и российской публицистике первой четверти XIX века // Россия и мир: панорама исторического развития. Сб. науч. статей. Екатеринбург, 2008. С. 302–308; Он же. Концепт «государство» в периодической печати и российской публицистике первой четверти XIX века // История государства и права. 2009. № 4. С. 37–39.

Так, например, В. Г. Кукольник в учебнике по курсу «частного гражданского права» писал: «...ближайшая и главная цель гражданских обществ или Государств, есть защита прав граждан, от коей проистекают прочия цели, составляющие общее и частное благополучие граждан, коего только в государственном союзе достигнуть можно»². При этом он подчеркивал, что именно «...невозможность каждого порознь защитить» свои права «...от нарушения... служит им главнейшим побуждением к вступлению в Государства, дабы соединенными силами обеспечить свободу и безопасность общую и каждого в особенности»³. Теоретическим основой для подобного рода утверждений были известные из работ европейских авторов теории «естественного права» и «общественного договора».

Нередко нацеленность «государства» на защиту «прав граждан» выражалась с помощью близких по значению терминов «безопасность» и «благосостояние». Логическая взаимосвязь понятий «государство»—«безопасность»—«благосостояние» зафиксирована, например, в учебнике А. П. Куницына. Размышляя о предназначении государства в современном обществе, он писал: «Цель государства есть безопасность, следовательно вообще лучший образ правления есть тот, который больше безопасности доставляет всему государству и частным подданным»⁴. Аналогичное определение цели «государства» было предложено и в учебном пособии К. Арсеньева «Начертание статистики российского государства». По словам автора, «высочайшая цель государства есть безопасность и благосостояние всех и каждого из членов онаго»⁵. В данном контексте понятие «безопасность» обозначало не только обеспечение обороноспособности страны, а понималась более широко, как наличие у «гражданина»

² Кукольник В. Г. Российское частное гражданское право. Ч. 1.: Изложение законов по предметам частного гражданского права, лицам, вещам и действиям. СПб., 1815. С. 5.

³ Там же.

⁴ Куницын А. П. Право естественное. Ч. 2. СПб., 1820. С. 118.

⁵ [Арсеньев К.] Начертание статистики российского государства, составленное главным педагогического института адъюнкт-профессором Константином Арсеньевым. Ч. 2.: О состоянии правительства. СПб., 1819. С. 108.

целого комплекса закрепленных в законе и охраняемых государством «естественных прав».

Сформулированная таким образом цель, на мой взгляд, не противоречила транслируемой верховной властью на протяжении последней трети XVIII в. идее необходимости заботы и покровительства в отношении подданных со стороны государства, а лишь акцентировала внимание на наличии у «граждан» частных интересов и «прав». В некоторых случаях российские авторы прямо писали о взаимозависимости, но нетождественности целей «государства» и «гражданина». Один из основоположников статистической науки в России К. Ф. Герман писал: «...цель правительства есть безопасность, цель гражданина благосостояние»⁶. При этом он подчеркивал, что главная задача государства в отношениях с «гражданами» не должна сводиться к мелочной опеке и регламентации деятельности частных лиц: государство может и должно оказывать поддержку и покровительство, но только в тех случаях, когда без его помощи гражданин не может преодолеть всевозможные «препятствия на пути к благосостоянию». По мнению автора, «...только в таких случаях, когда встречающиеся... препятствия будут превышать частные силы граждан, должно просвещенное правительство воспомоществовать им к отвращению оных»⁷.

В идеале государство должно было устанавливать «гражданские законы», контролировать их неукоснительное исполнение и своевременно устранять всё, что ущемляет «естественные права граждан». В противном случае, по мнению современников, оно перестанет соответствовать своей цели, трансформируется в деспотию и будет существовать только для удовлетворения личных амбиций правителя. Именно такая негативная оценка современного французского государства была высказана в 1813 г. на страницах журнала «Сын Отечества». В статье «Иступление французской политики» неизвестный автор, подчеркивая, что истинная цель «государства» всегда связана с благополучием и соблюдением законных «прав

⁶ Герман К. Всеобщая теория статистики для обучающихся сей науке, изданная от главного правления училищ. СПб., 1809. С. 62.

⁷ Там же.

граждан», констатировал: «...Франция не есть Государство подобное другим, ...вместо ея составилось какое-то многочисленное общество Наполеонцев, не наблюдающих правил и цели государства»⁸. Таким образом объявлялось, что любое политическое образование, не стремящееся обеспечить соблюдение «прав граждан», не может быть названо «государством».

Достаточно часто в текстах российских авторов соответствие «государства» идеальной модели подчеркивалось с помощью прилагательного «благоустроенное». Например, И. Нейман, размышляя о принципах вынесения наказания, выразил свое понимание выражения «благоустроенное государство» следующими словами: «Всякой вред другому наносимый, яко деяние нарушающее личную безопасность граждан, должен быть запрещен в благоустроенном государстве»⁹. Подобный акцент на обязанности государства защитить «права граждан» был сделан и в статье неизвестного автора «Первые годы царствования Александра I». В ней «благоустроенным государством» называлась «...страна, в которой все без изъятия пользуются гражданскою свободою, в которой Государь и подданные исполняют взаимные обязанности, ...в которой каждый гражданин, каждой член великого семейства наслаждается полным обладанием собственности; в которой все сословия народа равно пользуются защитою законов против самопроизвольного оскорбления, в котором каждой уверен в своей безопасности»¹⁰.

Следует отметить, что подобная трактовка целей государства соответствовала основным положениям работ известных в России либеральных европейских мыслителей. К концу XVIII в. в Европе появилось множество произведений, авторы которых, размышляя о происхождении, задачах и формах государства, писали о необходимости сохранения сильного правительства, ограниченного лишь естественным правом и

⁸ Изступление французской политики в XIX веке // СО.1813. Ч. 8. № XXXIII. С. 61–62.

⁹ Нейман И. Начальные основания уголовного права. СПб., 1814. С. 36.

¹⁰ Первые годы царствования Александра I // ВЕ. 1804. Ч. XVIII. № 21, ноябрь. С. 65–66.

стремлением сделать своих граждан счастливыми¹¹. Например, И. Бентам, критически оценивая перспективы реализации «естественных прав» граждан, писал о невозможности достижения «величайшего возможного счастья для величайшего возможного числа людей» без активного участия государства. В данном контексте, как справедливо отмечала С. И. Глушкова, «в первой четверти XIX в. осмысление проблемы прав и свобод граждан постепенно смещалось с идеи свободы человека от давления со стороны государства к пониманию, что достижение цели возможно с помощью государства»¹².

Однако указанная выше близость представлений о целях «благоустроенного государства» в работах российских и европейских авторов, не означала полного совпадения трактовок таких сложносоставных понятий как «естественные права», «права гражданские», «гражданская свобода», «политическая свобода» и «равенство прав граждан». Все они были неразрывно связаны с понятием «право» и необходимостью поиска критериев, с помощью которых можно было бы определить, какие группы населения и в каком объеме, могли быть наделены правами и обязанностями российского гражданина.

В официально изданных словарях понятие «право» имело как минимум три значения. В конце XVIII в. «право» определялось как синоним словам «истинно, справедливо, точно»¹³. Однако уже во второй редакции «Словаря Академии Российской» данное значение было исключено и сформулировано следующее определение: «Право – 1) преимущество, власть, данная законами или от Государя кому-либо над кем или чем (иметь право на что-то по жалованной грамоте, по наследству); 2) узаконение (право гражданское, право народное)»¹⁴. С точки зрения анализа социально-политических настроений,

¹¹ См.: Симоне М. Право // Мир Просвещения. Исторический словарь. М., 2003. С. 146, 148

¹² См.: Глушкова С. И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург, 2001. С. 87.

¹³ Словарь Академии Российской. Ч. IV.: от М до Р. СПб., 1793. Стб. 1040.

¹⁴ Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный. Ч. V.: П–С. СПб., 1822. С. 129.

оба приведенных выше значения, на мой взгляд, представляют определенный интерес. Прежде всего, необходимо отметить, с помощью каких слов составители словаря объясняли читателям, что такое «право». Для них «право» – это «власть» и «преимущества», данные по воле верховной власти, а не «возможность», предоставленная всем гражданам в равной степени. Такая трактовка, с одной стороны, совпадала с тезисом И. Бен-тама о том, что «права сами в себе суть выгоды, преимущества в отношении того, кто оными пользуется»¹⁵, а с другой – соответствовала традиционным представлениям о существовании взаимосвязи между функциональным назначением любого сословия и объемом юридически установленных прав и обязанностей. В дальнейшем, на мой взгляд, подобное отождествление «права» с «властью», «выгодами» и «преимуществами» оказывало влияние на процесс восприятия в России принципа равенства гражданских прав.

Не менее широкое распространение имело и второе значение понятия «право», приведенное в «Словаре Академии Российской». В начале XIX в. оно было синонимом слов «закон», «узаконение» и одновременно использовалось как для обозначения теоретического разделения законодательства на отрасли, так и соответствующих им учебных дисциплин. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно было ознакомиться с программами высших и средних учебных заведений. Например, практически во всех университетских уставах и уставах различных подведомственных им училищ, предписывалось преподавание «естественного права», «гражданского права», «уголовного права», «государственного права», «публичного права», «народного права», «провинциального права», а так же курса «общего» и «практического правоведения»¹⁶.

¹⁵ Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении. Т. 1. СПб., 1805. С. 1.

¹⁶ См., например: Устав или общие положения Императорского Виленского университета и училищ его округа // ПСЗ. Т. XXVII, 1803. № 20.765; Высочайше утвержденный устав учебных заведений, подведомственных университетам // ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.501. С. 626–647; Высочайше утвержденное постановление о лицее // ПСЗ. Т. XXXI, 1810. № 24.325; Высочайше утвержденное образование устав Ришельевского лицея // ПСЗ.

В учебных пособиях для студентов высших учебных заведений понятие «право» уже не сводилось к «власти» или «преимуществам», а рассматривалось в более широком философском контексте. Наличие «права» преподносилось в качестве необходимого условия существования общества и, одновременно, неотъемлемого атрибута любой свободной личности. Такое положение отчетливо проявляется, например, при сопоставлении соответствующих разделов в учебных пособиях профессоров Г. Терлаича и А. П. Куницына. В первом из них автор писал: «Право, яко предмет познания..., есть совокупность тех правил, по которым один человек возле другого существовать и действовать может, без обиды ближнему, по всеобщему закону такой же свободы всех членов общества. Яко естественная принадлежность человека, право есть каждое определение состояния всякого члена общества по их способностям и дарованиям... По его применению право есть возможность возлагать на других обязанность моего права не нарушать, так как и я обязан почитать и не нарушать права других»¹⁷. А. П. Куницын, объясняя студентам главного педагогического института свое понимание термина «право», также отметил три основных значения: «...право, во-первых, как качество лица, есть возможность поступать произвольно, не нарушая законной свободы; во-вторых, как качество действия, оно означает совместимость нашей свободы со всеобщей законной свободой; в-третьих, как собрание законов, оно есть совокупность условий, при которых всеобщая внешняя свобода возможна»¹⁸. Как видно из приведенных выше цитат, наряду с известными ранее коннотациями, важной характеристикой «права», признавалась возможность человека совершать необходимые ему действия, не нарушая законных прав других граждан. Таким образом, содержательно понятие «право», по-

Т. XXXIV, 1817. № 26.827; Устав императорского Дерптского университета // ПСЗ. Т. XXXVII, 1820. № 28.302; и др.

¹⁷ [Терлаич Г.] Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России, начертанное профессором Григорием Терлаичем. Ч. 2. СПб., 1810. С. 8; Ч. 1. С. 94.

¹⁸ Куницын А. П. Указ. соч. Ч. 1. СПб., 1818. С. 23.

мимо формально-юридического контекста, было тесно связано с понятием «свобода» и концепцией взаимных нравственных обязательств граждан. Яркой иллюстрацией существования подобной взаимосвязи были слова Ф. Шмальца о том, что «все права и должности теснейшим образом соединены со свободой и к ней единой относятся; ибо без свободы нельзя представить себе никаких прав и должностей, ниже свободы без прав и должностей»¹⁹.

Философским основанием такой трактовки понятия «права» была известная из трудов европейских авторов теория «естественного права», общие положения которой излагались не только в различных обзорных работах по истории европейской философии²⁰, где можно было найти подробное описание сочинений Г. Гроция, Т. Гоббса, Дж. Локка, С. Пуфендорфа и др., но и в учебниках по соответствующей учебной дисциплине. Так, например, в пособии профессора Московского университета Х. Шлецера утверждалось, что любой человек от рождения наделен неотчуждаемыми «естественными правами». В их основе, по мнению автора, лежат «природные побуждения», главным из которых являлось «естественное стремление к сохранению», породившее три «совершенных естественных права»: «1) право человека на сохранение самого себя...», под которым «...мы разумеем право сохранять здоровье и силы, полученные нами от природы и защищаться противу того, кто бы захотел нанести нам вред»; «2) право на употребление предметов, его окружающих; 3) право на свободное употребление его сил и воли. Сие также названо *правом на свои действия, или естественною свободою*..., по которому человек может принимать некоторые действия к улучшению своей участи»²¹. Все перечисленные автором «естественные права» с некоторыми не принципиальными уточнениями и дополнениями, мож-

¹⁹ Шмальц Ф. Право естественное / Пер. с латинского с прибавлением истории и литературы естественного права. СПб., 1820. С. 58.

²⁰ См., например: [Галич А.] История философских систем по иностранным руководствам составленная и изданная педагогического института экстраординарным профессором Александром Галичем. Кн. 1–2. М., 1818–1819.

²¹ [Шлецер Х.] Начальные основания естественного права, изданные профессором Христианом Шлецером. М., 1810. С. 7–9.

но было найти в большинстве учебников по «естественному», «гражданскому» или «уголовному праву». Более того, практически во всех текстах, где упоминалось о «естественных правах» человека, провозглашалось, что именно они, наряду с народными традициями и обычаями, стали основой для создания современных законов, призванных гарантировать неприкосновенность юридически оформленных «гражданских прав». В данном контексте, понятие «гражданские права» оказывалось логически взаимосвязанным с понятием «закон», и на уровне ожиданий приобретало более конкретное содержание.

Одновременно существовало две взаимосвязанных категории: «гражданское право» и «гражданские права». Первая из них обозначала группу законов, регулировавших взаимоотношения между частными гражданами. Так, например, В. Г. Кукольник, определяя сущность «гражданского права» в России писал, что оно «...есть совокупность законов, определяющих отношение между российскими гражданами по их лицу и имуществу», а Г. Терлаич отождествлял «содержание частного гражданского права» с «взаимными отношениями частных людей, определяемыми положительным законом Высочайшей законодательной власти Государства»²². Конечной целью указанной группы законов, существование которых «...есть предмет желания гражданина ...быть спокойным в своих занятиях под покровительством Законов»²³, объявлялось обеспечение «пользы и безопасности ...каждому гражданину, живущему с прочими в обществе как в рассуждении его самого, так и в рассуждении его имени и обязательств»²⁴. Очевидно, что все подобные формулировки отражали логическую и ассоциативную связь «гражданского права» как совокупности законов и «гражданских прав», как набора необходимых для самореали-

²² Кукольник В. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 15; [Терлаич Г.] Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России... Ч. 2. С. 9.

²³ См.: Наумов И. Разделение преступлений против права гражданского и против права уголовного. СПб., 1813. С. 8.

²⁴ См.: Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи, издаваемые комиссиею составления законов. Т. 1. СПб., 1821. С. 8.

зации личности и гарантированных этими законами возможностей.

Сравнительно-текстологический анализ источников, в которых употреблялось словосочетание «гражданские права», позволяет утверждать, что в сознании представителей образованной части российского общества оно включало в себя целый комплекс характеристик, описывающих идеальную модель взаимоотношений, как между гражданами, так и между ними и государством.

В большинстве текстов к числу основных «гражданских прав», основанных на естественном «праве человека на существование»²⁵, авторы относили «право на безопасность лица и имущества». Подтверждением исключительной важности этих прав для российского читателя были официальные публикации в издаваемом министерством внутренних дел «Санктпетербургском журнале». Так, в майском номере за 1804 г. в тексте высочайше утвержденного доклада И. Лопухина и Н. Новосильцова провозглашалось, что «порядок, закон, правосудие, безопасность лиц и собственности, суть *священные права*, разрушающие все исключения, с ними несовместные»²⁶. По мысли высокопоставленных чиновников, реализация на практике этих «священных прав» должна была бы стать одной из главных целей учрежденной Александром I «Комиссии составления законов». Значительно позднее, сами члены комиссии аналогичным образом писали о содержании «общих гражданских прав». По их мнению, «общие права лиц, всем родам или классам принадлежащие, заключаются в праве иметь законное состояние и пользоваться личною безопасностью и собственностью, сходственно с преимуществами и ограничениями для каждого состояния поставленными, на основании особенных к сему предмету принадлежащих установлений»²⁷.

²⁵ См.: Куницын А. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 57–59.

²⁶ Всеподданнейший доклад Его Императорскому Величеству князя Лопухина и Новосильцова // СПбж. 1804. № 5, май. С. 82.

²⁷ Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи... Т. 1. С. 25.

Признание в качестве системообразующих элементов «гражданских прав» права на неприкосновенность личности и собственности, отчетливо прослеживается также в разнообразных записках, «особых мнениях» и проектах, созданных в кругах европеизированной части правительственной элиты России первой четверти XIX в. Так, например, член Государственного Совета Н. С. Мордвинов в работе «О принципах управления государством» призывал современников помнить о том, что «гражданское право не получает твердых оснований, как с приобретением богатства, личной свободы и обеспечения собственности»²⁸. Подробный анализ содержания «гражданских прав» был представлен и в многочисленных сочинениях М. М. Сперанского²⁹, в одном из которых, размышляя на эту тему, он писал: «Права гражданские, то есть безопасность лица и имущества, суть первое и неотъемлемое достояние всякого человека, входящего в общество»³⁰. С позиции автора, средством обеспечения «безопасности лица и имущества» могло стать установление соответствующих «гражданских законов» и создание эффективной системы судопроизводства, способной защитить интересы каждого гражданина. В этих условиях содержание «общих гражданских прав» сводилось бы к реализации четырех основополагающих принципов: «1) никто без суда наказан быть не может; 2) никто не обязан отправлять личную службу по произволу другого, но по закону, определяющему род службы по состояниям; 3) всякий может приобретать собственность движимую и недвижимую и располагать ею по закону...; 4) никто не обязан отправлять вещественных повинностей по произволу другого, но по закону или добровольным условиям»³¹. Все указанные выше постулаты органично соче-

²⁸ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 124. Л. 35.

²⁹ См. подробнее: *Томсинов В. А.* Светило Российской бюрократии: Исторический портрет Сперанского. М., 1991; *Чибиряев С. А.* Великий русский реформатор: жизнь, деятельность, политические взгляды М. М. Сперанского. М., 1993; *Морозов В. И.* Государственно-правовые взгляды М. М. Сперанского. СПб., 1999.

³⁰ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 85.

³¹ *Сперанский М. М.* Введение уложению государственных законов // Сперанский М. М. План государственного преобразования. М., 2004. С. 34–35.

тались с провозглашенным властью принципом верховенства закона и одновременно соответствовали ожиданиям российских подданных о конечных результатах совершенствования российского законодательства.

Еще одним элементом комплекса «гражданских прав» являлось право личности на «свободу мыслить и рассуждать». При этом в текстах российских авторов первой четверти XIX в. неизменно подчеркивалось, что оно является логическим продолжением «естественного права» человека на «свободу действия» и «безопасность», а следовательно, должно рассматриваться, во-первых, как возможность человека иметь собственное мнение по различным вопросам даже в том случае, если его позиция не совпадает с мнением большинства, а во вторых, как «право граждан рассуждать о правительстве». По словам А. П. Куницына, «человек не может быть принужден что-либо признавать истинным противу собственного убеждения», а следовательно, «заблуждения противу общего мнения не суть преступления»³². Конечно, речь шла не о праве на открытую критику существующего строя или отдельных распоряжений верховной власти, а всего лишь о праве человека на получение объективной информации о положении в стране и возможности публично высказывать свои предложения по развитию российской экономики.

В наиболее отчетливой форме такая трактовка «права на свободу мысли» была представлена, например, в неоднократно опубликованных работах К. Ф. Германа. В одной из них российский читатель мог найти следующее утверждение: «... каждый размышляющий гражданин судит о государственном управлении: это есть неотъемлемое *право человека*, которое он блюдет всегда, если не публично, то конечно в тишине; право, действий коего и самое жесточайшее угнетение деспотизма не иначе может отвратить, как токмо уничтожением способностей человеческих посредством распространения мрака и рабства, т. е. отнятием у народа способности мыслить и

³² Куницын А. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 61.

рассуждать»³³. С точки зрения автора, реализация на практике «права рассуждать о правительстве» была тесно связана с развитием в России «статистической науки», которая предоставляла бы результаты своей работы не только правительству, но и всем желающим посредством публикации в российских журналах. В данном контексте К. Герман «подчеркивал, что «терпимость статистики в государстве дает точное понятие о степени, на которой находится в нем свобода думать и писать, следственно о степени народной свободы»³⁴. Таким образом, право на «свободу рассуждать о правительстве» не подразумевало, что «гражданин», в случае несогласия с деятельностью властей, имел право проводить антиправительственную агитацию или вступать в тайные общества с целью изменения существующего строя. Напротив, реализация данного права способствовала бы установлению своеобразного диалога власти и образованной части российского общества, а следовательно, своевременному предупреждению общественного недовольства. Своеобразие представлений современников о характере диалога между властью и обществом проявилось в том, что, с одной стороны, гражданин должен был иметь возможность получить достоверную информацию о положении в стране и высказать свои пожелания, а с другой – власть не обязана была прислушиваться к предложениям отдельных граждан, но, в случае необходимости, должна объяснять цели и методы правительственной политики.

Еще одним органично связанным с правом граждан на «свободу мысли» считалось право на «свободу вероисповедания». О существовании такой связи писал А. П. Куницын, отмечая в одной из своих работ, что «на праве свободно мыслить и действовать основывается право свободного исповедания религии»³⁵. Данное обстоятельство, по его мнению, предопределяло правило, в соответствии с которым «...никто

³³ Герман К. Всеобщая теория статистики для обучающихся сей науке, изданная от главного правления училищ. С. 104–105; Герман К. Материалы для российской статистики // Стат. журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1. С. 81–82.

³⁴ Герман К. Материалы для российской статистики. С. 80–81.

³⁵ Куницын А. П. Указ. соч. Ч. 1. С. 65.

не имеет права принуждать других к принятию своего вероисповедания», и даже «самая верховная власть в государстве тогда только имеет право отвергнуть какое-либо вероисповедание, когда найдет его вредным для взаимной свободы граждан или общественного порядка и спокойствия»³⁶. При этом он подчеркивал, что вмешательство правительства в процесс выбора религии происходит крайне редко и в «благоустроенных Государствах предоставлена совершенная свобода всем вероисповеданиям»³⁷.

Подобное отношение к «свободе вероисповедания», как к одному из важнейших элементов «общих гражданских прав», читатель мог найти и на страницах российских журналов. Например, в одном из номеров «Санктпетербургского журнала» за 1809 г. была опубликована переведенная с французского языка статья неизвестного автора «О терпимости вер», в которой прямо утверждалось, что «право власти, не простирается на мысль», а «общество для безопасности своей не имеет нужды лишать человека сей свободы и насильственно требовать наружных знаков какого-либо вероисповедания...»³⁸. Принуждение человека отказаться от исповедуемой им религии и перейти в другую признавалось нецелесообразным и опасным для общества явлением.

Сравнительный анализ упоминаний о праве граждан на свободу вероисповедания показал двойственность позиций по данному вопросу. С одной стороны, «свобода вероисповедания» считалась глубоко личным и не зависимым от государства делом, что соответствовало традиционному отношению к религиозным чувствам отдельного индивида, как к праву на внутреннюю, духовную свободу. В то же время звучали и другие аргументы, смысл которых сводился к признанию необходимости существования у государства права устанавливать ограничения на распространение какой-либо религии как средства сохранения «общественного спокойствия».

Не менее сложным было отношение современников к «сво-

³⁶ Там же. С. 67.

³⁷ Там же.

³⁸ О терпимости вер // СПбж. 1809. № VIII, август. С. 116.

боде печати» («тиснения»), которая, так же как «свобода мысли» и «свобода вероисповедания», рассматривалась в качестве составной части комплекса «гражданских прав». Важнейшим фактором, оказавшим влияние на формирование отношения образованной части российского общества к «свободе тиснения», было упразднение введенного еще императором Павлом I³⁹ запрета на ввоз в Россию иностранных книг. В соответствии с указом Александра I от 31 марта 1801 г. вновь был разрешен не только импорт книг и журналов из-за рубежа, но и объявлено о «дозволении открывать частные типографии»⁴⁰. Несколько позднее, 9 июля 1804 г., был издан «Устав о цензуре»⁴¹, который сразу же стал одним из наиболее цитируемых документов в текстах российских авторов, размышлявших о содержании «гражданских прав» и границах «свободы печати» в современном им обществе. Именно благодаря новому уставу, по мнению М. Каченовского, опубликовавшего в одном из номеров журнала «Вестник Европы» статью «О книжной цензуре в России»⁴², современники могли сформировать правильное представление о том, что такое «свобода печати» и как она могла быть согласована с обязанностью государства обеспечить личную безопасность граждан. По мысли автора, свобода печати не подразумевала ни самоустранения государства от надзора за изданием книг, ни установления полного контроля за их авторами.

В идеале «свобода тиснения» означала баланс между правом автора на реализацию творческого замысла и правом его сограждан на «исследование истины» без каких-либо общественных потрясений. Такая позиция отчетливо просматривается при анализе целенаправленно отобранных М. Каченовским положений цензурного устава, которые наиболее полно отражали сущностные признаки «свободы тиснения». Из достаточно

³⁹ См.: ПСЗ. Т. XXVI, 1800. № 19.387. С. 133.

⁴⁰ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 19.807. С. 599.

⁴¹ См.: ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.388. С. 439–444.

⁴² [Каченовский М.] О книжной цензуре в России // ВЕ. 1805. Ч. XIX. № 3, февр. С. 199–204. (см. об авторстве М. Каченовского: Историческое и критическое обозрение российских журналов // СО. 1821. Ч. LXVII. № 1. С. 12.).

большого по объему текста он акцентировал внимание читателей на трех основных положениях цензурного устава.

Во-первых, главной целью цензуры было не запрещение издания книг и журналов, а лишь предотвращение «злоупотребления свободой». В этой связи М. Каченовский писал, выделяя курсивом слова из текста устава: «Писатель благонамеренный уважает постановления мудрого Правительства и благоговеет в душе своей перед спасительными узаконениями, которыми ни мало не стесняется свобода мыслить и писать, и которая суть не что иное, как только необходимые меры, принятые против злоупотребления свободой»⁴³.

Во-вторых, установленная законом процедура предпечатного рассмотрения текста цензорами предполагала, что запрещению подлежали только те сочинения, негативное воздействие которых на общественную нравственность или безопасность было очевидно и не вызывало никаких сомнений. Высказывая безусловно положительное отношение к такому порядку, М. Каченовский ссылаясь на § 22 устава: «Цензура в запрещении печатания или пропуска книг руководствуется благоразумным снисхождением, удаляясь от всякого пристрастного толкования сочинений, или мест в оных, которые по каким-либо мнимым причинам кажутся подлежащими запрещению. Когда место, подверженное сомнению, имеет двоякий смысл, в таком случае лучше истолковать оное выгоднейшим для сочинителя образом, нежели его преследовать»⁴⁴. Подобная норма, по словам автора, будет «поощрением для зреющего таланта... и твердой подпорой для писателя опытного»⁴⁵.

В-третьих, введение цензурного устава не предполагало запрета на обсуждение научных проблем и различных общественно значимых вопросов. Напротив, автор напоминал читателям, что «человеколюбивый Александр... желает и требует, чтобы скромное исследование всякой истины, относящейся до Веры, человечества, гражданского состояния, законоположения, управления Государственного, или какой бы то ни было

⁴³ [Каченовский М.] О книжной цензуре в России. С. 200.

⁴⁴ Там же. С. 203.

⁴⁵ Там же. С. 203.

отрасли Правления, не только не подлежало и самой умеренной строгости Цензуры, но пользовалось бы совершенною свободою тиснения...»⁴⁶. В такой трактовке цензура не ограничивала необходимую для развития общества «свободу тиснения» и рассматривалась лишь как инструмент государства, с помощью которого возможно предотвратить «падение нравов» и различные беспорядки. Размышляя о праве граждан на свободу печати, современники соглашались с тезисом о пагубности полной, ничем не ограниченной свободы. Справедливость данного утверждения подтверждалась многочисленными публикациями в российских журналах свидетельств о негативных последствиях «неограниченной свободы книгопечатания» в других странах и важности установления «благоразумной цензуры»⁴⁷.

С позиции образованного российского подданного, все перечисленные выше «права» составляли относительно устойчивый комплекс «гражданских прав», официальное провозглашение которых было бы позитивно воспринято населением. Для того, чтобы убедиться в этом, целесообразно сопоставить проект «Всемилодивейшей жалованной грамоты, Российскому народу жалуемой» А. Р. Воронцова⁴⁸, и проект «Манифеста к русскому народу», составленный С. П. Трубецким⁴⁹ в ходе подготовки к восстанию 14 декабря 1825 г. Прежде всего, важно отметить, что эти документы были написаны в форме манифеста и предназначались для всенародного объявления планов новой власти. Данное обстоятельство во многом предопределило не только общность стиля изложения, но и сходство некоторых положений, что было обусловлено стремлением, как

⁴⁶ Там же. С. 203–204.

⁴⁷ См., например: Новости политические. Италия // СО. 1820. Ч. 65. № XLII. С. 93–94; Свобода тиснения (из *Journal de Paris*) // СО. 1814. Ч. 16, кн. XXXVIII. Смесь. С. 252–253; и др.

⁴⁸ К созданию грамоты могли быть причастны также В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцов, Д. П. Трошинский. Самый поздний вариант, возможно, редактировал М. М. Сперанский. См. об этом подробнее: Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. С. 44, 47–46, 51.

⁴⁹ Цит. по: Нечкина М. В. Восстание 14 декабря 1825 г. – М., 1951. С. 18–19.

минимум, соответствовать общественным ожиданиям и получить поддержку наиболее активной части населения страны.

Несмотря на существенные различия в позициях авторов по целому ряду вопросов, они называли примерно один и тот же перечень так называемых «гражданских прав». Так, например, в «Жалованной грамоте российскому народу» от имени верховной власти провозглашалось, что «каждый Российский подданный, ...пользуется невозбранно свободою мысли, веры или исповедания», свободою «слова, письма и деяния», а «право собственности движимого и недвижимого имущества, есть право российского подданного, поколику оно свойственно в силу законов каждому чиновостоянию в Государстве»⁵⁰. Аналогичные статьи были зафиксированы и в проекте «Манифеста к русскому народу», где также объявлялось о «свободе тиснения», «свободе отправления богослужения всем верам», «праве всякому гражданину заниматься, чем он хочет»⁵¹.

Еще большее сходство в содержании «общих гражданских», но не политических, прав обнаруживается при сопоставлении «Жалованной грамоты российскому народу», «Государственной уставной грамоты российской империи» Н. Н. Новосильцова, «Конституции» Н. Муравьева и «Русской правды» П. И. Пестеля. При многочисленных отличиях, касающихся сословного строя, формы государственного устройства и формы государственного правления, во всех четырех документах можно найти близкие по смыслу определения того, что их авторы подразумевали под словосочетанием «гражданские права». С небольшими отличиями в формулировках во всех указанных выше проектах провозглашались права граждан на «личную безопасность», обладание «собственностью», «свободу тиснения», «свободу вероисповедания» и «свободу передвижения»⁵². Наличие подобной общности в трактовке со-

⁵⁰ Проект «Всемилоостивейшей Жалованной Грамоты, Российскому народу жалуемой, 1801 года» // Минаева Н. В. Век Пушкина. М., 2007. Приложение. С. 153.

⁵¹ Цит по: Нечкина М. В. Восстание 14 декабря 1825 года. С. 20–21.

⁵² См.: Проект «Всемилоостивейшей Жалованной Грамоты, Российскому народу жалуемой, 1801 года». С. 153–155, 156, 159; Государственная уставная грамота Российской империи (1818 г.) // Минаева Н. В. Век Пушкина.

держания «гражданских прав» как в правительственных проектах, так и в конституционных проектах, созданных представителями радикально настроенных «тайных обществ», позволяет утверждать, что идея провозглашения «гражданских прав» являлась неотъемлемой частью общественных ожиданий, а их законодательное закрепление представлялось возможным только по инициативе государственной власти.

Признание современниками необходимости провозглашения государством «гражданских прав» было важным, но не единственным условием их реализации. Сравнительный анализ материалов периодической печати, учебных пособий по естественному, гражданскому и уголовному праву, различных проектов и записок современников, показал, что в большинстве текстов реализация «гражданских прав» была связана не с каким-либо одномоментным действием, а рассматривалась как сложный процесс, для успешного завершения которого необходимо было наличие как минимум двух условий.

Первым таким условием признавалась необходимость создания эффективного механизма защиты «гражданских прав» от посягательств со стороны кого бы то ни было. При этом подчеркивалось, что для его создания важны не абстрактные рассуждения о сущностной природе «прав граждан», а выработка конкретных правил поведения человека в обществе. В данном контексте неизвестный автор записки «О государственном управлении», размышляя о перспективах развития страны, выражал надежду на формирование у народа представлений о том, что «метафизические понятия о правах человека ведут только к безначалию, злу стократно горшему, нежели самое жестокое самовластие»⁵³. Следуя этой логике, наиболее эффективным инструментом защиты «гражданских прав» современники, чаще всего, называли *законы*, исполнение которых обеспечивается принудительной силой государства. В некоторых

М., 2007. Приложение. С. 224–226; *Пестель П. И.* Русская правда // Декабристы. Избранные труды. М., 2010. С. 59–189; Конституционный проект Н. М. Муравьева // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2010. С. 302–322.

⁵³ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 52/48. Л. 6.

случаях именно наличие «силы», способной оградить человека от посягательств на его личную безопасность и собственность, рассматривалось в качестве обязательного условия существования гражданских прав. Наиболее отчетливо такая позиция была представлена, например, в статье «Некоторые мысли о необходимости могущественной внешней защиты безопасности и спокойствия Государств», автор которой прямо писал о взаимосвязи «силы и права» следующим образом: «Сила и право — два понятия несогласные одно с другим, и первая никогда не может служить основанием последнему. Но сила есть естественная защита права; она делает оное действительным; она обеспечивает существование оногo; без нее право ненадежно и ничтожно»⁵⁴. «Следственно, — делал вывод автор статьи, — *сила* есть необходимое обеспечение права, без которого оно не что иное есть, как ничтожное слово, пустая мечта»⁵⁵. В условиях современного общества в качестве силы, которая могла бы гарантировать соблюдение «гражданских прав», должно было выступать государство, способное превратить «пустую мечту» в реальность посредством учреждения «гражданских законов» и осуществления постоянного контроля за их исполнением.

Для российского читателя первой четверти XIX в. справедливость установления логической взаимосвязи между «правами» и «законом» подтверждалась публикациями в российских журналах текстов зарубежных «конституций», «актов», «уложений», «уставов», а также материалов, информировавших о событиях в развитых странах Европы. Так, например, в журнале «Сын Отечества» были приведены выдержки из текста официально принятого в Вене 8 июня 1815 г. «Акта Германского Союза», в котором всем гражданам нового политического образования гарантировались: право свободного передвижения и выбора места жительства в рамках союза; право собственности, свобода тиснения; равенство гражданских прав вне зависимости от вероисповедания⁵⁶. Кроме этого, безусловно поло-

⁵⁴ Некоторые мысли о необходимости могущественной внешней защиты, безопасности и спокойствия Государств // СО. 1819. Ч. 51. № II. С. 51.

⁵⁵ Там же. С. 54.

⁵⁶ О возобновлении Германского союза (из Polit. Journ.) (окончание) // СО.

жительными примерами законодательного закрепления гражданских прав для российских авторов были «La grande Charte» и «Habeas corpus act», упоминавшиеся в проектах реформирования Сената и российского законодательства⁵⁷.

Вторым условием реализации «гражданских прав», без которого их законодательное закрепление не имело бы никакого смысла, называлось наличие у граждан необходимых нравственных качеств. Следует отметить, что данный тезис не был новым для российской образованной публики и являлся частью сформировавшегося еще в последней трети XVIII в. образа «истинного гражданина», который не по принуждению, а в силу внутреннего убеждения «почитает гражданские законы» и проявляет заботу о «согражданах».

В начале XIX в., благодаря многочисленным публикациям в российских журналах статей о социально-политической обстановке в различных странах мира, зависимость между «правами» и морально-нравственными качествами «граждан» приобретала более конкретные очертания. Заметное место в ряду таких публикаций занимали материалы, посвященные экономическому и политическому устройству «Соединенных Американских областей». В данном контексте показательными являются статьи, опубликованные в журналах «Вестник Европы» и «Сын Отечества». В одной из таких публикаций, составленной в форме письма гражданина «Соединенных Американских областей», главной причиной успешного развития страны называлось внутреннее стремление граждан соблюдать законы. Автор письма, характеризуя отношение американцев к свободе, писал: «Все идет неприметно, ибо все стремится к одной цели, к истинному благоденствию, ... но мы не преступаем границ благоразумной свободы, следуя уставам и страшась необузданности, всегда пагубной!»⁵⁸. Не менее отчетливо образ законопослушного гражданина, который, пользуясь предоставленными ему правами и свободами, осознавал необходимость

1815. Ч. 23. № XXXI. С. 214–218.

⁵⁷ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI, 1811. Д. 9–10. Ч. VI. Л. 32–33.

⁵⁸ Письмо из Соединенных Американских областей // ВЕ. 1802. Ч. 1. № 2, янв. С. 76.

самоограничения своих потребностей во имя «общего блага», был представлен в статье «Взгляд на республику Соединенных Американских областей». От лица российского путешественника, наряду с подробным описанием природно-климатических условий, политического и экономического устройства страны, была дана высокая оценка уровня правосознания американцев. По словам автора, «Американцы показали себя совершенно достойными наслаждаться теми правами истинной вольности и щастия, которые были первою основою духа их правления...», а «законы Американские кажутся установленными для доброго, мудрого народа, умеющего содержать себя в границах прав человеческих и общественных»⁵⁹.

Укреплению смысловой взаимосвязи понятий «гражданские права» и «нравственность» способствовало и российское правительство, размещая на страницах издаваемого министерством внутренних дел «Санктпетербургского журнала» работы зарубежных авторов, призывавших различать «человека естественного» и «человека гражданственного». Принципиально важное отличие, по их мнению, состояло в осознании «гражданином» своих моральных обязательств. Например, в одной из таких публикаций «человек естественный» характеризовался следующим образом: «Человек в природном его состоянии не знает иного закона, кроме сохранения своего бытия; не имеет других склонностей, кроме чтобы удовлетворять своим побуждениям, пожирать даже себе подобных, естьли сего потребует его нужды. Право его распространяется по мере его сил, или лучше, он не знает никакого права»⁶⁰. Негативному образу «человека естественного», действующего только по «природным побуждениям», противопоставлялся «образованный наставлениями и примерами» «человек-гражданин», который «...забывает естественные свои побуждения, или ведет с ними беспрестанную брань; дорожит более чувствованиями,

⁵⁹ Взгляд на республику Соединенных Американских областей // СО. 1814. Ч. 17. № XLV. С. 253.

⁶⁰ О том, что образование людей к гражданственному состоянию есть удаление их от состояния природы (с французского) // СПбж. 1807. № 5, май. С. 84–85.

нежели ощущениями физическими; поставляет свое благополучие в других...»⁶¹. В данном контексте «истинным гражданином» назывался уже не любой человек, проживавший на территории определенного государства, а только тот, кто обладал необходимыми для жизни в обществе морально-нравственными качествами. Логическим продолжением подобной трактовки понятия «гражданин» было утверждение о том, что «...гражданином нельзя сделаться иначе, как посредством воспитания», в результате которого «...внутреннее побуждение заменено было рассудком, естественные движения нравственностью, желания и телесные силы или способности правами и обязанностями»⁶². Таким образом, в российских журналах как на уровне практических примеров, так и на уровне теоретических размышлений, прослеживалась взаимозависимость между нравственными качествами «гражданина» и «гражданскими правами». В идеале «гражданин» должен быть наделен определенным набором юридически закрепленных «гражданских прав», но для этого он должен был быть, прежде всего, «существом нравственным»⁶³ и обладать соответствующими предоставляемым ему правам качествами.

Однако признание необходимости при наделении «гражданскими правами» учитывать нравственные качества личности не означало для современников необходимости установления их строгого соответствия, аналогичного тому, которое было, например, в «Табели о рангах» между сроком службы и занимаемым человеком чином. Напротив, проведенный анализ источников показал, что в большинстве текстов, авторы которых употребляли понятие «гражданин», зафиксированы лишь самые общие представления о том, какими качествами должен обладать «истинный гражданин».

Достаточно информативным источником в этой связи являются проекты создания в России различных «благотворительных обществ», «домов призрения», «рабочих домов» и т. п. заведений. Прежде всего, во всех подобных проектах

⁶¹ Там же. С. 85–86.

⁶² Там же. С. 83.

⁶³ Там же. С. 83.

важным качеством «гражданина» объявлялось наличие у него чувства «сострадания» и «милосердия». Именно это качество упоминалось в проекте графа Н. Шереметьева «Об учреждении в Москве странноприемного дома»,⁶⁴ а также в проекте «Образования Императорского человеколюбивого общества», представленном А. Н. Голицыным⁶⁵ и записке неизвестного автора «О призрении нищих в Санкт-Петербурге», изданной Н. И. Гречем отдельной брошюрой в 1821 г. общим тиражом 3600 экз.⁶⁶ В последнем из перечисленных выше проектов, приложив к проекту 1000 руб. ассигнациями, автор предлагал учредить «комитет милосердия», который аккумулировал бы «общественные пожертвования» на поддержку «...всякого рода просящих на улицах и по церквам милостыни»⁶⁷. Следует отметить, что во всех подобных проектах благотворительная деятельность преподносилась как наглядное проявление качеств «истинного гражданина».

Не менее важным качеством «гражданина» в текстах российских авторов первой четверти XIX в. признавалось стремление человека «быть полезным Отечеству» и способствовать достижению «общего блага». Практически дословно формулировка этого качества «гражданина» встречается и в представленных верховной власти проектах, и в текстах публичных выступлений российских чиновников⁶⁸, и в программных документах тайных обществ. Так, например, в представленном первостатейным купцом Анфилатовым на высочайшее утверждение проекте устава «Слободского Общественного городского банка» предлагалось «составить капитал банковый» «...из добровольных в денежных суммах складок, сколько кто из граждан

⁶⁴ ПСЗ. Т. XXVII, 1803. № 20.727. С. 554.

⁶⁵ ПСЗ. Т. XXXIII, 1816. № 26.357. С. 938. Впервые о необходимости создания этого общества упоминалось в именном указе Витовтову от 16 мая 1802 г., см.: ПСЗ. Т. XXVII, 1802. № 20.266. С. 142.

⁶⁶ РГИА. Ф. 768. Оп. 2. Д. 25. Л. 88 б–103 б.

⁶⁷ Там же. Л. 70–70 об.

⁶⁸ См.: Речь, произнесенная при открытии Высочайше утвержденной комиссии для составления учебных пособий кантонистам, президентом оной инженер-майором графом Сиверсом // СО. 1818. Ч. 44. № XI. С. 176.

по любви и усердию к общему благу, внести пожелает...»⁶⁹. По мнению автора проекта, такое «пожертвование... примется с истинною от общества благодарностью» и соответствовало бы поведению добродетельного гражданина⁷⁰. Включенность в систему лично значимых для «гражданина» ценностей желая содействовать достижению «общего блага» было характерно и для программных документов многочисленных тайных обществ⁷¹. На этом фоне характерным примером может служить устав «Союза благоденствия», в котором всем членам тайного общества предписывалось помнить о том, что «стремление к общему благу есть дело каждого гражданина»⁷².

В общем виде идеальный «гражданин» должен был быть «милосерден», «честен», «трудолюбив», «покорен законам божественным и гражданским», а также быть «заботливым семьянином» и человеком, стремящимся к «общему благу» и «пользе Отечества»⁷³. На уровне теоретических рассуждений все перечисленные качества были необходимы и достаточны для наделения человека «общими гражданскими правами». Однако, соглашаясь с этим утверждением, большинство авторов констатировали неравномерность распространения «просвещения» и «нравственных качеств» в различных сословных группах российского общества. Данное обстоятельство, по их мнению, обуславливало необходимость придерживаться дифференцированного подхода при наделении российских подданных «особыми гражданскими» или «политическими правами».

⁶⁹ ПСЗ. Т. XXX, 1809. № 23.942. С. 1234.

⁷⁰ Там же. С. 1234.

⁷¹ См. подробнее: *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.

⁷² ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 35 об.

⁷³ См.: Речь о том, что изучение законов должно быть главным предметом каждого благовоспитанного гражданина (читана одним из воспитанников Университетского Благородного пансиона) // ВЕ. 1804. Ч. XIII. № 1, янв. С. 28–43; Устав Санктпетербургского общества учреждения училищ по методу взаимного обучения (Бея и Ланкастера) // СО. 1819. Ч. 52. № VII. С. 3–9; *Державин Г. Р.* Речь о пользе просвещения // Избранные места из русских сочинений и переводов в прозе с прибавлением известий о жизни и творениях писателей, которых труды помещены в сем собрании. СПб., 1812. С. 370–376; и др.

Следует отметить, что указанное выше обоснование юридического неравенства соответствовало хорошо известному из учебных пособий разделению на «гражданские права» и «политические права». Предельно четкое разграничение этих понятий было сформулировано, например, в § 59 учебника по «Российскому частному гражданскому праву» В. Г. Кукольника: «Некоторые из гражданских постановлений ... определяют лучшим образом права, принадлежащие людям от самой природы... Таковые права называются собственно *Гражданскими правами* и принадлежат всем подданным государства равномерно. Иные же присваивают некоторым гражданам или сословиям, по усмотрению Верховного правительства... сверх общих гражданских прав, известные отличительные преимущества, называемые *Политическими правами*. Из того явствует, что сии права не могут принадлежать всем гражданам равномерно, и что гражданское состояние, по различию оных прав, можно разделить на собственно гражданское и так называемое политическое состояние»⁷⁴. В данном определении принципиально важным, на мой взгляд, было отождествление «политических прав» с «отличительными преимуществами», которые устанавливаются по «усмотрению Верховного правительства». Такая трактовка, с одной стороны, подразумевала, что «политические права» не должны быть предоставлены всем жителям страны, но с другой стороны, не исключала в перспективе возможности наделения аналогичными правами представителей наиболее подготовленных к «общественному служению» сословий.

На этом фоне, предложенное М. М. Сперанским в «Ведении к уложению государственных законов» деление на «права гражданские общие, всем подданным принадлежащие», «права гражданские частные, кои должны принадлежать тем только, кои образом жизни и воспитания к ним будут приуготовлены»⁷⁵ и «права политические, принадлежащие тем,

⁷⁴ Кукольник В. Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 82–83.

⁷⁵ Под словосочетанием «права гражданские частные» или «права гражданские особенные» М. М. Сперанский имел в виду право дворянства на обладание населенной земельной собственностью и распоряжение кре-

кои имеют собственность»⁷⁶, вполне соответствовала указанному выше принципу наделения подданных правами в соответствии с их нравственными качествами и способностями. Не случайно наиболее важными показателями «подготовленности» граждан М. М. Сперанский считал «воспитание» и обладание «собственностью», т. к. они, по его мнению, оказывали на человека благоприятное воздействие, формируя у него привычку анализировать ближайшие и отдаленные последствия своих действий, а следовательно, предохраняли его от совершения необдуманных поступков.

Содержательно «права подданных политические» состояли бы в «праве избирания» и «праве представления», т. е. определяли степень участия граждан в процессе формирования органов государственного управления⁷⁷. В ближайшей перспективе, по замыслу М. М. Сперанского, распределение «гражданских» и «политических прав» было возможно по словесному принципу, что позволило бы установить правильную пропорцию между объемом предоставляемых прав и нравственными качествами индивида. Размышляя на данную тему, он придерживался широко распространенного в конце XVIII–первой четверти XIX в. мнения о том, что представители одного сословия обладают сходными морально-этическими качествами. С этой точки зрения, сословный принцип отражал не только исторически сложившееся юридическое неравенство российских подданных, но и различия в уровне их образования и воспитания. Существовавшие отличия обуславливали необходимость соответствующей дифференциации при наделении жителей страны «гражданскими и «политическими правами».

В разделе «Права состояний» М. М. Сперанский четко сформулировал различия прав российских подданных. Так, дворянство, помимо «гражданских прав», «...всем подданным российским вообще принадлежащих», получило бы «...

постными крестьянами, которое в перспективе исчезнет вместе с ликвидацией личной зависимости земледельцев и дворовых людей. См.: *Сперанский М. М.* Указ. соч. С. 34–35.

⁷⁶ Там же. С. 37.

⁷⁷ Там же. С. 8, 36.

политические права в выборе и представлении, но не иначе, как на основании собственности»⁷⁸. Купечество, мещанство, однодворцы и свободные «поселяне», обладавшие недвижимой собственностью, были причислены к «людям среднего состояния», которые имеют «права гражданские общие, но не имеют особенных», а «политическими правами» могли быть наделены в зависимости от размера принадлежавшей им собственности. Еще меньший объем прав должен был быть установлен для представителей так называемого «народа рабочего», состоявшего из «потомственных крестьян, мастеровых, их работников и домашних слуг». Положение данной группы М. М. Сперанский определял так: «народ рабочий имеет общие права гражданские, но не имеет прав политических»⁷⁹. Постепенно, по мере повышения уровня «просвещения» и приобретения собственности, «...лица, кои по положению их не имеют прав политических, могут их желать и надеяться от труда и промышленности» получить соответствующие права⁸⁰. Таким образом была предложена достаточно стройная схема распределения прав, которая не противоречила традиционному сословному делению, но, одновременно, подразумевала, что в будущем возможно расширение количества людей достойных пользоваться «гражданскими» и «политическим правами».

Подобные ожидания, пусть и не в такой явной форме, просматриваются и в программных документах тайных обществ. Даже в проектах, провозглашавших полную отмену сословного строя и равенство всех граждан, наделение «политическими правами» было возможно только в том случае, если претендент соответствовал целому ряду условий. Практически во всех конституционных проектах право занимать какие-либо выборные должности было ограничено имущественным цензом и предполагало «непорочное поведение» гражданина. В «Конституции» Н. Муравьева, например, понятие «гражданство» отождествлялось с «правом участвовать в обществен-

⁷⁸ Там же. С. 38.

⁷⁹ Там же. С. 39.

⁸⁰ Там же. С. 40.

ном управлении»⁸¹, но при этом вводилась дифференциация избирательных прав граждан на пассивное и активное. Необходимыми условиями для получения «политических прав» в полном объеме, помимо возраста, «постоянного местопребывания», «здравия ума», «личной по имению независимости» и «исправности платежа общественных повинностей», должны были быть достаточно высокий имущественный ценз и «непорочность пред лицом закона»⁸². Следует отметить, что все перечисленные выше условия, за исключением возраста и ценза оседлости, отражали все тот же идеальный образ «истинного гражданина», обладавшего трудолюбием, честностью, уважением к закону, о котором писали М. Сперанский, Н. Новосильцов, А. Воронцов и др. авторы проектов, различных учебных пособий и публицистических работ.

* * *

В начале XIX в. перспектива «восстановления силы закона» и провозглашения «гражданских прав» была неотъемлемой частью социально-политических ожиданий представителей образованной части российского общества. В полном соответствии с европейскими идейными основами признавалась необходимость законодательного закрепления прав граждан на личную безопасность, неприкосновенность собственности, свободу мысли, слова и вероисповедания. Однако в процессе осмысления либеральных европейских теорий и практического опыта, произошел синтез традиционного и заимствованного значения понятия «гражданин», обусловивший формирование представлений о том, кто, по каким критериям и в каком объеме мог быть наделен «гражданскими» и «политическими правами».

Своеобразие этих представлений заключалось в установлении логических и ассоциативных связей либеральных концептов «гражданин» и «гражданские права» с ориентировавшими на патерналистские ценности принципами.

Во-первых, в текстах российских авторов категория «граж-

⁸¹ Конституционный проект Н. М. Муравьева // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. С. 303.

⁸² Там же. С. 303.

данские права» содержательно была связана с «правом» как системой юридических отношений, и, одновременно, с целым комплексом морально-этических качеств «истинного гражданина». Дополнительным подтверждением существования взаимосвязи «права» и «нравственности» был хорошо известный современникам тезис о том, что «законы» каждой страны должны соответствовать «нравам народов» её населяющих. В результате бесспорным и безусловно справедливым был признан принцип постепенного, последовательного наделения российских подданных «гражданскими» и «политическими правами» в соответствии с присущими каждому сословию «нравственными качествами». С позиции образованного российского подданного подобная логика не противоречила теоретическому равенству «общих гражданских прав». При этом авторы отмечали, что в сложившихся условиях «политические права» следует рассматривать лишь как «отличительные преимущества и выгоды» наиболее просвещенной части российского общества.

Во-вторых, обязательным условием, необходимым для реализации «гражданских прав» было признано существование сильного и «благоустроенного государства», которое главной своей целью считало бы обеспечение личной и имущественной безопасности своих «граждан». В данном контексте категория «права» оказывалась взаимосвязанной не только с «нравами», но и с «силой», способной предотвратить нарушение законных прав граждан и осуществлять функцию независимого арбитра в конфликтах между частными лицами.

Одновременно с этим государство было признано единственным субъектом, способным адекватно оценить нравственные качества «граждан», осуществить необходимую дифференциацию «гражданских» и «политических прав», а также установить «справедливые законы». Наличие у государства всех перечисленных выше возможностей предопределяло правило, в соответствии с которым инициатива предоставления российским подданным каких-либо «прав» и «свобод» может исходить только от государства. Все это в совокупности оказало большое влияние на процесс выработки общих подходов к решению крестьянского вопроса и дальнейшей политической модернизации.

Глава IV

В ожидании освобождения крепостных крестьян и политической модернизации

§1. «Рабство», «свобода» и «собственность» в контексте решения крепостной проблемы

В начале XIX в. представления образованной части российского общества о перспективах развития страны были связаны не только с модернизацией российской экономики и «укреплением силы закона», но и с решением ряда актуальных социальных проблем, главной из которых считалась проблема ликвидации «рабства крестьян». На протяжении всего исследуемого периода усилению внимания современников к данной проблеме способствовало признание несовместимости «рабства» с нормами христианской морали, критика в произведениях либеральных европейских авторов личной зависимости крестьян, а также публикации на страницах российских журналов материалов о положении «рабов» в различных странах мира. Все это в совокупности с провозглашенным правительством курсом на постепенную либерализацию социально-экономических отношений, укрепило негативное отношение к «рабству» как к «противному нравственности» и несоответствующему «духу времени» явлению.

Важным фактором, способствовавшим отказу современников от существовавшей в XVIII в. практики употребления понятия «раб» в значении «подданный», «преданный слуга», «верный человек» было знакомство российской читающей публики с сочинениями европейских авторов, в которых как на

уровне теоретических рассуждений, так и на конкретных примерах раскрывалась сущность «рабства» и его конкретные признаки в странах Азии, Африки, Северной и Южной Америки.

В переведенном по высочайшему повелению М. Михайловым на русский язык сочинении И. Бентама «Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении» «рабство» отождествлялось с бессрочной личной зависимостью одного человека от другого. «Рабством называю я состояние такого человека, — писал И. Бентам, — который в следствие обязанности его, всю жизнь должен посвящать услугам или одного какого лица, или же нескольких лиц...»¹. Безграничность во времени и «невозможность обуздать законом власть господина над его рабами, если он расположен злоупотреблять оною»² являлись главными признаками «рабства» вне зависимости от того, какие формы оно приобретало в каждой конкретной стране. В данном контексте автор, сравнивая характер внеэкономических форм зависимости в разных странах мира, подчеркивал, что существовавшие внешние отличия не меняли сущности явления: «Великое находится различие между состоянием рабства, бывшего в Афинах и Лакедемоне, а тем большее между состоянием рабства крепостного человека в России и негра, проданного в колониях; но каковы бы ни были границы в рассуждении действия власти, если время обязанности одного человека служить другому не ограничено, то я называю обязанность сию рабством»³.

Такое принципиальное сходство «неограниченной обязанности человека служить», по мысли И. Бентама, порождало и общие следствия «рабства». С одной стороны, тяжелый подневольный труд, физические наказания и постоянное психологическое давление обуславливали положение, при котором «...нет ни одного раба, который не хотел бы сделаться свободным»⁴. Наличие такого «естественного» для любого

¹ Бентам И. Рассуждение о гражданском и уголовном законоположении / Пер. М. Михайлов. Т. 2. СПб., 1806. С. 255.

² Там же. С. 257.

³ Там же. С. 255.

⁴ Там же. С. 258.

человека стремления в условиях повсеместного использования рабского труда могло представлять серьезную угрозу общественному порядку. С другой стороны, «рабство», как исторически сложившееся социально-экономическое явление, затрагивало интересы не только подневольных людей, но и их владельцев, что существенно осложняло процесс освобождения «рабов» и могло вызвать недовольство высших слоев общества. В подобной обстановке, по мысли автора, целесообразно было, во-первых, разрешить освобождение «рабов» за выкуп «по взаимному, добровольному согласию» с бывшим хозяином, во-вторых, ограничить «право завещать, так, чтобы в случае, когда нет наследников по прямой линии, крепостные люди имели право на свободу», и, в-третьих, ввести правило, в соответствии с которым «отпущение на волю долженствует производимо быть семейно, а не поголовно»⁵.

Все эти рекомендации широко известного в Европе мыслителя не воспринимались российскими читателями как универсальные и обязательные к исполнению правила, тем более, что сам автор призывал в процессе подготовки к освобождению от «рабства» «...исследовать особенные обстоятельства каждой страны»⁶. Однако, на мой взгляд, благодаря подобного рода суждениям в сознании российского читателя укрепились уверенность в невозможности одномоментной ликвидации крепостного права. Ведь именно эта идея была провозглашена И. Бентамом в качестве важнейшего условия безопасной ликвидации «рабства». Не случайно, завершая свои размышления по этому вопросу в главе «О рабстве», он писал: «Узы рабства, которые законодатель не может разрешить одним каким-либо действием, могут быть разрешаемы временем и мало по малу»⁷.

Одновременно с произведениями либеральных европейских мыслителей формированию общего негативного контекста употребления слова «рабство» способствовали многочисленные публикации в российских журналах материалов о положении «рабов» и «невольников» в различных странах

⁵ Там же. С. 269–272.

⁶ Там же. С. 272.

⁷ Там же. С. 273.

мира⁸. Проведенный сравнительно-контекстуальный анализ таких публикаций позволил выявить ряд принципиально важных суждений, которые были восприняты представителями образованной части российского общества и в дальнейшем хорошо просматриваются в предлагаемых ими проектах решения крестьянского вопроса в России.

Прежде всего, в публикациях на данную тему «рабство» трактовалось как положение, которое человек ни при каких условиях терпеть не хочет и готов пожертвовать всем ради обретения личной свободы. Яркой иллюстрацией данного тезиса являлась, например, опубликованная в одном из первых номеров журнала «Вестник Европы» статья под заголовком «Король Цесарь, Негр в Америке»⁹. В ней рассказывалась история о привезенном из Африки в Америку негре, который «не мог сносить рабства» и ушел в лес со своими сторонниками. Там он построил оборонительные укрепления, но после объявления властей о том, что выдавший его невольник получит «свободу» и денежное вознаграждение в размере 1000 долларов был убит одним из своих приближенных.

Несколько позднее в этом же журнале была напечатана еще более сильная по своему эмоциональному воздействию статья «Геройская решительность негра», которая, по замечанию редакции, повествовала о реально произошедшем в мае 1803 г. в Бразилии случае. Героем рассказа был раб по имени Ганно, который решил выкупить «свободу» для себя и своей возлюбленной. От автора читателям сообщалось, что негр «...мыслил и чувствовал не рабски; благородная душа его возмущалась, когда приходило ему на мысль, что должен будет детям своим передать неволю – единственное наследство, которое по праву родства достается им в удел от родителей»¹⁰. В течении двух лет, пока его хозяина не было в имении, Ганно, отказывая себе во всем, работал и копил

⁸ В большинстве случаев такого рода публикации были написаны не российскими авторами, а являлись всего лишь переводами на русский язык статей из зарубежных журналов.

⁹ Король Цесарь, Негр в Америке // ВЕ. 1802. Ч. I. № 2, янв. С. 35–37.

¹⁰ Геройская решительность негра // ВЕ. 1805. Ч. XXIV. № 24, декабрь. С. 242.

деньги. За это время от возлюбленной рабыни были рождены сын и дочь. Как только необходимая для выкупа сумма была собрана и хозяин вернулся в имение, Ганно решил выкупить себя, жену и детей, но рабовладелец отобрал деньги, объявив, что они краденные. После этого Ганно был жестоко наказан, а возвратившись в свою хижину, он убил жену и детей, объясняя свой поступок тем, что не хотел видеть их рабами¹¹. Очевидно, что все подобного рода истории могли вызывать у российских читателей сочувствие к людям находящимся в «рабстве» и служить дополнительным подтверждением того, что для любого человека «свобода» является наивысшей ценностью.

Вторым тезисом, который неизменно присутствовал в журнальных публикациях, посвященных различным проявлениям «рабства» в других странах мира, было утверждение о несправедливости и бесчеловечности торговли людьми. При этом в качестве иллюстрации российским читателям нередко предлагались различные истории об «африканских разбойниках», которые насильственно обращали в рабство христиан и жили на торговле «живым товаром»¹². В некоторых случаях достаточная резкая критика практики «бесчеловечного торга» людьми высказывалась и в отношении отдельных представителей европейских государств. Так, например в статье «Взгляд на войну англичан с Ашантиями и на состояние английских поселений по Золотому берегу», опубликованной в журнале «Сын Отечества» последовательно доказывалось, что в богатой полезными ископаемыми и другими природными ресурсами стране торговля невольниками не может быть оправдана экономической необходимостью. С этих позиций купля-продажа «рабов» была названа «постыдным промыслом», а все занимавшиеся им — людьми, лишенными всяких «угрызений совести»¹³. Следует отметить, что такая оценка вполне соответствовала официально заявленной позиции российских вла-

¹¹ Там же. С. 241–246.

¹² См., например: Долго ли еще терпеть грабительства и жестокости африканских разбойников? // Архив ист. и полит. СПб., 1816. С. 121–130.

¹³ Взгляд на войну англичан с Ашантиями и на состояние английских поселений по Золотому берегу // СО. 1825. Ч. 102. № XV. С. 155–157.

стей о необходимости запрещения продажи крестьян без земли и по одиночке, хотя и не всегда совпадала с мнением консервативно настроенной части российского дворянства.

В общем виде, многочисленные публикации в российских журналах критических материалов о «рабстве» в различных странах мира могли оказывать на российского читателя двойственное влияние. С одной стороны, однозначно негативный контекст такого рода статей усиливал неприятие «рабства» как социального явления, а с другой – приводимые случаи «освобождения рабов» могли рассматриваться в качестве своеобразного примера того, каким образом в будущем могла быть осуществлена отмена «рабства крестьян» в России. Проведенный сравнительный анализ материалов периодической печати позволил выявить несколько типичных «сценариев» освобождения, которые российский читатель мог найти в публикациях на указанную тему.

Одним из наиболее часто упоминаемых способов освобождения был денежный выкуп. Главным преимуществом такого способа обретения «рабами» личной свободы было то, что освобождение происходило постепенно и было результатом трудолюбия и бережливости находившегося в «рабском состоянии» человека. Показательным примером может служить статья «О нынешнем состоянии негров, находящихся в колониях Американских», где были размещены выдержки из книги английского путешественника Г. Болингброка. По свидетельству автора, «в колониях Гвианы не редко случается видеть негров, которые хозяйством своим наживают сумму, достаточную для выкупа себя из неволи»¹⁴. В этой связи автор целенаправленно акцентировал внимание читателей на том, что у всех «невольников» была реальная возможность накопить необходимую для выкупа денежную сумму: «Всякой негр, купленный для завода и назначенный к работе, имеет право заводиться своим собственным хозяйством. Всякой негр, здоровой и больной, молодой и старей, имеет пищу, лекарства, одежду и квартиру»¹⁵.

¹⁴ О нынешнем состоянии негров, находящихся в колониях Американских // ВЕ. 1810. Ч. LI. № 12, июнь. С. 307.

¹⁵ Там же. С. 307.

Создание благоприятных для освобождения условий, по мнению автора, было связано с успехами «просвещения» рабовладельцев, которые, понимая бесчеловечность «рабства», могли предоставлять отсрочки по выкупным платежам¹⁶.

Еще одним инструментом смягчения и последующего уничтожения рабства в указанных публикациях выступало законодательное ограничение власти рабовладельцев, предоставление «рабам» права приобретать «собственность» и установление четкого порядка процедуры выкупа на «свободу». Позитивный пример использования такого инструмента был описан, например, в статье «Об английских постановлениях касательно негров». Необходимость законодательной регламентации объяснялась увеличением количества подневольного населения и опасностью возникновения массовых беспорядков. Именно поэтому, по словам автора, «Англия... подчиняет негров наравне с их владельцами отеческому покрову гражданской власти»¹⁷. Для осуществления «отеческого покровительства» в колониях была учреждена должность «протектора-стража негров», в обязанности которого входило «...помогать сим людям, когда захотят они жениться, приобрести собственность, или же искупить свою свободу»¹⁸. Одновременно с этим правительство устанавливало жесткие санкции за чрезмерно жестокие наказания в отношении рабов: в законе была прописана норма, в соответствии с которой рабовладелец «...вторично обличенный в бесчеловечном поступке относительно невольника лишается права владеть им и даже покупать других невольников»¹⁹. Предполагалось, что такое участие государства способствовало смягчению нравов и подготавливало бы рабовладельцев к постепенному освобождению находившихся в их распоряжении людей.

Аналогичный пример решения проблемы «рабства» при непосредственном участии государства российский читатель

¹⁶ Там же. С. 307, 309–310.

¹⁷ Об английских постановлениях касательно негров // ВЕ. 1824. № 8, апрель. С. 302.

¹⁸ Там же. С. 303.

¹⁹ Там же. С. 303.

мог найти и в статьях посвященных описанию Соединенных Американских Областей. Так, например, в одной из них рассказывалось о помощи правительства «Американскому обществу для учреждения колоний», которое изъявило готовность выкупить в Африке пустующие земли для переселения туда освобожденных рабов²⁰. Главная цель общества «...состояла в том, чтобы мало по малу содействовать к отпущению на волю всех негров в Соединенных Штатах, и потом перевезти их в сию колонию, дабы никакое живое воспоминание их тягостного рабства не угрожало общественной безопасности»²¹. В перспективе взаимодействие «просвещенных» граждан и правительства должно было привести к полной ликвидации «ненавистного торга неграми» и «тягостного рабства». С этих позиций «рабство» в США объявлялось явлением временным, которое уже в ближайшей время могло быть полностью искоренено. Подобные оптимистичные ожидания были отражены в статье «Взгляд на республику Соединенных Американских областей», автор которой писал о неизбежности упразднения рабства: «Есть надежда, что в скором времени все будут освобождены, ибо уже шесть Северных штатов уничтожили рабство, и всем неграм своим дали свободу»²².

Появление на страницах российских журналов подобного рода публикаций было одним из факторов актуализировавших вопрос о характере взаимоотношений между дворянином-дусевладельцем и подвластными ему крепостными крестьянами. Конечно, было бы преувеличением говорить о непосредственном воздействии журнальных статей, имевших сугубо информационный характер, на общее отношение дворян к веками сложившейся личной зависимости земледельцев. Однако такой «взгляд со стороны» на «рабство» в других странах не мог остаться незамеченным российской читающей публикой.

²⁰ Опыты Северных Американцев переселить черных соотечичей своих обратно в Африку (переведено из *Politisches Journal*) // СО. 1825. Ч. 103. № XX. С. 479–480, 486.

²¹ Там же. С. 480.

²² Взгляд на республику Соединенных Американских областей // СО. 1814. Ч. 17. № XLV. С. 268–269.

В процессе поиска эффективных способов улучшения жизни крепостных крестьян в России происходило сравнение с тем, что писали российские и зарубежные журналы о положении «рабов» и «невольников» в странах Африки, Азии и Америки. В результате такого сравнения российский читатель мог сделать ряд принципиально важных выводов. Во-первых, он мог констатировать, что «рабство», несмотря на его очевидную аморальность, существует в целом ряде государств. На этом фоне личная зависимость крестьян воспринималась как менее жестокое, но не уникальное явление, которое в соответствии с общемировой тенденцией к постепенному освобождению неизбежно трансформируется в более цивилизованные формы взаимоотношений между работником и собственником земли. Во-вторых, описываемые в периодической печати примеры освобождения способствовали формированию представления о том, что ликвидация «рабства» возможна при обоюдном согласии всех заинтересованных сторон и должна сопровождаться денежной компенсацией «душевладельцу». При этом рассчитывать на успех можно было только в случае объединения усилий правительства и наиболее просвещенной части российского общества.

Применительно к отечественной действительности первой четверти XIX в. понятие «рабство» использовалось российскими авторами для выражения негативного отношения к наиболее жестоким проявлениям личной зависимости крестьян. Проблема «рабства крестьян» становится предметом обсуждения в Негласном комитете, Государственном совете, официально признанных властью «вольных обществах», а также на страницах журналов и в литературных произведениях²³. Так, например, в период с 1803 по 1814 гг. «Вольное экономическое общество» практически ежегодно объявляло конкурсы на лучшее сочинение о новых формах организации труда крестьян,

²³ См., подробнее: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России XVIII и первой половине XIX в. СПб., 1888; *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 65–75, 119–136; *Корицунова Н. В.* «Либеральная диктатура» Александра I: реформы в России в первой четверти XIX века. М., 2002. С. 118–121; и др.

которые позволили бы повысить их благосостояние и, одновременно, увеличить доходность помещичьих владений.

Все это, в комплексе с указами 12 декабря 1801 г. и 20 февраля 1803 г., способствовало дифференциации образованной части российского общества на тех, кто считал необходимым «освободить крестьян» и тех, кто настаивал на целесообразности лишь постепенного «улучшения быта крепостных» людей в России. Однако даже консервативно настроенная часть российского дворянства, настороженно воспринимавшая попытки правительства решить крестьянский вопрос, негативно отзывалось о «рабстве» как социально-экономическом явлении. Безусловно отрицая «рабство», они настаивали на некорректности отождествления отношений между помещиком и крепостным в России с «рабством». Показательными в данном контексте является статья «Приятные виды, надежды и желания нашего времени», анонимный автор которой опровергал мнение иностранных писателей о наличии в России «рабства»: «Писатели, которые беспрестанно кричат, что земледельцы у нас несчастны, удивились бы, если бы они могли видеть их возрастающую промышленность и богатство многих; видеть так называемых *рабов*, входящих в самые торговые предприятия, имеющих доверенность купечества и свято исполняющих свои коммерческие обязательства!»²⁴. В такой трактовке главное отличие положения «раба» от крепостного заключалось в наличии у последнего возможности посредством труда повышать свое материальное благосостояние.

Аналогичная трактовка просматривается и в ряде статей российских авторов, утверждавших, что положение русских крестьян, благодаря заботливому отношению со стороны помещика, нередко лучше, чем положение «вольных крестьян в европейских странах»²⁵. Наиболее отчетливо данная позиция была представлена на страницах популярного издания «Дух

²⁴ Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // ВЕ. 1802. Ч. III. № 12, июнь. С. 321.

²⁵ См.: Жуковская Т. Н. Дворянский либерализм при Александре I: споры о конституциях и «рабстве» в русских журналах 1800–1810-х годов. Петрозаводск, 2002. С. 16–17.

Журналов» в ряде статей с характерными названиями: «Где вольность, тут и рабство», «Что значит слово раб», «О рабстве в иностранных государствах»²⁶. В одной из них прямо заявлялось, что «крепостное состояние наших крестьян <...> не есть рабство» и «у нас не только нет рабства на самом деле, но и слова сего – раб – употреблять не велено»²⁷. Таким образом само понятие «рабство» и для сторонников, и для противников преобразований имело однозначно негативное содержание. Различие состояло лишь в согласии или несогласии с тезисом о наличии в России «рабства крестьян».

Наиболее часто отождествление крепостной зависимости крестьян с «рабством» встречается в документах, возникавших в связи с деятельностью различных тайных обществ. Так, например, в записке неизвестного «О Союзе Благоденствия и других тайных обществах среди офицеров» (1821 г.) одним из центральных направлений деятельности подобного рода организаций называлось привлечение внимания российских граждан к наиболее острым проблемам, в том числе и к проблеме искоренения «рабства» крестьян. По словам автора, члены тайных обществ считали необходимым сформировать представление о полной тождественности «рабства» и крепостной зависимости крестьян. Они были убеждены в том, что «...частые напоминания, и, так сказать, беспрестанные атаки по заведенной системе на понятия о *рабстве*, цепях неволи, тиранстве, несоблюдении правосудия и пр., врезались в памяти, давали бы дурное мнение и поселяли бы отвращение от существующего очерняемого порока и желание перемен»²⁸.

Пункт о ликвидации «рабства», по свидетельству А. Муравьева, был записан в одном из разделов так называемой «Зеленой книги», где были зафиксированы основные цели деятельности «Союза Благоденствия»²⁹. Аналогичный пара-

²⁶ См.: Где вольность, тут и рабство // ДЖ. 1818. Ч. 26, кн. 12. Смесь. С. 387; Что значит слово раб? // ДЖ. 1818. Ч. 2, кн. 14. С. 439–454; [Яценков Г. М.] О рабстве в иностранных европейских государствах // ДЖ. 1818. Ч. 26, кн. 12. С. 359–363.

²⁷ Цит по: Жуковская Т. Н. Указ. соч. С. 17.

²⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1 с/а. Ед. хр. 2. Л. 2.

²⁹ См.: Федоров В. А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 59.

граф был и в программных документах, созданных П. И. Пестелем и Н. Муравьевым. Так, в «Русской правде» заявлялось о том, что «рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно навеки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми...»³⁰, а в тексте «Конституции» Н. Муравьева было провозглашено: «Крепостное состояние и рабство отменяются. Раб, прикоснувшийся земли русской, становится свободным»³¹. О полном сходстве между «рабством» и положением крепостного крестьянина писал в памфлете «Рассуждение о рабстве крестьян» В. Ф. Раевский. Отвечая на вопрос «Кто дал человеку право называть человека моим собственным?», он с сожалением констатировал: «Предки, наши свободные предки, с ужасом взглянули бы на презрительное состояние своих потомков. Они в трепетном изумлении не дерзали бы поверить, что русские сделались рабами»³².

Смысловая взаимосвязь понятия «рабство» с положением крепостных крестьян просматривается не только в текстах созданных членами радикально настроенных тайных обществ, но в проектах, записках и особых мнениях, представляемых на высочайшее имя как высокопоставленными российскими чиновниками, так и лицами, не занимавшими никаких ответственных должностей³³. Следует отметить, что все подобные документы не предназначались для широкой огласки, а, следовательно, в большей степени отражали личную позицию авторов по крестьянскому вопросу. Однако их текстологическое сравнение позволяет выявить общие для всех авторов представления о признаках «рабства» и его негативных последствиях для дальнейшего развития страны.

³⁰ Пестель П. И. Русская правда // Декабристы. Избранные труды. М., 2010. С. 119.

³¹ Конституционный проект Н. М. Муравьева // Конституционные проекты в России XVIII – начала XX вв. М., 2010. С. 305.

³² Цит. по.: Федоров В. А. Указ. соч. С. 69.

³³ См.: Медушевский А. Н. Проекты аграрных реформ в России: XVIII – начало XXI века. М., 2005. С. 72–88; Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск, 2006. С. 125–152;

В полном соответствии с хорошо известным определением «рабства» как «личной непосредственной зависимости»³⁴, наиболее очевидным его признаком в отношении российских крестьян признавалось отсутствие личной «свободы» и «собственности». Так, например, министр внутренних дел О. П. Козодавлев (1810–1819 гг.) в «Рассуждении о постепенном освобождении крестьян из-под рабства» писал: «Рабство есть положение человека, в котором законы гражданские лишают его права личного, права собственности, отъемлют у него волю и как лицо его, так и имущество отдают в полную власть другого человека; словом сказать, лишают его всех прав человека и исключают его из числа граждан»³⁵. В данном контексте он признавал, что «крестьяне помещичьи суть истинные рабы, не имеющие ни собственности, ни свободы, платящие оброк и управляющие работу господскую по произволу господ своих или помещиков»³⁶. Отсутствие у крестьян личной «свободы» и «собственности» было отягощено еще и широко распространенной практикой купли-продажи людей, что уравнивало положение крепостных крестьян в России с «рабством» в самых неразвитых странах. Размышляя об этом, О. П. Козодавлев с сожалением сообщал императору: крестьяне помещичьи «... продаются поодиночке, без земли, как невольники..., а иногда бывают и мучимы, как каторжники. Хотя законы и запрещают продавать крестьян без земли..., но корыстолюбие ускользает от сего узаконения через подлог... словом сказать, в России бывает, к стыду нашему, торг невольниками точно такой же, какой производится в Африке и в Азии»³⁷. Логическая связь «рабства»

³⁴ См.: [Терлаич Г.] Краткое руководство к систематическому познанию гражданского частного права России, начертанное профессором Григорием Терлаичем. Ч. 1. СПб, 1810. С. 187.

³⁵ Козодавлев О. П. Рассуждение о постепенном освобождении крестьян из-под рабства и о способах, коими безопасно можно ввести между ими гражданскую свободу (около 1818 г.) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. Сб. док-тов / Подгот. мат-ла, вводн. ст. и ред. А. Н. Долгих. Липецк: ЛГПУ, 2002. С. 147.

³⁶ Там же. С. 156.

³⁷ Там же. С. 156.

с практикой купли-продажи людей просматривается также в записке А. Крюкова, где, наряду с целым комплексом мер по улучшению жизни крепостных, автор предлагал включить в текст договора между помещиком и крестьянином следующее положение: «Уничтожается рабство, или крепостное право, то есть право продажи и заклада людей»³⁸. Такая формулировка позволяет утверждать, что в сознании автора понятия «рабство», «крепостное право» и «продажа людей» были синонимами.

Еще одним неотъемлемым признаком «рабства» в проектах российских авторов неизменно называлось отсутствие каких-либо «гражданских прав» и тесно связанная с этим обстоятельством жестокость помещиков по отношению к крепостным крестьянам. В письме Александру I от 14 июля 1814 г. надворный советник Д. П. Извольский призывал императора: «Вникните в гибельные последствия рабства владельческого и поземельного: ваше сердце обольется кровью, когда вообразите всю жестокость, какую мелкопоместное дворянство во зло употребляет свое право мучить существо чувствительное»³⁹. Близким по своей эмоциональной напряженности и содержанию было обращение к императору выпускника классического училища Ю. Янушевича, прослужившего по военной части чуть более одного месяца и уволенного по состоянию здоровья в возрасте 30 лет. В одном из проектов он обращался к императору со словами: «О Ты, который здесь на земле заступил вместо Бога, а пребудешь ли нечувствительным к слезам толликих миллионов народу, ко стенаниям... старцев, и к воплю невинно страждущего человечества, которое быв угнетаемо тягчайшим игом рабства, у тебя, Государь, ищет спасения»⁴⁰. На протяжении всего документа автор приводил множество примеров жестокого обращения помещиков с крестьянами и

³⁸ [Крюков А.] Мысль беспристрастного дворянина и помещика, сообразная духу времени и слухам о уничтожении рабства или крепостного права (1818 г.) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России... С. 139.

³⁹ Бумаги надворного советника Д. П. Извольского об уничтожении рабства в России. Всеподданнейшее письмо от 14 июня 1817 г. // Там же. С. 105.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 6.

несоблюдения ими указа от 5 апреля 1797 г.,⁴¹ ограничивавшего использование крестьян на барщине более трех дней в неделю. В этой связи он, сравнивая российских помещиков с древнеегипетскими фараонами, утверждал, что «...каждый из них совершенный деспот, имеющий в руках своих имущество и жизнь каждого из своих крестьян»⁴². В сложившихся условиях, по мысли Ю. Янушевича, «крестьянин...не знает другого права как воля своего помещика»⁴³, т. к. все существовавшие узаконения об ответственности помещиков за благосостояние своих крестьян на практике не исполнялись. Констатируя это, автор восклицал: «Но что я говорю о правах, кои не существуют для крестьянина. В тех правах только сказано, что не можно убить крестьянина, но замучить истомною работою, уморить его голодом, засечь его, только не вдруг чтобы умер; все сие помещику позволительно безответно»⁴⁴.

О «рабстве» как положении полного бесправия писал и Н. И. Тургенев. Размышляя о положении крестьян в России, он отметил общее негативное отношение образованной части российского общества к рабству и сформулировал свое понимание его основных признаков: «Слово «раб» вызывает столь ужасные представления, что видя несвободного русского крестьянина, пожалуй, не решишься так его назвать... Однако если вспомнить, какой властью над своими крепостными обладают или могут обладать в России помещики, то определение рабство становится единственно возможным, ибо оно отражает безграничный произвол одних и полное бесправие других. В самом деле, до каких пределов простирается власть господина над рабом? Он может заставить раба трудиться без всякого вознаграждения, может подвергаться дурному обхождению, жестоким наказаниям, и наконец, по недавнему закону, навек сослать в Сибирь! Владелец раба отвечает перед судом только за его убийство; во всем остальном рабов в России закон защищает меньше, чем животных в Англии, где согласно пар-

⁴¹ См.: ПСЗ. Т. XXIV, 1797. № 17.909. С. 587.

⁴² ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 6.

⁴³ Там же. Л. 6.

⁴⁴ Там же. Л. 7 об.

ламентскому акту наказывают за дурное обращение с ними»⁴⁵. Таким образом произвол, жестокость и отчуждение большей части результатов подневольного труда являлось неотъемлемым атрибутом «рабства крестьян» в России.

Следует отметить, что все перечисленные выше представления о сущности «рабства» были органично связаны со сложившимися еще во второй половине XVIII в. стереотипами. Рабство по-прежнему ассоциировалось с тяжелым подневольным трудом, подавленным эмоциональным состоянием, полным беспорядком и отсутствием собственности. Однако уже на рубеже XVIII–XIX вв. тезис об отсутствии у людей, находившихся в рабском состоянии развитых морально-нравственных качеств постепенно был дополнен рассуждениями о возможных негативных последствиях сохранения «рабства» в России. В первой четверти XIX в. современники, чаще всего, называли три основных «угрозы» рабства для дальнейшего развития Российской империи.

Первым негативным следствием «рабства» называлось вероятность возникновения массовых крестьянских волнений, которые по своим масштабам могли быть сопоставимы с «бунтом» под руководством Е. Пугачева. Именно этот аргумент приводил в ноябре 1801 г. П. Строганов на одном из заседаний так называемого Негласного комитета. По его мнению, угроза политической стабильности могла исходить не от консервативно настроенного дворянства, а от бесправного крестьянина. «Во все времена, – подчеркивал П. Строганов, – у нас принимали участие в волнениях крестьяне, дворянство же – никогда, и если правительству нужно чего-либо бояться и за чем-нибудь бдительно следить, то именно за рабами и никем другим»⁴⁶. Не менее отчетливо опасность ужесточения «рабства» или даже простого бездействия правительства в крестьянском вопросе была зафиксирована в записке неизвестного автора «О государственном управлении». Составленная в форме адресован-

⁴⁵ Тургенев Н. И. Россия и русские. М., 2001. С. 218.

⁴⁶ Цит. по: Великий князь Николай Михайлович. Граф Павел Александрович Строганов (1774–1817). Историческое исследование эпохи Александра I. Т. 2. СПб., 1903. С. 113.

ного императору поучения, она содержала предупреждение о том, что «сонное» положение народа невозможно поддерживать долго. Наступит время, когда крестьяне «...возбудятся от него и найдут себя в бездне рабства..., тогда большинство страстей народных... заступят место силе и благоразумию, необузданная вольность и безначалие представятся единственным средством к свободе...»⁴⁷. Реалистичность подобного рода опасений косвенно подтверждалась и статистическими данными, убедительно доказывавшими численное превосходство крестьян над всеми другими «состояниями». Так, например, в «Начертании статистики российского государства» читатель мог найти сравнительные данные о численности различных категорий населения и убедиться, «...что одни земледельцы почти в пять раз превосходят числом все прочие сословия»⁴⁸.

Второе, но не менее значимое негативное следствие «рабства» в начале XIX в. было связано с утверждением, что подневольный труд менее производителен, чем труд свободных наемных работников. Теоретическое обоснование данного тезиса российский читатель мог найти как в произведениях модных европейских мыслителей, так и в научно-популярных работах российских авторов. «Свободный человек, – провозглашал И. Бентам, – более трудится и плоды трудов его конечно изобильнее, нежели плоды трудов человека в рабском состоянии»⁴⁹. Следуя этому тезису, К. Арсеньев в 1818 г. писал об отсутствии у крепостных крестьян необходимой для повышения производительности труда положительной мотивации, называя «крепостность земледельцев величайшей преградой для улучшения земледелия». По его расчетам, «человек не пользующийся священными правами собственности, не уверенный в возмездии за труд свой, вполнину не произведет того, что в состоянии сделать человек свободный от всяких уз

⁴⁷ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 52/48. Л. 14–15.

⁴⁸ [Арсеньев К.] Начертание статистики российского государства, составленное главного педагогического института адъюнкт-профессором Константином Арсеньевым. Ч. 2.: О состоянии правительства. СПб, 1819. С. 64–65.

⁴⁹ Бентам И. Разсуждение о гражданском и уголовном законоположении. Т. 1. СПб., 1805. С. 261.

принуждения»⁵⁰. В этом же году была издана пользовавшаяся большим спросом у российских читателей книга Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов», в которой «рабство» также называлось одной из важных преград на пути к экономическому благосостоянию. Разделяя все государства по уровню и темпам экономического развития на три «состояния» («успевающее», «непеременяющееся» и «упадающее»), автор доказывал, что Россия в XVIII в. значительно ускорила свое развитие, но при этом утверждал: «Успехи России при таком духе народа и правительства, каковой существует в отечестве нашем, были бы еще совершеннее, есть ли бы общей деятельности, общему стремлению к образованности и благосостоянию, не препятствовало существование рабства»⁵¹.

Неблагоприятное влияние «рабства» на развитие российской экономики отмечалось также в предлагаемых частными лицами на рассмотрение императора и Государственного Совета проектах модернизации российской экономики. В одном из таких документов неизвестный автор, аргументируя необходимость уничтожения «личного господства» помещиков над крестьянами в присоединенных к России польских землях, писал: «Невозможно чтобы земледелие процветало в такой стране, где народ служит рабом. Кто не имеет обеспеченного ни своего лица, ни своей собственности, тот не имеет ни края, ни Отечества, а усматривает только оное на небесах...»⁵². Решение проблемы автор связывал с установлением правительством ограничивавших власть помещиков над крестьянами новых «инвентарей» и «обеспечением законом права собственности» земледельца. Все эти меры должны были бы способствовать быстрому развитию сельского хозяйства на новых российских территориях⁵³.

О рабстве как явлении, замедлявшем экономическое развитие, упоминалось, хотя и значительно реже, в связи с необхо-

⁵⁰ *Арсеньев К.* Обозрение физического состояния России и выгод от того протекающих для народных промыслов, ныне существующих. СПб., 1818. С. 35–36.

⁵¹ *Тургенев Н. И.* Указ. соч. С. 269.

⁵² ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 17.

⁵³ Там же. Л. 17–18 об.

димостью расширения промышленного производства. Яркой иллюстрацией обсуждения крепостной проблемы в рамках поиска методов стимулирования фабрично-заводского производства является протокол заседания Департамента Государственной экономии Государственного Совета от 31 июля 1805 г. В этот день по представлению министра внутренних дел В. П. Кочубея обсуждался вопрос о целесообразности предоставления купечеству и мещанству права покупать крестьян для работы на фабриках и заводах. Данная мера, по мысли В. П. Кочубея, одновременно, позволила бы освободить крестьян и могла способствовать развитию отечественной промышленности за счет появления в России рынка вольнонаемной рабочей силы. Предложенный им механизм был достаточно прост: все приобретенные для работы на заводах и фабриках крестьяне по истечении 18 лет с момента их появления на производстве становились бы «свободными мастеровыми»⁵⁴. Однако, несмотря на простоту и логичность предложения В. П. Кочубея, оно получило неоднозначную оценку: большинство членов департамента одобрило разработанный механизм формирования в России рынка свободной рабочей силы⁵⁵, но были и те, кто предостерегал членов Совета от принятия поспешных решений. Показательным в данном контексте является «особое мнение» министра коммерции Н. П. Румянцева, который убедительно доказывал, что «...порабощение не умножает рук для фабрик, а только отягощает их»⁵⁶. По его мнению, в условиях, когда будет обозначен точный срок пребывания крестьянина на фабрике или заводе, у владельца предприятия появится дополнительный экономический стимул усилить их эксплуатацию и получить до истечения указанного в законе срока максимально возможную прибыль от безвозмездного труда подневольных крестьян. В перспективе положение работников могло резко ухудшиться, т. к. «у всех есть корысть беречь продолжение ма-

⁵⁴ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Т. I, 1811. Д. 140. Л. 97–98.

⁵⁵ Предложение В. П. Кочубея было одобрено общим собранием Государственного Совета 12 апреля 1809 г., см.: Там же. Л. 98.

⁵⁶ РГИА. Ф. 1152. Оп. 1. Т. I, 1811. Д. 140. Л. 98.

шины, а у нас будет корысть изнурять рабочего срочного»⁵⁷. В связи с этим обстоятельством, предложенный министром внутренних дел проект, по мнению Н. П. Румянцева, мог быть принят только в том случае, если государство законодательно ограничит возможности фабрикантов ужесточать эксплуатацию и гарантирует, что «...всякий, проработав на фабрике определенное время, выкупает тем свою свободу»⁵⁸. Таким образом дальнейшее развитие промышленного производства в России и упразднение «рабства» представлялись современникам тесно взаимосвязанными процессами. Особенно заметной эта взаимосвязь просматривалась в рамках «прагматического подхода» к решению крестьянского вопроса в сочинениях Н. С. Мордвинова, П. Д. Киселева, Е. Ф. Канкрин и др.⁵⁹

Третьим следствием «рабства», на которое неизменно обращали внимание современники, было утверждение о его негативном влиянии на нравы. В начале XIX в. представление о низких морально-этических качествах людей находящихся в «рабском состоянии» постепенно было дополнено суждениями о негативном влиянии «рабства» на процесс нравственного совершенствования всего общества. Данное утверждение можно было найти на страницах российских журналов и в учебных пособиях для студентов. Так, например, в майском номере журнала «Вестник Европы» за 1805 г. доказывалась справедливость суждения о том, что «...человек, обремененный игом рабства, влекущий дни свои в униженном состоянии, носящий на себе печать презрения, не способен мысленно возноситься до благородного, изящного, великого»⁶⁰. В учебнике К. Арсеньева «Начертание статистики российского государства» невозможность совершенствования нравов в условиях существования рабства подтверждалась цитатой из сочинения В. Кокса о том, что «...доколе большая часть народа останется в совершенном рабстве, доколе народ не имеет личной безопасности

⁵⁷ Там же. Л. 98.

⁵⁸ Там же. Л. 98.

⁵⁹ См.: Медушевский А. Н. Указ. соч. С. 74–87.

⁶⁰ Об узаконении для блага евреев, обитающих в Империи Всероссийской // ВЕ. 1805. Ч. XXI. № 10, май. С. 138.

и не уверен в своей собственности, дотоле нельзя ожидать существенной перемены в нравах народных; ибо что может поощрить к усовершенствованию себя людей, которые не вправе пользоваться плодами трудов своих»⁶¹. В некоторых случаях размышления о пагубном влиянии рабства на нравы сопровождались признанием его опасности не только для крестьян, но и для самих «душевладельцев». Наиболее четко о существовании такой опасности писал Н. И. Тургенев: «Нет нужды повторять вслед за многими, что рабство развращает человека; за все унижения, которым грубая сила подвергает беззащитную слабость, раб, сознавая свою печальную участь, платит коварством, хитростью, вероломством и низостью. <...> Но если рабство унижает раба, то господина оно унижает еще более. <...> Постоянная возможность быть несправедливым, пусть даже ограниченная, в конце концов развращает человека и искажает его суждения»⁶².

Все перечисленные выше негативные следствия «рабства» рассматривались образованной частью российского общества в качестве возможных аргументов в пользу его постепенной отмены в России. Однако в большинстве случаев поиск приемлемых способов решения крепостной проблемы сопровождался попытками определить причины формирования в России крепостной зависимости. В результате, исторические экскурсы на данную тему стали неотъемлемой частью как научно-популярных работ, посвященных процессу формирования сословной структуры и системы государственного управления, так и различных проектов наделения крестьян какими-либо правами и их постепенного освобождения. Такой своеобразный «взгляд из настоящего в прошлое» был, по мнению современников, необходим для выработки безопасной стратегии и тактики отмены крепостной зависимости в будущем.

Интересным примером описания истории формирования в России различных категорий зависимого населения является сочинение Г. Успенского «Опыт повествования о древностях

⁶¹ [Арсеньев К.] Начертание статистики российского государства... Ч. 2. С. 90.

⁶² Тургенев Н. И. Указ. соч. С. 233.

русских». Автор, начиная «повествование» с замечания о том, что в древности «...жители разделялись вообще на свободных и рабов», писал: «Хотя слово раб отдаленным предкам нашим было известно, в законах же как Ярослава I, так и преемников его, вместо сего названия гораздо чаще употреблялось челядинь... Сии люди не иное что были, как пленники и рожденные от них, или сами себя добровольно за деньги поработившие, или за преступление законом кому в рабство отданные. Они в последствии времени названы *старинными* или *полными холопами*, а потом, рабами»⁶³. Таким образом автор воспроизводил ассоциативный ряд, в соответствии с которым понятия «челядинь», «холоп», «раб» были синонимами и обозначали, чаще всего, либо пленников, либо должников и преступников. В такой трактовке «рабство» было прямым следствием осознанной деятельности самого индивида ставшего в последствии «холопом», что должно было сформировать у читателя впечатление о некорректности отождествления современного крепостного с «рабом». Однако сам Г. Успенский, объясняя читателям значение словосочетания «полный холоп», сравнивал эту категорию людей с положением современных ему крепостных крестьян. В результате такого сравнения он, с одной стороны, приходил к выводу, что «...над полными (холопами – Т.Д) же господа их имели власть точно такую же, какую ныне Дворяне над своими дворовыми людьми и крестьянами», а с другой – соглашался с утверждением И. Болтина об отсутствии в России «закона... делающего лично крестьян помещикам крепостными»⁶⁴.

Имеющиеся в нашем распоряжении сочинения Н. П. Румянцева, М. М. Сперанского, Н. И. Тургенева, О. П. Козодавлева, Н. С. Мордвинова, А. Б. Куракина, Е. Ф. Канкрин и П. Д. Киселева позволяют предположить, что в процессе поиска причин формирования личной зависимости крестьян происходило рациональное осмысление крепостного права

⁶³ [Успенский Г.] Опыт повествования о древностях русских Гавриила Успенского, императорского Харьковского университета профессора истории, статистики, географии российского государства и разных ученых обществ члена. Ч. 2. Харьков, 1818. С. 189, 202.

⁶⁴ Там же. С. 201, 209.

как веками формировавшегося социально-экономического явления. Так, например, в записке «О силе и пространстве указа 12 декабря 1801 года» Н. С. Мордвинов рассматривал историю становления крепостного права как процесс постепенной утраты земледельцами «собственности» и «естественной свободы» в период с XVI по начало XVIII вв.⁶⁵ При этом он констатировал отсутствие убедительных причин усиления личной внеэкономической зависимости крестьян и дал однозначно негативную оценку этому явлению. Примерно такое же соотношение критики процесса превращения крестьян в «бессловесный» предмет купли-продажи и, одновременно, непонимания социально-экономических причин появления крепостной зависимости крестьян, присутствует и в сочинениях князя А. Б. Куракина. В одном из «особых мнений» он, называя практику купли-продажи крестьян «уничжительным правом, оскорбляющим законодательство наше и самое человечество», утверждал, что рабское положение частновладельческих крестьян «...вошло в употребление случайно», а следовательно, может быть смягчено⁶⁶. Под «случайностью» в данном контексте подразумевалось отсутствие четких юридических оснований для отождествления крестьянина с «собственностью» помещика.

В такой трактовке «рабство» крестьян было установлено не благодаря целенаправленной политики государства, а в результате исторически сложившейся практики наделения дворян землей с крестьянами, которая со временем сформировала своеобразную иллюзию «законности» неограниченной власти помещиков над «земледельцами» и «дворовыми людьми». Именно это обстоятельство, при всей очевидности «пагубности рабства», обусловило двойственность подходов к решению крестьянского вопроса. Например, О. П. Козодавлев, размышляя о соотношении закона и обычая, соглашался с тем, что «рабство» в России никогда не было закреплено юридически. Более того, по его словам, «распространяться в доказатель-

⁶⁵ [Мордвинов Н. С.] О силе и пространстве указа 12 декабря // Архив графов Мордвиновых: Т. 3. СПб., 1903. С. 182–193.

⁶⁶ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 360–361.

ствах, что рабство есть постыдное человечеству установление, что оно основано не на праве, но на злоупотреблении власти, на насилии, что оно противно справедливости и коренным общежития законам... будет излишним, ибо истина сия есть неоспорима и каждому ощутительна...». Однако не менее очевидным для него было и то, что «...рабство, яко установление, уже довольно давно в России существующее и обычаем и временем укоренившееся... не нарушая прав собственности, не оскорбляя многих, невозможно вдруг уничтожить»⁶⁷.

В общем виде, все приведенные выше примеры поиска причин установления крепостного права, позволяют говорить о распространении в первой четверти XIX в. мифов о «случайном» характере и исторической «укорененности» «рабства крестьян» в России. Оба эти мифа оказывали огромное влияние на процесс выработки приемлемых методов решения крестьянского вопроса. Первый из них вселял надежду на бесконфликтное искоренение «рабства», а второй – формировал уверенность в необходимости постепенной подготовки как крестьян к непривычному для них «свободному состоянию», так и помещиков к новым взаимоотношениям с земледельцами.

Не случайно авторы многочисленных проектов упразднения «рабства», как правило, подчеркивали, что в настоящее время большинство российских крестьян еще не готово к «свободе», а помещики не желали терять власть и бесплатную рабочую силу, без которой стоимость их имений неизбежно бы уменьшилась. Так, И. А. Гагарин в проекте «Об облегчении рабства в России», писал «...подданство крепостных в России по несчастию так тесно связано с закостенелым обычаем, с имуществом и выгодами помещиков и с недозрелыми умами самих рабов, что невозможно, кажется приступить к уничтожению и облегчению сего в государстве нашем рабства, ... не сделав тяжкого оскорбления всему сословию дворянства, а притом и не без опасности несчастных последствий от самих крепостных, которых буйные головы могут быть воспалены

⁶⁷ Козодавлев О. П. Указ. соч. С. 148.

при едином слове или виде вольности»⁶⁸. По словам автора, неподготовленность крестьян была связана, прежде всего, с «необразованностью умов» и неоднократно проявлялась в форме «...буйства и волнения при малейших переменах, вводимых правительством»⁶⁹. Убедительным подтверждением неготовности помещиков, по мнению И. Гагарина, была их реакция на указ 20 февраля 1803 г. «О вольных хлебопашцах», в соответствии с которым дворяне могли отпускать на свободу крестьян «целыми селениями» с землей за выкуп и обязательным заключением письменного договора, регламентировавшего все условия освобождения. Подобные инициативы правительства не могли стать способом «совершенного уничтожения рабства» т. к. принцип добровольного освобождения крестьян не соответствовал «образу мыслей наших помещиков, чтоб все единогласно на таковые сделки попустились»⁷⁰. Наглядным примером неготовности дворянства был поступок первого министра юстиции Г. Р. Державина, который пытался остановить введение в действие указа «О вольных хлебопашцах» даже после его одобрения в Государственном Совете⁷¹.

Содержательно тезис о «неготовности» дворянства к освобождению крепостных крестьян был неразрывно связан с широко распространенным суждением о том, что степень жестокости «рабства» напрямую зависит от нравственных качеств помещика. Отражением этого являются публикации в российских журналов различных материалов, прямо или косвенно призывавших помещиков помнить, что «крестьяне их точно такие же люди, как и они сами»⁷². В одной из таких статей, представленной в форме воспоминания автора о встрече с давним знакомым, читателю предлагались размышления «добропорядочного» российского помещика. От его имени вся вина

⁶⁸ Гагарин И. А. Об облегчении рабства в России посредством уничтожения дворовых людей (1814–1815 гг.) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России... С. 59.

⁶⁹ Там же. С. 67.

⁷⁰ Там же. С. 66.

⁷¹ См. подробнее: Уортман Р. С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 216.

⁷² Доброй помещик // ВЕ. 1807. Ч. XXXV. № 20, октябрь. С. 284.

за агрессивное поведение крестьян возлагалась на помещиков: «Злые помещики заставляют быть крестьян злыми. Угнетаемый крестьянин ненавидит господина своего, ибо почитает его орудием своего несчастья. [...] Помещик, презирающий крестьянина, не печется о его благоденствии; крестьянин ненавидящий помещика, работает ему принужденно. Вот источник многих беспорядков, опасных для целого государства...»⁷³. При этом рассказчик подчеркивал, что грубость и невежество не являлись врожденными отличительными качествами крестьян, а были результатом жестокого обращения с ними помещиков. На вопрос «кто виноват, что крестьяне грубы, нечувствительны, упрямы, недоброхотны», он отвечал следующими словами: «Природа наделяет душевными качествами не разбирая состояний. Я знал господ с рабскими душами; знал и земледельцов, которым престало бы титуло сиятельства и превосходительства. Жестокие поступки делают людей грубыми, нечувствительными и упорными. Кто может любить своего мучителя! Пускай себя самих, а не крестьян обвиняют те, которые видят в них пороки»⁷⁴.

Подобная постановка вопроса подразумевала, наряду с безусловно очевидной необходимостью «просвещения» крестьян, что уничтожение «рабства» возможно только в случае изменения отношения душевладельцев к своим крепостным людям. Именно об этом говорил и В. Н. Каразин 18 августа 1811 г. на открытом собрании Филотехнического общества. Обращаясь к собравшимся, он выразил уверенность в том, «почтеннейшее дворянство» видит в «своих подчиненных не рабов, но воспитанников» и призывал помещиков «водворить» в имениях их «просвещенное земледелие», «искусство и промышленность», а главное, установить «порядок и добрые нравы, без которых все прочее во вред обращается»⁷⁵. Несколько позднее, в апре-

⁷³ Там же. С. 286.

⁷⁴ Там же. С. 287.

⁷⁵ *Каразин В. Н.* Речь о пользе просвещения в домоводстве // ВЕ. 1811. Ч. LIX. № 20, окт. С. 285–286. Аналогичный призыв звучал также в речи Каразина 13 января 1813 г.; см.: Речь о необходимости в настоящих обстоятельствах усилить домоводство // ВЕ. 1813. Ч. LXVII. № 1–2. С. 3–36.

ле 1820 г., В. Н. Каразин представил проект учреждения под председательством министра внутренних дел «общества добрых помещиков», члены которого своим примером должны были способствовать «распространению в поместьях добрых правил трудолюбия»⁷⁶.

Еще одним препятствием на пути к «искоренению рабства» в России, воспринимавшимся как доказательство все той же «неготовности помещиков», российские авторы называли процесс «размывания» потомственного дворянства лицами, получившими дворянское достоинство за службу. Например, адмирал П. В. Чичагов, отмечая отсутствие у таких помещиков необходимых нравственных качеств, высказывал уверенность в том, что «грязнейшее гнездо рабства находится в так называемом дворянстве»⁷⁷. Одновременно с размыванием дворянства важным фактором, усугублявшем «рабство крестьян», современники считали многократное дробление дворянских имений, прямым следствием которого была невозможность достижения даже минимальной рентабельности, что неизбежно приводило к ужесточению эксплуатации. О существовании прямой зависимости между «тяжестью рабства» и уровнем благосостояния «душевноладельцев» писал К. Арсеньев. Признавая, что в России вообще «права крепостных крестьян весьма маловажны и почти ничтожны», он описывал положение людей находившихся в распоряжении мелкопоместных дворян: «крестьяне таковым владельцам принадлежащие имеют еще менее средств к своему благосостоянию, и суть истинные рабы не по названию, а по существу своему»⁷⁸. В данном контексте одним из способов смягчения «рабства», который на первый взгляд противоречил поставленной цели, звучали предложения улучшить материальное положение дворян. Так, например, в 1816 г. П. Д. Киселев в качестве одной из мер «постепенного уничтожения

⁷⁶ См.: МIRONENKO С. В. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX века. С. 129–130.

⁷⁷ Цит. по: Предтеченский А. В. Англомания // Анатолий Васильевич Предтеченский: из творческого наследия. СПб, 1999. С. 90.

⁷⁸ [Арсеньев К.] Начертание статистики российского государства... Ч. 2. С. 91, 93.

рабства» предлагал «дозволить дворянству основать майораты...», что, по его словам, неизбежно «...уменьшит со временем число мелкопоместных дворян, которые от скудности и невежества отягощают непомерным образом состояние рабов, им принадлежащих»⁷⁹.

Таким образом, в исследуемых текстах российских авторов первой четверти XIX в. отчетливо прослеживается два тесно взаимосвязанных подхода к решению проблемы «рабства крестьян» в России. Во-первых, перспектива смягчения или ликвидации «рабства» рассматривалась как комплекс мер, направленных на улучшение «благосостояния» поместных дворян, а во-вторых, как целенаправленная политика государства по «просвещению» крестьян и помещиков. При этом понятие «просвещение» трактовалось как способность индивида к самоограничению, «законопослушности» и осознанию зависимости «общего благосостояния» от поведения каждого члена общества. Необходимым условием решения крепостной проблемы в обозримом будущем называлось изменение сознания крестьян и помещиков.

Первым шагом в этом направлении могло быть придание крестьянам статуса субъекта права посредством «дарования» им права приобретать небольшие участки земли. Например, в проекте «О покупке земель государственными крестьянами», составленном неизвестным автором после издания указа 12 декабря 1801 г., аргументировано доказывалась «полезность» распространения на крепостных крестьян и дворовых людей права приобретения земли⁸⁰. По мысли автора, предоставление такого права в перспективе могло бы стать стимулом для «позволения помещикам выпускать крепостных своих на волю с землей», а главное, еще до освобождения должно было способствовать смягчению жестокости помещиков и воспитанию

⁷⁹ Киселев П. Д. О постепенном уничтожении рабства в России (1816 г.) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России... С. 93. Аналогичное предложение было высказано С. Потоцким, см.: Письмо графа Северина Потоцкого с поднесением проекта о введении в России майоратов для улучшения дворянских имуществ и благосостояния крестьян 3 мая 1818 г. // Там же. С. 126–130.

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1 об.

крестьян. В перспективе таким образом «...величайшее число людей ежегодно выти может из помещичьего рабства в свободное состояние»⁸¹. Достижение желаемого результата было возможно т. к, по словам автора, «...с одной стороны, помещик естественно должен будет стараться не разорять крестьян своих в надежде, что может приобрести больший доход от выпуска их на волю, а, с другой, крестьянин, ища освобождения от помещичьего подданства, будет стараться менее пропивая денег, копить их на выкуп себя и своей семьи»⁸².

С начала XIX в. корректировка правового положения крестьян рассматривалось в качестве основного инструмента решения проблемы рабства в России⁸³. В идеале, правительству следовало «...признать за необходимое постепенное распространение гражданских прав на крепостных земледельцев и в обратной соразмерности – таковое же ограничение власти, помещикам незаконно присвоенной»⁸⁴. Только так, «...мало помалу уменьшая права властвующих и распространяя оныя на порабощенных, ...каждому даровав право трудолюбием достигнуть до независимого существования, – писал П. Киселев, – правительство постепенно водворит законную свободу, и рабство значительной части народа русского само собою и без потрясения государства уничтожится»⁸⁵. Сформулированный таким образом алгоритм предполагал, что освобождение крестьян должно было происходить постепенно «без потрясений» и при активном участии государства.

Не менее плодотворным способом «смягчения нравов» и постепенной отмены «рабства» современники считали формально-юридическую регламентацию взаимоотношений крестьян и помещиков. Подобного рода рассуждения прослеживаются практически во всех проектах решения крестьянского вопроса, созданных российскими авторами в первой четверти XIX в.

⁸¹ Там же. Л. 2–2 об.

⁸² Там же. Л. 2–2 об.

⁸³ См. подробнее: Долгих А. Н. Крестьянский вопрос во внутренней политике российского самодержавия в конце XVIII – первой четверти XIX века. В 2 т. Липецк: ЛГПУ, 2006.

⁸⁴ Киселев П. Д. Указ. соч. С. 92.

⁸⁵ Там же. С. 94.

Достаточно часто в сочинениях на данную тему необходимой подготовительной мерой объявлялось определение пределов власти помещика и регламентация обязанностей крестьянина посредством заключения соответствующих договоров, примерная структура которых должна была быть установлена государством.

Отсутствие юридических ограничений власти помещика на фоне минимального вмешательства государства в повседневную жизнь дворянских имений⁸⁶ негативно оценивалось многими российскими авторами, отмечавшими, что такое положение создавало благоприятные условия для жестокого обращения с крестьянами. В марте 1801 г. в послании к Александру I В. Н. Каразин писал о необходимости «обеспечить существование помещичьих крестьян, поставив пределы их зависимости». Формализация отношений между помещиками и крестьянами, по его мнению, могла способствовать улучшению «нравственности состояний называемых последними» и отвратить крестьян от «своеволия», «пития» и других пороков «свойственных отчаянию и неключимому рабству»⁸⁷.

Заметное повышение интереса к идее установления договорных отношений между крестьянами и землевладельцами произошло после издания указа от 20 февраля 1803 г. и разъяснявшей порядок его реализации инструкции министру внутренних дел, опубликованной в июньском номере «Санктпетербургского журнала» за 1804 г.⁸⁸. С этого времени, и до середины 1820-х гг., рассуждения о целесообразности заключения договоров между крепостными крестьянами и помещиками были неотъемлемой частью большинства проектов

⁸⁶ См. подробнее: *Хок С. Л.* Крепостное право и социальный контроль в России. М., 1993. С. 7; *Ковальченко И. Д.* Русское крепостное хозяйство в первой половине XIX в. М., 1967. С. 168.

⁸⁷ Письмо В. Н. Каразина, посланное императору Александру в марте 1801 года // *Шильдер Н. К.* Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1897. Приложение. С. 328.

⁸⁸ См.: ПСЗ. Т. XXVII, 1803. № 20.620. С. 462–463; Правила, постановленные по мнению Государственного Совета в руководство Министру Внутренних дел, при рассматривании условий между помещиками и крестьянами, по Указу Февраля 20 дня, 1803 года // СПбж. 1804. № 6, июнь. С. 11–16.

отмены «рабства» в России. Так, в проекте неустановленного лица «Об улучшении состояния земледельцев и о возрасте земледелия в крае от Польши приобретенном» (1819 г.) автор, размышляя о положении крестьян, писал: «Земледельческое сословие в здешнем крае среди Просвещенной Европы не знает еще никакого устава, а обременение поселянина повинностями и данями состоит в воле и власти владельца — лицо, имение и труд поселянина, есть собственность помещика, которого повеления суть для онаго закон»⁸⁹. Прямо называя такое положение «рабством», автор проекта предлагал ввести «ограничение власти помещиков правительством... новыми общими инвентарями», в которых бы четко было определено, «...что следует земледельцу от помещика, а что помещику от земледельца принадлежит»⁹⁰.

Идея регламентации взаимоотношений земледельцев и дворян посредством заключения «договоров», «уставов» или «инвентарей» была одной из центральных в записке А. Крюкова, где он изложил 12 пунктов договора о «правах помещиков и крестьян»⁹¹, а также в проекте «правил для управления имением» С. М. Кочубея⁹². В некоторых случаях предложение дать «...крепостным своим... вольность на добровольных с оными условиях» звучала и в публичных дворянских собраниях. Например, в 1818 г. в Виленском губернском собрании поверенный маршал Завши призывал составить проект освобождения крестьян с заключением взаимовыгодных для обеих сторон договоров⁹³.

⁸⁹ ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 14 об.

⁹⁰ Там же. Л. 17.

⁹¹ См.: [Крюков А.] Мысль беспристрастного дворянина и помещика, сообразная духу времени и слухам о уничтожении рабства или крепостного права (не позднее 1818 г.) // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России... С. 138–145.

⁹² См.: Кочубей С. М. Записка действительного статского советника Кочубея, приложенная при всеподданнейшем письме князя Репнина // Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России... С. 136–138; Новосильцев Н. Н. Примечания на предоставленные статским советником С. М. Кочубеем учреждение или правила для управления имением // Там же. С. 131–134.

⁹³ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 4–6.

В общем виде сравнительный анализ проектов смягчения или ликвидации «рабства» крестьян, предусматривавших юридическое ограничение «своеволия» помещика, позволил определить существовавшие в сознании современников особенности понимания ключевых для решения крепостной проблемы понятий «свобода» и «собственность». Оба эти понятия однозначно противопоставлялись «рабству» как положению, при котором человек вынужден исполнять приказания владельца и не может по своему усмотрению распоряжаться имуществом. Но смысловая взаимосвязь понятий «свобода» и «собственность» не всегда была столь же однозначной. В отношении крестьян «свобода», чаще всего, трактовалась как «право избирать себе владельца» и «место жительства»⁹⁴, или возможность записываться в «новое состояние» российских подданных⁹⁵, но не всегда предполагала обязательное наделение правом «собственности» на землю.

Характерным примером размышлений на эту тему является опубликованная в августовском номере журнала «Вестник Европы» за 1815 г. статья адмирала Косинского «Замечания на мысли об устройстве счастливейшего быта крестьян Польских». Её автор, анализируя составленную летом 1814 г. А. Чарторыжским записку об улучшении быта крестьян, признавал справедливым тезис о том, что «недостаток личной свободы, а еще более неуверенность в своей собственности, отдаляя крестьян от трудолюбия, приучили их к праздности и беспечности, и унизили их почти до степени животных»⁹⁶. По его словам, «нельзя отвергать того, что личная свобода и уверенность в обладании своею собственностью суть стихии промышленности и сильнейшия пружины счастья»⁹⁷. Однако для улучшения благосостояния крестьян наличие у них частной земельной «собственности» не являлось первым и неперменным условием. Наглядным доказательством справедливости данного суждения

⁹⁴ Там же. Л. 6.

⁹⁵ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Д. 10. Л. 360–375.

⁹⁶ [Косинский] Замечания на мысли об устройении счастливейшего быту крестьян Польских // ВЕ. 1815. Ч. LXXXII. № 16, август. С. 271.

⁹⁷ Там же. С. 271.

был пример Пруссии и Варшавского княжества до 1815 г., где крестьяне, несмотря на обладание «правом собственности» и «освобождение от барщины и оброков», не улучшили своего благосостояния. Заметное улучшение произошло только в тех местностях, где крестьяне имели возможность реализовать производимую ими продукцию на рынках. В этой связи Косинский приходил к выводу о том, что «...торговля есть первое средство к освобождению крестьян от их бедности; в ней заключается надежный способ приобрести самую прочную собственность и при существующей свободе»⁹⁸. Таким образом освобождение рассматривалось как закономерный результат трудолюбия и бережливости крестьянина, который своим трудом приобретал «собственность» и только после этого выкупал личную «свободу». Предполагалось, что в перспективе наличие у крестьян «собственности» могло бы способствовать формированию у помещиков уверенности в платежеспособности земледельцев и стимулировало бы установление с ними договорных отношений на взаимовыгодной основе⁹⁹.

Указанная выше дифференциация смысловых значений понятий «свобода» и «собственность» была зафиксирована также в текстах, написанных в жанре «путешествий современника» по странам Европы. Так, например, в хорошо известном российской читающей публике¹⁰⁰ сочинении Лубяновского «Путешествие по Саксонии, Австрии, Италии в 1800, 1801 и 1802 годах» сообщалось о том, что «здесьние земледельцы свободны», но «одни живут на господских землях, другие имеют собственные земли». В первом случае «крестьянин делает с помещиком условия, на коих он водворяется в его поместье, и на коих основываются обоюдные выгоды»¹⁰¹. «Сии взаимные соотношения, — подчеркивал автор, — всегда поддерживают связь между помещиком и земледельцами, оставляя последних

⁹⁸ Там же. С. 275.

⁹⁹ Там же. С. 276.

¹⁰⁰ См. отзывы современников об этой работе: О журнале путешествия г-на Лубяновского по Саксонии, Австрии и Италии // ВЕ. 1805. Ч. XXI. № 12. С. 283–291.

¹⁰¹ [Лубяновский] Путешествие по Саксонии, Австрии, Италии в 1800, 1801 и 1802 годах. Ч. 1. СПб., 1805. С. 29.

в совершенной свободе и принося первому верные выгоды»¹⁰². Такая «совершенная свобода» не означала наличие юридически оформленного права «собственности» и совпадала с личной, «свободой» индивида, ограниченной условиями договора с землевладельцем.

Несколько в ином, но не менее сложном положении, по свидетельству автора, находились свободные крестьяне имевшие «собственные земли». С одной стороны, Лубяновский неоднократно упоминал о том, что в Европе «право собственности священо»¹⁰³, но тут же, описывая основные положения проведенной в Богемии реформы 1775 г., сообщал российским читателям: «Крестьянин приобретающий свободу получает себе в собственность столько земли, сколько ему нужно. <...> Земля перестает быть владельческою, но обязанности крестьянина к своему помещику тут не прерываются». После освобождения от личной зависимости и приобретения земли крестьянин в соответствии с установленным особым законом порядком обязан был отдавать «помещику положенную часть земельных произрастаний»¹⁰⁴. При этом в случае, «если крестьянин не исправен в своей обязанности, то помещик посредством суда может не лишить его собственности, а заставить или быть исправным, или другому продать свою землю»¹⁰⁵. Очевидно, что указанный выше порядок не совпадал с представлением о «праве собственности» всех свободных сословий как безусловном и полном праве человека распоряжаться своим имуществом. Однако российский автор для описания взаимоотношений помещика и крестьянина использовал именно понятие «собственность», а не «владение». Данное обстоятельство позволяет предположить, что он нечетко разделял для себя эти понятия, или придерживался мнения о том, земельная «собственность» крестьян может и должна быть условной, так как только таким способом возможно было обеспечить производство необходимого объема сельскохозяйственной продукции.

¹⁰² Там же. С. 30.

¹⁰³ Там же. С. 33

¹⁰⁴ Там же. С. 183.

¹⁰⁵ Там же. С. 184.

Аналогичная двойственность трактовок понятия «собственность» в отношении крестьян была характерна для многих работ, авторы которых предлагали конкретные проекты по решению крепостной проблемы в России. С одной стороны, признавалось, что основными способами получения «собственности» для крестьян, также как и для всех остальных сословий Российской империи, было покупка или получение по наследству. В данном контексте вполне справедливым и логичным был многократно повторявшийся в проектах тезис о возможности наделения крестьян землей за денежный выкуп, который, по сути, был тождественен обычной сделке купли-продажи недвижимой собственности. Именно с этих позиций современники оценивали указ 12 декабря 1801 г., предоставлявший право приобретения земли государственным крестьянам¹⁰⁶, и обсуждали на заседаниях Государственном Совете 12, 19 января и 2 февраля 1803 г. предложение С. П. Румянцева отпустить крестьян «на волю целыми селениями... с укреплением им в собственность участков земли», которое стало основой для издания так называемого указа «О вольных хлебопашцах»¹⁰⁷. Не менее показательным является также мнение министра внутренних дел О. П. Козодавлева по делу «Об отпуске действительным тайным советником В. С. Поповым крепостных его ногайцев в вольные хлебопашцы» (1812 г.). Оценивая намерение автора прошения, министр подчеркивал, что переход ногайцев в состояние «вольных хлебопашцев» возможен как только они «приобретут в собственность земли»¹⁰⁸. После завершения соответствующей процедуры юридического оформления сделки купли-продажи, сам факт выкупа крестьянами «свободы» с землей означал бы появление у них, по аналогии с другими свободными сословиями, «права собственности» и возможности распоряжаться приобретенной землей по своему усмотрению¹⁰⁹.

¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Ед. хр. 62. Л. 1–2 об.

¹⁰⁷ См.: Архив ГС. Т. 3. С. 783–788.

¹⁰⁸ РГИА. Ф. 1151. Оп. 1, 1812. Д. 103. Л. 7 об. –8.

¹⁰⁹ См.: РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 38; ГАРФ. Ф. 679. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 17.

С другой стороны, земельная «собственность» крестьян, наряду с общими для всех формальными признаками, могла и должна была, в силу особенностей организации процесса производства сельскохозяйственной продукции и повседневного «быта земледельцев», отличаться от аналогичного права других российских подданных. Нередко в проектах упоминания о «собственности» крестьян сопровождалось обоснованием целесообразности предоставления «земледельцам» лишь права коллективной, общинной «собственности» на землю. Так, например, один из активных членов «Союза спасения», «Союза благоденствия», а с 1821 г. и «Северного общества», декабрист И. Д. Якушкин в составленном им для помещиков образце уведомления правительства о намерении освободить крепостных крестьян писал: «Уступая крестьянам землю, находящуюся под их селением, я не почитаю за нужное раздроблять её на участки и делить собственность каждого особенно, а предоставляю им её как принадлежность общую. Полагаю также за нужное, чтобы общество сих крестьян имело право приобретать покупкою землю в собственность»¹¹⁰. И хотя сохранение общинного землевладения и имело, по мнению И. Д. Якушкина, «некоторые неудобства», однако такая форма собственности была бы выгодна самим крестьянам, т. к. «общие имущества... предохраняют от разорения частного и, поддерживая связь общую, могут споспешествовать общим усилиям»¹¹¹.

Несколько иное соотношение коллективной и индивидуальной формы «собственности» крестьян на землю предложил установить помещик Тверской губернии надворный советник Зубов в опубликованной на страницах журнала «Труды Вольного экономического общества» записке «О лучшем разделении крестьянских полей». Он выступал против сложившейся практики периодических переделов земли между крестьянами, которая приводила к истощению почвы и снижению урожайности. Такое положение, прежде всего, происходило от того,

¹¹⁰ Якушкин И. Д. Мнение смоленского помещика об освобождении крестьян от крепостной зависимости (1819–1820 гг.) // *Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России...* С. 251.

¹¹¹ Там же. С. 251.

что крестьяне, «...не имея в земле незыблемой собственности недостаточно обрабатывают оную, что бы производить хороший урожай хлеба и покоса»¹¹². В данном контексте автор предлагал одновременно с заменой подушной подати поземельным налогом «утвердить землю в незыблемую собственность крестьянам, дать право им с платежом государственной повинности и оброка, продавать в своих землях участки». «Таковым утверждением собственности, – подчеркивал Зубов, – каждый земледелец, быв полновластным хозяином, обратит попечение свое, чтобы удобрить землю к хлебородию и покосам, имев пред собою уверение, что труды его и издержки на то денег принадлежат ему и его наследникам»¹¹³. Формально, предложенная Зубовым схема предоставляла крестьянину возможность продажи земельного участка, однако очевидно, что такой порядок не предполагал свободного оборота крестьянских земель, т. к. они, находясь на общем поле, могли быть проданы только членам той же крестьянской общины.

Двойственность трактовок понятия «собственность» в контексте решения проблемы «рабства» отчетливо просматривается также и при сопоставлении текстов российских авторов, размышлявших о корректности (или некорректности) отождествления права «собственности» помещиков на землю с правом «собственности» на крестьян. При этом одни авторы, описывая фактическое положение в стране, признавали, что «помещичьи крестьяне... составляют собственность высшего класса граждан, дворян»¹¹⁴, а другие указывали на отсутствие в России законов, в которых прямо бы подтверждалось наличие у дворян права собственности на людей.

О некорректности отождествления права «собственности» на землю с нравственными обязательствами помещика оказывать покровительство обрабатывавшим её крестьянам писали как представители либерально настроенной правительствен-

¹¹² О лучшем разделении крестьянских полей. От надворного советника Зубова // Тр. ВЭО. 1820. Ч. 72. С. 233.

¹¹³ Там же. С. 235.

¹¹⁴ [Арсеньев К.] Начертание статистики российского государства... Ч. 2. СПб., 1819. С. 86.

ной элиты и авторы учебных пособий, так и члены различных тайных обществ. Например А. П. Куницын в пособии по «естественному праву» сформулировал свою позицию следующим образом: «Никто не может приобрести права собственности на другого человека ни противу воли, ни с его согласия; ибо право личности состоит в свободе располагать самим собою, следовательно произвольное завладение человеком противно праву, согласие же лица не может служить предлогом завладения, ибо право личности неотчуждаемо»¹¹⁵.

В период с 1801 по 1820 гг. Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский, А. Р. Воронцов, Н. П. Румянцев, А. Б. Куракин, О. П. Козодавлев, В. П. Кочубей неоднократно говорили о том, что «собственность на вещи» является «естественным» и неотъемлемым правом, которое могло и должно быть закреплено законодательно, а сформированную веками практику обладания людьми следовало рассматривать лишь как исторически сложившуюся форму межличностных взаимоотношений крестьян и помещиков. Особенно отчетливо данная мысль была сформулирована Н. С. Мордвиновым 2 декабря 1820 г. в мнении «О правах собственности и зависимости»: «Право собственности дает неограниченное обладание над вещами, право начальства имеет свои пределы и взаимное нравственное соотношение между повелителями и повинующимися, между господином и слугою»¹¹⁶. Подчеркивая, таким образом, условность правового положения «душевладельца», он утверждал, что поскольку «...право собственности распространяется только на вещи, то человек не может быть собственностью другого человека»¹¹⁷.

Именно исходя из этого, не требующего дополнительных доказательств постулата, члены комиссии составления законов считали важным объявить о том, что при покупке имения «продается не человек, ... но самая земля»¹¹⁸. Отрицание юри-

¹¹⁵ Куницын А. П. Право естественное. СПб., 1818. Ч. 1. С. 86.

¹¹⁶ [Мордвинов Н. С.] О правах собственности и зависимости // Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. С. 414.

¹¹⁷ Там же. С. 414.

¹¹⁸ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1, 1820, Д. 10. Л. 73.

дических оснований для обращения с людьми как с «собственностью», а следовательно и законности сложившейся практики купли-продажи людей, было зафиксировано в программных документах тайных обществ. Так, например, в уставе «Союза Благочестия» всем членам общества рекомендовалось «истреблять продажу крепостных людей..., стараясь вразумлять, что люди не суть товар и что только простительно народам непросвещенным светом Христианства, почитать подобных себе собственностью...»¹¹⁹. Итогом подобного рода «вразумления» должно было стать постепенное распространение в российском обществе негативного отношения к «рабству крестьян», превращавшего земледельцев и дворовых людей в «крещеную собственность».

В большинстве исследуемых текстов некорректность отождествления крестьянина с «собственностью» не вызывала у авторов сколько-нибудь серьезных возражений. Данный тезис в равной степени использовался и сторонниками упразднения личной зависимости крестьян, и их оппонентами, которые, повторяя тот же самый постулат, писали о том, что большинство российских помещиков оказывали искреннюю о заботу крестьянах. В такой трактовке крестьянин был уже не «бездушной собственностью» помещика, а «домочадцем», который в силу исторически сложившихся обстоятельств находится под покровительством землевладельца.

* * *

Существовавшая в сознании представителей образованной части российского общества смысловая взаимосвязь понятий «рабство», «свобода» и «собственность» оказала заметное влияние на процесс формирования представлений о стратегии и тактике решения крепостной проблемы в России первой четверти XIX в. Современники безоговорочно отрицали «рабство» как несоответствующее «духу времени» явление, которое не только прямо противоречило нормам христианской морали, но оказывало негативное влияние на развитие экономики и способствовало

¹¹⁹ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 43 об.

«общему падению нравов». С этих позиций «рабству» противопоставлялись права личности на «свободу» и «собственность», провозглашавшиеся важнейшими условиями достижения «общего блага». Однако, если на уровне теоретических размышлений российские авторы достаточно часто воспроизводили заимствованные из сочинений европейских мыслителей либеральные принципы, то при описании возможных сценариев освобождения крестьян в России происходила их корректировка.

Во-первых, перспектива «искоренения рабства» в России представлялась как комплекс мер правительства, одновременно направленных на юридическую регламентацию взаимоотношений крестьян с помещиками и улучшение материального благосостояния мелкопоместных дворян, которые чаще других проявляли жестокость в отношении к крепостным людям. Признавая личную зависимость крестьян исторически сложившимся обычаем, российские авторы подчеркивали, что ликвидация «рабства крестьян» возможна только при объединении усилий «государства» и наиболее «просвещенной» части общества. В идеале результатом совместной работы должно было бы стать «просвещение» крестьян и жестоких помещиков, а также совершенствование законодательства о собственности.

Во-вторых, «свобода» для крестьян нередко трактовалась как возможность перехода на земли других помещиков с обязательным заключением между ними договора, или предоставлением им права приобретения земельных участков. Однако и в том, и в другом случае, наряду с общими для всех сословий признаками, «свобода» и «собственность» крестьян на землю могли быть ограничены различными дополнительными условиями. Наличие таких особенных условий, на мой взгляд, свидетельствует о происходившей в рамках поиска оптимальных способов решения крепостной проблемы корректировки значений понятий «свобода» и «собственность». На протяжении всей первой четверти XIX в. либеральная трактовка прав личности на «свободу» и «собственность», как «естественных» и всесословных прав, была дополнена утверждениями о необходимости учитывать степень «просвещения» и функциональное назначение различных сословий российского общества.

§2. «Конституция» в России первой четверти XIX века: поиск ориентиров политического развития

Одновременно с перспективой совершенствования российского законодательства и ликвидацией «рабства крестьян» важной составной частью общественных ожиданий в начале XIX в. были ожидания преобразований в системе государственного управления. На фоне многочисленных сообщений о политических событиях в странах Европы необходимость проведения административных преобразований нередко преподносилась как общеевропейская тенденция, отражавшая, по образному выражению современников, «дух времени».

Практически сразу же после вступления на российский престол Александра I важным элементом политического лексикона образованного российского подданного становится понятие «конституция», которое, наряду с привычными значениями, такими как «сложение тела», «устав», «учреждение», «постановление», «собрание коренных законов»¹, все чаще использовалось для обозначения системы взаимоотношений императора и общества. Именно с этого времени, и на протяжении всей первой четверти XIX в., российские авторы, говоря о перспективе проведения сколько-нибудь масштабных административных преобразований, употребляли слово «конституция». Подтверждением этому могут служить многочисленные воспоминания современников, описывавших настроения российского общества как в начале царствования Александра I, так и в послевоенный период. Так, например, Ф. П. Лубяновский вспоминал: «...вслух развивались такие идеи, которые может быть и до этого были не совсем у нас новы, но безгласны и бессловесны, надежда, как видно, веселила сердца. Вслушиваясь в беседы, в этих надеждах и радостях я впервые услышал... о необходимости общего преобразования, о конституции...»².

¹ Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту. Ч. 2.: К–Н. СПб., 1804. Стб. 366–367.

² Лубяновский Ф. П. Воспоминания. 1777–1834. М., 1872. С. 209–210.

Аналогичные свидетельства использования понятия «конституции» в связи с ожиданиями преобразований можно найти в различных текстах, созданных И. М. Долгоруковым, М. А. Фонвизиним, Ф. В. Булгариным, Н. И. Тургеневым, М. И. Пушиным³.

Особое значение для формирования ассоциативной и логической связи «конституции» с перспективой проведения административных преобразований имела завершившаяся в сознании образованной части российского общества на рубеже XVIII–XIX вв. десакрализация образа монарха. Этот процесс шел на протяжении всего XVIII в. и внешне выражался в распространении разнообразных негативных слухов о российских самодержцах⁴. Первоначально «очеловечивание» личности монарха проявлялось в изменении содержания негативно-критических высказываний. Если ранее он подвергался критике за несправедливость в распределении наград и почестей, или за передачу важнейших государственных функций в руки бездарных чиновников, то с начала царствования императора Александра I все чаще раздавались замечания по вопросам стратегии и тактики проведения необходимых стране преобразований⁵.

Постепенно формировалось представление о том, что любой человек, находящийся на российском престоле, вне зависимости от его личных качеств, не способен единолично управлять, а тем более эффективно проводить «благотворные преобразования» в таком огромном государстве как Российская империя. Так, например, В. П. Кочубей, в одной из представленных в декабре 1814 г. Александру I докладных записок, не оспаривая необходимости сохранения монархии в России, убеждал императора в целесообразности более широкого обращения за

³ См. подробнее: *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 15–18.

⁴ *Гросул В. Я.* Русское общество XVIII – нач. XIX в.: традиции и новации. М., 2003. С. 74, 75–76; *Он же.* Власть и общественное мнение в России XVIII–XIX вв. // Труды ин-та российской истории. Вып. 5. М., 2005. С. 119–123.

⁵ См. подробнее: *Марасинова Е. Н.* Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века. (По материалам переписки). М., 1999. С. 134–157.

советом к образованному дворянству: «...как доказано, что Государь, как бы ни был он дальновиден, не может один обнять всех частей правления, то и обязан он искать прочных Государственных установлений, которыми бы сближал империю Его с другими наилучше устроенными Государствами, представив подданным Его выгоды правительства справедливого, кроткого и просвещенного»⁶.

Признание существования «естественных», природных границ развития способностей любого человека, в том числе и российского императора, присутствовало не только в произведениях высокопоставленных чиновников, но и в научно-популярных трудах российских ученых. В одной из наиболее известных работ профессора Санкт-Петербургского педагогического института К. Арсеньева «Начертание статистики Российского государства» прямо указывалось на необходимость существования эффективно функционирующего механизма помощи российскому императору: «...состав Государственный так многосложен, дела, требующие исполнения, так многообразны, что силы нравственные и физические одного человека не достаточны все приводить в движение, а посему особа, имеющая в руках своих верховную власть по необходимости должна разделять Государственные дела с другими, кои бы действовали от имени по правилам предписанным Верховным Повелителем»⁷.

В скрытой, почти мифологизированной форме, но не менее ярко, процесс десакрализации образа монарха был отражен и на страницах периодической печати. Так, например, в одном из номеров журнала «Русский вестник» за 1810 г. был опубликован документ под заголовком «Разговор Петра Первого с Анною, английскою королевою», в котором в форме прямой речи приводились слова, якобы сказанные Петром I: «Богу отверсто мое сердце. Он видит, какого истинного блага желаю

⁶ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 50. Л. 6.

⁷ См.: [Арсеньев К.] Начертание статистики российского государства, составленное главного педагогического института адъюнкт-профессором Константином Арсеньевым. Ч. 2.: О состоянии правительства. СПб., 1819. С. 110. Аналогичное суждение было зафиксировано и в учебнике К. Германа, см.: Герман К. Всеобщая теория статистики для обучающихся сей науке, изданная от главного правления училищ. СПб, 1809. С. 67.

моему Отечеству. Но я человек, я могу погрешить: ввести что-нибудь и вредное, могу быстро увлечься быстрым течением обстоятельств и нетерпением...»⁸. Обращение к историческому прошлому, к фигуре Петра Великого, представленной в таком контексте должно было вызывать у современников ассоциации с ныне царствующим императором, который также объявил о намерениях реформирования российской действительности, и, по всей видимости, также способен признаться в том, что он человек и может совершать ошибки.

Следствием «очеловечивания» образа монарха была корректировка представлений о назначении и роли императора. В идеале «просвещенный» монарх обязан был бы поощрять инициативу «с низу», и всеми доступными способами привлекать к обсуждению важных государственных вопросов наиболее компетентных и «знающих» людей. Наличие квалифицированных помощников предопределяло бы основные функции императора и дворянства в процессе управления страной⁹. Такое представление о приоритетных направлениях деятельности императора отражено, например, в личной и служебной переписке А. Чарторижского с Александром I. В одном из писем в апреле 1806 г. он, объясняя императору свое представление о функциях российского самодержца, писал: «К поставленному в центре государственной жизни, к нему стекаются все дела, как радиусы к центру круга, но он должен намечать лишь великие пути, лишь основные контуры»¹⁰. Практически одновременно, в конце марта 1806 г., аналогичную мысль в послании на имя императора высказал В. П. Кочубей, четко определив основную задачу самодержца: «Дело Государя думать и повелевать

⁸ Разговор Петра Первого с Анною, английскою королевою // РВ. 1810. № 4, апрель. С. 66–67.

⁹ См. подробнее: *Тимофеев Д. В.* Трактровка понятия «конституция» в правительственных кругах России первой четверти XIX века // Проблемы российской истории. Вып. II. Магнитогорск, 2003. С. 219–230; *Он же.* Понятие «конституция» в России первой четверти XIX века // Общественные науки и современность. 2007. № 1. С. 120–131.

¹⁰ Мемуары князя Адама Чарторижского и его переписка с императором Александром I: Т. 2. М., 1913. С. 115.

в больших чертах»¹¹. Таким образом подчеркивалось, что главная обязанность императора – анализ поступающих к нему от образованного дворянства предложений и определение на их основе стратегических целей развития страны. Конкретный же механизм достижения этих целей должны были бы, согласовывая свои действия с общим направлением движения указанным самодержцем, разрабатывать и воплощать в жизнь министры, сенаторы, члены Государственного Совета. Подобный алгоритм взаимодействия верховной власти и «просвещенной» части российского общества предполагал постоянное согласование позиций по наиболее актуальным общественно-важным проблемам, и совместную корректировку итоговых решений. Такая дифференциация функций императора и «просвещенного» дворянства, с одной стороны, не противоречила традиционному представлению о верховенстве власти российского императора, а с другой – полностью соответствовала идеям европейских либеральных мыслителей.

Все вышеизложенное, на мой взгляд, способствовало смягчению негативного подтекста понятия «конституция», который был распространен в связи с революционными событиями во Франции. Конечно, это не привело к полному исчезновению настороженного отношения к конституции, но в совокупности с целым рядом внутри и внешнеполитических факторов, способствовало тому, что данное понятие стало одним из наиболее востребованных при выражении отношения к идее о необходимости проведения широкомасштабных социально-политических преобразований. Актуализации понятия, безусловно, способствовали многочисленные публикации в российских журналах работ, содержавших негативные и позитивные оценки зарубежных «конституций». Как правило, авторы такого рода сочинений выражали свое представление о функциональном назначении и последствиях учреждения «конституции».

Во-первых, рассматривая «конституцию» как инструмент повышения эффективности системы государственного управления, одной из позитивных последствий его использования

¹¹ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 14. Л. 21.

авторы нередко называли искоренение таких публично осуждаемых всеми явлений, как взяточничество, казнокрадство и произвол чиновников. Так, например, в качестве надежного средства ограждающего от произвола чиновников «конституция» была представлена в характерном для начала XIX в. жанре письма иностранца. Именно в такой форме свидетельство о позитивных результатах конституционного строя должно было выглядеть для российского читателя наиболее убедительно. Анонимный автор, представленный издателем «Духа журналов» как «житель Брюсселя», делился с россиянами своими оценками действующей в его стране «конституции». При этом он без пафоса, и даже с некоторой долей критики, прямо писал о преимуществах, которые дает конституция: «В начале никакое правление не бывает совершенно; мы и своего таким не считаем; однако же мы весьма благодарны нашему доброму королю, что он тотчас по возшествии на престол даровал нам Конституцию, вместо того, что наши соседи до сих пор остаются при одних обещаниях. С того времени у нас многое исправлено и улучшено; ...и мы теперь остаемся благонадежны, что у нас никогда не возникает самоуправство министров и других правительственных властей, которые в иных землях, при добром Государе, бывают иногда притеснительнее нежели при деспоте»¹². Интересно отметить, что автор не идеализировал окружающую его реальность, а отмечал лишь наиболее важные, с его точки зрения, положительные изменения. При этом специально оговорился, что даже при наличии «добротного Государя» есть вероятность притеснений граждан со стороны чиновников.

Во-вторых, безусловно положительным следствием существования «конституции» признавалась возможность устранения закрытости власти от необходимой и ей, и обществу информации об основных тенденциях социально-экономического развития страны. «Конституция» в данном контексте рассматривалась как средство устранения «политической

¹² Польза представительного правления. Письмо из Брюсселя // ДЖ. 1819. Ч. 33. Кн. 6. С. 333–334.

таинственности», которая, с одной стороны, препятствовала правительству своевременно принимать превентивные меры по нейтрализации негативных социально-экономических явлений, а с другой – способствовала распространению в народе слухов и росту недоверия граждан правительству. Именно «конституция», по словам известного российского ученого К. Ф. Германа, могла стать фактором формирования более открытых и доверительных отношений между властью и обществом. В одной из своих статей, он подчеркивал, что «политическая таинственность изгнана в Европе из Англии, России и Пруссии. Из Англии конституцией; из России и Пруссии мудростью монархов»¹³. На мой взгляд, такое употребление понятия «конституция», даже с допущенной оговоркой о «мудрости» российского самодержца, предполагало положительную оценку конституционного правления в целом.

В-третьих, наличие «конституции» рассматривалось в качестве необходимого условия для стабильного экономического роста и повышения благосостояния как отдельной личности, так и государства. Аргументируя данный тезис, российские авторы, как правило, обращались к опыту иностранных государств. Так, например, Н. И. Тургенев, оценивая перспективу восстановления французской экономики после революционных потрясений, отмечал, что «...если Франция еще долго будет находиться в мирном положении, то сие государство с помощью конституции вновь оживится; народная промышленность и заграничная торговля воскреснут, упадающее состояние Франции прекратится»¹⁴. Не менее четко взаимосвязь «конституции» и темпов экономического развития обозначил адмирал Н. С. Мордвинов. Анализируя положение во Франции и Англии, в 1816 г. он писал: «Франция, сделавшись конституционной монархией, очень быстро умножает богатство и могущество, в то время как другие европейские страны, оставшиеся со своими старыми законами, развиваются крайне медленно. Англия благодаря конституции, которая сделала ее богатой и

¹³ Герман К. Материалы для российской статистики // Стат. журнал. 1806. Т. 1. Ч. 1. С. 85.

¹⁴ Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. СПб., 1818. С. 272.

могущественной, смогла сопротивляться силам Европы, собранным в руках Наполеона...»¹⁵. Отсутствие «конституции» в нашей стране являлось, по мысли Н. С. Мордвинова, тормозом социально-экономического развития: «Россия, со своим самодержцем останется долго бедною и слабою, и не будет успешно развиваться по сравнению с конституционными странами»¹⁶.

На страницах российских журналов первой четверти XIX в. можно было найти материалы о благотворном влиянии «конституции» на развитие экономики не только в отношении стран так называемого «старого света», где конституционное правление преподносилось как исторически сложившаяся реальность, но и при описании социально-экономического положения относительно «молодых» государств. В данном контексте понятие «конституция» часто использовалось для объяснения причин усиления роли «Соединенных Американских областей» в мировой экономике. Именно учреждение «конституции» представлялось основной причиной стабилизации политического и социально-экономического положения этого государства. В 1820 г. издатель журнала «Отечественные записки» П. Свинын, анализируя экономические взаимосвязи Российской империи с «Северо-американскими штатами Америки», отмечал, что именно «конституция» стала основой укрепления торговых взаимосвязей со многими государствами мира¹⁷. О позитивном влиянии «конституции» российский читатель мог узнать и из серии статей опубликованных в «Духе журналов» под общим заголовком «Письмо одного немца из Северной Америки». В первой же части «письма» сообщалось: «Всеобщее благосостояние народа в Соединенных провинциях, без сомнения, приписать должно свободному правительству и превосходной конституции, охраняющей права всех и каждого. <...> Американцы дали себе самую свободную конституцию и ей обязаны

¹⁵ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 119. Л. 1; Д. 602. Л. 1–1 об.

¹⁶ Цит. по: Семенова А. В. Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982. С. 70.

¹⁷ Свинын П. Торговые отношения России с Соединенными областями и взгляд на генеральную торговлю последних // ОЗ. 1820. Ч. IV. Кн. VIII, декабрь. С. 273.

тем благосостоянием, коему подобного тщетно будет искать друг человечества в других государствах...»¹⁸.

В общем виде, на мой взгляд, такого рода статьи и информационные заметки о положении в других странах могли сформировать у российского читателя представление о «конституции» как основе стабильного развития, которая, с одной стороны, придавала «правительству силу и прочность», а с другой – юридически закрепляла право личности на «безопасность», неприкосновенность собственности, «свободу промышленности, мнений слов и мыслей»¹⁹. Не менее важным следствием учреждения «конституции», по мнению авторов подобных публикаций, было формирование у «граждан» чувства личной ответственности, уважения к «законам» и «гражданским правам» других людей. Так, например, в статье «О некоторых выгодах Германской конституции» неизвестный автор описывал поведение жителей немецких земель следующим образом: «Спокойно хранили Германцы справедливый и законный образ мыслей, вместе с пылкой приверженностью к вольной конституции и человечеству» и «все ссылались на законы, все старались, чтоб сии законы были уважаемы, все защищали свои поступки силою Конституции...»²⁰. В такой трактовке «конституция» существенно снижала вероятность возникновения в обществе острых социальных конфликтов и нередко преподносилась российскому читателю как желанная цель жителей различных стран²¹.

Особое место в ряду публикаций, формировавших позитивное отношение к «конституции», занимали обзорные статьи о положении в странах Европы. Так, например, в статье «Взгляд на некоторые земли» сообщалось о том, что в различных стра-

¹⁸ См.: Письмо одного немца из Северной Америки // ДЖ. 1816. Ч. 10. Кн. 13. С. 601–612. (продолжение статьи см.: ДЖ. 1816. Ч. 11. Кн. 16. С. 743–756; Кн. 18. С. 839–850; Кн. 20. С. 935–940).

¹⁹ См.: *Констан Б.* Голос благородного француза // СО. 1815. Ч. 21. № XIV. С. 60.

²⁰ О некоторых выгодах Германской конституции // ВЕ. 1808. Ч. XL. № 14. С. 185–186.

²¹ См. например: Новости политические. Португалия // СО. 1820 Ч. 65. № XLII. С. 91–92; Новости политические. Португалия // СО. 1823 Ч. 86. № XXV. С. 230–232.

нах Европы уже приняты, или активно разрабатывались национальные «конституции»²². При этом понятие «конституция» только на первых пяти страницах в безусловно положительном контексте употреблялось 22 раза. Перечисление в статье множества «земель», «вольных городов», «герцогств» и «королевств» с конституционной формой правления могло сформировать у российского читателя впечатление о том, что написание «конституции» являлось одной из наиболее актуальных задач, решение которой с нетерпением ожидали жители различных европейских стран.

Однако, наряду с позитивными оценками последствий установления «конституции» в различных странах мира, на страницах российских журналов высказывались и прямо противоположные мнения. Прежде всего, настороженное отношение к идее установления конституции присутствовало в текстах, информировавших читателя об опыте перехода европейских стран от абсолютной монархии к монархии конституционной через «революцию», которая прямо связывалась с беспорядками и «торжеством человеческих страстей». Ярким примером существования негативной ассоциативной взаимосвязи слов «конституция» и «революция» являлась статья «О якобинцах и якобинстве», в которой сообщалось, что якобинцы сами предпочитали называть себя «друзьями конституции»²³.

В более широком контексте понятие «конституция» имело ярко выраженный негативный подтекст в том случае, если оно использовалось при описании вооруженных конфликтов между сторонниками и противниками сохранения монархии. В подобного рода текстах приверженцы так называемой «конституционной партии» были представлены агрессивными и чрезвычайно опасными для мирных граждан людьми. Не случайно при упоминании о противниках короля достаточно часто употреблялась словосочетания «конституционный войска», «конституционные солдаты», а иногда прямо сообщалось, что «ис-

²² Взгляд на некоторые земли (из Берлинского журнала) // СО. 1816. Ч. 31. № XXIX. С. 111–120.

²³ О якобинцах и якобинстве // СО. 1816. Ч. 28. № XII. С. 235.

тупленный приверженец конституции угрожает расстрелять всякого, кто предпримет что-либо против оной»²⁴.

Не менее опасной преградой для достижения «общего блага» конституция могла стать в том случае, если она навязывалась какому-либо народу в результате внешнего завоевания. Такая «конституция», даже несмотря на то, что в ней могли быть провозглашены права и свободы «граждан», могла принести больше вреда, нежели пользы и, по сути, являлась лишь внешней формой, скрывавшей «властолюбие завоевателей». Чаще всего, в качестве неопровержимого доказательства справедливости данного суждения, российскому читателю предлагались материалы о том, что главной целью «конституций», установленных Наполеоном на завоеванных территориях было «истощение земли ужаснейшим образом», и «вся конституция... состояла в железной воле деспота»²⁵. Особенно отчетливо подобного рода оценки звучали после 1812 г. и были констатацией уже произошедших событий, повторение которых в России благодаря героизму русских солдат и офицеров было уже невозможно.

На фоне подобного рода публикаций наиболее приемлемым способом политической модернизации представлялось превентивное провозглашение октроированной конституции, которая была бы пожалована самим монархом добровольно, а не под давлением агрессивно настроенной толпы или группы заговорщиков. М. М. Сперанский в «Введении к уложению государственных законов» прямо писал об этом: «Российская конституция одолжена будет бытием своим не воспалению страстей и крайности обстоятельств, но благодетельному вдохновению Верховной власти, которая устраивая политическое бытие своего народа, может и имеет все способы дать ему самые правильные формы»²⁶. Такая постановка вопроса предпо-

²⁴ См.: Война в Испании // СО. 1823. Ч. 86. № XXI. С. 39–44; № XXV. С. 233–237.

²⁵ См.: Положение Европы (продолжение) // СО. 1813. Ч. 4. № VII. С. 23; Воззвание к государям Германским из русского стана // СО. 1813. Ч. 4. № XI. С. 200.

²⁶ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 29.

лагала, что именно император должен был стать инициатором и главным гарантом соблюдения конституции в России.

В данном контексте «добрая воля монарха» объявлялась неотъемлемым условием, позволявшим воспользоваться всеми «выгодами» конституционного правления и, одновременно, минимизировать риск возникновения «пагубных последствий» при проведении политических преобразований. Именно такой сценарий установления «конституции» в ряде государств после 1814 г. преподносился в российских журналах как отражение общеевропейской тенденции, направленной на восстановление законности и благосостояния граждан. Как правило, в сообщениях о стремлении монархов даровать «конституцию» подчеркивалось, что глава государства всегда заинтересован в сохранении социального мира, и поэтому он будет стремиться соединить проверенные временем и соответствующие «народному духу» традиции с новой политической реальностью. Например, в одном из номеров журнала «Сын Отечества» за 1814 г. сообщалось о том, что «новый король Франции... начертал конституцию благоразумную и свободную, умел согласовать новый порядок вещей со старым...»²⁷, а в 1823 г., в аналитическом обзоре «Образование новейшей политической системы», одним из факторов, способствовавших стабилизации социально-политической обстановки в Европе было объявлено согласие «союзных монархов... признать ту конституцию, которую даст себе Французская нация»²⁸.

Следуя данной логике, российские авторы подчеркивали, что без наличия доверительных отношений между властью и обществом «конституция» не сможет эффективно функционировать. Подобное утверждение можно найти и в представленных на высочайшее имя проектах, и на страницах российской периодической печати. Так, например, автор статьи, опубликованной в одном из номеров журнала «Русский вестник» за 1817 г., недвусмысленно писал: «Никакие конституции не

²⁷ Взгляд на нынешнее состояние европейских государств // СО. 1814. Ч. 16. Кн. XXXV. С. 123.

²⁸ Образование новейшей политической системы // СО. 1823. Ч. 90. № L. С. 146

обеспечат безопасности народной, есть ли она не будет ограждена единоначалием и единодушием»²⁹. Признание того, что «конституция» без наличия взаимопонимания власти и общества может стать лишь декларацией, не оказывавшей сколько-нибудь заметного влияния на повседневную жизнь граждан, являлось отражением одного из существовавших в первой четверти XIX в. негативных контекстов употребления данного понятия. Формальная «конституция» признавалась не только не нужной, но и опасной, т. к. она могла стать причиной роста недоверия к любым законам³⁰.

В наиболее отчетливой форме отрицательное отношение к формальному, декларативному характеру любых конституционных актов отражено в публикациях, содержащих оценки действенности «конституций» в различных странах мира. Так, например, в одном из номеров «Духа журналов» от имени издателя была размещена статья с критикой сочинения французского посла в Турции графа А. Ф. Андреосси «Путешествие к устью Черного моря или опыт изыскания о Босфоре с атласом», в котором рассказывалось о «турецкой конституции». Автор статьи с нескрываемым удивлением и раздражением комментировал работу графа Андреосси: «Конституция – в Турции! В государстве самом деспотическом на свете! Где жизнь и имущество каждого, начав от Верховного Визиря и до последнего гражданина, зависит от минутного своенравия самовластнейшего Султана... в таком государстве Конституция!»³¹. Такая «конституция», по мысли автора, не имела ничего общего с европейским представлением о главном юридическом документе любого государства и была названа «мнимой»³². Избранный автором иронический стиль изложения материала, на мой взгляд, предполагал восприятие читателем информации о «турецкой конституции» как о некоем курьезе, ставшем результатом неправильной трактовки реальной политической обстановки.

²⁹ Нравственное обозрение областей европейских // РВ. 1817. № 11–12. С. 53.

³⁰ См.: И конституции бывают иногда гибельны народам // ДЖ. 1815. Ч. 8. Кн. 50. С. 1231–1238.

³¹ Андреосси А. Турецкая конституция // ДЖ. 1818. Ч. 31, окт. С. 388.

³² Там же. С. 394.

Мысль о возможности существования конституции лишь на уровне декларации присутствовала в российской периодической печати и в отношении ряда европейских стран. В ноябрьском номере журнала «Вестник Европы» за 1802 г. автор статьи «Несколько слов о новой французской конституции» с сожалением признавал, что конституция не оправдала надежд, связанных с решением проблемы произвола чиновников, взяточничеством, обеспечением личной безопасности и свободы печати. Одной из причин такого положения, по мнению автора, было стремление Наполеона с помощью «конституции» узаконить личный контроль за всеми органами исполнительной и законодательной власти. В подобной ситуации, оценивая действенность конституции, автор писал: «Что же теперь конституция? Минутная форма, которая может сто раз перемениться, следуя влечению обстоятельств и воле правления»³³. С аналогичными суждениями, но уже об английской конституции³⁴, российский читатель мог познакомиться в журнале «Русский вестник», на страницах которого сообщалось: «В Виртенбергии приступают к конституции; в Англии она уже несколько веков существует, но и там... восклицают: «где конституция наша? Она у нас в бездействии, хотя и славится в других землях». Можно отвечать, ...что хотя английская конституция и славится вне Англии, но мы убеждены, что она далека от совершенства, не существующего в сем мире»³⁵. Таким образом подчеркивалась нецелесообразность установления «конституции», если в стране еще не сложились отношения взаимного доверия между представителями власти и обществом, а также система четкого контроля за исполнением норм права.

Указанные выше примеры положительных и отрицательных коннотаций позволяют предположить, что в сознании образованного российского подданного сложилось двойственное

³³ Несколько слов о новой Французской Конституции // ВЕ. 1802. Ч. VI. № 21, ноябрь. С. 58.

³⁴ См. подробнее о двойственном отношении к английской конституции: Предтеченский А. В. Англomania // Анатолий Васильевич Предтеченский: из творческого наследия. СПб., 1999. С. 47–50, 55–66, 71, 73, 89, 93.

³⁵ Нравственное обозрение областей Европейских. С. 52–53.

отношение к «конституции». С одной стороны, утверждалось, что наличие конституции способствует ускорению темпов экономического развития и повышению эффективности системы государственного управления. С другой стороны, не менее часто высказывались опасения, что для агрессивно настроенных членов общества, стремящихся к перераспределению материальных благ, привилегий и власти, идея установления конституционного правления могла стать достаточным основанием для антиправительственной деятельности и привести к политическому расколу и революции.

Неоднозначность трактовок обусловила актуальность вопроса о целесообразности и границах заимствования конституционных идей с учетом конкретно-исторических особенностей Российской империи. Дополнительным стимулом для поддержания интереса к данной теме была сложившаяся в 1802–1820 гг. практика публикации текстов зарубежных конституций в отечественных журналах. Такие известные российской читающей публике издания как «Сын Отечества», «Вестник Европы», «Дух журналов» нередко печатали основные положения европейских конституционных актов³⁶. На этом фоне показательным, на мой

³⁶ См. например: Конституция Итальянской республики // ВЕ. 1802. Ч. II. № 5, март. С. 71–79; С.-Маринская республика. Письмо одного немецкого путешественника в 1801 г. // ВЕ. 1802. Ч. VI. № 21, ноябрь. С. 63–69; О некоторых выгодах Германской конституции // ВЕ. 1808. Ч. XI. № 14. С. 183–187; Государственный устав Испанской Монархии // ВЕ. 1813. № 13. С. 48–67; № 14. С. 130–132; Конституция Французского королевства // СО. 1814. Ч. 13. № XVII. С. 193–197; Ч. 14. № XXV. С. 259–270; Взгляд на республику Соединенных Американских областей // СО. 1814. Ч. 17. № XLV. С. 253–270; Новая конституция Франции, изданная под названием дополнительного акта к государственным конституциям // ДЖ. 1815. Ч. 3. Кн. 20. С. 1063–1071; О конституции Норвежского государства // ВЕ. 1816. Ч. 88. № 16. С. 284–295; Дополнительный трактат относительно Кракова, области его и конституции, заключенный между Россиею, Австриею и Пруссиею // ДЖ. 1817. Ч. 23. Кн. 45. С. 795–818; Конституция Англии [закон о парламенте] // ДЖ. 1817. Ч. 17. Кн. 5. С. 225–256; Государственное уложение Баварского королевства // ДЖ. 1818. Ч. 31, ноябрь. С. 525–572; Государственное уложение Великого герцогства Баденского // Архив ист. и полит.: из Духа журналов. СПб., 1818. С. 228–260; Польза представительного правления. Письмо из Брюсселя // Архив ист. и полит.: из Духа журналов. СПб., 1819. С. 77–79; Конституция Северо-Американских областей // ДЖ. 1820. Ч. 38: Кн. 2. С. 73–88; Кн. 3. С. 97–116; Кн. 4. С. 157–164.

взгляд, является фраза неизвестного российского автора, который, завершая обзор иностранных известий, восклицал: «Наше время можно назвать временем трактатов и конституций»³⁷.

Появление на страницах российских журналов текстов конституций различных стран мира было важнейшим фактором формирования в образованных кругах русского общества первой четверти XIX в. представлений о содержании и структуре основополагающего законодательного акта. Именно поэтому для определения особенностей понимания современниками содержательной стороны «конституции» особое внимание необходимо обратить, во-первых, на то, какие именно статьи были отобраны редакцией для публикации, во-вторых, какие синонимы слова «конституция» были использованы при переводе текстов на русский язык. Все это позволит определить принципы, которые могли быть восприняты российским читателем как основополагающие для любой конституции, и одновременно, выявить попытки описать процесс политической модернизации Европы с помощью привычной терминологии.

Все опубликованные в первой четверти XIX в. на страницах российских журналов тексты зарубежных конституций можно разделить на две группы: первую группу составляют конституции стран Европы с республиканской формой правления, вторую – так называемые «королевские» конституции, описывавшие политическое устройство в странах с монархической формой правления.

Республиканские конституции, как правило, публиковались с существенными сокращениями и сопровождалась развернутыми комментариями, смысл которых нередко сводился к вольному пересказу близких по своему содержанию статей. Характерным примером такого рода публикаций было изложение основ итальянской и американской конституций в журналах «Вестник Европы» и «Сын Отечества» в 1802 и 1814 гг. Сравнительный анализ данных публикаций позволяет предположить, что при отборе статей основное внимание было обращено на то, каким образом в текстах республиканских конституций закреплены принципы

³⁷ Известия и замечания // ВЕ. 1802. Ч. II. № 5, март. С. 93.

разделения властей, равенства граждан перед законом, неприкосновенности собственности, свободы вероисповедания, а также порядок внесения по мере необходимости изменений в текст конституции. Особое значение придавалось вопросу о реализации принципа выборности в процессе формировании высших органов государственной власти. Так, например, при описании «конституции» Итальянской республики подчеркивалось, что «верховная власть находится в общественности граждан» и «три избирательных коллегии, а именно: коллегия владельцев, ученых и торговых людей, суть главный орган народной власти»³⁸. Одновременно сообщалось, что непосредственное управление вверено избираемому на 10 лет «Президенту» совместно с «Государственной Консультой и Законодательным советом»³⁹. При этом особый акцент делался на существовании имущественного, возрастного и образовательного ценза, который всегда представлен был как очевидный и не требующий дополнительных аргументов принцип, позволявший недопустить к управлению государством неподготовленных людей.

Значительно более подробно в российских журналах были представлены тексты конституций стран с монархической формой правления. Конечно, как и в случаях с республиканскими конституциями, приводился не полный текст документа, а лишь наиболее важные, с точки зрения издателя, статьи. Однако такого рода публикации не сводились к пересказу основного содержания, а представляли собой дословное воспроизведение переведенных на русский язык конкретных статей конституции с указанием их порядкового номера. Представленный в форме цитат текст, безусловно, вызывал больший интерес и позволял наглядно показать читателям пластичность монархической формы правления, при которой верховный правитель, соглашаясь на подписание конституции, демонстрировал приверженность власти к мирному развитию событий, желание укрепить «законность» и гарантировать соблюдение «гражданских прав» для всех своих подданных.

³⁸ Конституция Итальянской республики // ВЕ. 1802. Ч. II. № 5, март. С. 71–72.

³⁹ Там же. С. 74.

Ярким примером публикации так называемых «королевских конституций» было размещение на страницах журнала «Сын Отечества» «Конституции Французского королевства». В предисловии к документу было напечатано переведенное на русский язык обращение Людовика XVIII к французам, в котором он признавал, что «свободная монархическая конституция» соответствовала «ожиданиям просвещенной Европы», но за основу для составления «конституционной хартии были взяты «характер французов и почтенные памятники веков протекших»⁴⁰. Такое предисловие было воспринято российскими читателями как дополнительное подтверждение того, что для создания «конституции» принципиально важно «свободное» волеизъявление монарха и её соответствие ее содержания проверенным опытом предшествующих поколений, но сохранившим свою актуальность нормам права.

Читателям журнала «Сын Отечества» было представлено 76 статей «свободно даруемой» и торжественно объявленной французскому народу в Париже 23 мая 1814 г. «конституционной хартии». В русском переводе текст «конституции» был разделен на несколько частей и начинался с перечисления следующих гражданских прав: «1. Французы равны перед законом, каковы бы ни были их титула и степени. 2. Они участвуют без различия в податях государственных по соразмерности их имущества. 3. Они равно могут быть определяемы к должностям гражданским и воинским. 4. Личная их свобода равномерно обеспечивается. Никто не может быть преследуем или забираем под стражу, иначе как в случаях, предписанных законом и по установленной форме. 5. Всяк исповедует веру свою с равною свободою и в богослужении своем пользуется одним покровительством; 8. Французы имеют право обнародовать и предавать тиснению свои мнения, сообразуясь с законами, которые должны обуздывать злоупотребления сей свободы. 9. Всякая собственность неприкосновенна... 10. Государство может требовать пожертвования собственности для общей выгоды, признанной законами, но в тоже время обязано предвари-

⁴⁰ Конституция Французского королевства // СО. 1814. Ч. 14. № XXV. С. 260.

тельно заменить оное пожертвование»⁴¹. Сформулированные таким образом права граждан преподносились как основополагающие нормы конституции любой страны. Для того чтобы убедиться в этом российскому читателю достаточно было сравнить содержание «гражданских прав», провозглашенных в аналогичных конституционных актах, таких, например, как «Государственный устав Испанской монархии», «Государственное уложение Баварского Королевства», «Государственное уложение Великого герцогства Баденского», которые с небольшим временным промежутком были опубликованы на страницах российских журналов⁴².

Еще одним обязательным элементом внутренней структуры «королевских конституций» были статьи, регламентирующие взаимоотношения монарха и выборных органов народного представительства. Именно этот раздел вызывал наибольший интерес российских читателей, т. к. его содержание было посвящено главному как для сторонников сохранения абсолютной монархии, так и для приверженцев проведения кардинальных политических преобразований вопросу о необходимости и характере ограничений властных полномочий императора. В общем виде российской периодической печати первой четверти XIX в. было представлено две модели взаимодействия монарха и избранных народом «депутатов».

В соответствии с первой моделью власть короля могла быть существенно ограничена выборными органами. Наиболее четко причины и механизмы сокращения властных полномочий были представлены в «Государственном уставе Испанской Монархии». Теоретическим основанием необходимости введения ограничений была идея верховенства интересов «нации» над суверенитетом монарха. Не случайно уже в первых статьях провозглашалось, что «самодержавие существенно

⁴¹ Там же. С. 261–262.

⁴² См.: Государственный устав Испанской Монархии // ВЕ. 1813. № 13. С. 48–67; № 14. С. 130–132; Государственное Уложение Баварского королевства // ДЖ. 1818. Ч. 31, ноябрь. С. 527–528, 543–545; Государственное Уложение Великого герцогства Баденского // Архив ист. и полит.: из Духа Журналов. СПб., 1818. С. 228–260.

принадлежит нации, почему ей же принадлежит исключительно и право утверждать свои коренные законы»⁴³. Логическим продолжением «права нации утверждать законы» было определение формы правления как «монархической, ограниченной, наследственной»⁴⁴. В соответствии с конституцией испанскому королю «исключительно» принадлежала «власть исполнительная», «право утверждать законы» и «изъявлять несогласия свое на утверждение закона», «определять присутствующих во все гражданские и уголовные судилища»⁴⁵, однако в остальном его «права» были существенно ограничены. Так, например, без согласия Кортесов он не мог заключать союз или договор, устанавливать подати и привилегии, лишить кого-либо свободы или собственности, единолично назначить наказание, отречься от престола, и даже выезжать за пределы страны и вступать в брак⁴⁶. Все указанные ограничения заметно контрастировали с объемом прав Кортесов, властные полномочия которых были перечислены в 24 пунктах 131 статьи конституции⁴⁷. Такой пример доминирования выборных институтов над личным мнением монарха привлекал представителей радикально настроенных тайных обществ. Несколько позднее один из подследственных по делу декабристов М. А. Дмитриев-Мамонов признавал, что «конституция Гишпанских кортесов весьма мудро писана»⁴⁸.

Вторая модель взаимоотношений короля и органов словесного представительства предусматривала сохранение основных полномочий монарха при наличии законодательно установленной процедуры согласования его решений с мнением выборных депутатов. Именно такой алгоритм взаимоотношений был зафиксирован, например, в конституции Франции 1814 г., в соответствии с которой король оставался «особой» «неприкосновенной и священной» и принимал непосредственное участие в процессе разработки, утверждения и

⁴³ Государственный устав Испанской Монархии // ВЕ. 1813. № 13. С. 49.

⁴⁴ Там же. С. 51.

⁴⁵ Там же. С. 51, 57–58, 59.

⁴⁶ Там же. С. 60–62.

⁴⁷ Там же. С. 55–57.

⁴⁸ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 15. Л. 80.

реализации законов. При переводе на русский язык основные властные полномочия короля были размещены в разделе «Образ королевского управления» и сформулированы предельно четко: «Король есть глава государства»; «Исполнительная власть принадлежит одному королю»; «Законодательною властью пользуется Король обще с Палатою Перов и Палатою депутатов Департаментов»; «Предложение закона вносится по воле Короля в палату Перов или в Палату депутатов»; «Право утверждать и обнародовать законы принадлежит одному Королю»; «Нельзя сделать никакого поправления в законе, если оно не было представлено Королем...»⁴⁹. В таком виде «конституция» не вызывала у российского читателя ярко выраженной негативной реакции и воспринималась как вполне приемлемый инструмент стабилизации политической обстановки. Более того, как убедительно показано в исследованиях Н. В. Минаевой, К. С. Чернова, В. Ю. Захарова, общая схема взаимоотношений монарха с органами сословного представительства, зафиксированная в подобных «королевских конституциях» была тщательно изучена и рассматривалась в качестве примерного образца при составлении «Введения к уложению государственных законов» М. М. Сперанского, «Конституционной хартии Царства Польского», «Государственной уставной грамоты Российской империи» Н. Н. Новосильцова⁵⁰.

Сравнительный анализ опубликованных в российских журналах текстов европейских конституций, вне зависимости от того рассматривались ли они читателями в качестве образца для составления проектов или не вызывали ничего кроме резкого неприятия, позволяет предположить, что в сознании образованного российского подданного было сформировано четкое представление о внутренней структуре «конституции»: в ней

⁴⁹ Конституция Французского королевства // СО. 1814. Ч. 14. № XXV. С. 262, 263, 265.

⁵⁰ Минаева Н. В. Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982; Чернов К. С. Забытая конституция «Государственная уставная грамота Российской империи». М., 2007; Захаров В. Ю. Российский конституционализм второй половины XVIII – первой четверти XIX вв. в контексте развития западноевропейской правовой мысли. Дисс. ... док. ист. наук. М., 2010.

обязательно должно быть описание системы государственного управления и определены основные гражданские права. Такая общая схема не противоречила представлению о «конституции» как собрании «коренных законов». Своеобразным отражением синонимичности данных понятий было то, что при переводе на русский язык в тексте документа понятие «конституция» могло употребляться неоднократно, а в заголовке оно заменялось словосочетаниями «Государственный устав», «Государственное уложение» и т.п. На мой взгляд, это было обусловлено не только стремлением редакции журналов минимизировать негативные ассоциации с революционными событиями во Франции, но и более точно соответствовало общественным ожиданиям реформы российского законодательства, главным результатом которой должно было быть появление в России аналогичного по структуре «государственного уложения» или «коренного закона».

Существовавшие в российском обществе представления о сходстве внутренней структуры предполагаемого «коренного закона» с «конституцией» были зафиксированы в многочисленных проектах и записках, адресованных императору Александру I, а также в трудах известных российских ученых. Показательным в данном контексте является учебное пособие В. Г. Кукольника, автор которого, объясняя что такое «коренной закон», писал: «Коренные законы, заключающие в себе состав или книгу, утвержденную и обнародованную верховной законодательной властью, называется *Конституцией* народа, или государства»⁵¹. Содержательно «коренные законы», по мнению автора, должны определять «...отношения Граждан к верховной Власти и сей последней к гражданам», а также «...образ мер и средств правления Государства, распределение политического состояния государственных сословий, означение представленных им преимуществ, политических прав и обязанностей к Государству, равно как и к Верховной власти онаго...»⁵².

⁵¹ Кукольник В. Г. Российское частное гражданское право. Ч. 1.: Изложение законов по предметам частного гражданского права, лицам, вещам и действиям. СПб., 1815. С. 8.

⁵² Там же. С. 7–8.

Не менее четко сходство структуры «коренных законов» с «конституцией» просматривается в сочинении адъюнкт-профессора Главного педагогического института К. Арсеньева «Начертание статистики российского государства», в которой автор, рассуждая о содержательной стороне «коренного закона», писал: «Коренные законы Российской Империи относятся к трем существенным главным предметам: 1) они сохраняют целость и состав всего государства; 2) они определяют права и власть монарха; 3) содержат права народа или различных классов подданных»⁵³. Аналогичное представление о структуре главного законодательного акта страны отражено и в работе М. М. Сперанского «Введение к уложению государственных законов». «Коренной закон» должен устанавливать: «1. Права державной власти; 2. Закон, возникающий из прав державной власти; 3. Права подданных»⁵⁴. Следует отметить, что подобная структура прослеживается практически во всех известных нам проектах российской конституции, созданных в первой четверти XIX в. Таким образом главное назначение «коренного закона» или «конституции» – упорядочить систему государственного управления и установить оптимальное соотношение прав и обязанностей граждан.

Существовавшая на уровне представлений о структуре «коренного закона» идея законодательного закрепления гражданских прав обусловила формирование логической и ассоциативной связи слов «закон», «конституция» и «свобода». В данном контексте становится понятна реакция образованной части российского общества на выступление Александра I при открытии Польского Сейма в марте 1818 г. Обращаясь к собравшимся, император говорил всего лишь о намерении распространить «правила законосвободных учреждений» на все пространство Российской империи, не используя при этом слово «конституция»⁵⁵, но многие современники отождествляли

⁵³ [Арсеньев К.] Начертание статистики российского государства... Ч. 2. С. 1.

⁵⁴ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 19; Сперанский М. М. План государственного преобразования. М., 2004. С. 9.

⁵⁵ Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при открытии Сейма Царства Польского в 15/27 день марта 1818 года в Варшаве // ДЖ. 1818.

такого рода заявления с желанием верховной власти даровать российским подданным «конституцию»⁵⁶.

Обозначенная императором перспектива учреждения «на всем пространстве Российской империи» конституции вызвала неоднозначную реакцию представителей образованной части российского общества⁵⁷. Однако и для сторонников, и для противников объявленного Александром I намерения было очевидно, что его реализация может существенно изменить правовое положение российских подданных и привычный характер межсословных отношений, т. к. в любой стране «конституция» подразумевала, прежде всего, закрепление в законе прав и свобод «гражданина». Подобная логика представлена в правительственных проектах реформирования системы государственного управления и в программных документах разнообразных тайных обществ.

Так, например, впервые официально озвученный в процессе обсуждения на заседаниях Негласного комитета проекта «Жалованной грамоты российскому народу» А. Р. Воронцова, европейский принцип свободы личности и неприкосновенности частной собственности в последствии неоднократно воспроизводился как в написанных по поручению императора проектах конституции, так и в сочинениях, представленных российскому самодержцу по личной инициативе. Более ста рукописных страниц «Введения к уложению государственных законов» М. М. Сперанский посвятил рассмотрению сущности и объема прав граждан. Позднее принцип равенства граждан перед законом, права личности на безопасность, «свободу передвижения», свободу печати и «неприкосновенность частной собственности» были официально подтверждены в статьях 11, 16–27 «Конституционной Хартии Царства Польского», разработанной под руководством Н. Н. Новосильцева и А. Чарто-

Ч. 27, кн. 14. С. 423–430. Практически одновременно речь императора была опубликована также в газетах «Северная почта» (1818. № 26) и «Московские ведомости» (1818. № 29. С. 575–577).

⁵⁶ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 63 об.

⁵⁷ См.: МIRONENKO С. В. Страницы тайной истории самодержавия: политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 19–26.

рыйского⁵⁸, а в 1818–1819 гг. наличие у российских подданных аналогичных прав было зафиксировано в статьях 78–90 и 97–98 «Государственной уставной грамоты Российской Империи»⁵⁹, которая предположительно должна была стать первой общероссийской конституцией.

Не менее отчетливо отождествление «конституции» с принципами личной свободы и равенства граждан перед законом прослеживается в материалах следствия по делу декабристов. Так, например, один из активных участников восстания декабристов П. Г. Каховский, опровергая версию следственной комиссии, что большинство солдат вышедших 14 декабря 1814 г. на Сенатскую площадь не понимали что такое «конституция», писал: «Мы очень желали бы заменить Конституцию законом и имели слово, потрясающее сердца всех сословий в народе: свобода!»⁶⁰. Подобное объяснение с использованием ключевых для понимания сущности «конституции» слов «свобода» и «закон» было бы, по мысли П. Каховского, вполне достаточным даже для тех, кто не был знаком с содержанием европейских конституционных актов. В таком сочетании «свобода» не означала полного безвластия или «своеволия», а совпадала с представлениями о «законной свободе», при которой граждане имели бы не только права, но и взаимные обязанности.

Еще одним логическим следствием учреждения в России «конституции», которое было одной из причин резко негативной реакции консервативно настроенной части российского общества на речь императора Александра I, современники считали ликвидацию «рабства крестьян»⁶¹. Так, например,

⁵⁸ ГАРФ. Ф. 1769. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 1–6.

⁵⁹ См.: Государственная уставная грамота Российской империи (1818 г.) // Минаева Н. В. Век Пушкина. М., 2007. Приложение. С. 224–227.

⁶⁰ Цит по: Нечкина М. В. Восстание 14 декабря 1825 года. М., 1951. С. 154. В данной работе Нечкина М. В. убедительно доказывала несостоятельность появившейся в ходе следствия по делу декабристов версии, что участники выступления 14 декабря 1825 г. не понимали в чем заключался смысл слова «конституция», и будто бы полагали, что это имя жены цесаревича Константина, см. С. 152–156.

⁶¹ См.: МIRONENKO C. B. Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 159–161.

Ф. В. Ростопчин, характеризуя настроения столичного дворянства, сообщал С. Р. Воронцову, что многие в Петербурге «... под конституцией разумеют освобождение крестьян..., но не захотят ограничить свою власть и подчинить себя господству правосудия и разума»⁶². Указанные в письме Ф. В. Ростопчина опасения помещиков о том, что с появлением «конституции» их власть над крестьянами будет существенно ограничена, а сами они, как и все российские подданные, должны будут «подчинить себя господству правосудия», косвенно подтверждает широкое распространение ассоциативной и логической связи «конституции» с принципом равенства всех перед законом. В данном контексте российская конституция рассматривалась как юридический документ, превращавший крестьян из объекта в субъект права, а следовательно, помещик в новых условиях должен был бы выстраивать отношения с земледельцами не в соответствии с исторически сложившейся практикой обращения с «ревизскими душами», а на основе действующего законодательства.

Наряду со «свободой» и равенством граждан перед законом понятие «конституция» в сознании образованного российского поданного было тесно связано с принципом сословного представительства. Чаще всего, создание в России выборного законодательного (или законосовещательного) органа при императоре признавалось оптимальным вариантом разрешения проблемы низкой эффективности управления и цивилизованной формой помощи монарху. Впервые такой подход к проблеме модернизации российской системы государственного управления был озвучен уже в апреле–мае 1802 г. в процессе обсуждения в Государственном Совете вопроса «О правах и преимуществах Сената»⁶³. И хотя большинство членов Совета считали нецелесообразным наделение Сената дополнительными полномочиями, некоторые участники обсуждения говорили о необходимости изменить порядок его формирования. Так, например, С. П. Румянцев и Н. С. Мордвинов представи-

⁶² Цит. по: *Мироненко С. В.* Страницы тайной истории самодержавия... С. 23.

⁶³ См.: Архив ГС. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1878. С. 15–50.

ли свои «Особые мнения», общий смысл которых сводился к предложению сделать Сенат более действенным институтом государственной власти посредством изменения его внутренней структуры и введения элементов выборности сенаторов⁶⁴. Все подобные предложения, на мой взгляд, отражали в начале царствования императора Александра I общее направление поиска представителями дворянской элиты оптимальных способов помощи монарху: ориентируясь на основополагающие принципы европейских «королевских конституций», они считали принципиально важным сохранить существовавшую систему управления. С этих позиций в первые годы XIX в. наиболее эффективным было признано не создание каких-либо новых выборных органов, а совершенствование проверенных временем организационных структур⁶⁵.

Целесообразность адаптации европейских конституционных идей в России объясняли, чаще всего, особенностями социальной структуры, наличием крепостного права и низким уровнем «просвещения народа». В этих условиях необходимым признавалось внимательное изучение западноевропейского опыта с последующим заимствованием лишь тех его элементов, которые соответствовали исторически сложившимся особенностям российской социально-политической системы. В декабре 1814 г. В. П. Кочубей, размышляя о возможных вариантах использования опыта европейского конституционализма, утверждал, что России, как «...государству приближающемуся ежечастно к другим народам, большое общество европейское составляющим, ...следует, не повинаясь слепо учреждениям чужеземным, соображать свои собственные с настоящим положением государства и усовершенствовать оные»⁶⁶. Своевременным и безопасным шагом, по его мнению, было не немедленное создание аналогичных европейским выбор-

⁶⁴ См.: Мнение о правах Сената графа С. П. Румянцева // Архив ГС. Т. 3. Ч. 1. СПб., 1878. С. 31–37; Мнение Мордвинова о правах Сената // Архив графов Мордвиновых. Т. 3. СПб., 1902. С. 221–225.

⁶⁵ См. подробнее: Тимофеев Д. В. Европейские идеи в России: восприятие либерализма правительственной элитой в первой четверти XIX века. Челябинск, 2006. С. 169–172.

⁶⁶ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 50. Л. 3.

ных органов сословного представительства, а модернизация уже существующих государственных структур: «В России... принадлежности законодательства не могут быть вверены никакому иному месту как Государственному Совету. Не могут они присвоены быть Депутатам Губернским, ...ибо степень просвещения есть еще слишком в Империи ограничена, чтоб можно было нам подражать другим»⁶⁷. Отсутствие необходимой «степени просвещения», под которой понимался не только определенный уровень образования, но и способность личности к всестороннему анализу ближайших и отдаленных последствий принимаемых решений, называлось достаточно часто в качестве главной причины несвоевременности немедленного внедрения на практике принципа сословного представительства. Следует отметить, что призыв В. П. Кочубея отказаться от «слепого подражательства» Европе при реформировании системы взаимоотношений граждан и верховной власти не означал отказа от стратегической цели – установления в России конституционной монархии, опирающейся в своем правлении на мнение народных представителей. Сам В. П. Кочубей, объясняя свою позицию, подчеркивал, что наша страна в будущем «последует... примеру других государств»⁶⁸. Однако продвижение в данном направлении не должно было быть поспешным: необходимо провести тщательный анализ всех ближайших и отдаленных последствий предполагаемого изменения устоявшегося порядка управления государством, понять насколько органично и безболезненно новые институты могли быть «встроены» в существовавшую систему общественных отношений.

Несколько позднее, особенно после 1815 г., принцип сословного представительства становится неотъемлемой частью собственно конституционных проектов М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова⁶⁹, Н. Н. Новосильцева. С этого времени наиболее приемлемыми инструментами адаптации к российским условиям европейского принципа сословного представительства авторы конституционных проектов называли установление

⁶⁷ Там же. Л. 8.

⁶⁸ Там же. Л. 8.

⁶⁹ См.: Архив графов Мордвиновых. Т. 4. СПб., 1902. С. III–IV.

достаточно высокого имущественного ценза и создание много-ступенчатой системы выборов в центральные законодательные (или законосовещательные) органы власти при императоре.

Необходимость существования имущественного ценза не вызывала в образованных кругах российского общества сколько-нибудь серьезных возражений. Наличие собственности у претендентов на роль помощников российского императора преподносилась в качестве «естественного» условия их вхождения в правительственные сферы, т. к. именно «собственность», по мнению авторов проектов российской конституции, воспитывала в человеке чувство ответственности, а, следовательно, служила дополнительной гарантией принятия народным избранником «взвешенного» решения. Подобное объяснение целесообразности введения имущественного ценза в начале XIX в. кристаллизовалось в не требующей доказательства аксиоме: «...чем более человек приемлет участия в собственности, тем естественно более он печется о ее сохранении»⁷⁰. Постепенно в кругах европеизированного российского дворянства было распространено убеждение в том, что любой собственник, получив новый для него статус законодателя, всегда будет бережно относиться к свободе и собственности другого человека, т. к. он, в случае принятия нормативных актов, ущемляющих право на обладание собственностью, автоматически вступал бы в противоречие со своими личными интересами. Дополнительной гарантией того, что в результате проведения выборов в высшие эшелоны власти смогут попасть только самые достойные представители российского общества должна была стать многоступенчатая система формирования общероссийского органа народного представительства, в соответствии с которой депутат каждой вышестоящей ступени избирался бы общим собранием депутатов нижестоящего уровня.

Подобная система должна была обеспечить тщательный отбор претендентов на роль помощников императора, что в конечном итоге, минимизировало бы риск возникновения ряда негативных последствий, о существовании которых в странах

⁷⁰ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 65 а. Л. 100.

Европы нередко сообщали российские газеты и журналы. Авторы целого ряда публикаций, принципиально не отвергая необходимость учреждения в России «конституции», высказывали сомнения в эффективности работы органов сословного представительства⁷¹. Обоснование такой позиции нередко происходило посредством обращения к мнению известных зарубежных политиков, которые знали о механизме и результатах реализации принципа сословного представительства не только в теории, но и на практике. Так, например, в одном из номеров журнала «Русский вестник» за 1817 г. анонимный автор для доказательства несовершенства принципа выборности приводил слова Б. Франклина: «когда собирают великое число людей для получения от их совокупной мудрости, то в то же самое время собирают вместе с ними их предрассудки, заблуждения, их страсти, их местные выгоды»⁷². Таким образом подчеркивалось, что сословное представительство не является абсолютным эталоном для подражания, а требует более внимательного, вдумчивого осмысления и корректировки в соответствии с особенностями социально-политической обстановки в стране, традициями и обычаями народа.

С этих позиций «конституция» воспринималась как средство, но не конечная цель политического развития России. В идеале она должна была бы стать лишь инструментом поддержания стабильности, с помощью которого возможно было повысить эффективность системы государственного управления и обеспечить бесконфликтное развитие страны. Именно такой инструменталистский, по своей сути, подход к конституции был провозглашен Александром I на закрытии польского Сейма 15/27 марта 1818 г. Подводя итоги его работы, император выразил уверенность в том, что посредством «народного представительства» он и в дальнейшем сможет «...услышать искреннее и полное выражение общественного

⁷¹ См., например: Некоторые замечания на уголовные и гражданские законы в отношении к России // ВЕ. 1803. Ч. VII. № 2. С. 141–156; Нечто о началах правлений // СПбж. 1804. № 4. С. 124.

⁷² Нравственное обозрение областей Европейских. С. 52.

мнения»⁷³. Таким образом созданные в соответствии с конституцией выборные органы сословного представительства рассматривались им как дополнительный канал получения информации о положении на местах. Можно предположить, что озвученная верховной властью позиция, наряду с известными образцами европейских конституций и зафиксированными в «Наказе уложенной комиссии» наставлениями Екатерины II, была идейной основой при составлении правительственных проектов общероссийской конституции. Данное предположение подтверждает проведенный К. С. Черновым сравнительно-текстологический анализ конституционных актов стран Европы, США и «Государственной уставной грамоты Российской империи». Одновременно с «текстологическими» и «смысловыми заимствованиями» из зарубежных конституций статей провозглашавших целый ряд гражданских прав и свобод, Н. Н. Новосильцов использовал европейские теории общественного договора и разделения властей для обоснования верховенства власти самодержца⁷⁴. В ст. 11. «Государственной уставной грамоты Российской империи» было записано: «Государь есть единственный источник всех властей гражданских, политических, законодательных и военных»⁷⁵. В такой трактовке главная функция Государственного Сейма сводилась бы к сбору информации с мест и предварительному обсуждению законодательных инициатив монарха, что, по мнению К. С. Чернова, превращало бы его в более совершенный аналог «постоянно действующей Уложенной комиссии»⁷⁶.

В более широком контексте, и в проектах, и в материалах периодической печати первой четверти XIX в. отчетливо про-

⁷³ Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при закрытии Сейма Царства Польского в 15/27 апреля 1818 года в Варшаве // ДЖ. 1818. Ч. 27. Кн. 19. С. 561.

⁷⁴ Чернов К. С. «Государственная уставная грамота Российской империи» (к вопросу о российском конституционализме). Автореферат... канд. ист. наук. М., 2007. С. 19, 25.

⁷⁵ Государственная уставная грамота Российской империи (1818 г.) // Минаева Н. В. Век Пушкина. М., 2007. Приложение. С. 211.

⁷⁶ Чернов К. С. «Государственная уставная грамота Российской империи»... С. 23.

слеживается тезис о невозможности существования универсальной для всех стран и народов «конституции». Определенное сходство было допустимо лишь во внутренней структуре «конституции», но содержание конкретных юридических норм в разных странах могло и должно было существенно отличаться. На страницах российских журналов рассуждения на данную тему, как правило, сопровождались многочисленными примерами, иллюстрировавшими своеобразие «коренных законов» в странах с различными природно-географическими условиями и культурными традициями⁷⁷. Особенно отчетливо мысль о невозможности установления универсальной «конституции» для всех народов Европы была представлена в публикациях, авторы которых доказывали «противоестественность» намерения Наполеона установить на всех оккупированных им территориях «общие законы». Бесперспективность подобного рода попыток нередко преподносилась как общепризнанный факт. В статье «О соединении и смешении государств», например, читателю сообщалось: «Люди сведущие в политике и в истории государств согласно утверждают, что не всякая конституция и не всякая форма правления равно годится для того или другого народа; но что конституция и форма правления необходимо должны соответствовать свойству народа, обычаям его и отношениям»⁷⁸. Все вышеизложенное способствовало формированию в образованных кругах российского общества представления о том, что любая зарубежная «конституция» может быть использована лишь как внешняя форма, содержание которой должно быть обязательно адаптировано к российской действительности.

В идеале российская конституция должна была законодательно зафиксировать права и обязанности граждан, «укрепить силу закона», предотвратить произвол чиновников местной и центральной администрации, а также обеспечить императору

⁷⁷ См., например: Известия и замечания // ВЕ. 1802. Ч. II. № 5. С. 87; Взгляд на некоторые земли (из Берлинского журнала) // СО. 1816. Ч. 31. № XXVII. С. 38.

⁷⁸ О соединении государств и смешении народов // ВЕ. 1809. Ч. XLIV. № 8, апр. С. 304.

возможность своевременно реагировать на изменения «общественного мнения». При этом для большинства авторов проектов российской конституции принципиально важным было сохранение связи с предшествующим законодательством. В данном контексте показательно, что синонимом понятия «конституция» был «коренной закон», а в названии проектов использовали словосочетания «Государственная уставная грамота», «Уложение государственных законов», «Государственный закон», «Государственный завет», или даже «Русская правда», которая, хотя и предполагала кардинальные преобразования, но на уровне ассоциативных связей апеллировала к одноименному памятнику древнерусского права. Таким образом подчеркивалось, что содержание российской «конституции» должно стать результатом органического синтеза собственного исторического опыта и современных способов управления государством в развитых странах Европы.

* * *

В общем виде процесс культурной адаптации конституционных идей в России первой четверти XIX в. сформировал двойственное, внутренне противоречивое отношение к «конституции». Во-первых, в большинстве текстов российских авторов установление «конституции» не предполагало однозначного и существенного ограничения самодержавной власти. В идеале она должна была обеспечить высокую эффективность системы государственного управления посредством создания механизмов взаимодействия императора с образованной частью российского общества. Формирование такого механизма представлялось возможным либо посредством реформирования уже существовавших структур, либо путем создания новых, но не абсолютно тождественных выборным органам сословного представительства в Европе, а таких, которые соответствовали бы современным принципам управления и, одновременно, учитывали особенности сословной и культурной дифференциации российского общества.

Во-вторых, встраивание в социально-политический лексикон образованного российского подданного понятия «конституция» происходило посредством его отождествления с привычными понятиями «коренной закон», «уложение», «устав». Но в первой четверти XIX в. возникли новые ассоциативные и логические связи, не позволявшие поставить знак равенства между «конституцией», «Судебниками» XV–XVI вв. или «Соборным уложением» 1649 г., которые рассматривались современниками как исторические примеры российских «коренных законов». В отличие от них «конституция», трактуемая как обновленный и дополненный «коренной закон», должна была законодательно закрепить «права граждан» на «свободу», «собственность» и «личную безопасность».

Противоречивость понимания конституции проявилась еще и в том, что современники, признавая взаимосвязь конституции с принципом равенства всех перед законом, подчеркивали, что его реализация не означала полного равенства прав российских подданных. Напротив, одна из важнейших задач, решению которой должна была способствовать конституция – четкая дифференциация гражданских и политических прав в зависимости от морально-нравственных качеств личности. В данном контексте первостепенное значение приобретало не юридическое описание пределов власти монарха, а проблема определения «степени просвещения» российских подданных, в соответствии с которой сверх общих для всех «гражданских прав» одни из них могли бы участвовать в процедуре выборов народных представителей, а другие – быть избранными помощниками верховной власти.

Все это позволяет утверждать, что конституционные идеи в первой четверти XIX в. рассматривались «сквозь призму» своеобразной концепции заимствования, в соответствии с которой все привносимые извне элементы «чужой» культуры должны были отвечать двум параметрам: с одной стороны, их внедрение способствовало бы ускорению развития России и сближению ее с развитыми странами Европы, а с другой – не разрушало самобытности российского общества.

§3. «Просвещение» или «революция»: выбор инструментов достижения «общего блага»

Со второй половины XVIII в. понятие «просвещение» было хорошо известно российской читающей публике и достаточно широко употреблялось не только в официальных документах или научно-популярных трактатах, но и на страницах периодической печати, в учебных пособиях и мемуарах. Одно из устойчивых коннотаций понятия «просвещение» было связано с христианским толкованием близкого по звучанию слова «свет», которое понималось как обладание истинной христианской верой, «очищающей» и «побеждающей» все человеческие пороки. Показательно, что еще со второй половины XVIII в. представители различных вероисповеданий, принимавшие христианство официально стали называться «новопросвещенными»¹. Желание познать Бога, в данном контексте, отождествлялось со стремлением к «просвещению», которое не могло считаться «истинным», а следовательно, и полезным человеку без «христианской любви» к ближнему. Отсутствие морально-нравственной, духовной составляющей в процессе воспитания личности делало «просвещение» бессмысленным, или даже вредным². С этого времени «просвещение» был объявлено «единственной целью» духовных учебных заведений.

Органичным дополнением религиозной трактовки была связь понятия «просвещение» с процессом познания, которая была представлена в официально изданном «Словаре Академии Российской». Составители словаря предложили читателям следующее определение: «Просвещение – наставление, очищение разума от ложных, предосудительных понятий, за-

¹ Марасинова Е. Н. Власть и личность: очерки русской истории XVIII века. М., 2008. С. 278.

² См.: Речь о просвещении, говоренная покойным генерал-суперинтендантом Рейнботом в училище, состоящем при Евангельско-Лютеранской церкви Св. Анны // СО. 1817. Ч. 39. № XXX. С. 126, 137.

ключений; противоположность невежеству»³. При этом, объясняя современникам значение данного слова, они приводили примеры употребления прилагательного «просвещенный», которое следовало использовать для обозначения человека «получившего истинное о чем понятие»⁴.

Система образования, наука и церковь, рассматривались как основные инструменты распространения «просвещения» в народе. Создание школ, университетов, академий, учреждение различных научных обществ – все это для современников было ярким показателем движения общества по пути «просвещения». Так, например, К. Арсеньев в работе «Начертание статистики российского государства», определяя значение образования прямо связывал его с просвещением: «Образование всей массы народа есть главнейшая основа просвещения»⁵.

Воодушевленные декларативными заявлениями императора Александра I представители образованной части российского общества отождествляли открытие новых учебных заведений с «просвещением»⁶ и нередко сами выступали с инициативой по созданию школ, училищ, гимназий, институтов, пансионов. Так, например, представители Тверского губернского дворянского собрания в 1805 г. подали на имя императора прошение, в котором говорилось о необходимости обратить внимание на «распространение просвещения» детей женского пола, и спрашивали разрешения создать в губернии на собственные средства дворян «институт благородных девиц»⁷. Аналогичное желание способствовать процессу «народного просвещения» присутствовало и во Всеподданнейшем докладе министра юстиции П. В. Лопухина «Об учреждении Высшего училища правоведения»⁸. Во всех подобных предложениях авторы, ар-

³ Словарь Академии Российской. Ч. V. СПб., 1822. С. 624.

⁴ Там же. С. 624.

⁵ Начертание статистики российского государства, составленное главного педагогического института адъюнкт-профессором Константином Арсеньевым. В 2 ч. Ч. 1. СПб., 1818. С. 207–208.

⁶ См., например: Испытание в С.-Петербургском университетском пансионе // ОЗ. 1820. Ч. 2, кн. 4. С. 209.

⁷ ПСЗ. Т. XXVIII, 1805. № 21.691. С. 927.

⁸ См: ПСЗ. Т. XXVIII, 1805. № 21.860. С. 1147–1150.

гугментируя необходимость появления нового образовательно-го учреждения, подчеркивали, что по мере развития системы образования будут «открываться многочисленные способы к просвещению». Призыв способствовать «народному просвещению» посредством финансирования частными лицами учебных заведений можно была найти и на страницах российских журналов⁹. При этом любая форма помощи молодому поколению в получении знаний приветствовалась и объявлялась достойной звания «благотворителя просвещения»¹⁰.

Устойчивое употребление понятия «просвещение» для обозначения процесса обучения и конечной цели функционирования системы образования одновременно сосуществовало и с более широкой по смыслу трактовкой¹¹. Содержательно «просвещение» было близко по значению словам «добродетель», «мораль», «благонравие», «человеколюбие» и т.п. Предполагалось, что человек, который способствует «просвещению» обязательно должен быть глубоко нравственным. Именно такой идеальный образ был зафиксирован, например, в «Правилах для педагогического института». В процессе обучения и последующей за ним преподавательской деятельности студентам необходимо было помнить о том, что не следовало «разделять понятий о познаниях от понятий о благонравии в истинном просвещении», т. к. «они должны исполнить надежды правительства избравшего их орудием к приведению в действо великого предприятия – распространять во всех состояниях просвещение»¹².

Понятие «истинное просвещение» противопоставлялось поверхностному знанию, увлечению модными теориями и уче-

⁹ См.: О новом образовании народного просвещения в России // ВЕ. 1803. Ч. VIII. № 5, март. С. 55; [Карамзин Н. М.] О верном способе иметь в России довольно учителей // ВЕ. 1803. Ч. VIII. № 8, апрель. С. 317–326.

¹⁰ Именно так во всех университетских уставах обозначались частные лица, которые оплачивали обучение малоимущих студентов, см.: ПСЗ. Т. XX-VIII, 1804. № 21.498–21.500.

¹¹ См. об этом подробнее: Тимофеев Д. В. Система значений понятия «просвещение» в социально-политическом лексиконе российского подданного первой четверти XIX века: опыт контекстуального анализа // Имперская Россия/Classical Russia 1700–1825 / Ред. Е. Н. Марасинова. – Idyllwild: Charles Schlacks, 2010. Vol. 3–5. С. 21–48.

¹² ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.265. С. 278.

ниями. Негативные оценки полученного таким образом «просвещения» можно найти в записке «О союзе благоденствия и других тайных обществах», составленной в 1821 г. Неизвестный автор, критикуя позиции членов общества, писал: «Для прикрытия сколько-нибудь своего невежества бросились они к изучению политических наук и стали посещать часто преподаваемые курсы, где поверхностно ослепляли их блеском выражений и глушили громкими, но пустыми словами... от чего и все их просвещение было мишурное»¹³. Существование такого рода оценок позволяет предположить, что в некоторых случаях «просвещение» отождествлялось с умением реалистично анализировать любые процессы и явления, не поддаваясь искушению простого объяснения сложных общественных процессов. В данном контексте «просвещение» было синонимом достоверного, истинного знания, которое есть результат синтеза веры и разума.

Еще одна грань системы значений понятия «просвещение» открывается при анализе представлений российских подданных конца XVIII – нач. XIX в. о качествах «просвещенного» и «непросвещенного человека». Ярче всего такого рода представления проявлялись в конкретных житейских ситуациях, и отражены, например, документах следствия по различным гражданским и уголовным делам, где прилагательное «просвещенный» употреблялось для характеристики участников судебного процесса. Одним из таких дел был процесс «по делу коллежской ассессорши Розлачевой, продавшей свою родную дочь вместо крепостной девки». Объясняя свой поступок, Розлачева обвинила дочь в «распутном поведении». Однако, проведенный в ходе следствия анализ показаний родственников и соседей позволил сделать вывод о том, «...что дочь Розлачеву никто по городу... не винит в распутстве, а считают более несчастною и гонимую от матери; впрочем хотя она в разсудке проста и похожа на самую невоспитанную поселянку, однакож не есть полоумная, каковою ее мать назвала, да и непросвещение ея причиною более полагают худое воспитание, данное ей от родителей»¹⁴. В при-

¹³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1 с/а. Ед. хр. 2. Л. 1 об.

¹⁴ ПСЗ. Т. XXXI, 1811. № 24.821. С. 874.

веденной выше цитате отражены те признаки, которые были для современников свидетельством отсутствия у человека качеств «просвещенной» личности: непросвещенный человек обладает «простотой рассудка», похож на «невоспитанного поселянина», т. е. он не умеет преподнести себя в обществе и красиво излагать свои мысли. Все эти умения и навыки «просвещенного» человека должны были «даваться родителями» и, по всей видимости, составить основу для повышения уровня «просвещения» человека в процессе обучения в различных учебных заведениях.

Ярким примером определения современниками качеств противоположных «просвещенности» является представленное А. Голицыным императору Александру I «Положение об институте слепых». В нем «просвещение» прямо противопоставлялось «человеческой хитрости»: «Образование... слепых должно состоять не в развитии в них человеческой хитрости, но в просвещении ума их к познанию истинного Бога Творца и Спасителя мира, и обращении сердца к исполнению Святых заповедей его»¹⁵. Таким образом антонимами понятия «просвещение» и, соответственно, «просвещенный человек», были «простота рассудка», «невоспитанность», «человеческая хитрость», «ложь», «предательство», «обман», «суеверие», которые нередко объединялись в одно общее понятие – «невежество».

Очевидно, что «просвещенный человек» должен был обладать прямо противоположными качествами. Помимо честности, рассудительности, умения преподнести себя в обществе, он должен был пользоваться уважением окружающих его людей и обязательно быть хорошо образованным человеком, показателем чего могло быть членство в различных «ученых», или «вольных» обществах. Не менее очевидным для современников признаком «просвещенности» человека было его стремление способствовать достижению «общего блага», проявлениями которого считалась благотворительная деятельность и бескорыстное служение Отечеству.

Таким образом в отношении отдельного индивида понятие «просвещение» отождествлялось с верой в Бога, христи-

¹⁵ ПСЗ. Т. XXXVI, 1819. № 27.978. С. 375.

анской любовью к ближнему, высокой нравственностью, образованием и начитанностью, умением выражать свои мысли и вести себя в обществе, умение быть полезным Отечеству и оказывать посильную помощь нуждающимся согражданам. Подобная трактовка обладала определенной двойственностью, сформированной еще во второй половине XVIII в., когда, с позиции государства, «просвещенность» означала соответствие личности качествам «истинного гражданина», а с точки зрения самоопределения образованного дворянина – высокие душевные качества, нравственность и благородство помыслов¹⁶.

Одновременно со словосочетанием «просвещенный человек» еще одним важным термином, анализ содержания которого позволяет реконструировать весь спектр значений понятия «просвещение», было понятие «просвещенное общество». В наиболее отчетливой форме его содержание представлено в сочинениях на исторические темы. Сравнивая прошлое европейских стран, российские авторы, как правило, воспроизводили существовавшие в общественном сознании идеальные образы так называемых «просвещенных народов». Своеобразным отражением того, что считалось показателем «степени просвещения» общества является, например, текст выступления Р. Ф. Тимковского в Московском университете. На примере истории Древнего Рима и Греции он убеждал слушателей в том, что важнейшими критериями, необходимыми для определения «степени просвещения» любого общества, являются нравы, религия и быт народов. По его словам, «о просвещении греков и римлян должно судить не иначе как по их духу, нравам и образу жизни»¹⁷. Еще одним признаком «просвещенности» Р. Тимковский называл развитие искусства и науки. С этой позиции греческое общество, например, определялось им как, безусловно, «просвещенное», т. к. «...нет ни одной науки, не ни одного искусства, которое бы не было изобретено и ус-

¹⁶ См.: *Марасинова Е. Н.* Указ. соч. С. 67.

¹⁷ О различении греческого и римского просвещения проистекающем от особенного духа, нрава и образа жизни народов. Слово в публичном собрании императорского московского университета июля 5 дня 1811 года, произнесенное Романом Тимковским. М., 1811. С. 2.

вершенствовано греками, по крайней мере не доведено было бы до степени превосходства, заслуживающей всеобщего удивления»¹⁸. Все это позволяет утверждать, что применительно к обществу в целом понятие «просвещение» трактовалось как единый комплекс характеристик, отражающих развитие религии, искусства и науки.

Взаимосвязь с нравами, обычаями, религиозными верованиями и другими проявлениями своеобразия «народного духа», обусловила понимание того, что «просвещение» – явление историческое. Историчность проявлялась, прежде всего, в признании постепенности, последовательности процесса «просвещения народов», который закономерен и неизбежно, хотя и не одновременно, затронет все страны¹⁹. Именно такой взгляд на «просвещение» зафиксирован, например, в материалах следствия по делу «О обсуждении Виленским дворянским собранием трактата об освобождении крестьян от крепостной зависимости». В одном из документов этого дела можно найти следующее утверждение: «Ныне... Государь... обрел в народе своем ту степень Просвещения, до которой по очереди доходили все народы, и которая во всех европейских Государствах имела равный успех»²⁰. Указанный автором последовательный характер распространения «просвещения», его «поочередность» и неизбежность была для современников очевидным фактом. Однако это не означало общепризнанности тезиса об одномоментности и безусловно прогрессивной направленности этого процесса. Напротив, «степень просвещения» рассматривалась как величина непостоянная, изменявшаяся в зависимости от целого ряда внешнеполитических факторов (войны, революции и т.п.), а также уровня материального благосостояния граждан и «нравственного» состояния народа²¹.

¹⁸ Там же. С. 10.

¹⁹ См.: например: Исследование о влиянии монголо-татар на Россию // ОЗ. 1825. Ч. XXII. № 62. С. 356.

²⁰ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 93. Л. 5.

²¹ См.: *Каразин В. Н.* Речь о пользе просвещения в домоводстве // ВЕ. 1811. Ч. LIX. № 20, окт. С. 277; Система твердой земли или континентальная // СО. 1813. Ч. 4. № XI. С. 221; Об Англии и англичанах // СО. 1817. Ч. 41. № XLIV. С. 238–243.

Нередко все указанные выше факторы сводились к взаимозависимости «просвещения» и «нравов» в широком смысле этого слова. С одной стороны, признавалось влияние «просвещения» на формирование «нравов», следовательно, по мере укрепления или ослабления «просвещенности» могло произойти их «возвышение» или «падение». В работе «Опыт повествования о России» И. Елагин писал об этом так: «Не изменение сердец, но больше или меньше просвещения и невежества творят нравов разновидность...»²². С другой стороны, современники указывали на возможность утраты высокой «степени просвещения» общества в следствии «падения нравов» под влиянием войны, революции и других разрушительных для общественной нравственности обстоятельств²³. Доказательством возможности подобного регресса для современников служили свидетельства о положении в Англии и Франции²⁴. Так, например, И. Д. Ертов, аргументируя высказывание о способности «просвещения» исчезать и возрождаться, усиливаться и ослабевать, писал: «Кто не восхищался блеском Просвещения, который озарял ныне едва ли не померкающую Европу? <...> Франция и теперь довольно наклонилась к падению; и почему знать, долго ли просвещеннейшая из всех наций, Великобритания будет возбуждать собою удивление народов?»²⁵. В данном контексте актуальные для автора политические события трактовались как свидетельство «падения нравов» в Европе, а следовательно, и проявление нестабильности процесса «просвещения» в целом.

Логическим продолжением тезиса об историчности «просвещения» было признание неравномерности его распростра-

²² Опыт повествования о России. Сочинение Ивана Елагина, начатое на 65 году от его рождения, лета от Рождества Христова 1790, двора Его Императорского Величества обер-гофмейстера. М., 1803. С. XXXVII.

²³ См.: Письма из Москвы В Нижний Новгород. Письмо третье // СО. 1813. Ч. 9. № XXXIX. С. 5, 10; Некоторые мысли о необходимости могущественной внешней защиты безопасности и спокойствия государств (окончание) // СО. 1819. Ч. 51. № III. С. 104.

²⁴ См.: Успехи просвещения во Франции // СО. 1814. Ч. 17. № XLII. С. 161–164; Письма из Лондона // СО. 1823. Ч. 87. № XXX. С. 182; Ч. 89. № XLI. С. 17–18.

²⁵ Ертов И. Д. Картина Просвещения Россиян, пред началом девятого на десять века. Отрывки и смесь. СПб., 1799. С. 19, 22.

нения в разных странах мира. Для образованной части российского общества бесспорными и очевидными были отличия в уровне «просвещения», например, России, Турции и Англии. Главной причиной неравномерности распространения «просвещения» объявлялись все та же зависимость от своеобразия нравов и обычаев в каждой конкретной стране мира. Однако, несмотря на признание «естественных» отличий различных стран мира, «просвещение» в первой четверти XIX в. представлялось как некая «общая для всех потребность», отражавшая «дух времени», стремление к совершенствованию и прогрессивному развитию общества²⁶. В этой связи показательно, на мой взгляд, что даже в сочинениях на исторические темы российский читатель мог найти утверждения о том, что «Просвещение должно когда-нибудь обойти все страны света и возвысить природу человеческую»²⁷. В такой трактовке понятие «просвещение» обозначало уже не просто уровень развития системы образования, науки или искусства, а было многозначным термином, употреблявшимся современниками для описания перспектив социально-политического и экономического развития страны.

Взгляд из настоящего в будущее сквозь призму концепта «просвещение» был зафиксирован в текстах различных проектов реформ, программных документах многочисленных тайных, вольных и «официозных» обществ, в частной переписке, научных трудах и публикациях статей в российских журналах. Выявление всего спектра связанных с концептом «просвещение» позитивных и негативных ожиданий возможно при комплексном исследовании представлений современников о функциональном назначении и возможных последствиях «просвещения» в России первой четверти XIX в.

В рамках экономического дискурса «просвещение» признавалось, одновременно, и причиной, и следствием развития промышленного производства, земледелия и торговли. С одной стороны, «просвещение» воспринималось как неотъемле-

²⁶ Чего требует дух времени? Чего желают народы? // Архив истории и политики: из Духа журналов 1819 года. СПб., 1819. С. 8.

²⁷ Исследование о влиянии монголо-татар на Россию. С. 356.

мая часть комплекса условий необходимых для успешного развития экономики. М. Балудянский (Балугьянский) в опубликованной на страницах «Статистического журнала» статье «О разделении и обороте богатства» писал об этом так: «Правосудие, покровительство и свобода промышленности, купно с просвещением граждан и распространением торгова, суть единственные действительныя средства к обогащению нации»²⁸. Благотворное действие «просвещения» объяснялось тем, что оно формировало способность человека к предпринимательской деятельности, умение самостоятельно принимать важные решения, а следовательно, повышало бы экономическую активность «граждан» и обеспечило бы быстрый рост российской экономики в целом. Нередко подобная трактовка присутствовала на страницах российских журналов в форме утверждения о том, что «предприимчивость возникает через просвещение»²⁹.

С другой стороны, признавалось и обратная зависимость: без развития экономики «просвещение» не может достичь сколько-нибудь заметного уровня. В том или ином виде данный тезис встречается достаточно часто в различных публикациях на экономические темы³⁰. Так, например, в «Санктпетербургском журнале» российский читатель мог встретить следующее суждение: «Торговля основана на промышленности и нуждах человека... сии две причины заключают в себе начало *просвещения* и усовершенсия человеческих способностей»³¹. Автор публикации акцентировал внимание читателей на существовании тесной взаимосвязи между уровнем экономического развития и характером «просвещения народа», а в качестве доказательства справедливости этого утверждения приводил примеры из истории стран Западной Европы.

²⁸ Балудянский М. Статья теоретическая о разделении и обороте богатства // Стат. журнал. 1808. Т. II. Ч. II. С. 76.

²⁹ О народном благосостоянии от заграничной торговли, производимой природными жителями // Архив литературы: из Духа журналов 1817 года. СПб., 1817. С. 48.

³⁰ См., например: Отрывки, касающиеся до некоторых частей государственного хозяйства. Сочинение Россиянина. СПб., 1815. С. 51.

³¹ Обзорение краткой истории торговых революций // СПбж. СПб. 1809. № VII, июль. С. 108.

Признание благотворного воздействия «просвещения» на экономику происходило на фоне увлечения работами европейских экономистов. С этого времени понятие «просвещение» достаточно часто отождествлялось с принципом свободы экономической деятельности. Подтверждением этому может служить статья М. Балудянского (Балугьянского) «Изображение различных хозяйственных систем». В ней автор, подчеркивая значение «просвещения» для развития экономики, писал: «Европа, освободясь чрез градскую промышленность от уз невежества и варварства, сделалась просвещенною»³². Такое положение стало возможно только тогда, «...когда несколько городов, свергнув иго рабства, были в состоянии заниматься беспрепятственно промыслами, торговлею и рукоделием»³³. В данном контексте «просвещение» трактовалось как результат реализации на практике принципа свободы экономической деятельности, обеспечивший не только рост экономики, но и «твердость правлений».

Все подобные публикации отражали позитивные экономические ожидания, которые были непосредственно связаны с перспективой «просвещения» России. Однако сравнительный анализ источников позволяет утверждать, что в большинстве случаев о позитивном влиянии «просвещения» на экономику современники говорили лишь как о потенциальной возможности, реализация которой возможна только в при условии повышении уровня образования представителей различных сословий российского общества. О просвещении как необходимом условии для развития сельского хозяйства и промышленности писал К. Арсеньев, подчеркивая, что «...успехов по части земледелия можно ожидать в России только тогда, когда... просвещение распространится и в нижних классах народа...»³⁴.

³² Изображение различных хозяйственных систем Михаила Балудянского, доктора прав, профессора Санктпетербургского Императорского педагогического института, редактора при комиссии о составлении законов по части политической экономии и финансов // Стат. журнал. 1806. Т. I. Ч. I. С. 45–46.

³³ Там же. С. 46.

³⁴ Арсеньев К. Обозрение физического состояния России и выгод от того протекающих для народных промыслов, ныне существующих. СПб., 1818. С. 35.

Распространение «просвещения» как совокупности знаний о новейших способах ведения хозяйства и умений применять их на практике, рассматривалось в качестве важнейшей задачи правительства, которое, наряду с созданием училищ, гимназий, институтов и университетов, должно было способствовать сближению науки и производства. Возможные варианты решения этой задачи предлагались в многочисленных проектах реформирования страны. Одним из наиболее интересных, на мой взгляд, является предложение Н. С. Мордвинова, который прямо писал о необходимости «...сближения и соединения взаимною пользою ученых людей, сведущих в науках с заводчиками, фабрикантами и ремесленниками, дабы науки и просвещение тесно соединились с деятельностью и промышленностью народною»³⁵. В проекте «О пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков», он, аргументируя необходимость создания независимых от государства частных банков, подчеркивал, что их появление будет способствовать «удовлетворению нужды и пользы» и «случить к просвещению»³⁶.

Не менее интересным для понимания представлений современников о роли «просвещения» и «просвещенной личности» в экономической жизни страны является еще один проект Н. С. Мордвинова о создании в России особых «коммерческих судов», которые играли бы роль арбитра, не связанного какими-либо моральными или финансовыми обязательствами ни с одной из противоборствующих сторон, как в спорах между гражданами, так и в случае возникновения конфликтов между личностью и государством. По проекту Н. С. Мордвинова, коммерческие суды должны были формироваться по принципу выборности: в крупнейших городах Российской империи «определялся попечитель в звании инспектора коммерции», который выбирал среди местных жителей трех «граждан из самых просвещенных и благомыслящих людей»³⁷. Отобранные таким образом люди становились членами коммерческого суда

³⁵ Мордвинов Н. С. Избранные произведения. М., 1945. С. 23.

³⁶ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 230. Л. 2.

³⁷ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 492. Л. 2.

и поочередно, с периодичностью один раз в год, сменяли друг друга на посту председателя. Для обеспечения материальной незаинтересованности судей они не получали государственного жалования или какого бы то ни было другого вознаграждения за выполняемую ими работу и должны были расценивать свою деятельность как почетную обязанность, «бескорыстный подвиг» при исполнении общественного долга³⁸. Данный проект интересен тем, что его автор косвенно перечисляет характерные качества «просвещенного гражданина»: он всегда ратует за торжество закона и справедливость, бескорыстен и честен во всех своих решениях и поступках, пользуется заслуженным уважением в обществе. Именно такой человек может и должен иметь возможность решать экономические споры как между гражданами, так и между ними и государством, способствуя тем самым снижению общего уровня конфликтности в современном ему обществе.

Несколько иное соотношение надежд и тревог, возникавших в сознании представителей образованной части российского общества в процессе размышлений о перспективах и возможных последствиях «просвещения» в России, представлено в различных текстах на политические темы.

Сравнительно-контекстуальный анализ текстов российских авторов первой четверти XIX в. показал целый ряд позитивных ожиданий. Прежде всего, «просвещение» рассматривалось в качестве действенного инструмента снижения количества и тяжести совершаемых в стране преступлений. Следуя этой логике, Н. М. Карамзин на страницах «Вестника Европы» выражал уверенность в том, что «успехи просвещения должны более и более удалять государства от кровопролития, а людей от раздоров и преступлений»³⁹. Нередко подобного рода утверждения звучали в публичных собраниях и сопровождались обращением к ставшему почти каноническим тексту «Наказа Екатерины II уложенной комиссии», в котором императрица прямо указывала на зависимость между просвещением и на-

³⁸ Там же. Л. 6 об.

³⁹ [Карамзин Н. М.] О верном способе иметь в России довольно учителей. С. 322.

рушениями гражданами норм права: «Хотите ли предупредить преступления? Сделайте, чтобы просвещение распространилось между людьми»⁴⁰.

В более широком контексте «просвещение» называлось главным условием достижения «общего блага». С этих позиций «недостаток в просвещении», по мнению секретаря Сената П. Хавского, «...мешает всякому действию благотельных намерений Правителя, на всяком шагу останавливает его, отнимает силу у великих, мудрых законов, рождает злоупотребления, несправедливости и — одним словом — не позволяет... наслаждаться внутренним, общим благоденствием...»⁴¹. Сформулированная таким образом взаимосвязь «просвещения» и перспективы установления «общего благоденствия», служила убедительным доказательством необходимости всеми возможными средствами способствовать распространению просвещения. Во многом именно поэтому «просвещение» указывалось в качестве цели в программных документах различных «тайных», «вольных» и «официозных» обществ. В данном контексте интересно сравнить устав «Союза благоденствия» и материалы следствия по делу Петрозаводского общества «Французский парламент». В первом документе главной целью тайного общества объявлялось «...распространение между соотечественниками истинных правил нравственности и просвещения»⁴², а во втором — подчеркивалось, что члены общества «Французский парламент» играли в политику, устраивая театрализованные заседания общества, «...под видом распространения нравственности и просвещения»⁴³. И в том, и в другом случае «просвещение» — достойная и «благовидная» цель существования общества.

Таким образом перспектива «просвещения» России в сознании образованных российских подданных была тесно связана

⁴⁰ См.: Речь, говоренная в канцелярии I отделения 6 департамента Правительствующего Сената, при начале учения чиновников, приуготовляемых по Высочайшей воле в аудиторы для армейских полков, секретарем Сената П. Хавским, 25 августа 1817 // СО. 1817. Ч. 41. № XL. С. 42.

⁴¹ О новом образовании народного просвещения в России // БЕ. 1803. Ч. VIII. № 5, март. С. 50.

⁴² ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 7 об.— 8.

⁴³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 58. Л. 1 об.

с идеей поступательного прогрессивного развития общества от простого к сложному, от деспотизма к «гражданской свободе» и «общему благу». Однако признание «просвещения» одним из основных двигателей общественного развития не означало того, что данное понятие для современников было абстрактным и никак не связанным с решением насущных социально-политических проблем. Напротив, оно было одним из ключевых понятий, с помощью которого современники пытались найти решение проблемы «рабства крестьян» и повышения эффективности функционирования системы государственного управления.

Решение проблемы «рабства» в России было неразрывно связано с уровнем «просвещения» как помещиков, так и крестьян. На существование такой взаимосвязи в письме из Геттингена от 30 октября 1810 г. указывал Н. И. Тургенев. По его словам, для решения крепостного вопроса «надобно просвещение» и «следственно судьба рабства тесно соединена с судьбою просвещения дворян, которым должно вбить в голову благородные, человеческие понятия, собственную их пользу надобно им показать, убедить их в истине и справедливости человеколюбия...»⁴⁴. Нежелание помещиков освободить крепостных крестьян объяснялось неоднородностью «благородного сословия» и наличием соответствующей ей дифференциации «степени просвещения» российских дворян. Подтверждением данного тезиса служили многочисленные случаи жестокого обращения провинциальных помещиков с подвластными им крестьянами. И хотя, чаще всего, подобные факты сопровождалась оговорками о бедности или «душевном расстройстве» конкретного помещика, и оценивались лишь как исключение из общего правила, эффективным средством решения крепостной проблемы современники называли «просвещение» мелкопоместных дворян. Яркой иллюстрацией благотворного воздействия «просвещения» на характер взаимоотношений помещиков и крестьян была статья с характерным заголовком «Приятные виды, надежды и желания нынешнего

⁴⁴ Архив Братьев Тургеневых. Т. 1.: Дневники и письма Николая Ивановича Тургенева за 1806–1811 годы. СПб., 1911. С. 280.

времени», в которой неизвестный автор убеждал читателей в том, что «просвещение истребляет злоупотребление господской власти, которая по самым нашим законам не есть тиранская и неограниченная»⁴⁵. По его мнению, «просвещенный дворянин» – это человек не только образованный, но и осознававший свою особую социальную роль, обладавший чувством социальной ответственности за жизнь и благосостояние подвластных ему крепостных крестьян.

Одновременно с признанием важности «просвещения» дворянства главным условием упразднения «рабства» в России провозглашалась необходимость «просвещения» крестьян. В противном случае «невежественное» крестьянство представляло угрозу общественному спокойствию даже тогда, когда правительство проводило бы политику, направленную на постепенное смягчение «рабства» и последующее освобождение крепостных. В этом контексте показательно обоснование необходимости отсрочки издания указа о запрете продажи людей без земли. На заседании Государственного Совета 6 мая 1801 г. некоторые члены Совета заявили, что крестьяне «...от непросвещения своего прямую цель ея не поймут и от своего невежества ее обратить могут к смыслу уменьшения законной власти над ними помещиков»⁴⁶.

Аналогичную тревогу за судьбу «непросвещенных» крестьян в случае их немедленного и одномоментного освобождения высказал в одном из проектов отмены крепостного права Н. С. Мордвинов. Одновременное уничтожение крепостной зависимости, по его мнению, было затруднено исторически сложившимися особенностями крестьянской психологии и низким уровнем «просвещения». Он подчеркивал, что «дарование свободы тогда токмо не сопровождается никакими ощутительными неудобствами..., когда располагаемо бывает с некоторою постепенностью, когда свободными делаются не все вместе и единовременно, без воззрения на степень просвещения..., но когда благо сие предоставляется в виде награды трудолюбию и

⁴⁵ Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // ВЕ. 1802. Ч. 3. № 12, июнь. С. 321–322.

⁴⁶ Архив ГС. Т. 3.: Царствование императора Александра I (1801–1810 гг.). СПб., 1878. С. 766.

приобретаемому умом достатку»⁴⁷. Для подготовки крестьянского сознания к новым условиям существования необходим был подготовительный период, что позволило бы крестьянину научиться ответственности, бережливости и трудолюбию, т. е. тем качествам, которые повышали бы уровень его «просвещения». По плану Н. С. Мордвинова крестьяне освобождались постепенно по мере того, как они в денежной форме компенсировали помещику потерю рабочих рук. Сумма компенсации, которую помещики могли бы инвестировать в развитие отечественной промышленности и торговли, устанавливалась в зависимости от возраста и трудоспособности каждого крестьянина. Таким образом понимание важности «просвещения» и признание неравномерности его распространения в российском обществе было одним из аргументов для отсрочки реализации серьезных социальных преобразований.

Бесспорно необходимым условием проведения социально-политических преобразований «просвещение» рассматривалось и в процессе поиска подходов к решению проблемы повышения эффективности системы государственного управления. Чаще всего, первым шагом необходимым для достижения поставленных целей считалось развитие системы «народного просвещения», которая должна была удовлетворить потребность правительства в высококвалифицированных государственных служащих. Нацеленность системы образования на подготовку кадрового резерва для управленческих структур и судов различного уровня⁴⁸ была провозглашена в университетских уставах, а также указах по созданию как государственных, так и частных училищ. Аналогичная установка присутствовала и в проектах отдельных граждан, авторы которых недвусмысленно предупреждали императора о том, что позитивных результатов от любых преобразований «...тогда только ожидать можно, когда места наполнятся людьми честными и просвещенными»⁴⁹.

⁴⁷ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI, 1826. Д. 34. Л. 2.

⁴⁸ См. подробнее: Уортман Р. С. Властители и судии: развитие правового сознания в императорской России. М., 2004. С. 98–103.

⁴⁹ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI, 1811. Д. 9–10. Ч. XXIII. Л. 5.

О необходимости «просвещения народа» упоминалось также в проектах создания выборных органов сословного представительства, которые, не ограничивая полномочий самодержавной власти, помогали бы императору. Во всех проектах учреждения подобных структур Н. Н. Новосильцева, М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова, А. Р. Воронцова и др. авторов, упоминалось о целесообразности привлечения к процессу обсуждения законопроектов представителей «просвещенного сословия». Аналогичный взгляд на проблему политической модернизации страны был зафиксирован также в записке С. И. Тургенева «Что надобно сделать в России, прежде чем дать ей конституцию», в которой главным условием любых политических преобразований объявлялось «просвещение» народа⁵⁰, т. к. только «просвещенный» человек мог участвовать в разработке и обсуждении законопроектов, внимательно анализируя все возможные негативные и позитивные последствия принимаемых им решений. Такой идеальный образ «просвещенного гражданина» совпадал с провозглашенным в речи Александра I на закрытии польского Сейма в апреле 1818 г. тезисом том, что народные представители должны быть «гражданами просвещенными»⁵¹.

Не менее пристальное внимание к уровню «просвещения» людей допускаемых к участию в законотворческом процессе было характерно и для членов радикально настроенных тайных обществ. Так, например, П. И. Пестель, размышляя о принципах организации системы народного представительства после свержения самодержавия, писал: «Выборы... будут падать на самых достойнейших и просвещеннейших мужей. Дворяне и богатые будут, вероятно, чаще других граждан избираемы, есть ли будут просвещеннее прочих; но таковой выбор, основанный на общем доверии, не есть политическое право для лица, а есть общая выгода для всего государства»⁵². Таким об-

⁵⁰ См.: Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 65.

⁵¹ Речь, произнесенная Его Императорским Величеством при закрытии сейма Царства Польского, в 15/27 день апреля 1818 года в Варшаве // ДЖ. 1818. Ч. 27. Кн. 19. С. 563.

⁵² Цит. по: Бокова В. М. «Ликурговы законы» Павла Пестеля // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы. М., 2008. С. 221.

разом, и в правительственных кругах, и в среде оппозиционно настроенного офицерства, идея сословного представительства была тесно связана с концептом «просвещение», с помощью которого выражались позитивные ожидания преобразований в политической сфере.

Однако, как и в случае с обсуждением возможных вариантов решения крепостной проблемы, размышления о перспективах развития политической системы Российской империи сопровождалась оценкой «степени просвещения» российских подданных. Признавая необходимость создания эффективного механизма помощи монарху со стороны «просвещенного общества», современники констатировали неподготовленность российского общества к реализации на практике принципа сословного представительства. Основанием для подобного рода оценок был пример Европы, где парламенты опирались на поддержку широких слоев населения. Сравнивая уровень «просвещенности» населения в России и ряде европейских государств, Д. П. Трошинский, например, подчеркивал, что «Английский парламент ничего бы сам по себе не значил, если бы не был поддерживаем многочисленным и *просвещенным* средним чином...»⁵³. В России же, по его словам, «...находится много людей просвещенных, однако же главная масса народа и не столько просвещена, и просвещение ее не такое, как просвещение главных народных масс европейских государств»⁵⁴. В этих условиях, по мнению автора, реализация принципа сословного представительства возможна в перспективе, но только после распространения «просвещения народа».

Признавая просвещение важнейшим инструментом решения актуальных социально-политических проблем, представители образованной части российского общества достаточно часто задавали вопросы о том, каким образом возможно повысить уровень «просвещения» российских подданных, и в какой степени следовало ориентироваться на опыт развитых стран Европы. Особую актуальность эти вопросы приобрели после

⁵³ Записка Д. П. Трошинского о министерствах // Сборник императорского русского исторического общества. СПб., 1868. Т. 3. С. 48.

⁵⁴ Там же. С. 48.

Французской революции и Отечественной войны 1812 г., т. к. эти события показали, что сложившиеся ранее представления о европейских странах как «источнике истинного просвещения» были во многом идеализированы и не всегда соответствовали реальности. С этого времени в текстах российских авторов все чаще поднимался вопрос об опасности «слепого» заимствования европейских идей. Предостережения о возможности возникновения негативных последствий «подражательства» зафиксированы в форме опасений получить не «истинное», а «ложное просвещение». Яркой иллюстрацией возможности заимствования «лжепросвещения» для современников был факт распространения в Европе революционных настроений, проникновение которых в Россию могло привести к непредсказуемым последствиям. В 1801 г. неизвестный автор писал об этом так: «Когда сия зараза имела пагубные следствия в народах изобилующих просвещением... сколь еще более того опасаться можно в земле... крайне обширной и весьма отдаленной от просвещения почти первоначального... так что не найдется одного просвещенного на тысячу»⁵⁵.

Важными факторами формирования негативного контекста слова «просвещение» и, как следствие, появление антонима «лжепросвещение» были Наполеоновские войны в Европе и Отечественная война 1812 г. С этого времени на страницах российских журналов появляется множество критических статей, авторы которых призывали различать «истинное просвещение» от моды на французский язык и увлечений различными философскими или политическими теориями европейских мыслителей⁵⁶. Постепенно подобного рода публикации формировали представление о том, что «истинное просвещение» может быть только результатом «собственного размышления», а не бездумного следования зарубежным образцам. В статье «О всеобщей монархии в политическом и нравственном смысле» российский читатель мог найти рассуждения о необходимости «...снискать просвещение собственными размышлениями, а

⁵⁵ РГИА. Ф. 1164. Оп. 1. Т. XVI, 1811. Д. 9–10. Ч. VI. Л. 32.

⁵⁶ См., например: Глас русского // СО. 1812. Ч. 1. № 2. С. 45; [Ермолов Г. П.] Глас Россиянина к единоземцам // РВ. 1813. № 10. С. 60–62.

не раболепным подражанием примеру других»⁵⁷. Аргументируя свою позицию, неизвестный автор утверждал: «Кто не достиг просвещения заключениями собственными, тот не дерзай называть себя просвещенным»⁵⁸. При этом он не отрицал возможности заимствования как такового, но призывал помнить, что «истинное просвещение возвышает народный дух, а не унижает его»⁵⁹. В данном контексте оптимальным алгоритмом заимствования, по мысли автора, должно было быть следующее правило: «Просвещая себя, сверх собственных, чужими источниками, не должно употреблять одного из них исключительно, но надлежит познавать и исследовать все, что может быть полезно и поучительно; принимать же по исследовании одне общия истины и все то, что не вредно сохранению национального характера»⁶⁰.

Одним из главных критериев определения «истинности просвещения» называлось его согласованность с нормами христианской морали, обычаями и традициями, исторически сложившимися нормами внутри- и межсословных взаимодействий. Примерно такая идеальная модель заимствования была предложена в журнале «Русский вестник». Неизвестный автор, размышляя о сущности современного ему европейского и российского просвещения, писал: «...в самом деле то ли *просвещение*, чтобы людям слабым и всегда склонным к использованию страстей, внушать будто бы нет ничего святого ни на земле, ни в небесах; или то, чтобы в подкрепление к противоборствованию страстям увещевать беспечных, бояться бога, чтить *царя*, быть милосердным и любить правду»⁶¹. Все перечисленные автором качества, а именно, «боязнь бога», «почитание царя», «милосердие и любовь к правде», по мысли автора, были характерны для россиянина, что позволило ему сделать вывод о том, что «...в России давно было известно гражданское и нравствен-

⁵⁷ О всеобщей монархии в политическом и нравственном смысле // СО. 1813. Ч. 9. № XLV. С. 280.

⁵⁸ Там же. С. 279.

⁵⁹ Там же. Ч. 9. № XLIV. С. 240.

⁶⁰ Там же. Ч. 9. № XLV. С. 280.

⁶¹ Орывки из рукописной Богословии Симеона Полоцкого, принадлежащей к наставлениям царя Алексея Михайловича // РВ. 1810. № 4. С. 49.

ное просвещение»⁶². С этих позиций своеобразным ориентиром в процессе «просвещения» могло стать собственное историческое прошлое: допетровская Россия описывалась как правовое государство, а её жителям приписывались высокая нравственность и безусловное следование религиозным канонам⁶³.

Таким образом, в первой четверти XIX в. было сформировано представление о том, что «истинное просвещение» не исчерпывается заимствованием достижений европейской культуры и науки, напротив, его главная основа – православная вера, традиционная для российских подданных взаимная забота, честность и нравственность. На этом фоне Европа выступала, одновременно, и ориентиром для дальнейшего развития, и потенциальным источником «лжепросвещения».

Подобная двойственность в отношении к «просвещенной Европе» была обусловлена настроенным отношением к «революции», которая воспринималась, прежде всего, как «нравственно-политическое явление»⁶⁴, тесно связанное с распространением «лжепросвещения». С этих позиций главной причиной «революции» называли «падение нравов» и увлечение «ложными» политическими идеалами. Содержательно «нравственные причины революции»⁶⁵, по мнению современников, выражались в поисках гражданами «несбыточного счастья», необоснованной критике властей, а также социальной вражде, вызванной непониманием взаимосвязи и функционального назначения различных сословий. Так, например, размышляя о целях агрессивной политики Франции, неизвестный автор объяснял российским подданным причины «революции» следующим образом: «В начале революции народ Французский

⁶² Там же. С. 56.

⁶³ См.: Гордон А. В. Российское просвещение: значение национальных архетипов власти // Европейское Просвещение и цивилизация России. М.: Наука, 2004. С. 124.

⁶⁴ Обзорение политических происшествий Европы от смерти Фредерика Великого (1786) и начала Французской революции (1789) до 1812 года. (Извлечение из руководства к познанию Всеобщей истории, соч. проф. И. Кайданова. Ч. III.) // СО. 1821. Ч. 69. № XVI. С. 57.

⁶⁵ См.: Размышление русского патриота о быстрых успехах французской системы // СО. 1813. Ч. 4. № X. С. 149.

искал счастья, руководствуясь каким-то темным чувством: Правительство казалось ему тиранским, дворянство высокомерным и притеснительным, и хотя дворяне и купцы со своей стороны также роптали, но другия состояния признавали первых излишними в государстве, а вторых своекорыстными откупщиками...»⁶⁶. Не менее четко взаимосвязь «лжепросвещения» и «революции» была отражена в широко известной работе профессора Царскосельского лицея И. К. Кайданова «Обозрение политических происшествий в Европе», в которой прямо утверждалось: «общим следствием... ложных умствований было... то, что народ во Франции без опасения предался влечению своих страстей и вооружился против монархической власти, против гражданских законов и постановлений, и против христианской веры»⁶⁷.

Как уже было показано выше, все подобные проявления «человеческих страстей» были полной противоположностью «истинного просвещения», а следовательно, с позиции образованного российского подданного, в морально-нравственном смысле «революция» не могла иметь положительных результатов. На страницах российских журналов, особенно после войны 1812 г., неоднократно подчеркивалось, что «Европа после революции не только не приобрела никакого просвещения и успеха в нравственности, но едва не погрузилась в прежнее варварство...»⁶⁸, а поколение людей, «воспитанных во время и после революции... не имеет никаких понятий, кроме зверских правил, распространенных революцією»⁶⁹. В данном контексте именно негативным влиянием «революции» на сознание человека многие российские авторы объясняли «варварские» действия французских солдат на оккупированных ими в 1812 г. российских территориях.

⁶⁶ Исступление французской политики в 19 веке // СО. 1813 Ч. 8. № XXXIII. С. 34.

⁶⁷ Обозрение политических происшествий Европы от смерти Фредерика Великого (1786) и начала Французской революции (1789) до 1812 года. (Извлечение из руководства к познанию Всеобщей истории, соч. проф. И. Кайданова. Ч. III.) // СО. 1821. Ч. 69. № XVI. С. 61.

⁶⁸ Письмо к друзьям о Бонапарте и нынешнем времени // СО. 1813. Ч. 10. № LI. С. 226.

⁶⁹ Положения и надежды Европы // СО. 1813. Ч. 8. № XXXVII. С. 191.

Важной частью образа французской «революции», отраженного на страницах российской периодической печати, было утверждение, что она не только не достигла своих первоначальных целей, но и обманула надежды граждан: вместо «свободы», верховенства «закона» и неприкосновенности «собственности» «Франция... со временем постыдной своей революции соделалась позорищем ужасных неистовств и воспитала грабителей, нагло попирающих священные права, коими обеспечивается благо народов»⁷⁰. Главными «средствами революционных героев» объявлялось «возмущение народа против законной власти, грабеж всякого имущества, нарушение всех прав народных и человеческих»⁷¹.

Сравнительный анализ текстов, авторы которых писали о «революции» позволил выявить два ряда синонимов и различных выражений с однозначно негативной эмоциональной окраской. Первый ряд представлен образными выражениями, описывавшими «революцию» как неуправляемый человеком процесс посредством сравнения с различными природными явлениями и хищными существами. В этом ряду, чаще других, употреблялись словосочетания: «ужасная революционная буря», «бурный дух», «пламя революции», «ужасная гидра революции»; «свирепое чудовище, изливавшее яд свой на всю Европу»⁷². Второй ряд представлен словами и словосочетаниями, подчеркивавшими чрезвычайную и неоправданную жестокость революции, такими как: «ужасное кровопролитие», «кровавый путь», «кровавые волны», «революционные неистовства», «мучения», «злодеяния», «несчастье», «насилие», «тиранство», «война революционная», «времена ужаса»; «ужа-

⁷⁰ О политических обманах Франции // ВЕ. 1812. Ч. LXV. № 17, сент. С. 69.

⁷¹ [Французская революция] // СО. 1813. Ч. 7. № XXVII. Смес. С. 40.

⁷² См., например: Объявления от Людовика XVIII французам // ВЕ. 1806. Ч. XXVI. № 5, март. С. 59; Письмо к друзьям о Бонапарте и о нынешнем времени // СО. 1813. Ч. 10. № LI. С. 224; **Обозрение политических происшествий Европы от смерти Фредерика Великого (1786) и начала Французской революции (1789) до 1812 года** // СО. 1821. Ч. 69. № XVI. С. 53–70; № XVII. С. 104, 111–112; Извлечение из письма в Казань 29 октября 1823 года о празднестве по случаю освобождения короля Испанского // ОЗ. 1823. Ч. XVI. № 43, ноябрь. С. 324.

сы, произведенные адским духом революции», «мятеж»⁷³. На мой взгляд, наличие в текстах такого рода выражений позволяет предположить, что в сознании российских читателей могло быть сформировано представление о «революции», как деструктивном, чрезвычайно опасном и непредсказуемом по своим результатам процессе. С этих позиций повторение опыта европейских «революций» было абсолютно неприемлемым даже для членов радикально настроенных тайных обществ, которые, признавая необходимость проведения значительных преобразований, считали принципиально важным недопустить развития событий по сценарию французской революции. Романтизация революции, формирование её положительного образа в сознании оппозиционно настроенной части российского общества произошло только с 40-х гг. XIX в.⁷⁴.

На протяжении всего периода правления императора Александра I существовало двойственное отношение к революции. С одной стороны, она оценивалась как безусловное «зло» и ничем неоправданное «насилие», а с другой – как важный урок человечеству, позволивший понять «истинные ценности». В 1802 г. на страницах журнала «Вестник Европы» автор статьи «Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени» писал: «Революция объяснила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священен даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть его есть для народов не тиранство, а защита от

⁷³ См. например: Нечто о Французской революции // СПбж. 1809. № IX, сент. С. 82; Влияние России и Франции // СО. 1813. Ч. 6. № XXIV. С. 179–185; Пагубные действия континентальной системы // СО. 1813. Ч. 7. № XXIX. С. 114–119; Адские выдумки французов к истреблению законных правителей и человечества // РВ. 1813. № 10. С. 40; Письмо из Москвы в Нижний Новгород. Письмо шестое (окончание) // СО. 1813. Ч. 10. № XLVIII. С. 97–105; Американцы и англичане // СО. 1814. Ч. XVII. № XLV. С. 287; Великодушное пожертвование России самой собою для спасения человечества // СО. 1815. Ч. 23. № XXVII. С. 3–22; Взгляд на 1815 г. (заключение) // Архив ист. и полит. СПб., 1816. С. 28; Бутовский И. Сравнение Крестовых походов с священной бранью текущего столетия // СО. 1822. Ч. 75. № I. С. 15; [Кайданов И.] Обзор политический происшествий Европы от смерти Фредерика Великого и начала Французской революции до 1812 года // СО. 1821. Ч. 69. № XVI. С. 57; № XVII. С. 101.

⁷⁴ См. подробнее: Чудинов В. А. Французская революция: история и мифы. М., 2007. С. 12–13.

тиранства; что разбивая сию благотельную эгиду, народ делается жертвою ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти...; что одно время и благая воля законных Правительств должны исправить несовершенства гражданских обществ»⁷⁵. Следуя этой логике, он приходил к выводу о том, что «если бедствия рода человеческого в каком-нибудь смысле могут называться благотельными, то сим благодеянием мы конечно обязаны Революции»⁷⁶. Безусловно «полезными следствиями революции», по мысли автора, было, во-первых, воздействие на «умы писателей», которые, зная о разрушительных последствиях революционных потрясений стали «бояться оскорбить мораль», а, во-вторых, укрепление патерналистской модели взаимоотношений между государями и гражданами. Последнее обстоятельство делало провозглашаемую революционерами цель установления «равенства состояний» лишенной всякого смысла, т. к. «государи, место сей химеры стараются, чтобы гражданин во всяком состоянии мог быть доволен; чтобы ни которое не было презрительным или угнетенным»⁷⁷. Таким образом негативный пример французской революции должен был служить укреплению стремления и власти, и подданных к сохранению социального мира, уважению законов и соблюдению взаимных прав граждан.

Не менее важным, интересным и поучительным примером «революций» считалась история возникновения республики «Соединенных Американских областей». Война за независимость, формирование высших органов государственной власти на выборной основе, реализация принципа верховенства закона и разделения властей – все эти события отождествлялись с «революцией» и рассматривались как яркий пример её позитивного влияния на социально-политическое развитие молодого государства. В этой стране, в отличие от европейских государств, «революция» не привела к возникновению острых социальных конфликтов и «падению нравов». При этом все российские ав-

⁷⁵ Приятные виды, надежды и желания нынешнего времени // ВЕ. 1802. Ч. III. № 12. С. 314–315.

⁷⁶ Там же. С. 315.

⁷⁷ Там же. С. 317.

торы неизменно подчеркивали, что опыт «американской революции» следует рассматривать только лишь как исключение из общего правила. Так, в одном из многочисленных свидетельств русских путешественников о пребывании в «республике Соединенных Американских областей», сообщалось: «Революция Американская не может быть уподоблена ни какой другой, и конечно, надобны были необыкновенные причины, чтоб произвести то удивительное всеобщее согласие, коим Американцы превозмогли все непреодолимые препятствия!»⁷⁸. В качестве такого рода «необыкновенных» причин, чаще всего, называли географическое положение и общность интересов большинства переселенцев из Европы, считавших возможным на новом месте полностью реализовать свои желания и идеалы.

Таким образом, в сознании образованного российского подданного сложилось представление о том, что «революция» во всех странах связана с «переменой в правлении народа, произведенной... для установления другого порядка вещей»⁷⁹, а конкретные её проявления в значительной степени предопределялись множеством факторов, совокупность которых отражала особенности экономического, социально-политического развития каждой страны. Логическим следствием подобного рода представлений было признание того, что даже если допустить возможность возникновения в России «революции», то она не будет повторением ни одной из уже произошедших в мире «революций». Вне зависимости от отношения к вопросу о необходимости революции в нашей стране, различные представители как консервативно, так и радикально настроенной части российского общества считали, что росту революционных настроений могли способствовать несколько факторов.

Первый из них проявлялся в форме недовольства многочисленными злоупотреблениями местных властей. В 1809–1810 гг. И. В. Лопухин в одном из своих сочинений отмечал: «Злоупотребление власти, ненасытность страстей в управляющих, презрение к человечеству, угнетение народа – вот прямые и одни источ-

⁷⁸ Взгляд на республику Соединенных Американских областей // СО. 1814. Ч. 17. № XLV. С. 256–257.

⁷⁹ Яновский Н. Новый словотолкователь... Ч. 3.: О–Ф. СПб., 1806. Стб. 516.

ники революции»⁸⁰. Декабрист А. Бестужев, объясняя причины возникновения в России тайных обществ, писал в начале 1826 г. императору Николаю I о том, что одной из целей их существования было предотвращение «кровавой революции», возникновение которой, по его мнению, было возможно в связи с ростом недовольства народа местными чиновниками. Наряду с «уничтожением нормальных школ» и негласным отказом от проведения важных политических преобразований, «своеволие» представителей местной власти способствовало повышению степени политической активности жителей. В сложившихся условиях, по словам А. Бестужева, «...ропот народа от истощения и злоупотребления земских и гражданских властей произошедший, грозил кровавою революциею» и «...общества вознамерились отвратить меньшим зло большее, и начать свою деятельность...»⁸¹. С этих позиций подчеркивалось, что деятельность тайных обществ была направлена в большей степени на «просвещение народа» как средство предотвращения «революции».

Второй причиной, которая гипотетически могла бы подтолкнуть Россию к «революции», представители образованной части российского общества называли непродуманную налоговую и денежно-эмиссионную политику правительства. Косвенным подтверждением могут служить рассуждения Н. И. Тургенева в работе «Опыт теории налогов» и записка Н. С. Мордвинова «О новых налогах» (1822 г.). Оба автора, анализируя сложившуюся в России экономическую ситуацию, напоминали, что одной из главных причин «кровавой революции» во Франции были ошибки допущенные королевской властью в финансовой сфере⁸². Данной обстоятельство, по их мнению, должно было быть для российского правительства весомым аргументом против любых предложений о повышении налогов или выпуске новых ассигнаций.

⁸⁰ Стенник Ю. В. Тема Великой французской революции в консервативной литературе и публицистике 1790-х годов // Великая Французская революция и русская литература. Л., 1990. С. 73.

⁸¹ ГАРФ. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 11. Л. 64.

⁸² См.: Тургенев Н. И. Опыт теории налогов. СПб., 1818. С. 30; [Мордвинов Н. С.] Записка о новых налогах // Архив графов Мордвиновых. Т. 5. СПб., 1902. С. 558, 559.

В целом, во всех исследуемых текстах российских авторов первой четверти XIX в. «революция» описывалась как ненормальное, чрезвычайное состояние общества, вызванное, как правило, неспособностью государства эффективно решать наиболее актуальные социально-экономические проблемы. Такая трактовка предполагала, что «революция» – это не самодостаточная цель, а всего лишь средство решения острых проблем чрезвычайными методами, которые, по мнению большинства российских авторов, могли быть решены с помощью «благодетельных» реформ правительства.

Лишь отдельные представители радикальных тайных обществ, проецируя результаты революций в разных странах мира на отечественную реальность, считали, что только посредством такой чрезвычайной процедуры возможно появление необходимых для дальнейшего развития России законов и институтов. Например, П. И. Пестель писал об итогах французской революции и необходимости «революции» в России: «...большая часть коренных постановлений, введенных революцией, были при реставрации монархии сохранены и за благие вещи признаны, между тем как все восставали против революции, и я сам всегда против нее восставал. От сего суждения родилась мысль, что революция, видно, не так дурна, как говорят, и что можно даже быть весьма полезна, в каковой мысли я укреплялся тем еще суждением, что те государства, в коих не было Революции, продолжали быть лишенными подобных преимуществ и учреждений»⁸³. В приведенной выше цитате, на мой взгляд, отчетливо отражено противоречивое отношение П. И. Пестеля и его современников к революции. С одной стороны, он свидетельствовал о том, что «все восставали против революции», а другой, – признавал её «полезность» в исторической перспективе.

Подобная двойственность была характерной чертой мировоззрения многих декабристов⁸⁴, которые, анализируя опыт

⁸³ Из показаний П. И. Пестеля // Декабристы. Избранные труды. М., 2010. С. 265–266.

⁸⁴ См. о двойственности отношения декабристов к революции: *Итенберг Б. С.* Россия и Великая французская революция. М., 1998; *Шмидт С. О.*

зарубежных революций, четко отделяли «преступления» совершенные наименее «просвещенными» её участниками от «принципов и идеалов», основанных на безусловно справедливых требованиях верховенства закона, личной свободы и неприкосновенности собственности. Именно поэтому, говоря о возможной перспективе совершения в России «революции» они, как правило, подчеркивали, что её сценарий должен был существенно отличаться от европейских аналогов.

Принципиально важной отличительной чертой российской «революции» должно было быть отсутствие массового кровопролития. Для этого, с позиции сторонников революционного варианта модернизации страны, её началу должен был предшествовать период формирования так называемого «общего мнения», предполагавший количественное увеличение членов тайного «союза» и, одновременно, распространение в образованных кругах российского общества идеи о необходимости проведения значительных преобразований. В этой связи Е. П. Оболенский вспоминал в ходе следствия по делу декабристов: «Постепенным улучшением нравственности и распространением просвещения... общество надеялось достичь тихого и неприметного переворота в правлении государства»⁸⁵. В данном контексте одной из важнейших практических задач «тайных обществ» считалось создание школ «взаимного обучения», издание различных газет и журналов и т.п.

В идеале все это привело бы к разделению в общественном сознании образа «кровавой французской революции» и разработанной в тайных обществах программы социально-политических преобразований. Следуя этой установке, П. И. Пестель считал возможным заменить понятие «революция» близкими по значению словами «превращение», «пре-

Декабристы в представлениях людей рубежа XX и XXI столетий // Шмидт С. О. Общественное самосознание российского благородного сословия, XVII – первая треть XIX в. М., 2002. С. 339–341; Чудинов В. А. Французская революция: история и мифы. М., 2007. С. 12; Парсамов В. С. Декабристы и Франция. М., 2010. С. 151–153, 169–178, 214.

⁸⁵ Цит. по: Федоров В. А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 63.

образование» или «переворот»⁸⁶. Отчасти такая подмена понятия соответствовала распространенной в XVIII в. практике перевода *révolution* как «преобразования» или «перемены»⁸⁷. Однако, если ранее это было продиктовано официальными установками цензуры, то в текстах, написанных членами тайных обществ использование подобного рода синонимов, на мой взгляд, предпринималось в целях нейтрализации негативного контекста понятия «революция» и формирования положительного отношения современников к будущим политическим преобразованиям.

Не менее важное отличие предполагаемой российской «революции» от европейских, заключалось в том, что в процессе проведения кардинальных преобразований все происходящее в стране должно было быть подконтрольно новому правительству. В такой трактовке «революция» не должна быть зависимым от изменений в настроениях толпы стихийным процессом. Утрата управляемости грозила, с точки зрения сторонников революции, массовыми беспорядками и повторением «ужасов французской революции». Именно поэтому в ходе «революции» предполагалось не полное разрушение прежней системы управления, а разумное сочетание ранее существовавших структур с новыми, что позволило бы избежать массовых народных волнений и в течение нескольких лет сформировать эффективную систему государственного управления. При этом не исключалось, что к работе в новом правительстве могли быть привлечены известные своими либеральными взглядами и опытом управленческой работы представители прежней администрации. В данном контексте вполне логичным, на мой взгляд, представляется намерение декабристов пригласить во временное революционное правительство Н. С. Мордвинова и

⁸⁶ См. подробнее: *Одесский М. П.* Вольнодумный тезариус декабристов. *Révolution—революция—переворот—превращение // Декабристы: актуальные проблемы и новые подходы /* Отв. ред. О. И. Киянская. М.: РГГУ, 2008. С. 496–499.

⁸⁷ См.: *Плавинская Н. Ю.* Как переводили Монтескье в России? // *Европейское Просвещение и цивилизация России.* М.: Наука, 2004. С. 284; *Виноградов В. В.* История слов. М., 1999. С. 449.

М. М. Сперанского⁸⁸. Таким образом, «революция» не только не предполагала разрушение государства, напротив, считалось, что для сближения идеала с реальностью после революции необходимо было существование сильного государства, способного сохранить социальный мир, гарантировать гражданам личную свободу и безопасность, обеспечить неприкосновенность частной собственности и реализацию принципа верховенства закона.

* * *

Проведенный анализ содержания понятий «просвещение» и «революция» показал их многозначность и тесную взаимосвязь в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX в. Отождествляя «просвещение» с верой, добродетелью, честностью, образованностью, воспитанностью, современники признавали его позитивное влияние на развитие экономики, системы управления, а также решение острых социальных проблем. Однако надежды, зафиксированные в форме представлений о функциях и возможных последствиях «просвещения» в России, сосуществовали с опасениями и тревогами, во-первых, неадекватно оценить «степень готовности» общества к преобразованиям, что могло привести непредсказуемым последствиям, а, во-вторых, со страхом распространения под видом «просвещения» опасных революционных настроений.

Такое соотношение надежд и тревог было неотъемлемой частью мировоззрения сторонников правительственного реформизма. Признавая необходимость интенсификации российской экономики, ликвидации «рабства крестьян», обуздания произвола чиновников и создания эффективной системы помощи правительству со стороны наиболее образованной части российского общества, главным условием всех указанных задач они считали повышение «степени просвещения граждан». Такое понимание роли «просвещения» сопровождалось жест-

⁸⁸ См. подробнее: *Семенова А. В.* Временное революционное правительство в планах декабристов. М., 1982; *Нечкина М. В.* Восстание 14 декабря 1825 года. М., 1951. С. 28–29.

ким противопоставлением его «революции». В дальнейшем данный подход трансформировался в консервативную концепцию, прямо связывавшую «истинное просвещение» с необходимостью сохранения «самобытности» российской культуры.

Несколько иное отношение к «просвещению» и «революции» сложилось в сознании представителей радикальных тайных обществ. Не желая повторения «ужасов французской революции», они подчеркивали, что «просвещение» и «революция» являются не конечной целью, а всего лишь необходимыми инструментами достижения «общего блага». Более того, «просвещение», трактуемое как способность «граждан» анализировать все позитивные и негативные последствия своих действий, должно было стать важнейшим условием осуществления в России бескровной «революции».

Таким образом в первой четверти XIX в. понятие «просвещение» было одним из системообразующих элементов представлений современников о будущем развитии страны. С этого времени и сторонники постепенных реформ, и приверженцы революционного варианта развития, все чаще придавали ему вполне определенный социально-политический контекст: оно обозначало не только уровень образования и высокие морально-нравственные качества, но еще и определенную модель будущего общественного устройства, при котором будут реализованы права граждан на свободу, собственность, личную безопасность. При этом и в реформистской, и в революционной модели достижение такого рода идеала представлялось возможным только при наличии сильного государства.

Глава V

Официальная политика и коммуникативная практика в России первой четверти XIX века: слова и реальность

§1. Формальные решения власти в текстах законодательных актов и материалах судебных дел

Рассмотренные в предшествующих главах представления образованной части российского общества о перспективах развития отечественной экономики, модернизации системы государственного управления, совершенствовании законодательства и способах ликвидации «рабства крестьян» были частью «горизонта ожиданий» и во многом отражали лишь идеальную модель будущего. Важным показателем того, насколько эти ожидания соответствовали действительности, являются, с одной стороны, действия государства, а с другой – практические действия самих граждан, которые были направлены на достижение ими как частных, так и публично декларируемых целей.

Данное обстоятельство обуславливает необходимость сопоставления общественных ожиданий и реальной политики государства, выраженной в форме манифестов, именных указов, рескриптов, уставов и судебных постановлений, по аналогии с которыми решались похожие гражданские и уголовные дела. Весь этот комплекс нормативно-правовых актов устанавливал правила и границы допустимого поведения индивида в социуме, а следовательно, во многом определял и повседневную практику российских подданных первой четверти XIX в. Очевидно, что

многогранность и обширность законодательной деятельности государства по регламентации различных сфер общественной жизни не позволяет охватить все аспекты внутренней и внешней политики властей. В этой связи целесообразным представляется анализ только тех юридических актов, которые устанавливали, изменяли или отменяли основополагающие «права» и «свободы» граждан. В сфере экономической политики правительства основное внимание, на мой взгляд, необходимо уделить тому, каким образом на практике было реализовано право на обладание частной «собственностью» и «свободу» экономической деятельности, а в сфере социально-политических отношений – возможность граждан реализовать свое «право» на личную свободу, свободу вероисповедания, свободу печати, а также действенность на практике принципа равенства всех перед «законом».

Официальная политика верховной власти в отношении права собственности была непоследовательной и внутренне противоречивой. С первых лет пребывания у власти Александра I были изданы указы, которые оценивались современниками как конкретные действия власти по укреплению права частной собственности. Так, например, в соответствии с указом 26 ноября 1801 г. «О дозволении последнему в роде продавать и закладывать родовое имение»¹ было упразднено существовавшее ранее ограничение права полного распоряжения родовым имением дворянами, которые не имели близких родственников по прямой восходящей или нисходящей линии, т. к. после смерти такого дворянина все полученное по наследству недвижимое имущество подлежало передаче государству. Обоснованием необходимости отмены данного правила было заявление императора о том, что «свободное и беспрепятственное распоряжение собственностью» является «...одним из главнейших прав и преимуществ гражданина» и разрешено «последнему в роде продавать и закладывать родовое имение на равне с прочими владельцами, имеющими по себе наследников»². При этом подчеркивалось: «право же казны оставить по смерти послед-

¹ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 20.060. С. 852–853.

² Там же. С. 853.

него в роде на те только имения, кои за продажею и закладом останутся»³.

Несколько позднее, весной 1804 г., был издан указ «О праве каждого распоряжать благоприобретенным имением по произволу, согласно законам». В документе провозглашалось: «... чтобы впредь каждый, располагая благоприобретенными имениями по произволу, мог отдавать, дарить и завещать их на таких условиях о образе пользования и управления ими, какие за благо признает, лишь бы условия сии общим Государственным законам не были противны»⁴. Такая формулировка, во-первых, содержала перечень существенных, с позиции государства, признаков «собственности», а во-вторых, подразумевала, что любые операции с недвижимостью должны осуществляться в строгом соответствии с законами, которые призваны гарантировать гражданам неприкосновенность их имущества.

Не менее отчетливо приверженность верховной власти идее законодательного закрепления права частной собственности была отражена в ряде указов направленных на расширение круга лиц, которые имели бы право обладания недвижимостью. Первым шагом в данном направлении был указ 12 декабря 1801 г. «О предоставлении купечеству, мещанству и казенным поселянам приобретать покупкою земли»⁵. Обосновывая необходимость увеличения числа земельных собственников желанием «...дать новое поощрение земледелию и промышленности народной...», император объявлял: «...признали Мы нужным право приобретения всяких под разными именами известных земель без крестьян, и владения всем тем, что на поверхности и в недрах их находится, распространить на всех российских подданных, кроме тех, кои причислены к помещичьим владениям»⁶. В качестве дополнительного разъяснения сущности права «собственности» для тех категорий

³ Там же. С. 853.

⁴ ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.310. С. 345.

⁵ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 20.075. С. 862–263. По данным Т. Н. Жуковской за 40 лет этим указом воспользовалось 130,5 тыс. крестьян, которые приобрели 722,5 тыс. десятин земли. См.: Жуковская Т. Н. Правительство и общество при Александре I. Петрозаводск, 2002. С. 29.

⁶ ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 20.075. С. 863.

населения, которые ранее не могли приобретать земельные участки 24 апреля 1802 г. был издан Сенатский указ «О нестеснении людей свободного состояния и казенных крестьян в покупке земель и в совершении на оныя крепостей узаконенным порядком»⁷. В нем подтверждалось, что право заключения сделок купли-продажи земли распространялось теперь не только на дворянство, купечество и мещанство, но в равной степени, на государственных крестьян и крестьян «отпущенных на волю от помещиков». При этом, так же, как и в указе 26 ноября 1801 г., были перечислены основные признаки собственности: всем российским подданным, за исключением крепостных крестьян, было даровано «право продавать, или закладывать, или завещать, или дарить, как сии земли, так и сделанные ими на оных какие-либо хозяйственные заведения...»⁸. Весь этот комплекс возможностей, с позиции законодателя, означал наличие у крестьянина права распоряжения приобретенной землей «...яко собственностью своею на основании законов...»⁹.

В дальнейшем расширение круга лиц обладавших правом собственности на землю происходило посредством издания сепаратных законодательных актов адресованных какой-либо отдельной категории российских подданных. Так, например, на основании «Высочайше утвержденного доклада Сената» от 28 июня 1803 г. малороссийским казакам предоставлялось право «свободной» купли-продажи земли. Аргументируя необходимость принятия данного решения, сенаторы подчеркивали, что «...частная собственности и право свободного оными распоряжения споспешествует заведению не токмо благоустроенных хозяйств, но служит, приручая к семейной зависимости, коренным внушением необходимого в каждом государстве гражданского повиновения»¹⁰. Таким образом как в общих, так и в сепаратных нормативно-правовых актах признавалась важность и «благотворное влияние» «права собственности» на всех свободных российских подданных.

⁷ ПСЗ. Т. XXVII, 1802. № 20.244. С. 123–124.

⁸ Там же. С. 124.

⁹ Там же. С. 124.

¹⁰ ПСЗ. Т. XXVII, 1803. № 20.823. С. 714.

Одновременно с мерами по расширению числа потенциальных собственников, правительство укрепляло уже существовавшую дифференциацию права «собственности» в зависимости от целого ряда объективных и субъективных условий. Первым и самым важным критерием для определения объема прав личности была сословная и внутрисословная принадлежность.

Особенно отчетливо неравенство прав собственности граждан в зависимости от их сословной принадлежности просматривается при сопоставлении нормативно-правовых актов регламентировавших порядок разрешения имущественных споров между частными лицами. В начале XIX в. основополагающим документом в подобных случаях был «Устав о банкротах» (1800 г.), в котором процедура банкротства по искам частных кредиторов для должников из числа дворян, чиновников и купечества существенно отличалась¹¹. В царствование императора Александра I количество обстоятельств, оказывавших влияние на возможность бывшего владельца оспорить результаты судебного решения по имущественным делам было существенно увеличено.

Вполне естественным считалось, например, что собственность дворянина как представителя высшего «благородного состояния», имела особый статус, а следовательно, должна быть защищена дополнительными условиями. Примером законодательного закрепления дополнительных преимуществ дворянина являются указы 12 марта и 20 апреля 1807 г. В первом из них устанавливался особый порядок продажи имений за долги: в случае отсутствия желающих приобрести имение по первоначально предложенной цене, дворянин получил право переносить торги из губерний в Москву или Санкт-Петербург¹². Во втором указе было четко заявлено о том, что «право выкупа», под которым понималось право требовать расторжения сделки и передачи собственности бывшему владельцу или его родственникам, могло быть реализовано только в спорах между людьми «одинакового состояния»¹³. Таким образом на практи-

¹¹ ПСЗ. Т. XXVI, 1800. № 19.692. С. 440–476.

¹² ПСЗ. Т. XXIX, 1807. № 22.488. С. 1043.

¹³ ПСЗ. Т. XXIX, 1807. № 22.519. С. 1172.

ке равенство прав собственности в российском законодательстве трактовалось, прежде всего, как равенство субъектов в рамках одной социальной группы. В случае же возникновения имущественных конфликтов между представителями различных сословий, судебные инстанции должны были учитывать множество дополнительных условий и обстоятельств, которые были зафиксированы в различных именных указах и других сепаратных законодательных актах. Все это приводило к тому, что участники конфликта еще до начала разбирательства дела были поставлены в заведомо неравное положение.

Отсутствие единства законодательства о собственности в отношении различных социальных групп особенно заметно при сопоставлении двух крайних по своему положению в социальной структуре российского общества сословных групп – *крестьянства* и *дворянства*¹⁴. При этом, как показал анализ многочисленных манифестов указов и рескриптов, «право собственности» было дифференцировано не только между сословиями, но и внутри одной сословной группы.

В соответствии с исторически сложившейся к началу XIX в. внутрисословной дифференциацией российского *крестьянства*, оно включало в себя несколько разрядов: государственные, частновладельческие, удельные, экономические и посессионные крестьяне¹⁵. Положение каждого из них регулировалось множеством указов и различных внутриведомственных инструкций. Однако в большинстве подобного рода документов, понятие «собственность» для описания имущественных отношений крестьян употреблялось достаточно редко и не всегда совпадало с общим для всех «свободных состояний» значением. Характерным примером такого словоупотребления может служить «Положение комитета министров о поступлении в отношении земель владеемых крестьянами, приписан-

¹⁴ См. подробнее: Развитие русского права в первой половине XIX века / Под ред. Е. А. Скрипилева. М., 1993. С. 54–82.

¹⁵ См. подробнее: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 1. СПб., 2003. С. 122–129.

ными к заводам» (1821 г.)¹⁶. В данном документе по аналогии с правилами изложенными в «Горном положении» (1806 г.), крестьянин, самостоятельно сделавший землю пригодной для производства сельскохозяйственной продукции, получал право пожизненного пользования, и даже право продажи земли другому работнику, что позволяло законодателю назвать такого рода участки «собственностью» крестьянина. В действительности речь шла лишь об условном праве владения, так как приписной крестьянин мог продать свой участок только такому же крестьянину, как и он сам. Для понимания позиции государства по этому вопросу важно, на мой взгляд, отметить, что, во-первых, сами составители положения не четко разделяли категории «владение» и «собственность», а во-вторых, применительно к данной категории крестьян было сделано своеобразное исключение: обозначенное в документе понятием «собственность» право распоряжения землей наступало как следствие трудовой деятельности крестьянина, а не только в результате наследования или сделки купли-продажи.

Условность права собственности была зафиксирована и в законодательстве о «казенных крестьянах». Показательным в данном контексте является указ от 16 августа 1821 г. «О допущении споров между казенными крестьянами об их собственности к разбору судебных и полицейских мест», который разрешал государственным крестьянам обращаться в Волостные правления и соответствующие «судебные места» только по делам о принадлежности личного движимого имущества, но не земельных участков, которые однозначно признавалась государственной «собственностью»¹⁷. Таким образом и казенные, и приписные крестьяне не обладали правом обладания недвижимой собственностью в полном объеме.

Более четко условия наделения правом «собственности» на землю были определены в нормативно-правовых актах, возникших в связи с попытками правительства выработать безопасный вариант упразднения в России «рабства» частнов-

¹⁶ ПСЗ. Т. XXXVII, 1821. № 28.569. С. 635–638.

¹⁷ ПСЗ. Т. XXXVII, 1821. № 28.721. С. 798–801.

ладельческих крестьян. Первым таким документом был указ 20 февраля 1803 г. «Об отпуске помещиком крестьян на волю по заключении условий на обоюдном согласии основанных», предоставлявший помещикам право освобождать частновладельческих крестьян за выкуп с землею. После завершения выкупной операции крестьяне приобретали новый статус «свободных землепашцев» и получали землю в «собственность», что давало им «...право продавать её, закладывать и оставлять в наследие, не раздробляя однакожь участков менее 8 десятин»¹⁸. Установленный порядок наделения крестьян земель, и это неоднократно подчеркивалось в тексте документа, предполагал, что юридически «право собственности» возникало только после освобождения и, по сути, приобретения у помещика определенного участка земли. В такой трактовке крестьянин просто покупал у дворянина земельный участок, что соответствовало одному из наиболее распространенных способов приобретения «собственности» представителями всех свободных «состояний» в Российской империи первой четверти XIX в.

Одновременно с внутригрупповой дифференциацией еще одним важным обстоятельством, определявшим различия в праве крестьян на обладание собственностью, был политико-географический фактор. В этой связи следует отметить, что правовое положение крестьян в различных, особенно западных и северо-западных регионах Российской империи, существенно отличалось от положения крепостных в большинстве губерний страны. В царствование императора Александра I дифференциация прав крестьян по территориальному признаку была еще более усилена в ходе проводимых правительством преобразований¹⁹. Активность верховной власти в западных и северо-западных губерниях была обусловлена, прежде всего, тем, что именно эти территории император считал наиболее развитыми, и рассма-

¹⁸ ПСЗ. Т. XXVII, 1803. № 20.620. С. 462.

¹⁹ См.: Долгих А. Н. О национальном аспекте в истории крестьянского вопроса и политике российского самодержавия: Остзейские реформы начала XIX в. // Россия и Удмуртия: история и современность. Мат-лы международной научно-практической конференции. Ижевск, 2008. С. 769–775.

тривал их как своеобразный полигон для апробации возможных вариантов решения острых социально-экономических проблем.

Примером стремления властей четко определить правовое положение крестьян являются преобразования проведенные в Лифляндской, Курляндской и Эстляндской губерниях. Одним из итогов крестьянской реформы стало постепенное личное освобождение земледельцев и провозглашение «права крестьян» на обладание «собственностью». Формально-юридическая сторона данного процесса была отражена в следующих нормативно-правовых актах: «Положение для поселян Лифляндской губернии и инструкция ревизионным комиссиям для определения их повинностей» (20 февраля 1804 г.)²⁰, «Учреждение для Эстляндских крестьян» и «Положение для Эстляндских крестьян» (23 мая 1816 г.)²¹, «Учреждение о Курляндских крестьянах» (25 августа 1817 г.)²², «Положение о Лифляндских крестьянах» (26 марта 1819 г.)²³. Суммируя и обобщая содержание этих достаточно объемных документов, можно сделать вывод, что в них было зафиксировано два основных принципа, относящихся к праву «собственности» крестьян. Во-первых, по аналогии с другими свободными сословиями российских подданных крестьянам было разрешено заключать сделки купли-продажи и передавать по наследству движимое и недвижимое имущество. Об этом недвусмысленно заявлялось, например, в §31 и §43 «Положения для поселян Лифляндской губернии»: «крестьяне... имеют право приобретать покупкою землю в собственность, и владеют, продают и наследуют оную, по примеру других состояний в государстве»²⁴. Во-вторых, было объявлено, что у крестьянина, «вследствие права собственности...», появилось и «...право в случае притеснения его во владении принадлежащей ему вещь, защищать себя и приносить

²⁰ ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.162. С. 100–137.

²¹ ПСЗ. Т. XXXIII, 1816. № 26.278. С. 670–728; ПСЗ. Т. XXXIII, 1816. № 26.279. С. 728–849.

²² ПСЗ. Т. XXXIV, 1817. № 27.024. С. 529–743.

²³ ПСЗ. Т. XXXVI, 1819. см. Приложение к № 27.735. С. 542–723.

²⁴ ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.162. С. 112. Аналогичная норма практически дословно была воспроизведена в §93 главы III «Учреждения о Курляндских крестьянах», см.: ПСЗ. Т. XXXIV, 1817. № 27.024. С. 590.

на притеснителя жалобу»²⁵. Подобная формулировка означала признание крестьянина равным с другими свободными гражданами субъектом правоотношений. Однако в этих же документах, наряду с указанными принципами, было множество оговорок, с помощью которых бывшие помещики могли иметь существенные преимущества по сравнению с земледельцами.

В общем виде множество нормативно-правовых актов первой четверти XIX в., в которых упоминалось об имущественных правах крестьянства не было сколько-нибудь систематизировано. Фрагментарность, внутренняя противоречивость были отражением внутрисословной дифференциации крестьянства, нечеткости разделения понятий «владение» и «собственность», а также существования логической взаимосвязи права собственности с личной свободой индивида, без которой его имущественные права были условными и могли существенно ограничиваться.

Существенно большее внимание со стороны верховной власти было уделено правовому регулированию имущественных отношений российского *дворянства*, которое, как и крестьянство, к началу XIX в. было неоднородно²⁶. Принципиально важной привилегией дворянства было право собственности на так называемые «населенные земли». В соответствии с указом от 11 июня 1814 г. «О несовершении крепостных актов на покупку личными дворянами крестьян и дворовых людей»²⁷ данное право было ограничено и распространялось только на представителей потомственного дворянства. Потомственный дворянин имел возможность на законных основаниях покупать, продавать и наследовать земли с крестьянами, т. е. фактически, обладал правом полного распоряжения находившимися на территории его имения «крепостными людьми». Все остальные представители благородного сословия могли получить это право дослужившись до соответствующего чина по «Табели о рангах» или за «особые заслуги» по воле императора.

²⁵ См.: ПСЗ. Т. XXXIV, 1817. № 27.024. С. 591; ПСЗ. Т. XXXVI, 1819. № 27.735. С. 647.

²⁶ См. подробнее: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи... Т. 1. С. 82–98.

²⁷ ПСЗ. Т. XXXII, 1814. № 25.604. С. 824–825.

На этом фоне показательно разделение современниками «собственности» на «дворянскую» и «свободную». Принципиальное их отличие было сформулировано в многотомном издании комиссии составления законов «Основания российского права»: «Собственность разделяется по политическому состоянию владельца на *Дворянскую* и *свободную*. *Дворянскую* составляет все те имущества, которые одному только *Дворянству* владеть позволено: крепостные люди и населенные земли, т. е. деревни, села и местечки. <...> К собственности *свободной* принадлежат те имущества, которые всем *свободным* состояниям владеть позволено»²⁸. Подобная трактовка действовавшего российского законодательства свидетельствует о том, что, несмотря на отсутствие в каких-либо нормативно-правовых актах прямого отождествления крестьянина с недвижимой «собственностью», «крепостные люди» считались неотъемлемой частью имущества дворянина. Такое положение, на мой взгляд, сложилось в результате непоследовательной, двойственной политики императора Александра I по крестьянскому вопросу.

С одной стороны, неоднократно объявлялось, что с формально-юридической точки зрения дворянин обладал правом «собственности» лишь на «населенные земли», а не на самих крестьян. Впервые попытка верховной власти отделить право собственности на вещи от права управления крепостными крестьянами просматривается в указе от 31 июня 1802 г., запрещавшим продавать крепостных людей без земли для работы на фабриках и заводах²⁹. В дальнейшем был издан целый ряд указов направленных на ограничение продажи людей без земли³⁰.

²⁸ Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи, издаваемые комиссиею составления законов. Т. 2. СПб., 1822. С. 25, 27.

²⁹ ПСЗ. Т. XXVII, 1802. № 20.352. С. 209–210.

³⁰ См. подробнее по этому вопросу: *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX века. СПб., 1888; *Долгих А. Н.* Крестьянский вопрос в политике Александра I в 1820 г. (о продаже крестьян без земли) // Вестник Московского ун-та. Сер. 8. История. 1984. № 2. С. 58–64; *Он же.* Проблема продажи людей без земли и её обсуждение в Непременном Совете в начале XIX в. (к истории крестьянского вопроса в России) // Вехи минувшего. Ученые записки Липецкого гос. пед. ин-та. Вып. 1. Липецк, 1999. С. 134–150. *Он же.* Вопрос о праве владения людь-

Наиболее четко позиция правительства по данному вопросу была отражена в указе 14 июля 1808 г. «О непродаже людей на ярмарках и торгах без земли», за нарушение которого все приобретенные без земли крестьяне передавались в казенное ведомство, а «...купившие их подвергались взысканию, какое за насильственное людьми владение законами положено»³¹. Несколько позднее, 30 января 1815 г., был введен запрет публиковать объявления о купле-продаже крестьян и дворовых людей без земли с прямым указанием, что «...продаваемых же без земли людей недвижимым имением почитать не можно»³². В такой трактовке крестьянин не являлся собственностью дворянина, а был лишь своеобразным приложением к земельным владениям помещика.

С другой стороны, на протяжении всего исследуемого периода было издано множество указов, высочайше утвержденных мнений Государственного Совета и др. нормативно-правовых актов имевших силу закона, в которых, несмотря на теоретические рассуждения о необходимости дифференциации права собственности и права управления крестьянами, косвенно подтверждалось, что в действительности крестьянин являлся собственностью помещика. В рамках политики правительства, которая укрепляла уверенность помещика в наличии у него полного права распоряжения крестьянами можно выделить несколько направлений.

Во-первых, был издан целый ряд указов обязывавших производить расчет стоимости дворянского имения в зависимости от количества крестьян. Так, например, 3 августа 1806 г. в указе «О цене ревизских душ, каковую должно назначать при совершении купчих и дарственных записей» всем государственным учреждениям, регистрировавшим переход недвижимого имущества от одного владельца к другому, было предпи-

ми в российском законодательстве конце XVIII – первой четверти XIX вв. // Проблемы российской истории. Вып. VII. М.- Магнитогорск, МаГУ, 2006. С. 283–304.

³¹ ПСЗ. Т. XXX, 1808. № 23.157. С. 432–433.

³² ПСЗ. Т. XXXIII, 1815. № 25.775. С. 19. **Полный запрет на печать объявлений о продажи людей без земли** был издан 29 сентября 1822 г., см.: ПСЗ. Т. XXXVIII, 1822. № 29.192. С. 621–622.

сано следить за тем, чтобы в договорах купли-продажи и при оформлении дарственной стоимость одного крестьянина была указана не менее 75 руб., а в случае, если продаже подлежали женщины – не менее половины от указанной цены на мужчин³³. В указе от 28 октября 1808 г. аналогичное правило было сформулировано предельно четко: «При совершении купчих, дарственных записей и тому подобных актов... на крепостных людей с землею и без земли, в продажу и в подарок поступающих, и на дворовых людей, полагать мужского пола ревизскую душу в цену не менее 100 руб., а женского против того в половину по всем вообще Империи Нашей Губерниям...»³⁴. Такой порядок определения минимальной стоимости дворянских имений сохранялся вплоть до начала 1820-х гг. При этом государство, в соответствии с ростом цен на другие товары, периодически повышало стоимость одной «ревизской души», которая, например, к осени 1812 г. составляла уже 200 руб.³⁵.

Еще более заметным вмешательство государства в процесс определения нижнего ценового порога при заключении актов купли-продажи «населенных земель» стало после издания 24 ноября 1821 г. Сенатского указа «О гербовом и крепостном сборах». По данному указу все губернии Российской империи, в зависимости от численности населения, были разделены на 6 классов, и для каждого класса установлен свой минимальный порог цен на крестьян: от 200 руб. в губерниях 6 класса (Архангельская, Иркутская, Тобольская, Томская губернии и Грузия) до 500 руб. за «ревизскую душу мужского пола» в губерниях 1 класса (Московская и Санкт-Петербургская губернии)³⁶.

Во-вторых, важным инструментом, который использовало государство для оказания финансовой помощи разорившимся помещикам, были выдаваемые под залог дворянских имений денежные ссуды. При этом так же, как и в случае со сделками купли-продажи, определение суммы, на которую мог рассчитывать помещик, производилось пропорционально устанав-

³³ ПСЗ. Т. XXIX, 1806. № 22.229. С. 672.

³⁴ ПСЗ. Т. XXX, 1808. № 23.317. С. 654.

³⁵ ПСЗ. Т. XXXII, 1812. № 24.992. С. 189.

³⁶ ПСЗ. Т. XXXVII, 1821. № 28.814. С. 926.

ливаемой правительством стоимости одной «ревизской души мужского пола». Например, в 1806 г. при выдаче банками и Приказами общественного призрения ссуды под залог имущества дворянин мог получить 60 руб. за одного крестьянина, а в 1817 г. – 100 руб. ассигнациями³⁷. Такой же механизм действовал при оказании правительством финансовой помощи помещикам в случае неурожая. В именном указе министру финансов 9 июня 1823 г. «О назначении из заемного банка 5 млн. руб. для раздачи в пособие дворянству губерний, потерпевших от неурожаяев...», было рекомендовано при определении суммы, выдаваемой помещикам начислять по 150 руб. за одного крестьянина в Великороссийских губерниях, и по 100 руб. – в Малороссийских губерниях и присоединенных Польских территориях³⁸.

В-третьих, государство официально устанавливало размер компенсационных выплат помещику за утрату крестьян как по вине частных лиц, так и в результате действий правительства. В качестве примера законодательного закрепления порядка выплат такого рода компенсаций частным лицам можно привести указ 15 декабря 1805 г. «Об удовлетворении помещиков за убитых крестьян», подтверждавший правило, в соответствии с которым дворянин потерявший работника в результате драки с крепостными другого помещика должен был получить либо виновного крестьянина, либо любого другого «неоглашенного в пороках» крепостного человека³⁹.

Яркой иллюстрацией возмещения помещикам убытков от утраты «крещеной собственности» по вине государства являются «Высочайше утвержденный доклад... графа Аракчеева» от 13 февраля 1823 г. и «Высочайшее повеление, объявленное Сенату» от 5 февраля 1824 г., регламентировавшие порядок перевода частновладельческих крестьян в новое состояние «военных поселян»⁴⁰. Более подробно порядок осуществления вы-

³⁷ См.: ПСЗ. Т. XXIX, 1806. № 22.229. С. 672; ПСЗ. Т. XXXIV, 1817. № 26.955. С. 440.

³⁸ ПСЗ. Т. XXXVIII, 1823. № 29.503. С. 1031.

³⁹ ПСЗ. Т. XXVIII, 1805. № 21.961. С. 1302–1303.

⁴⁰ ПСЗ. Т. XXXVIII, 1823. № 29.312. С. 768–770; ПСЗ. Т. XXXIX, 1824. № 29.762. С. 45.

плат помещикам за отправку крепостных крестьян на «военные поселения» был представлен 18 февраля 1824 г. в «Положении о присоединении к военным поселениям детей, прижитых ими до поступления на службу». По данному положению дети приписанных ранее к военным поселениям крестьян должны были быть переселены к родителям. При этом помещику выплачивалось «денежное вознаграждение» за каждого крестьянина в зависимости от его пола и возраста: за детей мужского пола от 1 года до 10 лет помещик получал от 22 до 300 руб., а от 11 до 18 лет и старше – от 390 до 1000 руб.⁴¹.

Все указанные выше законодательные акты служили для современников подтверждением существования неразрывной связи между финансовыми возможностями дворянина и наличием у него крепостных крестьян. Конечно, такая политика государства в сфере регулирования цен на крестьян преследовала утилитарные цели и была направлена, с одной стороны, на увеличение доходов казны от пошлин, взимаемых при заключении актов купли-продажи недвижимой собственности, а с другой – на уменьшение размера различных ссуд и компенсационных выплат. Но для помещика сам факт существования установленных верховной властью цен на «ревизские души» был неопровержимым доказательством того, что крестьянин – такая же собственность, как и другое недвижимое имущество, которое можно продать, заложить, подарить или передать по наследству.

Сравнительный анализ законодательства о праве собственности дворянства и крестьянства показал существование сословной и внутрисословной зависимости, предопределявшей не только наличие у индивида движимого или недвижимого имущества, но и ограничивавшей круг объектов собственности, которые потенциально могли принадлежать представителям каждой социальной страты. Однако сословная принадлежность была не единственным обстоятельством, оказывавшим влияние на возможность индивида реализовать свое право на обладание собственностью.

⁴¹ ПСЗ. Т. XXXIX, 1824. № 29.797. С. 122–123.

В первой четверти XIX в. право собственности напрямую зависело еще и от того, насколько поведение человека соответствовало моральным и юридическим нормам. В противном случае, государство могло существенно ограничить право распоряжения имуществом или даже полностью лишить человека его собственности. Сравнение множества частных случаев, зафиксированных в форме указов, различных распоряжений губернаторов и материалов следственных дел, позволило выявить ряд субъективных обстоятельств, которые могли привести к полной или частичной утрате права собственности.

Одним из поводов для ограничения права собственности могло стать жестокое обращение помещиков с крепостными крестьянами. В соответствии с действующим законодательством, если до губернских властей доходили слухи о «бесчеловечных и жестоких поступках» помещика в отношении подвластных ему крестьян, имение такого помещика должно было быть взято в государственную опеку⁴². Показательным примером реализации на практике процедуры отчуждения дворянского имения за жестокое обращение с крестьянами является следственное дело в отношении майора Орлова. В ходе расследования по заявлению помещика о нападении на него крестьян в феврале 1802 г. было установлено, что «крепостные люди» подвергались со стороны Орлова «несносной строгости»⁴³. Следователи по данному делу свидетельствовали, о том, что многие крестьяне были больны, содержались в двух избах по 40 человек вместе со скотом, спали на земляном полу и питались «хлебом смешанным с мякиною»⁴⁴. Более того, при осмотре одного из подсобных помещений был обнаружен крестьянин Иван Петров, который по указанию помещика был уже более года закован в кандалы⁴⁵. Итогом разбирательства по делу майора Орлова было постановление Государственного

⁴² См.: Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи, издаваемые комиссиею составления законов. Т. 1. С. 182.

⁴³ РГИА. Ф. 1147. Оп. 1. Д. 295. Л. 1 об.

⁴⁴ Там же. Л. 1 об., 4.

⁴⁵ Там же. Л. 2.

Совета от 17 марта 1802 г.: «имение взять в опеку», а самого помещика, «как неспособного управлять имением и во зло употреблявшего права ему данные, ...заклЮчить в монастырь» на 10 лет, «доставляя из доходов его в монастырь до 50 копеек на день, а остальное отдавать законным его наследникам». Почти дословно данное решение было высочайше утверждено указом 4 апреля 1802 г.⁴⁶

Особое внимание на факты жестокого обращения помещиков с крестьянами власть обращала в случае массовых волнений, гибели или побегов крепостных. Процедура ограничения права собственности за несоответствующее принципам христианской морали поведение помещиков представлена, например, в материалах следствия по делу «О взятии в опеку имения Ярославского помещика Дмитрия Салтыкова за жестокое обращение с крестьянами». По указанию министра внутренних дел А. Б. Куракина 31 марта 1808 г. надворному советнику А. Стогу было поручено выяснить причины бегства 22 и гибели 3 крестьян из имения Д. Салтыкова и негласно проверить обоснованность, распространявшихся в Ярославской губернии слухов о жестокости данного помещика. Согласно полученной инструкции А. Стог предварительно расспрашивал соседей Д. Салтыкова, а затем под видом путешественника остановился на несколько дней в его имении⁴⁷. В результате такой «негласной проверки» было установлено, что крестьяне платили оброк и, одновременно, «принуждались к работе на барщине шесть дней в неделю», а иногда – в воскресные дни и даже ночью. При этом за любое непослушание Д. Салтыков бил крестьян по голове палкой или табакеркой, которую он всегда носил с собой⁴⁸. Все эти факты были признаны достаточным основанием для того, чтобы «удалить» Салтыкова «...от управления имением» и передать его в государственную опеку⁴⁹. Нахождение «в опеке» означало, что помещик не имел права находиться на территории имения, а также продавать,

⁴⁶ ПСЗ. Т. XXVII, 1802. № 20.217. С. 90.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 84. Л. 3–7.

⁴⁸ Там же. Л. 16–17.

⁴⁹ Там же. Л. 35 об–36. Решение было утверждено императором 22 мая 1808 г.

дарить или отдавать его в залог. Таким образом, опека, фактически, была инструментом контроля государства за характером взаимоотношений помещика с крепостными крестьянами и представляла для дворянина угрозу утраты собственности.

Наряду с жестокостью в отношении «крепостных людей», еще одной причиной существенного ограничения права распоряжения или даже принудительной продажи собственности, могла стать неспособность помещика исполнить возложенную на него указами 21 февраля 1811 г. и 14 апреля 1822 г. обязанность обеспечить своих крестьян продовольствием в неурожайные годы⁵⁰. В случае, если до губернских властей доходила информация о недостатке продовольствия у крепостных крестьян какого-либо помещика, незамедлительно создавалась особая «Комиссия продовольствия», которая убедившись в том, что «...крестьяне ...действительно подвержены недостатку в хлебе», ходатайствовала перед губернским правлением о передаче данного поместья в «казенный присмотр»⁵¹. Одновременно с этим государственное казначейство выделяло необходимые на приобретение продовольствия для крестьян денежные средства, а находившееся под «казенным присмотром» имение подлежало продаже с аукциона. По истечении трех месяцев с момента публикации «...в ведомостях обеих столиц» объявлений о торгах, данное имение, в том случае, если за это время никто не выразил желания его приобрести, «...причислялось к казенным имениям»⁵². При этом прежнему владельцу предоставлялось право выкупить свое имение не позднее, чем за три дня до начала торгов, заплатив государству «...употребленную казною на продовольствие крестьян сумму»⁵³. Если торги все же состоялись, то все полученные от продажи денежные средства, после возмещения государству затрат на обеспечение крестьян продовольствием и уплаты всех долговых обязательств, передавались бывшему владельцу имения.

⁵⁰ См.: ПСЗ. Т. XXXI, 1811. № 24.525. С. 553–555; ПСЗ. Т. XXXVIII, 1822. № 29.000. С. 146–153.

⁵¹ РГИА. Ф. 994. Оп. 2. Д. 156. Л. 1–2 об.

⁵² Там же. Л. 2–2 об.

⁵³ Там же. Л. 2.

На практике местные власти ежегодно требовали от помещиков подписывать письменные обязательства обеспечить крестьян продовольствием. Косвенным подтверждением этого является письмо А. Разумовского сенатору Б. И. Гермесу от 6 февраля 1821 г., в котором автор сетовал на требование местных властей Черниговской губернии о составлении всеми помещиками расписок в том, «...чтоб они непременно прокормили крестьян своих до будущего урожая». В противном случае, по словам А. Разумовского, власти «...грозили им строжайшим взысканием и отобранием в казенное ведомство имения»⁵⁴. Такое положение означало, по сути, что право собственности помещика могло оказаться под вопросом при возникновении неблагоприятных для сельскохозяйственных работ климатических условий.

Существование юридически оформленных механизмов утраты собственности за ненадлежащее поведение отражено не только в нормативно-правовых актах, регулировавших отношения помещика с крестьянами, но и в общих принципах действовавшего вне зависимости от сословной принадлежности уголовного законодательства. Дело в том, что в соответствии с «законоположениями о наказаниях» лица, совершившие тяжкие и особо тяжкие преступления, помимо основного наказания, подвергались так называемой «политической» или «гражданской смерти», означавшей лишение человека всех «гражданских прав», в том числе и «права собственности». Все движимое и недвижимое имущество преступника передавалось ближайшим родственникам, а в случае их отсутствия – подвергалось конфискации в пользу государства. В отношении дворянской собственности такой порядок действовал с 1785 г., а с 6 мая 1802 г. – был распространен «...на состояние купеческое, мещанское и земледельческое»⁵⁵. В дальнейшем было

⁵⁴ Письмо А. Разумовского сенатору Б. И. Гермесу 6 февраля 1821 года // *Дубровин Н. Письма главнейших деятелей в царствование императора Александра I (с 1807–1829 гг.)* СПб., 1883. С. 282.

⁵⁵ ПСЗ. Т. XXVII, 1802. № 20.256. С. 135. **Главное отличие процедуры наказания дворян, обвиняемых в совершении уголовного преступления состояло в том, что все решения по таким делам должны были быть утверждены императором.**

издано еще несколько аналогичных указов⁵⁶, общий смысл которых в 1821 г. был четко сформулирован членами «Комиссии составления законов» следующим образом: «имущество осужденного поступает его наследникам, как бы он умер без завещания»⁵⁷. Таким образом лишение собственности было наказанием для конкретного человека и не затрагивало интересы его наследников.

Принципиальное иное и более жесткое по своим последствиям наказание, связанное с лишением права собственности, было предусмотрено российским законодательством за несанкционированный властями отъезд за границу. По указу от 24 августа 1809 г. «О наказании за самовольную отлучку за границу» все имущество российских подданных уехавших в другие страны без разрешения властей следовало «...немедленно конфисковать, а их самих предавать суду по всей строгости законов»⁵⁸. При этом лишь в качестве исключения жене и детям бывшего владельца, не имевшим других «средств к существованию», правительство могло перечислять минимально необходимую для жизни сумму от общего дохода конфискованного государством имения⁵⁹. С 5 октября 1809 г. порядок, установленный указом 24 августа, был распространен и на тех, кто до отъезда «в чужие края» не имел своего имущества, но в перспективе рассчитывал на получение наследства⁶⁰. В таких случаях на имение родителей или других ближайших родственников, которые могли оставить наследство, государство налагало запрет на все операции по купле-продаже и залогу недвижимости, вне зависимости от того, являлось ли оно «родо-

⁵⁶ ПСЗ. Т. XXVII, 1803. № 21.086. С. 1071–1072; ПСЗ. Т. XXXV, 1818. № 27.231. С. 68.

⁵⁷ Основания российского права, извлеченные из существующих законов Российской империи, издаваемые комиссиею составления законов. Т. 1. С. 30.

⁵⁸ ПСЗ. Т. XXX, 1809. № 23.806. С. 1107. Указом 17 декабря 1809 г. был установлен 6 мес. срок для возвращения лиц, незаконно покинувших Российскую империю. См.: ПСЗ. Т. XXX, 1809. № 24.035. С. 1374.

⁵⁹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 54, 1809. Д. 92. Л. 32.

⁶⁰ ПСЗ. Т. XXX, 1809. № 23.893. С. 1198.

вым» или «благоприобретенным»⁶¹. Данная мера предпринималась с целью конфискации после смерти законного владельца части собственности, которая могла бы быть наследуема «отлучившимся без ведома властей» российским подданным. Таким образом, по сути, была введена конфискация собственности частных лиц по политическим основаниям.

Окончательно процедура принудительного изъятия собственности по политическим основаниям была закреплена 24 октября 1813 г. в указе «О правилах конфискации имений и управления оными»⁶². Данный документ был представлен императору министром финансов и содержал подробные инструкции «Губернским комиссиям для продажи казенных имений» по составлению списков «всех помещиков и обывателей, кои имения подвергаются конфискации в казну». Земская и городская полиция должны были публиковать эти списки «по всем городам и местечкам в торговые дни» вместе с объявлениями о том, что обозначенные в них «...люди лишаются всех прав своих, что все их имущество поступает в казну навсегда; что по сему принадлежащее им недвижимое имение, капиталы и вещи должны быть объявлены, и не далее 15 дней; и что если кто утаит у себя что-либо принадлежащее конфискации, таковой сочтется похитителем казенной принадлежности и предан будет строгому суждению по законам»⁶³. Конфискуемое имущество могло быть продано, переведено в «казенную собственность», сдано в аренду или «частное» управление. Особую актуальность, с точки зрения министра финансов, данное положение имело для «Киевской, Подольской, Волынской, Минской и Литовских губерний». Однако это не означало, что жители других губерний Российской империи не знали о существовании процедуры принудительного изъятия собственности за несанкционированный отъезд из страны, напротив – в положении специально подчеркивалось, что списки бывших владельцев должны были рассылаться по всем губерниям, т. к.

⁶¹ ПСЗ. Т. XXXI, 1810. № 24.158. С. 94.

⁶² ПСЗ. Т. XXXII, 1813. № 25.470. С. 649–653. Данный указ был опубликован Сенатом 6 ноября 1813 г.

⁶³ Там же. С. 649.

конфискации подвергалась вся собственность человека, вне зависимости от места её нахождения.

Еще одна причина ограничения права собственности, которая была зафиксирована в российском законодательстве первой четверти XIX в. – неисполнение каких-либо финансовых обязательств перед государством. Несвоевременная выплата как прямых, так и косвенных налогов, могла стать основанием для наложения на имение должника «запрета» и последующей продажи имущества на «публичных торгах» с целью погашения долга государству. Данная норма была всенародно объявлена в манифесте 16 мая 1811 г. «О мерах взыскания недоимок с селений казенных и помещичьих» и неоднократно упоминалась в близких по содержанию указах 23 февраля 1816 г., 7 ноября 1818 г. и 11 октября 1821 г.⁶⁴ При этом важно отметить, что лишению имущества за различные «недоимки казне» могли подвергаться не только сами должники, но и ответственные за своевременный сбор налогов чиновники. Так, например, в §5 высочайше утвержденной 7 января 1820 г. «Инструкции сенаторам, назначенным в губернии для взыскания недоимок», предписывалось отстранять виновных чиновников от должностей, предавать их суду и «...налагать на имение их запрещение до совершенной уплаты недоимок»⁶⁵, а в §13 прямо указывалось на то, что чиновники, допустившие просрочки по сборам пошлин с «крепостных актов», «...должны ныне собственностью своею ответствовать за... оставление сего сбора в недоимке»⁶⁶. В такой формулировке право «собственности» чиновника приобретало условный характер и могло быть нарушено не только вследствие совершения им противозаконных действий, или неисполнения служебных обязанностей, но и в связи с несвоевременной уплатой налогов другими российскими подданными.

В большинстве подобных нормативно-правовых актов для обоснования необходимости ограничения права собственно-

⁶⁴ См.: ПСЗ. Т. XXXI, 1811. № 24.633. С. 651; ПСЗ. Т. XXXIII, 1816. № 26.157. С. 518; ПСЗ. Т. XXXV, 1818. № 27.572. С. 608; ПСЗ. Т. XXXVII, 1821. № 28.778. С. 881–882.

⁶⁵ ПСЗ. Т. XXXVII, 1820. № 28.080. С. 6–7.

⁶⁶ Там же. С. 8.

сти использовался тезис о безусловном верховенстве «государственной пользы» над интересами частных граждан. Именно с этих позиций в различных сепаратных указах неисполнение гражданами условий договора на выполнение каких-либо работ по «казенным подрядам» каралось отчуждением частной собственности в пользу государства. Один из таких указов, например, был издан 24 сентября 1817 г. по делу действительно тайного советника Григория Орлова, обвиненного в ненадлежащем выполнении условий «поставки провианта для военного ведомства». На основании данного указа было приказано: «...в предохранение казенного интереса распространить запрещение на всякий род имущества, который по праву наследства или иначе к нему (Орлову)... дойти может»⁶⁷. Таким образом, и в адресованных всему населению страны царских манифестах, и в сепаратных указах по частным делам, было зафиксировано неравенство права собственности частных граждан и государства.

На практике неравенство проявлялось, прежде всего, в отсутствии четкого порядка компенсации гражданам имущественных потерь, причиненных в результате деятельности государства. Конечно, это не означало, что собственник не имел возможности подавать прошения о возмещении убытков. Наличие у него такой возможности отчетливо просматривается при прочтении журналов заседаний Департамента государственной экономии Государственного Совета, в которых зафиксированы многочисленные обращения российских подданных о возмещении им потерь, связанных со строительством государством дорог, крепостей, незаконных штрафов и т.п. действий⁶⁸. Однако во всех подобных случаях решение о выплате денежной компенсации вступало в законную силу только после утверждения императором решения Государственного Совета, Комитета министров или издания сепаратного именного указа⁶⁹. Такой порядок 21 июня 1821 г. был юридически закре-

⁶⁷ ПСЗ. Т. XXXIV, 1817. № 27.065. С. 779.

⁶⁸ См., например: Архив ГС. Т. IV. СПб., 1881. С. 1451–1455.

⁶⁹ См., например: ПСЗ. Т. XXIX, 1806. № 22.289. С. 755; ПСЗ. Т. XXXVIII, 1823. № 29.456. С. 959–960.

ПЛЕН в «Высочайше утвержденном положении комитета министров о назначении владельцам удовлетворения за отбираемую у них в казну собственность». После знакомства со всеми прозвучавшими в ходе заседания аргументами⁷⁰, император присоединился к мнению министра юстиции о том, что «...случаи подобные к кругу обыкновенного течения дел не принадлежат и желать должно, чтоб они сколько можно реже встречались, дабы неколебать Всемиловитейшее дарованные... всем условиям права; как же подобные случаи ближе подходят к мерам, необходимостью вынуждаемым, и следственно чрезвычайным или сепаратным, то... должны они и разрешаться одною Самодержавною властью указами сепаратными»⁷¹. В итоге, «общее законоположение» о компенсации государством потерь частным гражданам так и не было создано, а в случае возникновения конфликтов между личностью и государством, юридически существовала лишь односторонняя ответственность гражданина. Ответственность же государства за причинение материального вреда частным лицам, могла наступать только по усмотрению самого государства, выраженному в сепаратных постановлениях верховного правителя.

Важной составной частью политики государства, которая оказывала непосредственное влияние на возможность российских подданных реализовать свои «гражданские права», было законодательство о «свободе» экономической деятельности. Так же как и в случае с понятием «собственность», в текстах нормативно-правовых актов первой четверти XIX в. словосочетания «свобода торговли» и «свобода промышленности» встречались достаточно часто и использовались верховной властью для описания необходимых условий экономического развития страны⁷². Однако сравнительный анализ упоминаний о «свободе» в текстах различных манифестов, указов, положе-

⁷⁰ См. подробнее: Тимофеев Д. В. Понятие собственности в России первой четверти XIX в.: опыт реконструкции смыслов // Российская история. 2009. № 1. С. 171–172.

⁷¹ ПСЗ. Т. XXXVII, 1821. № 28.646. С. 732–733.

⁷² См., например: ПСЗ. Т. XXVI, 1801. № 19.783. С. 584; ПСЗ. Т. XXXII, 1814. № 25.594. С. 806–809; ПСЗ. Т. XXXVI, 1819. № 27.938. С. 350–352.

ний, уставов, «высочайше утвержденных мнений» Государственного Совета и Комитета министров, показал, что право российских подданных на свободу экономической деятельности было четко дифференцировано в зависимости от национально-конфессиональной и сословной принадлежности.

Существенные ограничения «свободы торговли» по национально-религиозному признаку были установлены «Положением об устройстве евреев» (1804 г.), указами «О нераспространении на евреев изданного для торгующих крестьян высочайшего положения 11 февраля и указа 29 декабря 1812 года» (1815 г.) и «О наблюдении за евреями, чтобы они не присваивали себе прав, по торговле им недозволенных» (1821 г.).⁷³ В соответствии с этими документами место жительства и «свобода торговли» для евреев были ограничены территориями 15 губерний. За пределами этих губерний им было запрещено торговать, приобретать землю и обзаводиться хозяйством. Расширение прав могло произойти только в случае добровольного перехода в христианство⁷⁴.

Дифференциация права на «свободу» экономической деятельности проявлялась в том, что практически для каждой социальной группы российского общества существовали «особые» положения и правила регламентировавшие пределы «свободы торговли». Такая детальная регламентация преследовала, одновременно, две взаимосвязанные цели. С одной стороны, государство получало возможность быстро и в полном объеме собирать различные налоги, пошлины и иные платежи с каждой категории экономически активного населения в зависимости от её реальных доходов. В случае же устойчивой неспособности представителей какой-либо социальной или профессиональной группы выплачивать налоги государство могло, не изменяя положения других участников экономических отношений, лишить или существенно сократить их право на «свободу торговли». С другой стороны, детальная регламентация позволяла почти незаметно и безболезненно расширять круг лиц обладавших за-

⁷³ См.: ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.547. С. 731–737; ПСЗ. Т. XXXIII, 1815. № 25.965. С. 303–305; ПСЗ. Т. XXXVII, 1821. № 28.537. С. 579–581.

⁷⁴ ПСЗ. Т. XXXIV, 1817. № 26.752. С. 119–123.

конными правами на торговлю посредством наделения представителей какой-либо социальной группы новыми привилегиями. Все это, по мнению Александра I, было оптимальным способом ускорения экономического развития и, одновременно, минимизации экономических конфликтов между представителями разных сословий. Подобная двойственность политики правительства представлена целым рядом законодательных актов, в соответствии с которыми особые правила торговли были установлены для крестьян, мещан, купечества и дворянства.

В связи с постепенной активизацией торговой деятельности крестьян в начале XIX в. им было предоставлено право торговли в городах⁷⁵. Однако, учитывая многочисленные жалобы купечества на то, что данная мера разрушает дарованное им ранее монопольное «право торговли», правила для торгующих в городах крестьян были предельно детализированы таким образом, чтобы исключить возможность усиления экономической конкуренции между двумя сословиями. В соответствии с указом 29 декабря 1812 г. «О дополнительных правилах для дозволения крестьянам производить разными товарами торговлю...» было объявлено, что «свойственная крестьянскому быту промышленность остается свободною от всякого сбора или платежа без малейшего ограничения и стеснения» и «...дозволяется крестьянам свободно развозить и продавать в уездах и в городах сельские произведения, припасы и изделия...»⁷⁶. Одновременно, в этом же документе, было введен прямой запрет на беспошлинную «...продажу несовых своих произведений, а скупленных на сумму свыше двух тысяч рублей в год», т. к. право на такого рода торговлю имело мещанство и купечество⁷⁷. Для торговли не своими товарами крестьянин должен был ежегодно заплатить государственную пошлину и получить именное торговое сви-

⁷⁵ *Кашенов А. Т.* Основные направления законодательной политики российской империи в области предпринимательства во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. // Проблемы российской истории. М., – Магнитогорск, 2007. Вып. VII. С. 139.

⁷⁶ ПСЗ. Т. XXXII, 1812. № 25.302. С. 491.

⁷⁷ Там же. С. 491.

детельство⁷⁸. Аналогичный порядок был подтвержден указом 24 мая 1815 г., в соответствии с которым крестьяне могли торговать не только в рамках своей, но и на территории соседних губерний⁷⁹. Несколько позднее, 31 января 1822 г., на тех же условиях право торговли в городах получили и дворовые люди⁸⁰.

Стремление власти расширить круг людей занимавшихся торговлей, но при этом не ухудшить положение российского купечества, было отражено и в нормативно-правовых актах регламентировавших торговую деятельность мещан. Законодательно им было запрещено вступать в сделки с казной и участвовать в подрядах и откупах⁸¹. Указом от 23 июня 1819 г. мещанам предписывалось либо вести торг в пределах, предусмотренных ст. 140–144 «Городового положения», либо записываться в гильдии. В противном случае, по словам законодателя, торговая деятельность мещанства приводила к тому, что «...купцы 3 гильдии претерпевают стеснение в своей торговле», а следовательно, «...казна лишается принадлежащих ей оборотов»⁸². Таким образом, «свобода торговли» и для крестьян, и для мещан была условной и полностью зависела от потребностей правительства стабилизировать налоговые поступления в государственный бюджет.

Не менее отчетливо утилитарный характер сословной и внутрисословной дифференциации права на «свободу торговли» отражен в различных «законоположениях о купеческом состоянии», важнейшим из которых был манифест 1 января 1807 г. «О дарованных купечеству новых выгодах, отличиях, преимуществах и новых способах к распространению и усилению торговых предприятий»⁸³. В этом манифесте, с одной стороны, представлена попытка властей создать новые организационно–

⁷⁸ Особые правила действовали для торговли крестьян в Санкт-Петербурге: по указу 9 апреля 1804 г. кроме торгового свидетельства необходимо было получить еще и особый билет, в котором указывалось конкретное место и ассортимент товаров, разрешенных к продаже его владельцу, см.: ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.244. С. 242–245.

⁷⁹ ПСЗ. Т. XXXIII, 1815. № 25.856. С. 143–147.

⁸⁰ ПСЗ. Т. XXXVIII, 1822. № 28.908. С. 52–53.

⁸¹ Кашенов А. Т. Указ. соч. С. 138.

⁸² ПСЗ. Т. XXXVI, 1819. № 27.852. С. 240–241.

⁸³ ПСЗ. Т. XXIX, 1807. № 22.418. С. 971–979.

правовые формы объединения купечества – «товарищества», членами которых при желании могли стать и представители дворянства⁸⁴, но, с другой стороны, ярко выражена установка на дальнейшую внутрисословную дифференциацию купечества. Последнее обстоятельство проявилось в том, что власть не только подтвердила существовавшее ранее разделение купечества на 3 гильдии, но и учредила новую внутрисословную категорию «первостатейный купец»⁸⁵. Более того, манифестом 1 января 1807 г. был установлен максимальный размер сделки по государственным подрядам и откупам. Например, купец 2 гильдии теперь не мог быть допущен к подрядам и откупам, суммарный годовой размер которых в денежном выражении превышал 50 тыс. руб., а купец 3 гильдии – к сделкам с годовым оборотом более 12 тыс. руб.⁸⁶. В дальнейшем, осенью 1807 г., были повышены пороговые значения «объявленного капитала», необходимого для зачисления в гильдии: претенденты на звание купца первой гильдии должны были объявить о наличии у них 50 тыс. руб., второй гильдии – от 20 тыс. руб., третьей гильдии – 8 тыс. руб.⁸⁷.

Логическим завершением политики Александра I по юридическому закреплению сословной и внутрисословной дифференциации «свободы торговли» для каждой категории российских подданных было издание 14 ноября 1824 г. «Дополнительного постановления об устройстве гильдий и торговле прочих состояний»⁸⁸. Отличительной особенностью данного документа являлось то, что в нем детально был представлен весь набор «прав и обязанностей» для каждой социальной страты

⁸⁴ См. подробнее: *Шенелев Л. Е.* Акционерные компании в России: XIX – начала XX века. СПб., 2006. С. 24–25.

⁸⁵ В отличие от звания «купец первой гильдии», существовавшего на прежних основаниях, «действительный, первостатейный купец» должен был торговать только оптом как в нутрии Российской империи, так и за её пределами, или быть банкиром. См.: ПСЗ. Т. XXIX, 1807. № 22.418. С. 976–977.

⁸⁶ Там же. С. 976.

⁸⁷ См.: ПСЗ. Т. XXIX, 1807. № 22.678. С. 1321.

⁸⁸ ПСЗ. Т. XXXIX, 1824. № 30.115. С. 588–612. «Дополнительные постановления об устройстве гильдий и торговле...» вводились в действие с 1 января 1825 г.

российского общества. Предельно четко была описана процедура получения торговых свидетельств, введены ограничения по общей сумме товаров и числу используемых наемных работников, а также регламентирован ассортимент товаров, разрешенных к продаже крестьянами и мещанами в городах. Все эти ограничения закрепили положение, при котором торговля, как определенный вид хозяйственной деятельности, оказалась под жестким контролем государства, а декларируемая ранее «свобода торговли» трансформировалась в условную «свободу по инструкции».

В законодательстве первой четверти XIX в. употребление понятия «свобода» не ограничивалось только сферой экономических отношений. Не менее важными для реконструкции транслируемых государством моделей поведения граждан являются нормативно-правовые акты, в которых объявлялось о наличии у российских подданных права на «свободу перехода из одного состояния в другое».

Формально на протяжении всей первой четверти XIX в. власть неоднократно заявляла о возможности перемещения человека в социальном пространстве, и хотя, как справедливо отмечает Б. Н. Миронов, на скорость и направленность межсословной мобильности оказывала влияние экономическая конъюнктура, отдаленность той или иной губернии от центра страны и последствия войны 1812 г., полного запрета на переход из одной сословной группы в другую никогда не существовало⁸⁹. Но при этом, как и в случае с правом на «свободу торговли», единых правил такого «перехода» установлено не было, и для представителей каждой сословной, а иногда даже и внутрисословной группы, государство устанавливало особый порядок изменения социальной позиции⁹⁰.

Особое внимание к вопросам юридического оформления «свободы перехода» власть уделяла в отношении так называе-

⁸⁹ См.: *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи... Т. 1. С. 133–140.

⁹⁰ См.: *Фриз Г. Л.* Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. – Самара, 2000. С. 142–143.

мых «податных состояний» – крестьянства, мещанства и купечества, т. к. именно эти категории населения являлись основными источником финансовых поступлений в казну, а следовательно, государство вынуждено было следить за тем, чтобы любые перемещения подданных в социальном пространстве не приводили к снижению общей суммы налоговых выплат. Так, например, в указе 18 апреля 1802 г. «О дозволении купцам и мещанам безуездных городов переписываться в государственные крестьяне»⁹¹, «свобода» трактовалась как возможность перехода российского подданного по собственному желанию в другое «состояние» в случае, если по каким-либо причинам он не мог обеспечить свою семью и своевременно выплачивать все установленные законом налоги.

Сохранение фискальных интересов казны являлось основным условием реализации права на «свободу перехода» мещан и государственных крестьян в купечество. Порядок их «записи в новое состояние» был четко определен указами 24 октября 1804 г., 14 июня 1808 г., 19 августа 1808 г. и 19 августа 1820 г.⁹², в соответствии с которыми государственный крестьянин или мещанин переходивший в купечество должен был до следующей ревизии платить налоги как по «прежнему», так и по «новому состоянию». Исполнение данного условия предполагало, что крестьянин должен был получить «удостоверение увольняющего мирского общества, что на нем никаких поселянских повинностей и недоимок нет». Одновременно с этим необходимо было представить письменное согласие «принимающего градского общества», которое либо соглашалось платить подушную подать за своего нового члена до следующей ревизии по «прежнему его крестьянскому состоянию», либо могло требовать от него соразмерную денежную сумму. Очевидно, что подобные финансовые обязательства существенно затрудняли реализацию демонстративно заявленного властями

⁹¹ ПСЗ. Т. XXVII, 1802. № 20.235. С. 107–108. Указ был опубликован Сенатом 23 мая 1802 г.

⁹² См.: ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.484. С. 546–547; ПСЗ. Т. XXX, 1808. № 23.092. С. 325–326; ПСЗ. Т. XXX, 1808. № 23.240. С. 543–544; ПСЗ. Т. XXXVII, 1820. № 28.389. С. 420–423.

права на «свободу перехода в другое состояние», т. к. далеко не у всех, кто заявлял о желании изменить сословную принадлежность были необходимые денежные средства⁹³.

Не менее сложной межсословная мобильность была для отпущенных на «свободу» частновладельческих крестьян. В отличие от государственных, обязанность платить за них подушную подать до новой ревизии возлагалась на помещика, а бывший крестьянин платил только то, что должен был по «новому состоянию»⁹⁴. Такой порядок, на мой взгляд, также не способствовал процессу раскрепощения крестьян, т. к. помещик вынужден был нести дополнительные расходы за освобожденного ранее работника. Если же право на «свободу перехода» реализовывал не крепостной крестьянин, а «свободный хлебопашец», полностью исполнивший в соответствии с указом 20 февраля 1803 г. все условия с бывшим своим помещиком, то он так же, как мещане и государственные крестьяне облагался двойному налогообложению до проведения следующей ревизии⁹⁵.

Тесно связанным с вопросом о предоставлении российским подданным «свободы перехода в другой состояние» был вопрос о возможности обретения крепостными крестьянами и дворовыми людьми «личной свободы». Наряду с указом 20 февраля 1803 г.⁹⁶, даровавшим помещикам право освобождать крестьян с землей за выкуп, в российском законодательстве было предусмотрено еще несколько вариантов освобождения крестьян без согласия их владельцев. В большинстве случаев, все подобные акты были приняты в результате удовлетворения прошений «о людях, отыскивающих свободу из помещичьего владения». Основанием для принятия таких решений было предшествующее законодательство, в соответствии с которым крестьяне, чьи предки не были записаны в крепостное состояние

⁹³ По данным Б. Н. Миронова, общее количество крестьян, перешедших в мещанство и купечество в период с 1782 по 1811 г., было около 25 тыс. чел. См.: *Миронов Б. Н. Русский город в 1740–1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие*. Л., 1990. С. 170–177.

⁹⁴ ПСЗ. Т. XXXVII, 1821. № 28.577. С. 650–651.

⁹⁵ ПСЗ. Т. XXXVIII, 1823. № 29.715. С. 1342–1343.

⁹⁶ ПСЗ. Т. XXVII, 1803. № 20.620. С. 462–463.

до завершения первых двух ревизий (1719 и 1744 гг.), могли стать свободными и перейти в «состояние» «вольных землепашцев», мещан или купечество.

Такая возможность существовала вплоть до 21 сентября 1815 г., когда был издан указ «О законах, коими должно руководствоваться при решении дел о людях, отыскивающих свободу из помещичьего владения»⁹⁷. В нем впервые были сведены воедино и скорректированы все существовавшие ранее нормы об «отпуске на свободу» незаконно записанных в крепостные крестьяне людей. С этого времени основаниями для обращения к властям с прошением об освобождении могли быть следующие обстоятельства: 1) наличие документального подтверждения в том, что предки крестьянина лично выражали желание получить свободу и были записаны в крепостные после указов 1781 и 1783 гг., запрещавших закрепощение «вольных людей»; 2) если предки крестьянина являлись иностранными военнопленными и были закрепощены после указов 1781–1784 гг.; 3) если свободный человек был незаконно записан в крепостные после вступления в брак с крестьянином. Кроме этих общих условий в указе было предусмотрено множество обстоятельств, которые учитывали особенности исторического и социально-экономического развития «Великороссийских», «Полуденных» и «Малороссийских» губерний, а также «земель от Польши присоединенных». В таком виде возможность людей «отыскивающих свободу из помещичьего владения» достичь желаемой цели имела во многом условный, гипотетический характер.

Более четко и недвусмысленно необходимость наделения индивида «личной свободой» была прописана в случае, если речь шла об иностранных «невольниках», положение которых в нормативно-правовых актах обозначалось термином «рабство». На уровне законодательства верховная власть неоднократно подчеркивала свое неприятие «рабства» как недопустимого явления, которое могло существовать только у отсталых и «диких народов». Яркой иллюстрацией для российских под-

⁹⁷ ПСЗ. Т. XXXIII, 1815. № 25.947. С. 283–289.

данных негативного отношения императора к «рабству» были указы: 28 марта 1808 г. «Об освобождении от рабства всех невольников, известных под именем Яссыр и о представлении им свободы избрать род жизни»⁹⁸, 23 мая 1808 г. «О дозволении российским подданным свободных состояний покупать и выменивать киргизских детей, которые по достижению 25-летнего возраста должны быть свободными»⁹⁹, 30 мая 1822 г. «О вознаграждении из казны за выменанных у киргизцев, калмыков и других азиатцев детей, получивших свободу по достижении узаконенных лет»¹⁰⁰ и 31 июля 1823 г. «О положении Калмыков и других азиатцев в подушный оклад, по получении ими свободы из помещичьего владения»¹⁰¹. Во всех перечисленных указах российским подданным разрешалось выкупать из «рабства» людей, находившихся на сопредельных с Россией территориях с целью их последующего освобождения. При этом было провозглашено, что за «предоставление свободы от рабства» государство обязуется выплатить денежную компенсацию в размере 150 руб. за каждого человека. Таким образом государство, не затрагивая вопрос о положении крепостных крестьян в России, не только обозначало свое негативное отношение к «рабству», но и косвенно подтверждало, что решение проблемы может быть связано с денежным выкупом. Очевидно, что подобный сценарий предоставления «личной свободы» крепостным крестьянам не только не противоречил действиям государства по регулированию минимального порога цен на «крещеную собственность» и выплате денежной компенсации за отправляемых на военные поселения крестьянских детей, но и служил дополнительным подтверждением тезиса о том, что только лично свободный человек мог обладать всеми остальными «гражданскими правами».

В отношении всех «свободных состояний» понятие «свобода» употреблялось в российском законодательстве не только в связи с учреждением правил торговли или перемещения из од-

⁹⁸ ПСЗ. Т. XXX, 1808. № 22.925. С. 151–152.

⁹⁹ ПСЗ. Т. XXX, 1808. № 23.038. С. 275–276.

¹⁰⁰ ПСЗ. Т. XXXVIII, 1822. № 29.056. С. 216–218.

¹⁰¹ ПСЗ. Т. XXXVIII, 1823. № 29.560. С. 1138–1139.

ной социальной страты в другую, но и в более широком социально-политическом контексте. Так, на уровне отдельной личности важным проявлением «гражданской свободы» считалась «свобода вероисповедания», о признании которой российские власти неоднократно заявляли в различных указах и манифестах. Как правило, такого рода законодательные акты были адресованы «иноверцам» и проживавшим в России иностранцам. Например, в указе 6 июля 1803 г. император напоминал представителям католической церкви в России о праве личности на «свободу вероисповедания» и недопустимости политики принуждения униатов к смене веры¹⁰². Право «иметь свободу веры», было прописано также в указе 12 апреля 1804 г. «О позволении помещикам водворять колонистов на своих землях» и «Высочайше утвержденном докладе министра внутренних дел о правилах для принятия и водворения иностранных колонистов»¹⁰³.

Неотъемлемой частью «гражданской свободы», способствовавшей, по мнению верховной власти, развитию науки, литературы и искусства, была «свобода тиснения». Однако на уровне официальных решений и практических действий, политика правительства в этой сфере была непоследовательной и во многом противоречивой. С одной стороны, по указу 9 февраля 1802 г.¹⁰⁴ было разрешено создавать частные типографии и ввозить книги из-за рубежа, а в новом «Уставе о цензуре» (1804 г.) провозглашалось, что «скромное и благоразумное исследование всякой истины... не только не подлежит и самой умеренной строгости Цензуры, но пользуется совершенною свободою, возвышающею успехи просвещения»¹⁰⁵.

С другой стороны, свобода печати ограничивалась как по сугубо утилитарным, так и по политическим причинам. Примером ограничения свободы печати по финансовым мотивам является указ 8 декабря 1808 г., в котором под предлогом нехватки денежных средств для Сенатской типографии был введен запрет на переиздание в частных типографиях любых

¹⁰² ПСЗ. Т. XXVII, 1803. № 20.838. С. 723.

¹⁰³ ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.163. С. 139.

¹⁰⁴ ПСЗ. Т. XXVII, 1802. № 20.139. С. 39–40.

¹⁰⁵ ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.388. С. 441.

правительственных «узаконений». В случае нарушения этого запрета книги изымались из продажи без всякой компенсации материальных затрат владельцу типографии¹⁰⁶.

Ограничения свободы печати по политическим основаниям, чаще всего, налагались на журнальные статьи и книги, авторы которых либо «непозволительно резко» затрагивали проблему взаимоотношений крестьян и помещиков¹⁰⁷, либо критически высказывались о деятельности властей¹⁰⁸. Поскольку авторами такого рода публикаций нередко были люди, находившиеся на военной или гражданской службе, в 1824 г. было принято принципиальное решение, существенно ограничившее «свободу печати» для данной категории населения: «...принять за правило, чтобы российские чиновники, находящиеся на службе, нигде и ни на каком языке не издавали в свет никаких сочинений, заключающих что-либо касающиеся до внешних или внутренних отношений Российского государства»¹⁰⁹. С этого времени, если у чиновника возникало желание издать свое сочинение, он сначала должен был получить письменное разрешение непосредственного начальства, а затем представить текст на рассмотрение цензора.

Постепенное ужесточению контроля происходило также за ввозом и переизданием книг иностранных авторов. С 1 апреля 1802 г. все книгопродавцы, торговавшие привозимыми из-за границы печатными изданиями, должны были составлять особые «расписки» в том, что ни не продают книг, «...законам Божиим и гражданским противных». В 1820-х г. процедура оформления иностранных книг была еще более сложной: теперь книгопродавцы и «содержатели частных библиотек» должны были представлять на утверждение в цензурный комитет и министерство внутренних дел «реестр книг с подробным означением оглавлений и числа экземпляров»¹¹⁰. В инструкции министерства просвещения цензурному комитету особо под-

¹⁰⁶ См., например, решение по делу купца Нагеля, издавшего в своей типографии «Устав коммерческого банка»: ПСЗ. Т. XXXVI, 1819. № 27.923. С. 337–338.

¹⁰⁷ См., например: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 108, 266, 346.

¹⁰⁸ См.: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 64, 293, 305.

¹⁰⁹ ПСЗ. Т. XXXIX, 1824. № 29.960. С. 395.

¹¹⁰ РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 457. Л. 1–2 об.

черкивалось, что продажа и выдача на руки читателям книг, которые не были предварительно занесены в такие каталогах была строго запрещена¹¹¹. Таким образом, провозглашенная в начале правления Александра I «свобода тиснения» к 1820-м гг. приобрела избирательный характер и распространялась только на издания неполитической направленности.

В условиях множественной дифференциации гражданских прав и свобод еще одним универсальным принципом, который по заявлениям властей в равной степени должен был действовать на всех российских граждан был принцип верховенства закона. Косвенным подтверждением его признания властями были «Конституция вольного города Кракова» и «Конституционная хартия Царства Польского», тексты которых были составлены при активном участии России¹¹². Оба этих документа, хотя и с разной степенью полноты и аутентичности текста, могли быть известны российскому читателю: с содержанием Конституции Кракова можно было ознакомиться на страницах издания «Дух журналов»¹¹³, а выдержки из текста польской конституции летом 1815 г. распространялись в западных губерниях страны в виде рукописных списков на русском языке¹¹⁴. В качестве одного из основополагающих положений и в первом, и во втором конституционном акте, было провозглашено:

¹¹¹ Там же. Л. 1 об.–2.

¹¹² Подробнее о создании и содержании Конституционной хартии царства Польского см.: *Аскенази Ш.* Царство Польское 1815–1830 гг. / Предисл. А. А. Кизеветтер, пер. с польского В. Высоцкий. – М., 1915. С. 17–35; *Минаяева Н. В.* Правительственный конституционализм и передовое общественное мнение России в начале XIX века. Саратов, 1982. С. 172–182.

¹¹³ Дополнительный трактат относительно Кракова, области его и конституции, заключенный между Россией, Австрией и Пруссией // ДЖ. 1817. Ч. 23. Кн. 45. С. 795–818. Этот же текст см.: ПСЗ. Т. XXXIII, 1815. № 25.826. С. 71–78.

¹¹⁴ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 10–10 об. Подробное изложение отдельных положений конституции Царства Польского на русском языке было напечатано на страницах журнала «Вестник Европы» лишь осенью 1816 г., см.: О конституции Польского Царства // ВЕ. 1816. Ч. XC. № 22. С. 137–145. Полный же текст был опубликован на польском и французском языках в варшавском журнале «Dziennik Praw» («Дневник законов»), см.: *Мироненко С. В.* Самодержавие и реформы: политическая борьба в России в начале XIX в. М., 1989. С. 202, прим. 17.

«все граждане равны перед законом, и все оным равномерно покровительствуемы»¹¹⁵.

Признание принципа равенства граждан перед законом выражалось не только в подписании российским императором «конституций» для территорий с особым политическим статусом, но и в нормативно-правовых актах, действовавших во всех губерниях Российской империи. В официальных текстах данный принцип, как правило, присутствовал в форме рассуждений о важности «укрепления силы закона». С точки зрения императора, это словосочетание означало необходимость ликвидации взяточничества и произвола местных чиновников. Не случайно на протяжении всего царствования Александра I было издано множество указов о наказании чиновников различного уровня за «лихоимство», «нерадение» и «превратное толкование законов»¹¹⁶. Так, например, в 1816 г. была установлена материальная ответственность судей «за неправоное обвинение подсудимых»¹¹⁷, а летом 1821 г. — официально запрещено «делать приношения начальникам губерний и другим лицам»¹¹⁸.

Конечно, все эти указы не могли кардинально изменить существовавшую многие десятилетия практику продвижения дел за взятки и по прошениям высокопоставленных покровителей. Более того, сравнительный анализ правовых норм, регламентировавших порядок вынесения решений как по гражданским, так и по уголовным делам, позволяет утверждать, что на практике либеральный принцип равенства граждан перед законом не был реализован. Доминирующее значение, по-прежнему, имела сословная, а иногда и внутрисословная принадлежность подсудимого. Особенно отчетливо правовое неравенство заметно при сопоставлении решений по делам о преступлениях совершенных дворянами и представителями так называемых

¹¹⁵ См.: ПСЗ. Т. XXXIII, 1815. № 25.826. С. 75; ГАРФ. Ф. 1769. Оп. 2. Ед. хр. 7. Л. 4.

¹¹⁶ См., например: ПСЗ. Т. XXXI, 1810. № 24.351. С. 353–354; ПСЗ. Т. XXXII, 1812. № 25.255. С. 448–449; ПСЗ. Т. XXXV, 1818. № 27.378. С. 298–300; ПСЗ. Т. XXXVIII, 1822. № 28.917. С. 61–62; ПСЗ. Т. XL, 1825. № 30.422. С. 372–373; и др.

¹¹⁷ ПСЗ. Т. XXXIII, 1816. № 26.452. С. 1041–1042.

¹¹⁸ ПСЗ. Т. XXXVII, 1821. № 28.715. С. 796.

«нижних состояний». Неравенство проявлялось не только в степени жестокости наказания¹¹⁹ для преступников из разных социальных страт, но и в процедуре рассмотрения дела. Так, в соответствии с указами 10 января 1806 г. и 25 июля 1820 г., все решения по делам об убийствах, совершенных дворянами и чиновниками подлежали обязательному утверждению императором¹²⁰. Полной противоположностью такой особой процедуры был установленный 25 мая 1809 г. запрет «людям нижнего состояния» подавать жалобы на решения Уголовных Палат, в соответствии с которым сами крестьяне, и даже их помещики, лишены были права обращаться в Сенат с апелляцией по делам о незаконном наказании¹²¹. Весной 1813 г. данный запрет был распространен на мещан и купцов 3 гильдии, «присужденных Уголовными палатами к телесному наказанию или лишению доброго имени»¹²². Лишь после обсуждения в 1820–1823 гг. этого вопроса в Комиссии составления законов, Сенате и Государственном Совете, всем указанным категориям населения было разрешено приносить жалобы на решения Уголовных палат¹²³. Однако, в целом, зависимость процедуры рассмотрения и вынесения приговора от сословной принадлежности обвиняемого оставалась в неизменном виде на протяжении всего исследуемого периода. Все это позволяет утверждать, что на практике принцип равенства граждан перед законом трактовался лишь как относительное правовое равенство внутри одной социальной группы.

В сложившихся условиях единой для всех российских подданных была неоднократно транслируемая властями формула: необходимо, чтобы «...каждое в Государстве состояние беспрепятственно пользовалось теми правами, преимуществами и выгодами, кои предоставлены каждому узаконениями, так, чтоб

¹¹⁹ См., например: ПСЗ. Т. XXXVIII, 1823. № 29.328. С. 794–796; ПСЗ. Т. XL, 1825. № 30.236. С. 78–79.

¹²⁰ ПСЗ. Т. XXIX, 1806. № 21.991. С. 12; ПСЗ. Т. XXXVII, 1820. № 28.358. С. 392–393.

¹²¹ РГИА. Ф. 1151. Оп. 1, 1810. Д. 136. Л. 3–3об.

¹²² ПСЗ. Т. XXXII, 1813. № 25.359. С. 542–543.

¹²³ РГИА. Ф. 1149. Оп. 1. Т. I, 1819. Д. 30. Л. 15–17 об.; ПСЗ. Т. XXXVIII, 1823. № 29.391. С. 877–879.

одно состояние не присвояло прав другого»¹²⁴. Именно в соответствии с этой формулой выстраивалась вся внутренняя политика правительства. Таким образом в реальности единых для всех «гражданских прав» установлено не было, а многочисленные «права, свободы и преимущества» существовали, как бы параллельно, в разных правовых реальностях относительно обособленных и внутренне неоднородных социальных групп.

¹²⁴ ПСЗ. Т. XXVIII, 1805. № 21.657. С. 891.

§2. Социально-политические понятия в коммуникативной практике российских подданных

Окружавшая российского образованного подданного первой четверти XIX в. социально-политическая реальность включала в себя не только многочисленные предписания и запреты, транслируемые государством посредством нормативно-правовых актов, но и практические действия граждан. Выступления с «речами» в публичных собраниях, составление завещаний и «сельских уставов для крестьян», воззваний, записок и прошений, обращение с судебными исками о наследстве, создание по собственной инициативе различных учебных заведений, а также «отпуск на волю» или незаконное использование крепостных крестьян – все эти действия были частью повседневной практики российских подданных. Субъективно направленные на достижение частных целей, они могли обосновываться с помощью исследуемых социально-политических понятий и представляли собой различные формы общественной активности российских подданных в обстановке, когда, с одной стороны, публично провозглашалось о приверженности власти либеральным принципам «свободы» личности, неприкосновенности частной «собственности», верховенства «закона», но с другой – продолжала существовать крепостная зависимость крестьян, а право собственности и все так называемые «гражданские свободы» были условны и служили отличительными «преимуществами» представителей какой-либо социальной страты.

В этой связи важной задачей, решение которой позволит выявить особенности процесса адаптации европейских принципов в России является сопоставление содержания публично провозглашаемых идеальных целей с практическими действиями российских подданных. Принципиальное значение при этом имеет не только определение степени соответствия конкретных поступков умозрительным моделям, но и как, используя одни и те же социально-политические понятия, авторы

исследуемых текстов обосновывали прямо противоположные по своей направленности действия.

Одним из центральных тезисов, заимствованных российскими авторами из работ модных европейских мыслителей, было утверждение о том, что уровень социально-экономического развития любого «государства» зависит от «благополучия его граждан». Данный тезис неоднократно воспроизводился в публичных выступлениях, но при этом, наряду с признанием, что «...люди, собственно люди, суть во всех отношениях важнейший для государства предмет»¹, большинство ораторов акцентировало внимание слушателей не на возможности «граждан» отстаивать свои «естественные права», а на наличии у них морально-этических обязательств перед «государством». Отсутствие у российского подданного готовности бескорыстно «служить» оценивалось как однозначно негативное явление, которое неизбежно приводит к разрушению неформальных, доверительных отношений между «гражданином» и «государством». Так, например, В. Полетика, выступая в дворянском собрании Полтавской губернии, предостерегал собравшихся от формального отношения к службе: «Сколь скоро общественное служение престаёт быть первым делом *гражданина*, сколь скоро любят они служить одним богатством своим, а не лицами; тогда *государство*, поддерживаемое не сынами своими, а наемниками, близко уже к своему падению»². С этих позиций он заявлял: «богатый и бедный, сильный и слабый, всякий праздный гражданин вреден»³. Таким образом, не подвергая сомнению зависимость «государства» от граждан, автор воспроизводил хорошо знакомые еще со времени Петра I принципы служивого «регулярного» государства.

Более последовательными приверженцами либеральной концепции взаимоотношений личности и государства, пред-

¹ Речь, произнесенная при открытии Высочайше утвержденной комиссии для составления учебных пособий кантонистам, президентом оной инженер-генерал-майором графом Сиверсом // СО. 1818. Ч. 44. № XI. С. 166.

² Речь, произнесенная в Полтаве маршалом малороссийской Полтавской губернии Роменского повета Василием Полетикою в собрании дворянства сей губернии, 11 января 1809 года // ВЕ. 1809. Ч. XLIII. № 4, февр. С. 264.

³ Там же. С. 263.

полагавшей, что достижение «общего блага» невозможно без учета интересов частных граждан, были те, кто выражал свою позицию нелегально, посредством распространения в рукописной форме различных «мнений», «проектов» и «записок». Так, например, в тексте «записки», которая «обращалась во многих частных обществах Белоруссии»⁴, неизвестный автор⁵ негативно оценивал финансовую политику властей: «Управление финансов доселе в России..., пресекая владельцам все источники дохода, стеснив их всеми средствами..., омертвив самую внутреннюю торговлю, доведя все произведения до весьма низкой цены, прервав даже возможность сбыту, увеличивало платеж пошлин, гербовую бумагу, и породило другие новые сборы, а на выжатие сего определяет четыре наказания, т. е. 12% пени, опеку, экзекуцию и продажу недвижимости с публичного торга»⁶. При этом автор не просто констатировал хорошо известные современникам факты повышения налогов и сборов, а делал принципиально важный вывод о том, что все эти меры противоречили интересам не только «граждан», но и «государства», т. к., по словам автора, «разоряя владельца или землевладельца, государство разоряет само себя»⁷.

В тесной взаимосвязи с указанным выше постулатом еще одним теоретическим основанием стимулировавшим общественную активность российских подданных, было утверждение: «закон» – средство обеспечения «безопасности граждан». Безоговорочно соглашаясь с тем, что «закон» является эффективным инструментом поддержания социального мира, главной причиной произвола местных чиновников, взяточничества и медлительности решения дел в судах, современники называли неупорядоченность системы законов и отсутствие в России достаточного количества квалифицированных работников, обеспечивавших функционирование судебной системы.

⁴ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 133. Л. 26.

⁵ Следствие подозревало, что автором записки мог быть Н. С. Мордвинов, но он письменно отрицал свое участие в составлении данного текста. См.: РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 133. Л. 26–27.

⁶ РГИА. Ф. 1167. Оп. 1. Т. XVI. Д. 133. Л. 11.

⁷ Там же. Л. 9.

Ярко выраженную практическую направленность критика существующего положения имела в том случае, если она исходила от людей, которые были профессионально связаны с системой делопроизводства и хорошо знали реальное положение в губернских и уездных судах. Одним из них был надворный советник, «губернский казенных дел стряпчий» Иван Наумов. Опираясь на свой профессиональный опыт, он в марте 1812 г. дважды обратится к министру полиции А.Д. Балашову с предложением разрешить ему создать в Москве «Дом практического правоведения», в котором бесплатно обучались бы юноши желавшие стать судебными стряпчими⁸. Аргументируя свою позицию, И. Наумов подчеркивал, что таким образом возможно подготовить не только юридически грамотных стряпчих, но и организовать бесплатные консультации для сирот и вдов по делам о разделе «собственности»⁹. В результате длительной переписки с чиновниками министерства полиции И. Наумов добился разрешения на открытие в Москве «Дома практического правоведения». Составленная им программа обучения стряпчих предусматривала, что учащиеся, наряду с «историей отечественных законов» и «прав судебных мест», получали возможность «познания производства дел всякого рода и судебных обрядов на самой практике»¹⁰. Для приобретения необходимого профессионального опыта он, используя свое служебное положение, иногда позволял лучшим студентам участвовать в судебных разбирательствах по незначительным имущественным спорам¹¹.

После окончания Отечественной войны 1812 г. И. Наумов переехал из Москвы в Санкт-Петербург и обратился к С. К. Вязмитинову с прошением об открытии в столице нового «Дома практического правоведения». В письме 7 апреля 1813 г. он подчеркивал, что его создание необходимо для «защиты разума законов» и «истребления внутренней вражды в

⁸ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 5–6 об.

⁹ Там же. Л. 6 об.

¹⁰ Там же. Л. 8.

¹¹ Там же. Л. 15.

гражданстве»¹². По словам И. Наумова, с появлением честных и грамотных стряпчих «...каждый благонамеренный гражданин почувствует новое побуждение прекращать мирным образом... свои тяжбы..., от чего произойдет подлинное спокойствие в государстве, ибо каждый будет заниматься своим делом, не ссорясь между собой»¹³. В такой трактовке категории «гражданин», «закон» и «государство» были тесно взаимосвязаны и являлись ключевыми для понимания внутренних мотивов деятельности И. Наумова: он искренне считал, что каждый «гражданин» должен не только сам знать и исполнять «законы», но всеми доступными способами способствовать распространению подобной модели поведения¹⁴. В данном контексте он называл проект создания «Дома практического правоведения» в Санкт-Петербурге «планом гражданского спокойствия»¹⁵.

Формально прошение И. Наумова не противоречило официально провозглашенному курсу на «укрепление силы закона», но его активная деятельность вызывала недовольство местных властей, и вскоре, по инициативе Ф.В. Ростопчина, императору было доложено, что в московском «Доме практического правоведения» пропагандировались «идеи равенства людей»¹⁶. По приказу Александра I И. Наумов был взят под наблюдение полиции и ему не только не разрешили открыть «Дом практического правоведения», но и потребовали дать письменное обещание, что он никогда не будет предпринимать попыток создания подобных учебных заведений. Таким образом, власть ограничивала инициативу наиболее активных российских подданных, даже в том случае, если они аргументировали свои действия желанием способствовать укреплению «закона» и воспитанию «полезного» для «государства» законопослушного «гражданина».

Апелляция к «закону» как единственному инструменту обеспечения безопасности «граждан» была характерна и для

¹² Там же. Л. 14 об.

¹³ Там же. Л. 15.

¹⁴ Там же. Л. 27.

¹⁵ Там же. Л. 26.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 7. Л. 24–24 об.

авторов текстов откровенно антиправительственной направленности. Сталкиваясь с произволом и насилием со стороны непосредственного начальства, они призывали к решительным действиям направленным, прежде всего, на восстановление «справедливых законов». Одним из наиболее ярких документов, в котором понятия «гражданин» и «закон» использовались для обоснования возможности неповиновения начальству и насильственного смещения существующей власти было составленное в октябре 1820 г. воззвание к солдатам лейб-гвардии Преображенского полка.

К сожалению, в историографии до сих пор нет единого мнения о том, кто мог быть автором данного документа¹⁷. Вместо подписи было записано: «Любитель Отечества и сострадателъ несчастных, Единоземец»¹⁸. В ходе расследования восстания лейб-гвардии Семеновского полка выдвигались предположения, что к написанию воззвания могли быть причастны как солдаты, так и находившиеся на территории военной части дворовые люди Федор Россин, Дмитрий Рублев, флейтщик Тимофей Васильев, и даже основатель Харьковского университета В. Н. Каразин. Но, несмотря на все усилия следователей, сколько-нибудь убедительных доказательств, которые позволили бы найти автора документа, обнаружить так и не удалось¹⁹. Единственным бесспорным фактом было то, что неизвестный автор, обращаясь к потенциальным читателям от лица солдата Семеновского лейб-гвардии полка, не ограничивался обвинениями против офицеров, а призывал к изменению существовавшей модели взаимоотношений «граждан» и «государя».

В тексте воззвания можно выделить ряд принципиально важных аргументов, которые, по мысли автора, являлись достаточными основаниями для начала решительных действий против существующей власти. Во-первых, он напоминал о том, что император «возставлен на престоле тиранами» в результате дворцового переворота. Данное обстоятельство, в

¹⁷ См. подробнее: *Латин В. В.* Семеновская история: 16–18 октября 1820 года. Л., 1991. С. 169–173.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 1717. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 7.

¹⁹ *Латин В. В.* Указ. соч. С. 157–169.

совокупности с принуждением «граждан» к присяге новому «государю», позволяло говорить о незаконности власти российского самодержца, а следовательно, и приказов всех назначенных им «начальников». «Граждан гоняли к присяге во признание государя Олександра, но присяга сия, – подчеркивал автор воззвания, – невольная, а потому Бог от народа оную не принимает, ибо всякий гражданин и солдат для избежания смерти, обязан был принять присягу!»²⁰. Очевидно такого рода утверждения использовались с целью рассеять сомнения солдат, которые даже в условиях чрезмерно жесткой дисциплины предпочитали повиноваться, но не нарушать присягу. В более широком контексте читателю предлагалось самостоятельно сделать вывод о том, что все обязательства «граждан» перед государством полученные с использованием силы или реальной угрозы ее применения недействительны.

Второй важный аргумент, используемый автором для придания читателям уверенности в необходимости сопротивления «начальникам», был сформулирован следующим образом: «В судебных местах ни мало нет правосудия для бедняка. Законы выданы для грабежа судейского, а не для соблюдения правосудия»²¹. Протестуя против подобной практики, автор неоднократно подчеркивал, что главная причина такого положения кроется не в содержании «законов», а в наличии у «государя» и чиновников различного уровня возможности произвольного изменения, «пристрастного» толкования или безнаказанного нарушения «закона». Именно с этих позиций автор воззвания обосновывал необходимость смещения всех прежних начальников и формирования властных структур на выборной основе: «Взамен государя должны заступить Законы, которые Отечеством за полезное будут признаны. По таковым народ должен управляться чрез посредство начальников. Выбор начальников следует основать на беспристрастных законах»²². Следует отметить, что призывая установить «беспристрастные законы», автор воззвания, по сути, воспроизво-

²⁰ ГАРФ. Ф. 1717. Оп. 1. Ед. хр. 130. Л. 4 об.

²¹ Там же. Л. 5–5 об.

²² Там же. Л. 6.

дил официально признанный либеральный принцип верховенства закона. Но, в отличие от авторов различных проектов и статей в подцензурных журналах, он не ограничился критикой существующей положения дел или общими рассуждениями о том, что было бы полезно сделать правительству, а представил четкий план действий, реализация которого должна была произойти незамедлительно по инициативе «снизу».

В соответствии с планом солдаты должны были: «1) Единодушно арестовать всех начальников, дабы прекратить их вредную власть; 2) Между собою выбрать по регулу надлежащий комплект начальников из своего брата солдата...; 3) Вновь избранные начальники должны разослать приказы прочим полкам, чтоб поступали также...»²³. При этом, наряду с указанным в начале документа намерением установить верховенство «закона», призыв незамедлительно приступить к арестам офицеров и «...вместо сих злодеев определить Законоправителя, который и должен был отдавать отчет во всех делах избранным от войска депутатам...», преподносился как необходимая мера превентивного характера.

Реализация всех пунктов плана, по мысли автора, могла предотвратить более масштабные негативные последствия. В данном контексте ключевое значение для понимания всего документа, на мой взгляд, имела заключительная фраза: «Есть ли сего не учинить и... медлить, в сем случае, то вам и всему Отечеству не миновать ужасной революции»²⁴. Показательно, что автор, призывая к насильственному изменению существующего строя, не только не отождествлял подобные действия с «революцией», но сознательно её противопоставлял главной своей цели – восстановлению справедливых «законов». «Революция» в такой трактовке олицетворяла собой страшное, никем неуправляемое стихийное явление, которое неизбежно сопровождалось кровопролитием и массовыми беспорядками. Намеренно используя слово «революция» в однозначно негативном контексте, автор стремился вызвать у современников

²³ Там же. Л. 7.

²⁴ Там же. Л. 7.

максимально сильную эмоциональную реакцию, способную стать своеобразным катализатором активных действий. Таким образом он зафиксировал не только свои собственные ассоциации, но и распространенное в российском обществе первой четверти XIX в. негативное отношение к «революции», для предотвращения которой, по мнению современников, были допустимы самые решительные действия.

На этом фоне главным инструментом, с помощью которого можно было обеспечить личную безопасность «граждан» и, одновременно, предотвратить «кровавую революцию, объявлялся «закон». Подобная ассоциативная и логическая взаимосвязь понятий «гражданин»—«закон»—«революция», на мой взгляд, помогала современникам смягчить противоречие между необходимостью беспрекословно исполнять любые распоряжения начальства и стремлением способствовать реализации провозглашенного властями, но повсеместно нарушаемого принципа верховенства закона.

Еще один пример проявления политической активности российских подданных, направленной на укрепление в общественном сознании представлений о «законе» как инструменте защиты «гражданских прав» — рукописные листовки с переведенными на русский язык выдержками из текста конституции Царства Польского, которые нелегально распространялись неизвестными людьми на территории Минской Губернии весной-летом 1815 г. Одна из таких листовок попала в распоряжение полиции и была отправлена в письме Минского гражданского губернатора главнокомандующему Санкт-Петербурга. Внутренняя структура этого небольшого по объему (примерно 1,5 листа рукописного текста) документа состояла из трех разделов («Разделение государства», «Репрезентация или Депутация народная», «Права народные») и, в отличие от оригинального текста Польской конституции, не имела разбивки на статьи²⁵. Все это позволяет утверждать, что данный документ являлся не просто копией какой-то части «Конституционной хартии Царства Польского», а был создан в результате созна-

²⁵ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 25. Л. 10–10 об.

тельного отбора наиболее важных, с точки зрения его составителя, статей, которые могли стать основой для написания «коренного закона» для всей территории Российской империи.

Содержательно, большую часть листовки занимал раздел «права народные». В нем были перечислены принципы верховенства закона, неприкосновенности собственности и свободы личности: «Всякого состояния поляки в отношении закона суть равные. Все равно пользуются личной свободой. Ни один поляк не судим и преследован быть не может, токмо в случае и по обряду учрежденному законом. Наказание конфискации имений навсегда уничтожается и превращено быть не может. Дом всякого жителя польской земли есть убежище неприкосновенное: никто не имеет права войти в оной, разве токмо по причине законом указанной»²⁶. В такой краткой форме, используя оригинальный текст «Конституционной хартии Царства Польского», авторы листовки объясняли потенциальным читателям, что следует считать, главной функцией «конституции». Все остальные ее положения должны были лишь обеспечить реализацию указанных прав и свобод граждан. Именно поэтому, на мой взгляд, в документе отсутствовало подробное описание многоуровневой системы государственного управления, но упоминалось о принципе выборности в Сейм «депутации народной» из числа дворян, «...вносящих подати 100 злотых»²⁷. Предполагалось, что участие выбранных таким образом депутатов может стать дополнительной гарантией соблюдения гражданских прав.

Конечно, подобный взгляд на содержание «конституции» и целесообразность участия в законотворческом процессе дворянских представителей не отражал всего многообразия позиций современников по данному вопросу. Прямо противоположные суждения высказывались в письмах министру полиции и императору. В большинстве случаев авторы подобного рода обращений предупреждали власть об опасности увлечения конституционными идеями и на конкретных примерах показы-

²⁶ Там же. Л. 10 об.

²⁷ Там же. Л. 10.

вали несоответствие между теорией и практикой. Так, в 1811 г. министр полиции А.Д. Балашов получил письмо, в котором неизвестный автор, размышляя о необходимости совершенствования законодательства в «землях от Польши приобретенных», призывал учитывать, что местные жители психологически были сильно «...привязаны к прежним постановлениям». Особое внимание, по его мнению, следовало обратить на основные положения существовавших ранее польских «конституций». При этом он констатировал, что содержание одобренных Сеймом «конституций» не всегда в равной степени отражало интересы даже тех представителей польской шляхты, кто голосовал за их утверждение. По свидетельству автора письма, «...самая большая часть конституции принята на Сеймах по разным видам бывших польских магнатов, которые обыкновенно весьма много подначивали и одаривали дробную шляхту для преклонения их на свои предположения; что ныне в иных от Польши приобретенных губерниях при выборах не редко происходит»²⁸. В такой трактовке принцип народного представительства не имел никакого смысла, так как на практике решения принимались в интересах узкого слоя родовой аристократии.

В некоторых случаях авторы подобного рода писем призывали императора принять решительные меры против членов тайных обществ, которые выступали за установление в России «конституции». Так, например, автор записки «О Союзе Благоденствия и других тайных обществах среди офицеров» (1821 г.), утверждал, что члены нелегальных организаций, заявляя о своей приверженности «конституции», в действительности преследовали прямо противоположные цели. По его словам, «явная цель сих мнимых свободомыслящих (либеральных), точнее своевольномыслящих, была введение конституции, или собственно такого образа правления, под которым своеволие ничем не было бы удерживаемо, а пылким страстям, неограниченному честолюбию, желанию блистать, представлена была бы полная воля»²⁹. Для автора записки, как

²⁸ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 483. Л. 20.

²⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1-с/а. Ед. хр. 2. Л. 1–1 об.

следует из приведенной выше цитаты, «конституция» была несовместима со своеволием, страстями и честолюбием. Напротив – она подразумевала создание такой системы, при которой к процедуре разработки новых законов могли быть причастны лишь люди, обладавшие достаточным опытом и знаниями. Представители же тайных обществ не только не соответствовали этим требованиям, но, по словам автора, «с поверхностными большею частию сведениями..., не понимая, что такое конституция, часто не смысля как привести собственные дела в порядок, ...мнили ...управлять государством»³⁰. Негативная оценка личных качеств представителей тайных обществ сопровождалась указанием конкретных имен и фамилий наиболее активных деятелей «Союза Благоденствия»³¹.

Таким образом, автор не только заявлял о своем неприятии тайных обществ, но и предпринимал конкретные действия по предотвращению негативных последствий, которые могли бы произойти из-за неверного понимания того «что такое конституция», и каким образом она могла быть встроена в существующую систему государственного управления Российской империи. Однако, призывая власть обратить серьезное внимание на деятельность тайных обществ, он не драматизировал ситуацию и убеждал императора в том, «...что внутри России и не мыслят о Конституции...» и российские подданные настолько «...привыкли к образу настоящего правления, ...который соответствует местному положению, обстоятельствам и духу народа, что и мысли о перемене не допускают»³². Для поддержания внутриполитической стабильности, по его мнению, достаточно было запретить в России деятельность тайных обществ³³.

Высказанный в такой форме тезис о политической пассивности большинства российских подданных, подтверждался многочисленными случаями уклонения от работы на выборных должностях в органах городского управления. В этих

³⁰ Там же. Л. 1–1 об.

³¹ Там же. Л. 7.

³² Там же. Л. 7 об.

³³ Указ «Об уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ» был издан 1 августа 1822 г., см.: ПСЗ. Т. XXXVIII, 1822. № 29.151. С. 579–580.

условиях власть неоднократно принуждала представителей дворянства и купечества исполнять, возложенные на них в результате выборов должностные обязанности³⁴, а для усиления воздействия публиковала соответствующие именные указы в периодической печати³⁵.

Нежелание участвовать в работе формально существовавших структур, которые в действительности не обладали правом принимать сколько-нибудь значимые решения, но при этом постоянно находились под пристальным контролем губернаторов, было следствием, с одной стороны, отсутствия у торгово-промышленных кругов интереса ко всему, что непосредственно не относилось к их профессиональной деятельности, а с другой – увлечения представителей европеизированного российского дворянства различными «тайными обществами», членство в которых для многих было показателем «просвещенности» человека. Принадлежность к какому-либо «тайному» или «вольному» обществу было своеобразной интеллектуальной модой. При этом, как показала в своем исследовании В.М. Бокова, значительная часть членов подобных «обществ» вступала в них формально, «ничего не делая, и не проявляя никакого желания что-либо делать»³⁶. Для большинства из них важно было общение, возможность продемонстрировать свою начитанность и умение рассуждать о проблемах внутренней и внешней политики. Именно поэтому множество тайных обществ, возникших в 1810–1820-х гг., не имели четко сформулированных программных целей и не были ориентированы на решение конкретных политических задач³⁷. Ориентируясь на общие принципы, сформулированные М. Вольтером, Г. Рейналем, Ш. Монтескье, А. Смитом, Ч. Беккариа, И. Бентамом, А. Фергюсоном, Ж.-Б. Сэем, Ж.-С. Сисмонди и др. европейскими авторами, члены различных тайных и вольных

³⁴ См., например: ПСЗ. Т. XXVII, 1802. № 20.381. С. 228; ПСЗ. Т. XXXV, 1818. № 27.538. С. 570; ПСЗ. Т. XXXVII, 1821. № 28.843. С. 964–965.

³⁵ См., например: Господину тайному советнику Псковскому гражданскому губернатору Лабздорфу // СПбж. 1804. № 4, апрель. С. 61.

³⁶ См.: Бокова В. М. Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003. С. 621.

³⁷ Там же. С. 68–69, 622.

обществ рассуждали о «законе», «свободе», «рабстве», «собственности», «гражданских правах» и «просвещении». Все эти понятия использовались, как правило, для обозначения общего направления деятельности тайных обществ.

В некоторых случаях мода на «тайные общества» приводила к тому, что одновременно с теми, кто не совсем отчетливо представлял механизм реализации в России европейские либеральные принципы, но вполне искренне принимал их в качестве ориентира для развития страны, были и те, кто использовал тайные общества для достижения личных, сугубо эгоистичных целей. Лишь прикрываясь модной либеральной риторикой, они могли создавать «тайные общества» для совершения противоправных действий и получения прямой материальной выгоды. При этом для привлечения наибольшего количества членов, как правило, активно использовались эмоционально ярко окрашенные и противоположные по своему значению понятия, такие как, например, «свобода» и «рабство».

Одним из таких «тайных обществ» было организованное майором астраханского гарнизонного полка Александром Кучевским (Кученовским) и бригадным писарем О. Пружковским общество «Двойной союз, вечный и непоколебимый Тайлера и Александра»³⁸, о существовании которого власти узнали из доноса одного из его членов рядового Петра Львова. Из материалов следствия по данному делу известно, что майор А. Кучевский, сознательно преувеличивая масштабы и степень политического влияния тайного общества на положение в стране, объяснял его членам главную цель организации следующим образом: «...общество состоит из нескольких миллионов простых и многих тысяч знатных членов единственно для того, чтобы Российским людям сделать свободу и прекратить рабство. Дабы ни царей, ни господ не было»³⁹. Более того, видимо

³⁸ Указанное название тайного общества упоминается в докладе министру внутренних дел от генерал-губернатора Попова (см.: ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 33. Л. 1 об.). По данным В. М. Боковой, эта же организация могла обозначаться и как «Тринадцатое братское общество», см.: *Бокова В. М. Указ. соч. С. 570–573.*

³⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 33. Л. 2 об.

для усиления своего влияния на членов общества, он использовал характерную для многих тайных организаций того времени религиозно-мистическую фразеологию. Так, например, по показаниям одного из подсудимых, А. Кучевский «говорил, что он не человек, а Антихрист, и потому... удостоверяет, что сие общество состоит единственно для той цели, дабы народы избавить от ига рабства и отвлечь Государя от Престола»⁴⁰. Преподнесенная таким образом идея «избавления от рабства» не только формировала иллюзию причастности к процессам общемирового масштаба, но и воспроизводила идеалы справедливого общества, основанного на принципах уравнительного распределения. Члены «тайного общества», вспоминая о том, какие идеи обсуждались на собраниях, свидетельствовали, что А. Кучевский призывал «...весь мир сделать так, чтобы ни царей, ни князей, ни господ, ни рабства не было, а чтоб все были единоплеменники»⁴¹.

Призывая к достижению указанных целей, руководитель тайного общества ориентировался на малограмотных людей, для которых идея «освобождения от рабства» и уравнительного распределения была близка и понятна. С этих позиций, принципиально важные положения устава общества, характеризующие истинные намерения А. Кучевского, были связаны с признанием физического насилия в качестве приемлемого способа достижения поставленных целей. «Ничто так не чувствительно, как употреблять все меры для получения свободы», – писал Кучевский, подчеркивая, что «как бы оные меры не были жестоки, но они по существу своему и цели не менее должны быть святы и достойны исполнения»⁴². Следуя данной установке, члены общества нередко совершали кражи и грабежи, однако все полученное таким способом, они обязаны были приносить А. Кучевскому. Более того, каждый из них должен был добровольно пожертвовать собственным «капиталом» и имуществом. Если кто-то этого не делал, то с ним следовало «...

⁴⁰ Там же ГАРФ. Ф. 109. Оп. 229. Ед. хр. 33. Л. 3.

⁴¹ Там же. Л. 4 об.

⁴² Там же. Л. 1 об.

поступать как с отступниками Законов Божиих»⁴³. Все эти обстоятельства позволяют утверждать, что главной целью А. Кучевского и его ближайших помощников было личное обогащение, а организованное им под лозунгом борьбы за «свободу от рабства» тайное общество было лишь удобным средством ее достижения. Аналогичная оценка деятельности этого тайного общества была отражена в судебном приговоре, в соответствии с которым А. Кучевский «...за составление общества для краж и грабежей, оскорбление самодержавной власти» был «...лишен чинов и дворянства, и сослан в каторжную работу»⁴⁴.

Таким образом, на уровне практических действий либеральные принципы свободы личности и верховенства закона могли приобретать самые различные формы. Обращение к власти с проектами и предостережениями, распространение листовок и воззваний, организация различных тайных обществ – все эти проявления политической активности, хотя и обосновывались с помощью одних и тех же социально-политических понятий, могли иметь различные идейные и целевые установки. В каждом конкретном случае человек, принципиально признавая справедливость теоретических постулатов модных европейских мыслителей, в практических действиях руководствовался собственными убеждениями и потребностями.

Подобная двойственность обуславливала положение, при котором один и тот же человек мог, например, искренне высказываться за отмену крепостного права и, одновременно, приобрести участок земли с населенными на них крепостными крестьянами. Особенно отчетливо такого рода противоречия проявляются при сравнении различных моделей поведения российских подданных с неоднократно провозглашаемым в периодической печати тезисом о том, что «право собственности священо и неприкосновенно», но человек, как «существо разумное», не может быть «собственностью» другого человека.

Формально российский дворянин, являясь полноправным собственником «населенных земель», мог по своей инициати-

⁴³ Там же. Л. 3 об.

⁴⁴ Там же. Л. 21 об–22.

ве либо освободить крепостных крестьян на основании указа 20 февраля 1803 г., либо, в случае, если кроме «родового» он обладал еще и «благоприобретенным» имением, составить завещание, в соответствии с которым обязательство освободить крестьян налагалось бы на наследников. Именно эти две стратегии поведения рассматривались в качестве основных теми, кто заявлял о своем намерении способствовать ликвидации «рабства» крестьян в России.

Реализация первой стратегии поведения сопровождалась стремлением не только минимизировать экономические потери, но и сохранить размер земельной собственности. Это стремление отчетливо зафиксировано в текстах прошений о дозволении освободить крестьян, подаваемых в министерство внутренних дел и на имя императора. Анализ некоторых из них позволяет предположить, что помещики пытались реализовать наиболее удобный для себя вариант безземельного освобождения крестьян за выкуп. Но поскольку это противоречило положениям указа 20 февраля 1803 г., предусматривавшем выкуп крестьянами земельных участков и появление нового «состояния свободных хлебопашцев»⁴⁵, авторы подобных прошений предлагали переселять крестьян на «казенные земли» или предоставить тем из них, кто не пожелает сменить место жительства, право приобретать земельные участки у помещика за отдельную плату. Такой сценарий в 1807 г. был реализован, например, таврическим помещиком штабс-капитаном графом Каховским, освободившим 328 душ без земли за выкуп с рассрочкой платежа на три года и переселением крестьян на казенные земли⁴⁶. Аналогичный порядок освобождения был изложен и в прошении действительного тайного советника В. С. Попова: освобождаемые им «на вечно без земли» 1503 человека, вне зависимости от пола и возраста, должны были в течение года заплатить по 150 руб.⁴⁷, после чего они, «оставя... все недвижимое имущество», могли перейти на казенные

⁴⁵ См.: ПСЗ. Т. XXVII, 1803. № 20.620. С. 462–463.

⁴⁶ РГИА. Ф. 1151. Оп. 1. 1812. Д. 103. Л. 5.

⁴⁷ 50 человек были освобождены без платы, см.: РГИА. Ф. 1151. Оп. 1, 1812. Д. 103. Л. 3–3 об.

земли⁴⁸. В 1808 г. виленский помещик Карпий освободил без земли 7000 душ с предоставлением крестьянам возможности либо перейти на земли его наследников и платить оброк по заключенным с ними «обоюдным условиям», либо «приобрести по купкою земли в собственность... с тем, чтобы казенные подати и рекрутскую повинность отправляли они на равне с прочими...»⁴⁹.

На мой взгляд, все подобные случаи безземельного освобождения крестьян являются яркой иллюстрацией того, каким образом в сознании ориентированного на европейские либеральные ценности дворянина соединились принципы свободы личности и неприкосновенности частной собственности: признавая наличие у любого законопослушного индивида «естественного права» на свободу, обязательным условием упразднения исторически сложившейся крепостной зависимости крестьян, должно было быть соблюдение «права собственности». С позиции дворянина сознательное нарушение права собственности помещика было бы не меньшей несправедливостью, чем сохранение «рабства» крестьян. В данном контексте показательно, что почти все будущие декабристы первоначально высказывались за освобождение крепостных крестьян при условии, что земля оставалась бы собственностью помещика⁵⁰. Именно сложность совмещения в российских условиях принципа «свободы» и неприкосновенности «собственности» предопределило, на мой взгляд, низкую эффективность указа 20 февраля 1803 г.: с момента его издания и до декабря 1825 г. между помещиками и крестьянами было заключено чуть более 160 договоров, регламентировавших порядок освобождения крепостных с землей за соответствующее денежное вознаграждение⁵¹.

⁴⁸ Там же. Л. 3 об.

⁴⁹ Там же. Л. 6 об.

⁵⁰ Готье Ю. В. Очерк истории землевладения в России. М., 2003. С. 180.

⁵¹ См. подробнее: Бирюкович В. В. Судьба указа «О вольных хлебопашцах» в царствование Александра I // Архив истории труда в России. ПТг., 1921. Кн. I. С. 63–79; Сергеева Н. И. Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX – нач. XX вв. Л., 1983. С. 57–68; Готье Ю. В. Указ. соч. С. 177.

В некоторых случаях помещики отказывались от исполнения собственноручно подписанных ранее условий об освобождении крестьян, аргументируя свое поведение тем, что они в любой момент имеют право изменить свое решение. С позиции дворянина, отказ от завершения процедуры освобождения означал всего лишь отказ от заключения своеобразного акта купли-продажи, в соответствии с которым землевладелец получал денежную компенсацию за утрату части принадлежавшей ему собственности.

Показательным примером такого поведения помещика являются материалы дела «О крестьянах гвардии-поручика Петра Рословцева, уволенных им в свободные хлебопашцы». Из представленных следствию документов известно, что в марте 1810 г. рязанский помещик П. Рословцев заключил с крестьянами письменный договор, по которому с землей за выкуп должны были быть освобождены 1014 «душ мужского пола». В полном соответствии с указом 20 февраля 1803 г. и установленными министерством внутренних дел правилами заключения условий между помещиками и крестьянами, данный договор был «засвидетельствован» земским исправником и уездным предводителем дворянства⁵². Для завершения процедуры необходимо было лишь подписать «план раздела крестьянами земли на участки» и направить его вместе с условиями договора и всеподданнейшим прошением в министерство внутренних дел, но П. Рословцев отказался сделать это. Положение было осложнено еще и тем, что крестьяне уже заплатили часть требуемой денежной суммы и после объявления им об отказе помещика выполнять условия договора подали на него жалобу в Правительствующий Сенат. Практически одновременно П. Рословцев также обратился с жалобой, но уже на «непослушание крестьян». При этом он утверждал, что вернул крестьянам все полученные им по договору деньги, но они отказались принять их и сами передали в «Приказ общественного призрения»⁵³.

⁵² РГИА. Ф. 1151. Оп. 1, 1812. Д. 83. Л. 2.

⁵³ Там же. Л. 5–6 об.

Итогом рассмотрения данного дела в Сенате было признание заключенного между помещиком и крестьянами договора «актом действительным». Более того, было принято постановление, в котором предписывалось принять за правило, что в случаях, «когда помещик будет упорствовать в подаче просьбы или подписании реестра о разделе земли», местный предводитель дворянства, «выдав помещику и крестьянам за своею скрепою копию с условиями...», должен лично, вне зависимости от согласия или несогласия помещика, завершить процесс юридического оформления освобождения крепостных крестьян, направив соответствующие документы министру внутренних дел. Раздел земли между крестьянами следовало провести с участием уездного предводителя и земского исправника «без обиды и по общему согласию»⁵⁴.

Весной 1813 г. разбирательство по делу было продолжено в Департаменте государственной экономии Государственного Совета, где было вынесено аналогичное решение. Помещику было объявлено, что он обязан освободить крестьян и наделить их земель в соответствии с заключенным ранее договором. По сути его заставили выполнить лишь взятые на себя ранее обязательства, однако, на мой взгляд, не менее важно было, каким образом обосновывалось такое принудительное по своему характеру решение. В заключении департамента Государственного Совета было сказано: «...помещик Рословцев, сделав с крестьянами своими об увольнении их в свободные хлебопашцы условие, и, получив с них за право свободы деньги, не может уже переменить распоряжения своего без нарушения доброй совести и правил закона об обязательствах»⁵⁵. Таким образом государство, выступая в качестве арбитра в споре между помещиком и крестьянами, косвенно подтверждало справедливость широко распространенного в дворянских кругах мнения, что «право свободы крестьян» возможно приобрести за деньги, а заключаемый между крепостными и помещиком договор не имел особого юридического статуса и приравнивался

⁵⁴ Там же. Л. 2–3, 17–19.

⁵⁵ Там же. Л. 13 об–14.

к обычному договору. В такой трактовке помещик имел право, но не обязанность освобождать крестьян, однако, также как и в случае с любым другим договором, после его подписания он уже не мог просто отменить его действие, а должен был честно исполнить все взятые на себя обязательства. Возможно, следуя данной логике, даже те российские помещики, кто теоретически был не против освобождения крестьян, предпочитали не начинать достаточно сложную и длительную процедуру перевода своих крепостных людей в «состояние вольных хлебопашцев».

Второй вариант практических действий российских помещиков, заявлявших о желании освободить крепостных крестьян – составление завещания с указанием наследникам освободить крестьян. Именно такой алгоритм для многих казался наиболее безопасным и приемлемым, т. к. освобождение происходило не немедленно, а через неопределенное время после смерти нынешнего владельца, что позволило бы и наследникам, и крестьянам постепенно привыкнуть к мысли о неизбежности обретения свободы. Для самого же помещика освобождение по завещанию было психологически более легкой процедурой, т. к. вся ответственность за исполнение принятого решения перекладывалась на наследников, которые должны были не только выполнить последнюю волю умершего родственника, но и позаботиться о множестве юридических «мелочей», связанных с обретением крестьянами нового социального статуса. При этом сам факт составления подобного завещания формировал у дворянина иллюзию исполненного долга, что неизбежно повышало его самоуважение и самооценку.

Одним из тех, кто публично заявил о своем желании освободить крестьян, но ограничился лишь составлением завещания был М. С. Лунин (1787–1845 гг.). В составленном 27 марта 1819 г. завещании он не давал никаких конкретных указаний об условиях освобождения крепостных крестьян⁵⁶. Единственным четко прописанным обстоятельством было то, что «унич-

⁵⁶ Именно это обстоятельство было одним из формальных причин для отмены действия завещания М. С. Лунина 10 июля 1826 г. См.: Духовное завещание Лунина // Архив графов Мордвиновых. Т. 6. СПб., 1902. С. 259–260.

тожение крепостного права на крестьян и дворовых людей должно последовать... по распоряжению брата моего Николая Александрова, сына Лунина ... не далее пяти лет от дня моей смерти»⁵⁷. Все остальные условия, которые, по выражению М. С. Лунина, должны были определить «образ освобождения» крестьян от крепостного состояния и порядок «предоставления им прав и обязанностей», должны были быть объявлены наследником⁵⁸. При этом М. С. Лунин подчеркивал, что инициатором освобождения крестьян является именно он, а не брат Николай. Особенно отчетливо желание автора подчеркнуть свое личное участие в процессе освобождения крестьян отражено в двух почти дословно повторяющих друг друга формулировках цели составления завещания. М. С. Лунин прямо писал: «изложенное здесь есть точно моя воля, коей цель есть освобождение от крепостного состояния, и вообще устройство благосостояния крестьян, и сохранение имения нераздельным в роде предков наших»⁵⁹.

Оформленное по всем правилам завещание становилось своеобразной декларацией о намерениях, которая создавала эффект личного участия помещика в деле освобождения крестьян и, одновременно, была удобным способом его самоустранения от решения сложной социально-экономической проблемы. Возможно, именно такая внутренне противоречивая мотивация была причиной того, что многие члены «Союза Благоденствия», принимая на себя обязательство освободить крепостных крестьян, на практике не спешили с его реализацией⁶⁰. Аналогичным образом действовали и представители различных тайных обществ, и многие из тех помещиков, кто, не являясь членом каких-либо организаций, считал возможным упразднение «рабства» крестьян в России, но ограничивался составлением завещания или просто довольствовался ролью «добротного барина».

Следует отметить, что иллюзия личного участия в процессе постепенного упразднения «рабского состояния» крестьян,

⁵⁷ Там же. С. 256.

⁵⁸ Там же. С. 258.

⁵⁹ Там же. С. 258.

⁶⁰ См. подробнее: *Бокова В. М.* Указ. соч. С. 336–339.

служившая мотивом для написания некоторыми помещиками соответствующих завещаний, далеко не всегда находила понимание у наследников. Многие из них обращались к представителям власти с прошениями отменить завещания ближайших родственников, одним из пунктов которых было указание освободить крепостных крестьян. Достаточным основанием для отмены воли умершего, наряду с разного рода юридическими неточностями, они называли неизбежное снижение уровня доходности имений. Для таких наследников освобождение крестьян было равнозначно полной или частичной утрате «собственности». Именно потому они не только не торопились исполнить указанные в завещании предписания, но и оспаривали их законность в судебном порядке⁶¹.

Третий вариант практических действий для тех российских помещиков, кто был согласен с тезисом о нетождественности права «собственности» на землю и права управления крепостными крестьянами – составление различных «уставов», «сельских конституций» и «условий», регламентировавших порядок управления имением, а также «права» и обязанности крестьян. Действуя таким образом, помещик, по сути, издавал на территории своего имения локальный законодательный акт, целью которого было «улучшение быта крестьян» посредством упорядочения их взаимоотношений, как с общиной, так и с помещиком. Подобного рода локальные акты были учреждены, например, в имениях П. П. Пасека⁶², В. В. Стройновского и А. М. Бакунина. П. В. Капнист написал «конституцию» для своих крестьян, текст которой был представлен в местной церкви⁶³.

Наиболее убежденные в необходимости регламентации взаимоотношений землевладельцев с подвластными им кре-

⁶¹ Решения по такого рода делам нередко фиксировались в форме «Высочайше утвержденных мнений Государственного Совета» или «Именных указов Сенату». См., например: ПСЗ. Т. XXIX, 1807. № 22.714. С. 1339–1340; ПСЗ. Т. XXXIX, 1824. № 29.948. С. 373.

⁶² См.: Записки Ивана Дмитриевича Якушкина // Записки декабристов: Вып. 1. Лондон, 1862. С. 64.

⁶³ См.: Уваров С. Ф. Мемуары для истории оппозиции в России // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 36. М., 1975. С. 154.

стьянами помещики не ограничивались распространением «сельских уставов» рамками своих имений. Нередко они публиковали уставы типографским способом в виде книг и брошюр, подчеркивая во введении, что их личный опыт взаимоотношений с крестьянами может служить примером для других «владельцев населенных земель». Такая форма трансляции собственного опыта была достаточно популярна⁶⁴, но не всегда вызывала положительную реакцию властей, о чем косвенно свидетельствуют неоднократные предписания Петербургского цензурного комитета о запрете издавать всевозможные «помещичьи уставы» и «опыты для управления имениями»⁶⁵.

Одним из наиболее известных российской читающей публике произведений такого рода был «Опыт сельского устава для помещичьего имения, состоящего на оброке», изданный в 1819 г. В. Н. Каразиным⁶⁶. Особое внимание в тексте «устава» было уделено системе местного самоуправления, состоящего из назначенного помещиком «сельского старосты» и двух избираемых крестьянами депутатов «сельской Думы». В соответствии со статьями 4 и 6 устава «сельская Дума... собирается каждую субботу после обеда для учреждения общественных дел» и «...ведает всеми общественными дедами без исключения»⁶⁷. Основными её функциями были: 1) своевременная «раскладка» различных повинностей и «общественных сборов» в зависимости от «возраста и возможностей каждого поселянина»; 2) «исправление нравов поселян», то есть «наблюдение, чтоб они были благочестивые и честные люди» (для реализации этой функции «сельская Дума» имела «...право наказывать не только виновных, но и порочных»); 3) выдача из средств, оставшихся после уплаты всех податей, займов по-

⁶⁴ Подтверждением этого может служить отзывы современников на работы В. Стройновского. См.: Долгих А. Н. Полемика вокруг книги В. Стройновского «О условиях помещиков с крестьянами»: к истории крестьянского вопроса в России первой четверти XIX в. // Мир крестьянства Среднего Поволжья: итоги и стратегия исследований. Самара, 2007. С. 137–141.

⁶⁵ См., например: РГИА. Ф. 777. Оп. 1. Д. 108, 346.

⁶⁶ Опыт сельского устава для помещичьего имения, состоящего на оброке. Временный устав сельца Анашкина с деревнями. СПб.: тип. Н. Греча, 1819.

⁶⁷ Там же. С. 7.

селянам на срок от одного года до восьми лет⁶⁸. Кроме этого «сельская Дума» по согласованию с помещиком, но не чаще 1–2 раз в год, могла созывать «мирские сходки», на которых под председательством приходского священника все взрослые жители села тайным голосованием решали наиболее важные вопросы⁶⁹. Несогласные с решением «сельской Думы» имели право прямого обращения к помещику с жалобой. Таким образом, с точки зрения автора устава, «сельская Дума», с одной стороны, самостоятельно решала текущие вопросы хозяйственной жизни общины, а с другой – исполняла роль посредника между крестьянами и помещиком, который ежемесячно получал подробный отчет о её работе. Подобная система управления подразумевала, что крестьянин уже не являлся «бессловесным» предметом купли-продажи, а имел определенные права и обязанности: он должен был выполнять все общественные повинности, своевременно выплачивать подушную подать, но при этом имел возможность участвовать в обсуждении значимых для жизни общины решений.

В концентрированном виде наличие у каждого крестьянина общих гражданских прав было зафиксировано в пункте IV статьи 21 «Сельского устава», провозглашавшем принцип неприкосновенности личной «собственности» крестьян. Все члены общины обязаны были «почитать... собственность всякого поселянина *неприкосновенною*, наблюдая, чтоб никто не мог лишиться ниже малейшей части оной...»⁷⁰. Принудительное изъятие «собственности» крестьянина было возможно в качестве крайней меры, но только «по приговору Думы» и только в случаях, если крестьянин отказывался платить по своим долговым обязательствам, вносить, ежегодный «взнос в общественную сумму» или был не в состоянии выплачивать различные «денежные пени» и штрафы⁷¹. Таким образом в «уставе» воспроизводилась неоднократно упоминаемая в предшествующих главах двойственность в трактовке принципа неприкос-

⁶⁸ Там же. С. 9, 14.

⁶⁹ Там же. С. 7, 12, 13.

⁷⁰ Там же. С. 15.

⁷¹ Там же. С. 15.

новенности собственности: одновременно с признанием права частной собственности основой социально-экономического развития, подчеркивалось верховенство общих, надындивидуальных интересов.

В данном контексте вполне логичной и естественной представлялась взаимосвязь процедуры освобождения крестьян с денежным выкупом, который должен был компенсировать оставшимся членам общины потерю работника. До момента обретения крестьянином свободы его «собственность» рассматривалась, одновременно, и как личная, и как неотъемлемая часть коллективной «собственности». Именно такая логика просматривается в «сельском уставе» В. Н. Каразина. В пункте V статьи 21 было записано: «Всякий поселянин мужеского пола, желающий быть от господ уволен,... получает отпускную немедленно, когда внесет за себя и за движимую свою собственность цену двух тысяч дней земледельческой работы»⁷². При этом подчеркивалось, что «...сии деньги... поступают не в господский доход, но в общественную сумму... яко вознаграждение за убыль в своем обществе члена и средство к выполнению за него всех казенных повинностей до следующей ревизии...»⁷³. Таким образом, даже в сознании тех помещиков, кто не торопился с освобождением крестьян по указу 20 февраля 1803 г. и предпочитал «улучшать быт крестьян» посредством различных «уставов», понятия «свобода» и «собственность» были неразрывно связаны. Признавая, что управление крестьянами нетождественно праву «собственности» на вещи, они считали невозможным безвозмездное освобождение крестьян, т. к. это могло нанести ущерб и помещичьей, и общинной «собственности».

Определенное воздействие на формирование двойственного отношения к вопросу о наличии у землевладельцев права собственности на крестьян оказывали и хорошо известные любому помещику правила составления «ревизских сказок», «прокормежных паспортов», «верующих писем», «отпускных писем» и т.п. документов, в которых прямо обозначалась при-

⁷² Там же. С. 16.

⁷³ Там же. С. 16.

надлежность крестьянина к «имению» помещика. Например, в выдаваемых крестьянам для работы по найму в городах «прокормежных паспортах», употреблялись выражения «человек мой», «крепостная моя дворовая девка», «мой дворовой»⁷⁴. Еще более отчетливо право полного распоряжения крестьянами просматривается при анализе текстов «отпускных писем», которые были главным документом подтверждавшим законность освобождения крестьянина по воле помещика. Во-первых, принадлежность крестьянина к имуществу помещика обозначалась посредством употребления прилагательного «собственный». Так, например, в образце, представленном в справочном издании «Полный всеобщий стряпчий или словарь, руководствующий к познанию практического и гражданского делопроизводства», указывалось, что в «отпускных письмах» после обозначения даты, чина, имени и отчества помещика, следовало писать: «отпустил я вечно на волю собственного своего дворового человека... и потому вольно ему по сей отпускной записаться в службу цех, купечество, мещанство, или какой род жизни избрать себе пожелает, а мне... и наследникам моим, как до сего человека, так и до его будущих потомком впредь никакого дела не иметь и ни почему не вступаться»⁷⁵. Во-вторых, в документе в обязательном порядке необходимо было отметить, что «...онный человек никому не продан, не заложен, ни у кого ни в чем не укрепен, и ни за что не отписан»⁷⁶. Таким образом подтверждалось, что помещик, по аналогии с другим движимым и недвижимым имуществом, имел возможность распоряжаться крепостными людьми по своему усмотрению, а сам крестьянин мог быть предметом залога или купли-продажи.

Несмотря на ряд правительственных указов о запрете торговли людьми без земли, случаи продажи крестьян и дворовых

⁷⁴ См.: Полный всеобщий стряпчий или словарь, руководствующий к познанию практического гражданского делопроизводства. Ч. VI: П–Р. / Собр. С. Ушаковым. – СПб.: тип. Внешней торговли, 1817. С. 22–24.

⁷⁵ Там же. С. 41–42.

⁷⁶ Там же. С. 42–44.

людей были широко распространены⁷⁷. Более того, на протяжении всей первой четверти XIX в. желание распоряжаться крестьянами негласно выражали не только потомственные дворяне, имевшие на это законное право, но и представители других социальных групп, которые обладали необходимыми для совершения подобных сделок финансовыми ресурсами⁷⁸. Особенно часто подобное стремление выражали состоятельные купцы и так называемые «разночинцы», которые формально после издания указа 12 декабря 1801 г. имели право покупки лишь пустующих земель, но не могли владеть крепостными людьми. Для них использование труда крестьян и дворовых людей было, скорее всего, не столько инструментом получения прибыли, сколько наглядным показателем их состоятельности, своеобразной попыткой «сближения» с труднодостижимым статусом потомственного дворянина, главной привилегией которого было право обладания «крещеной собственностью».

Незаконная продажа крестьян лицам недворянского происхождения могла совершаться под прикрытием перехода крепостного в «услужение», «учение» или «на воспитание» по «верующим письмам»⁷⁹. Формально это не противоречило

⁷⁷ См.: Долгих А. Н. Вопрос о продаже людей без земли в политике российского самодержавия в 1820-х – начале 1830-х гг. // Вехи минувшего: ученые записки исторического факультета. Вып. 2. Липецк. С. 29–51.

⁷⁸ Аналогичные случаи имели место и в последней трети XVIII – нач. XIX в. См.: Пурлевский С. Д. Воспоминания крепостного 1800–1868 // Воспоминания русских крестьян XVIII – первой половины XIX века. М., 2006. С. 109–110.

⁷⁹ О широком распространении использования «верующих писем» в качестве формального обоснования незаконной эксплуатации крестьян свидетельствует множество указов, специально посвященных этому вопросу. См., например, указы: 27 ноября 1814 г. – О назначении срока владельцам на своз крестьян с земли в случае продажи оной людям, не имеющим на владение крестьянами дворянского права, и о несовершении продажи крестьян без земли по верующим письмам // ПСЗ. Т. XXXII, 1814. № 25.737. С. 1090; 23 октября 1816 г. – О мерах к прекращению злоупотреблений по предмету укрепления крестьян разночинцами и прочими дворянского права не имеющими, по верующим письмам // ПСЗ. Т. XXXIII, 1816. № 26.649. С. 1056–1057; 25 ноября 1821 г. – О подтверждении присутственным местам, чтоб они верующия письма на владение, или услужение крестьян лицам, право на то не имеющим, к записке и засвидетельствованию не принимали // ПСЗ. Т. XXXVII, 1821. № 28.817. С. 928–929; 10 апреля 1823 г. – О воспрещении разночинцам иметь в услужении дворовых

сложившейся на рубеже XVIII–XIX вв. практике составления договоров личного найма работников⁸⁰, однако в действительности, заключение подобных договоров означало продажу крестьянина новому владельцу с предоставлением права распоряжения им как своей полной «собственностью».

Используя «пробелы» в действовавшем законодательстве, и помещики, и купцы, и разночинцы пытались преодолеть условность права «собственности». Ярким примером такого рода действий может служить дело статского советника А. Данилова, который 19 марта 1809 г. продал купцу Ф. Бродникову землю, а населявших её крестьян отдал в управление по «верующему письму». В результате Ф. Бродников получил право налагать оброк и «собирать с крестьян всякие помещичьи выгоды», наказывать и отдавать их под суд, в рекруты или работы. Не спрашивая разрешения А. Данилова или его наследников, он мог продавать, закладывать и отпускать крестьян. Более того, бывший помещик дал письменное обязательство в том, что он не будет оспаривать любые распоряжения своего «доверителя», включая перепродажу имения, или передачу во владение третьим лицам по аналогичному «верующему письму»⁸¹. Таким образом купец Ф. Бродников, не имевший законного права обладания «населенными землями», становился фактическим собственником и земли, и крестьян. Именно тождественность условий управления крестьянами по «верующему письму» с правом «собственности» стала основанием для вынесения Сенатом следующего решения: «...акт от Данилова Бродникову данный, нечто иное есть, как купчая крепость, только под другим именем; ибо в нем

людей и крестьян по верующим письмам их помещиков // ПСЗ. Т. XXXVIII, 1823. № 29.416. С. 906–908; 28 августа 1824 г. – О воспрещении помещикам заключать условия на отдачу крепостных людей их в услужение лицам, не имеющим прав на владение ими // ПСЗ. Т. XXXIX, 1824. № 30.040. С. 493–496; 30 июня 1825 г. – О рассматривании и решении в Губернских правлениях всех вообще дел о людях, отыскивающих свободу из владения разночинцев // ПСЗ. Т. XL, 1825. № 30.407. С. 355–356.

⁸⁰ См.: Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. СПб., 2003. С. 41.

⁸¹ ПСЗ. Т. XXXI, 1811. № 24.547. С. 568–570.

предоставлены все те права, какие самому владельцу по купчей принадлежат, с отречением даже за себя и наследников своих от малейшего в чем-либо прикосновения, так, что Бродников и наследники его соделаны полновластными распорядителями наравне с собственностью их»⁸². Весной 1811 г. договор был расторгнут с указанием, что заключение подобного рода сделок недопустимо, т. к. они могут «...иметь сильное влияние на неограниченные злоупотребления и изменение законов...»⁸³.

Множество случаев нарушения установленного законом запрета владеть крепостными крестьянами лицам недворянского происхождения вызвало достаточно жесткую реакцию власти. 23 октября 1816 г. было опубликовано Высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О мерах к прекращению злоупотреблений по предмету укрепления крестьян разночинцами и прочими, дворянского права не имеющими лицами...», в котором объявлялось о прекращении действия в течение года всех выданных ранее «верующих писем» и введении новых правил их составления. С этого времени помещикам было запрещено предоставлять по «верующим письмам» «...права на продажу или заклад вверяемого в управление их имения и крепостных людей», а также «отдавать на воспитание, или в учение крепостных помещичьих людей» на срок более пяти лет⁸⁴. Однако на практике указанные нормы исполнялись далеко не всегда. Даже несмотря на угрозу наложения денежного штрафа в размере от 200 до 500 руб. и принудительное освобождение работников, незаконно отданных лицам недворянского происхождения в «услужение» или «учение»⁸⁵, помещики и их «доверители» нередко нарушали установленные правила. Соблюдая все формальности, они каждые пять лет составляли новые «прокормежные и плакатные паспорта», «верующие письма» или контракты на «учение крестьян», что фактически означало бессрочное владение крепостными людьми, прямо отождествляемое современниками с «рабством». Не

⁸² Там же. С. 569.

⁸³ Там же. С. 569.

⁸⁴ ПСЗ. Т. XXXIII, 1816. № 26.469. С. 1056–1057.

⁸⁵ См.: ПСЗ. Т. XXXVIII, 1823. № 29.416. С. 906–908.

случайно в «Высочайше утвержденном мнении Государственного Совета от 10 апреля 1823 г.⁸⁶ вопрос о бессрочном владении крепостными людьми был сформулирован следующим образом: «должны ли остаться в рабстве дворовые люди», отданные по «верующим письмам разночинцам?»⁸⁷. Не отрицая возможности найма дворовых людей и крестьян разночинцами, члены Государственного Совета подчеркивали, что использование таких работников возможно только при условии начисления им заработной платы, а обучение ремёслам могли осуществлять только записанные в «цеховой управе» мастера-вые. Несоблюдение этих условий означало, что все незаконно эксплуатируемые крестьяне и дворовые люди подлежали немедленному освобождению.

На практике стремление некоторых купцов и разночинцев обладать крепостными было сильнее установленных государством запретов. Местные власти неоднократно докладывали вышестоящему начальству о множестве случаев незаконного присвоения лицами недворянского происхождения права полного распоряжения крепостными людьми. Яркой иллюстрацией реального положения дел может служить направленное в Сенат представление Пензенского Губернского правления, в котором сообщалось, что «...через производимые местными Полициями следствия открывается действительное жительство крепостных людей, даже и с семействами их, у разночинцев в течение многих лет, и распоряжение разночинцами сими людьми, свойственное одним только помещикам...»⁸⁸. Как правило, в результате проведения следственных действий выявлялись факты длительного пребывания крестьян в подчинении разночинцев. Нередко отданные «в услужение» или «учение» крестьяне находились в полной власти разночинцев или купцов несколько поколений подряд, полностью утрачивая таким образом какую бы то ни было связь с законным владельцем. Именно поэтому потомки тех, кто был отдан лицам недворянского происхождения уже не считали себя принад-

⁸⁶ Указ был опубликован 30 июля 1823 г.

⁸⁷ ПСЗ. Т. XXXVIII, 1823. № 29.416. С. 907.

⁸⁸ ПСЗ. Т. XL, 1825. № 30.407. С. 356.

лежащими помещику и могли обращаться в соответствующие структуры с исками «об отыскании свободы от власти разночинцев», подчеркивая при этом, что они не могут быть и в подчинении помещиков, т. к. «...у сих последних ни они сами, ни предки некоторых из них, никогда не жили, а многие совсем их не знают»⁸⁹.

Заявляя о желании получить свободу, крепостные крестьяне и дворовые люди не упоминали о незаконной сделке между помещиком и последним хозяином. В сложившейся ситуации для них настоящим владельцем был тот, кому они непосредственно подчинялись. По всей видимости, примерно такой же логики придерживались купцы и разночинцы, для которых наличие в «услужении» крепостного человека, по сути, приравнялось к праву собственности на него. Считая себя фактическим владельцем «крещеной собственности», они подражали помещикам и жестоко наказывали крепостных людей. В некоторых губерниях становились известны случаи жестокого обращения разночинцев и мещан с находившимися у них дворовыми людьми⁹⁰.

Все эти факты, на мой взгляд, отражают стремление отдельных представителей состоятельной части городского населения, не имевших права обладания крепостными людьми, преодолеть условность права «собственности». Однако это желание, в отличие от аналогичного стремления европейской буржуазии реализовать принципы свободы экономической деятельности и неприкосновенности частной собственности, имело принципиально иную направленность. В европейских странах расширение круга собственников сопровождалось требованиями предоставить всем гражданам равные права и свободы, а в России действия по преодолению условности права «собственности» могли быть связаны с попытками незаконного присвоения права бесконтрольного распоряжения крепостными крестьянами.

Многие представители образованной части российского общества предпочитали не дожидаться изменений на уровне законодательства, а действовать, исходя из собственных пред-

⁸⁹ Там же. С. 356.

⁹⁰ ПСЗ. Т. XXXIX, 1824. № 30.040. С. 494.

ставлений и потребностей. Для одних главным побудительным мотивом была перспектива улучшения материального благосостояния или достижение более престижной в глазах современников статусной позиции, а для других – основанное на заимствованных из работ европейских философов, экономистов и правоведов идеалах стремление своими действиями способствовать достижению «общего блага».

Установка на «бескорыстное служение» во имя «общего блага» была, чаще всего, связана с идеей «просвещения народа» как важнейшего условия социально-экономического, политического и культурного развития страны. В данном контексте само понятие «просвещение» использовалось для обоснования активной общественной деятельности «гражданина»⁹¹. На страницах российских журналов неоднократно размещались призывы всеми доступными способами способствовать распространению «просвещения». Характерным примером такого рода призывов была опубликованная в журнале «Вестник Европы» статья «О новом образовании народного просвещения», автор которой, обращаясь к читателям, писал: «Мы... можем и должны исполнить надежду монарха... и часть доходов своих способствовать славнейшему делу в свете: *просвещению* народа и благу потомства. Чье сердце не трогается сею высокою мыслию, тот без сомнения живет не в свое время, и нам остается жалеть о его несчастьи»⁹². В общем виде, конкретные действия по «распространению просвещения», условно, можно свести к трем основным направлениям.

Во-первых, некоторые представители дворянства, купечества и мещанства выступали с инициативой об открытии новых учебных заведений, финансирование которых должно было осуществляться за счет частных лиц. Информация о добровольных пожертвованиях денежных средств размещалась на

⁹¹ См.: Артамонова Л. М. Записка А. И. Шестакова «Нечто о просвещении в России» – неопубликованный памятник общественной и педагогической мысли начала XIX века // Россия и мир: панорама исторического развития. Сб. науч. статей. Екатеринбург, 2008. С. 295–301.

⁹² О новом образовании народного просвещения // ВЕ. 1803. Ч. VIII. № 5, март. С. 55.

страницах российских журналов в форме «писем читателей»⁹³, а также была отражена в различных нормативно-правовых актах правительства. Так, в Высочайше утвержденном докладе Министра Народного Просвещения сообщалось, что весной 1804 г. группа купцов и мещан Москвы заявила о желании создать Коммерческое училище и готовности ежегодно выделять на его содержание более 15000 руб.⁹⁴ В марте 1805 г. члены Дворянского собрания Тверской губернии, по решению которого на создание «училища для детей бедных и больных дворян» в 1777 г. было собрано 120 тыс. руб., **предложили учредить на землях Тверского Рождественского девичьего монастыря институт благородных девиц**⁹⁵. В этом же ряду можно назвать и предложение статского советника Павла Демидова перечислить в 1803 г. на создание в Тобольске университета 50 тыс. рублей⁹⁶.

Вторым направлением практической деятельности по «распространению просвещения» была организация «школ взаимного обучения». Важным преимуществом данной методики, о содержании которой российский читатель мог узнать как из переведенных на русский язык произведений И. Г. Песталоцци, так и из множества публикаций в российской периодической печати⁹⁷, была её простота и низкая себестоимость обучения в

⁹³ См., например: О новых благородных училищах, заводимых в России. Письмо из Т. // ВЕ. 1802. Ч. II. № 8, апр. С. 358–366.

⁹⁴ ПСЗ. Т. XXVIII, 1804. № 21.207. С. 202–210.

⁹⁵ ПСЗ. Т. XXVIII, 1805. № 21.691. С. 926–928.

⁹⁶ Университет в Тобольске так и не был создан, но в 1810 г. все денежные средства, пожертвованные Демидовым (всего с процентами около 70000 руб.), были переданы на содержание Тобольской гимназии. См.: ПСЗ. Т. XXXI, 1810. № 24.314. С. 304–305.

⁹⁷ См., например: О новой методе воспитания, изобретенной Песталоццием, швейцарским педагогом // ВЕ. 1806. Ч. XXVII. № 11. С. 183–204; О методе Песталоцци // ВЕ. 1810. Ч. XLIX. № 4. С. 290–309; Об училищах нового рода в Лондоне и Париже // СО. 1816. Ч. 27. № V. С. 212–215; О выгодах метода взаимного обучения. Донесение Совету Безансонской академии, ректора оной профессора Ординера, февраля 1819 года // СО. 1819. Ч. 56. № XXXV. С. 69–80; Извлечение из отчета о состоянии училищ во Франции и других странах, читанного в торжественном годичном собрании Парижского Общества учреждения первоначальных училищ 10 апреля 1822 года, секретарем оного г. Жомаром, членом Королевского института (из *Revue Encyclopedique*) // СО. 1822. Ч. 80. № XXXIV. С. 15–34.

пересчете на одного учащегося. Поддержанию интереса к указанной методике, как к эффективному способу повышения степени «просвещения» российских подданных, способствовало создание в Санкт-Петербурге 16 июля 1819 г. «Общества учреждения училищ по методу взаимного обучения»⁹⁸. Открытые на средства этого общества школы бесплатно обучали всех желающих детей и взрослых чтению и письму⁹⁹. Начиная с 1818 г., «ланкастерские школы» были организованы в Москве, Туле, Полтаве, Одессе, Кишиневе, Херсоне, Астрахани, Перми, Оренбурге, Иркутске и ряде других городов. Создавались они и в частных имениях ориентированных на европейские ценности помещиков. Так, например, в поместьях будущих декабристов И. Д. Якушкина, П. П. Пасека, И. А. Фонвизина и М. А. Фонвизина были открыты школы взаимного обучения для крестьян и дворовых людей¹⁰⁰. Во всех подобных случаях личное участие в организации новых учебных заведений воспринималось как достойный, и что немаловажно, не абстрактный, а вполне «реальный» способ исполнить свой «гражданский долг».

Однако нередко нацеленность на достижение конкретного результата «в деле просвещения народа» вызывала беспокойство или даже резко отрицательную реакцию государства. Особенно заметно желание власти ограничить частную инициативу проявилось после 1820 г. Волнения в лейб-гвардии Семеновском полку вызвали у императора подозрение, что одной из главных причин открытого недовольства солдат было их обучение в «ланкастерских школах». Прямым следствием этого стало запрещение частным лицам издавать учебные пособия для школ взаимного обучения. Так, например, в феврале 1821 г. министр народного просвещения А. Н. Голицын предлагал министру внутренних дел В. П. Кочубею принять решительные

⁹⁸ См.: Устав Санктпетербургского общества учреждения училищ по методу взаимного обучения (Бея и Ланкастера) // СО. 1819. Ч. 52. № VII. С. 3–9. Этот документ подписали: Ф. Толстой, Ф. Глинка, Н. Греч, Н. Кусов, В. Попов.

⁹⁹ См.: Известие о заведенном в Санкт-Петербурге училище по метода взаимного обучения // СО. 1820. Ч. 63. № XXIX. С. 129–134.

¹⁰⁰ См.: Федоров В. А. Декабристы и их время. М., 1992. С. 66–67.

меры воздействия к Н. И. Греч, который, игнорируя запрет на издание в частных типографиях «учебных таблиц» (за исключением «таблиц букв, складов» и «арифметических таблиц»), продолжал «свободно продавать» напечатанные им для школ взаимного обучения учебные пособия¹⁰¹. Таким образом даже политически нейтральная попытка частных лиц способствовать «просвещению» могла привести к конфликту с государством. Такого рода конфликты могли дезориентировать образованных российских подданных, т. к. верховная власть, с одной стороны, неоднократно призывала граждан к «просвещению», а с другой – достаточно жестко реагировала на попытки частных лиц создавать неподконтрольные государству учебные заведения.

Сравнительный анализ российского законодательства и различных моделей поведения граждан, целесообразность которых обосновывалась с помощью основных социально-политических понятий, показал наличие множества противоречий как в действиях государства, так и в действиях частных лиц. Непоследовательность верховной власти проявлялась в том, что она, заявляя о своей приверженности принципам верховенства закона, свободы личности и неприкосновенности собственности, с одной стороны, законодательно расширила круг лиц, обладавших правом собственности и правом «свободы торговли», несколько уменьшила жесткость цензуры, определила порядок «перехода из одного состояния в другое», установила четкую процедуру освобождения крестьян по инициативе помещика, а с другой – усилила сословную и внутрисословную дифференциацию гражданских прав и свобод. Право собственности, свобода торговли, свобода вероисповедания и печати, свобода «перехода в другое состояние», а также, провозглашаемый властью принцип равенства граждан перед «законом» – все эти «права» в повседневной практике российских подданных имели условный характер. В зависимости от сословной принадлежности, места проживания, законопослушности, спо-

¹⁰¹ ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 1. Ед. хр. 271. Л. 1–1 об.

способности исполнять фискальные обязательства перед казной, а в некоторых случаях и от наличия определенных морально-нравственных качеств, «гражданские права» российских подданных были существенно ограничены.

Реакция представителей образованной части российского общества на двойственность внутренней политики власти была не менее сложной и противоречивой. Руководствуясь самыми разными побудительными мотивами, многие из них желали преодолеть условность своих «прав», используя для этого диаметрально противоположные способы. В данном контексте все описанные выше действия российских подданных – от выступлений с публичными речами и написания проектов, воззваний, листовок, до создания различных «школ» и «тайных обществ», добровольного освобождения, или, напротив, незаконного использования крепостных крестьян – были практическим воплощением этого стремления. И хотя субъективно для одних российских граждан конечной целью было сохранение или улучшение собственного материального положения, а для других – достижение абстрактно представляемого «общего блага», все они для обоснования своих действий могли употреблять одни и те же социально-политические понятия. Используемые в различных контекстах и сочетаниях понятия «закон», «свобода», «собственность», «революция», «просвещение», «гражданин», «государство», «конституция», позволяли на вербальном уровне установить взаимосвязь между модными европейскими концептами и отечественной реальностью.

Заключение

В России на рубеже XVIII – XIX вв. происходило формирование системы социально-политических концептов Нового времени, элементами которой были понятия «государство», «закон», «свобода», «рабство», «собственность», «гражданин», «гражданские права», «просвещение», «конституция» и «революция». С их помощью современники выражали отношение к окружающей социальной действительности, обосновывали необходимость совершаемых ими практических действий, а также описывали возможные перспективы развития российской экономики и социально-политической системы. Все эти понятия не были абсолютно новыми в лексиконе образованного российского подданного последней трети XVIII в. и достаточно часто использовались в различных, как правило, неполитических контекстах. Процесс корректировки значений, формирования новых смысловых оттенков, логических и ассоциативных связей между указанными понятиями начался в первые годы правления императора Александра I. Важными факторами, оказывавшими решающее воздействие на результаты данного процесса, было знакомство российской читающей публики с произведениями европейских правоведов и экономистов, неоднократно воспроизводившимися в периодической печати и учебной литературе декларативными заявлениями Екатерины II и Александра I о приверженности принципам личной свободы, верховенства закона и неприкосновенности собственности, а также установленные государством нормы и правила поведения, зафиксированные в форме манифестов, указов, уставов, рескриптов и судебных решений по частным делам. Все это, в совокупности с осознанием необходимости интенсификации российской экономики, совершенствования

российского законодательства, решения крепостной проблемы и повышения эффективности системы государственного управления, оказало влияние на процесс адаптации в России европейских принципов.

Проведенный анализ различных вариантов использования основных социально-политических понятий в текстах российских авторов позволил выявить ряд характерных особенностей понимания представителями образованной части российского общества европейских принципов свободы личности, неприкосновенности частной собственности, верховенства закона, равенства гражданских прав, конституционного правления и сословного представительства.

Системообразующий для европейской либеральной модели общественного устройства *принцип свободы личности* в России воспроизводился в различных текстах на экономические темы. Признавая «свободу личности» важнейшим фактором развития отечественной экономики, российские авторы отождествляли её с возможностью индивида проявлять инициативу в процессе осуществления торгово-промышленной деятельности и писали о необходимости упразднения мелочной регламентации со стороны государства. При этом «свобода» рассматривалась не как основополагающий принцип, которым должен руководствоваться российский подданный, а как эффективный инструмент стимулирования экономического развития в руках правительства. В такой трактовке одной из главных задач государства по реализации принципа свободы экономической деятельности объявлялось установление различных правовых норм, способствовавших, с одной стороны, повышению экономической активности граждан, а с другой — минимизации конкуренции между различными сословными и внутрисословными группами. Такая двойственная политика должна была бы одновременно способствовать развитию отечественной экономики и обеспечить сохранение «духовного единства» российских подданных. Подобного рода логика прослеживается в различных обращениях купцов, крестьян и дворян, в которых представители каждой из перечисленных сословных групп просили даровать им дополнительные при-

вилегии, но при этом установить более строгие ограничения аналогичных прав для других участников экономических отношений.

Смещение смысловых акцентов принципа свободы личности происходило и в процессе поиска приемлемых для всех заинтересованных сторон вариантов решения крепостного вопроса. В полном соответствии с европейской трактовкой принципа свободы личности, «свобода» противопоставлялась «рабству» как положению, при котором индивид лишен всех гражданских прав и вынужден беспрекословно подчиняться приказам другого человека. При этом признавалось, что «рабство» неизбежно ведет к «падению нравов» как крепостных крестьян, так и «жестоких помещиков». В данном контексте решение крепостного вопроса представлялось возможным только в том случае, если рассматривать проблему одновременно в морально-этической и экономической плоскостях.

Во-первых, достаточно часто звучало утверждение о том, что государство должно было реализовать комплекс мер, направленных на повышение уровня «просвещения» крестьян и мелкопоместных дворян, которые чаще других проявляли жестокость в отношении к крепостным людям. С этих позиций словосочетание «степень просвещения», подразумевавшее соблюдение человеком норм христианской морали, наличие у него способности к самообладанию и стремления к познанию окружающего мира, было ключевым критерием для определения «готовности» или неподготовленности к ликвидации «рабства» в России. Нередко неадекватная самооценка дворянина уровня «просвещенности» представителей своего сословия и внешняя оценка «степени просвещения» крестьян, приводили к тому, что с помощью понятия «просвещение» современники могли выражать как надежды, так и тревоги, возникавшие в связи с перспективой предоставления крепостным людям «личной свободы».

Во-вторых, предоставление крестьянину «свободы» отождествлялось с «дарованием» ему права перехода на земли другого помещика с последующим заключением договора между ним и землевладельцем. В такой трактовке освобождение не

означало наделения крестьян землей, но предполагало появление у них, по аналогии с представителями других сословий, права приобретения недвижимой собственности. Одновременно с этим подчеркивалось, что освобождение крестьян неизбежно приведет к снижению стоимости дворянских имений, а следовательно свобода для крестьян может и должна сопровождаться адекватной денежной компенсацией собственнику земли. Таким образом, на уровне теоретических рассуждений «свобода» и для помещика, и для крестьянина была тесно связана с «собственностью», «просвещением» и активной позицией «государства».

Двойственность в трактовках принципа свободы личности отчетливо просматривается и в сфере практических действий. С одной стороны, написание различных проектов «улучшения быта» крестьян и отмены крепостного права, освобождение крестьян в соответствии с указом от 20 февраля 1803 г., составление завещаний, предписывавших наследникам даровать крестьянам свободу, – все эти действия рассматривались как способ личного участия в реализации принципа свободы личности в России. С другой стороны, многие представители образованной части российского общества придерживались прямо противоположной по своей идейной направленности модели поведения: оспаривали правомерность освобождения крестьян по завещанию или договору после смерти помещика, незаконно перепродавали крестьян лицам недворянского происхождения «в учение» или «услужение» по «верующим письмам».

Разнонаправленность действий, необходимость совершения которых обосновывалась с помощью понятий «свобода» и «рабство», прослеживается и при сравнении текстов различных воззваний, прокламаций и программных документов тайных обществ. Во всех подобных случаях понятия «свобода» и «рабство» придавали тексту яркую эмоциональную окраску и должны были, с позиции их авторов, способствовать привлечению новых сторонников и активной деятельности членов тайных обществ. Особенно отчетливо такая целевая установка заметна при анализе текстов, авторы которых использовали концепты «свобода» и «рабство» для прикрытия

противоправных действий, совершаемых с целью личного материального обогащения.

Своеобразие восприятия европейского принципа *неприкосновенности частной собственности* в России было обусловлено противоречиями между декларациями и практическими действиями государства. Издание «Устава о банкротах», заявления верховной власти о необходимости законодательного закрепления права собственности, указ от 12 декабря 1801 г. – все это происходило на фоне многочисленных рескриптов, указов и положений, устанавливавших для каждой сословной, а нередко и внутрисловной группы, особый порядок наследования и купли-продажи недвижимого имущества. На практике отсутствие общего для всех российских подданных законодательства означало условность права собственности и возможность утраты имущества как вследствие экономических причин, так и по различным политическим мотивам.

В сложившихся обстоятельствах представители образованной части российского общества считали, что одним из важнейших направлений деятельности правительства должно было быть законодательное закрепление принципа неприкосновенности частной собственности. Данная мера, по мысли современников, способствовала бы развитию не только экономики, но и повышению уровня «просвещения граждан». С этих позиций право частной собственности как в учебных и публицистических произведениях, так и в текстах различных записок, проектов и программных документов тайных обществ было объявлено «священным и неприкосновенным», а его законодательное закрепление преподносилось в качестве важнейшего атрибута «просвещенного общества».

Однако признание принципа неприкосновенности частной собственности не означало противопоставления интересов индивида и государства, напротив – одновременно с декларацией необходимости законодательной защиты частных собственников российские авторы признавали возможность утраты имущества гражданами по инициативе государства в случае, если эта мера была необходима для достижения «общего блага» и сопровождалась «справедливой» денежной компенсацией. По-

добная двойственность проявлялась и в нечеткости позиций по вопросу о том, следовало ли законодательно установить общий для всех порядок компенсации потерь собственникам, или во всех подобных случаях единственным арбитром в имущественных спорах между отдельными гражданами и государством должен быть российский император. По-разному отвечая на этот вопрос, российские подданные на практике стремились преодолеть условность права собственности всеми доступными способами. Одни из них обращались с прошениями о защите своего имущества от посягательств как частных лиц, так и чиновников в различные «присутственные места», Сенат и Государственный Совет, а другие, используя пробелы в действовавшем законодательстве, пытались приобрести «недозволенные» для их сословия «права и преимущества». Ярким примером такого рода попыток являются случаи незаконного присвоения лицами недворянского происхождения права собственности на населенные земли и крепостных крестьян.

Адаптация в России либерального *принципа верховенства закона и равенства гражданских прав* сопровождалась корректировкой ранее существовавших и появлением новых логических взаимосвязей между понятиями «закон», «государство», «гражданин», «гражданские права» и «просвещение». Общим итогом такой корректировки было формирование внутренне непротиворечивой системы аргументов, позволявших совместить декларируемые в работах европейских авторов идеальные принципы и российскую действительность, характерной особенностью которой было наличие многоуровневой социальной дифференциации общества.

В текстах российских авторов практически без изменений воспроизводились общие утверждения о важности соблюдения принципов верховенства закона, системности, «ясности слога», публичности, презумпции невиновности, соразмерности преступления и наказания. Все они не противоречили сложившимся еще в царствование императрицы Екатерины II представлениям о законе как инструменте управления и воспитания, с помощью которого государство обеспечивало «общую безопасность граждан». Новое в понимании того, как должны

выстраиваться взаимоотношения отдельных членов общества и государства, было связано с включением в смысловое поле понятий «закон» и «государство» концептов «гражданин» и «гражданские права»: с этого времени «гражданин» – это не просто житель города или страны, обладающий определенными морально-нравственными качествами, но и субъект права, который в соответствии с установленными государством законами мог быть наделен правами и обязанностями.

Принимая на уровне теоретических рассуждений тезис о наличии у каждого свободного человека определенного набора «гражданских прав» и свобод, представители образованной части российского общества неоднократно подчеркивали, что их содержание и объем не могли быть одинаковыми как в различных странах, так и внутри одной страны. Аргументом, подтверждавшим справедливость этого утверждения, служил тезис о существовании тесной взаимосвязи между содержанием законов и уровнем «просвещения» народа. Неравномерность «степени просвещения» представителей различных сословий, существование экономических и культурных отличий в развитии окраинных территорий Российской империи – все это было достаточным основанием для дифференциации не только гражданских прав, но и так называемых «политических прав» в зависимости от наличия у человека определенных морально-нравственных качеств. При этом особо подчеркивалось, что единственным субъектом, способным оценить характер «просвещения» различных сословных и внутрисословных групп является «государство», а следовательно, именно оно должно осуществить дифференциацию гражданских прав. В такой трактовке инициатива наделения гражданскими правами может исходить только от верховной власти, а не по желанию самих граждан. Таким образом, обязательным условием, необходимым для реализации «гражданских прав», было признано существование сильного и «благоустроенного государства».

В тесной взаимосвязи с указанными особенностями понимания принципа свободы личности, неприкосновенности частной собственности, верховенства закона и равенства гражданских прав, происходило осмысление образованными

российскими подданными *принципа конституционного правления*. Сложность формирования внутренне непротиворечивого представления о целесообразности установления в России конституции была обусловлена существованием множества как позитивных, так и негативных коннотаций самого понятия «конституция».

На рубеже XVIII–XIX в. ответной реакцией на информацию о положении во Франции стало формирование негативной ассоциативной и логической связи конституции с революцией, которая в текстах российских авторов противопоставлялась «естественному» развитию общества, нормам религии, морали и права. В сознании представителя образованного российского подданного массовое кровопролитие, отсутствие действенного механизма исполнения законов, падение нравов и рост преступности – все эти признаки «войны революционной» предшествовали учреждению конституции в Европе. Учитывая это обстоятельство, даже сторонники радикальных методов преобразования российской действительности не желали повторения опыта европейских революций в России. Для них «революция» была не целью, а всего лишь инструментом достижения «общего блага», одним из проявлений которого должно было стать юридическое закрепление «гражданских» и «политических прав» российских подданных посредством провозглашения «конституции». При этом подчеркивалось, что достижение подобной цели возможно только при условии существования сильного государства, способного в переходный период сохранить социальный мир, а в дальнейшем – гарантировать гражданам личную свободу и безопасность, обеспечить неприкосновенность частной собственности и установить «справедливые коренные законы».

Постепенное смягчение негативного подтекста происходило посредством отождествления «конституции» с «уставом» или «собранием коренных законов». Использование словосочетания «коренной закон» было не просто способом избежать возможных ассоциаций с революционными событиями в странах Европы, но позволяло подчеркнуть принципиально важное качество предполагаемой российской «конституции»: основные ее положения должны были быть органично связаны с

исторически сложившимся, проверенным временем и опытом многих поколений комплексом юридических норм, отдельные элементы которого могли корректироваться по инициативе верховной власти. В таком прочтении конституция – не конечная цель политического развития, а эффективный инструмент, с помощью которого возможно было решение целого ряда актуальных для всего общества проблем.

Законодательное закрепление в «коренном законе» принципа верховенства закона, свободы личности и неприкосновенности собственности способствовало бы ликвидации взяточничества, произвола местных чиновников, создавало бы благоприятные условия для развития российской экономики, а главное – позволило бы повысить эффективность системы государственного управления. Предполагалось, что дарованная по инициативе верховной власти конституция должна была упорядочить взаимоотношения между различными управленческими структурами, ускорить оперативность исполнения распоряжений правительства и снизить вероятность принятия ошибочных решений посредством органичного сочетания принципов «коллегальности» и «единоначалия».

Не менее важным позитивным следствием учреждения в России конституции считалось создание действенного механизма общественной поддержки и помощи монарху. В идеале такой механизм должен был укрепить взаимосвязь между императором и просвещенной частью общества посредством законодательного закрепления процедуры согласования позиций всех заинтересованных сторон при решении наиболее важных социально-экономических вопросов. В данном контексте принципиально важным было не ограничение власти монарха, а существование постоянно действующих каналов передачи информации, позволявших своевременно координировать и корректировать действия власти в зависимости от изменений общественных настроений. Именно такая модель взаимодействия общества и верховной власти представлялась наиболее оптимальной и неоднократно воспроизводилась в текстах, авторы которых размышляли о возможной перспективе создания в России органов сословного представительства.

Рассматривая европейский *принцип сословного представительства* в качестве теоретической основы для создания в России механизма помощи императору, практически все авторы конституционных проектов главным вопросом, который необходимо было решить в первоочередном порядке, считали вопрос о том, какими качествами должны обладать претенденты на роль «помощников» верховной власти. Ориентируясь на известные им европейские процедуры отбора народных представителей, они, чаще всего, воспроизводили норму, в соответствии с которой как пассивное, так и активное избирательное право должно было быть ограничено возрастным и имущественным цензом. Однако при внешнем сходстве критериев отбора обоснование необходимости их установления несколько отличалось от европейских аналогов: ключевым понятием, используемым для доказательства целесообразности установления имущественного и возрастного ценза было понятие «просвещение». И возраст, и обладание собственностью рассматривались в качестве важных факторов, формировавших у человека чувство «уважения закона» и способность к всестороннему анализу ближайших и отдаленных последствий своих действий. Все эти качества, наряду с нормами христианской морали, были элементами сложносоставного комплекса признаков «просвещенного гражданина», который помимо общих для всех российских подданных «гражданских прав» мог быть наделен еще и «политическими правами».

По аналогии с установленной действующим законодательством дифференциацией «прав», «привилегий» и обязанностей, «политические права» могли быть дарованы лишь наиболее «просвещенной» части российских подданных. Очевидные для современников отличия в «степени просвещения» различных сословных и внутрисословных групп использовались в качестве главного аргумента против привлечения широких слоев населения к законосовещательной или законодательной деятельности. При этом подчеркивалось, что единственным субъектом, способным адекватно определить «степень просвещения» представителей той или иной социальных страты, может и должно быть государство. Таким образом, принцип

выборности, также как принцип конституционного правления в целом, воспринимался лишь в качестве инструмента повышения эффективности системы государственного управления, решение об использовании которого могло быть принято только по инициативе российского императора.

Важным следствием такого инструменталистского подхода было признание невозможности существования универсальной «конституции» для всех стран мира. Определенное сходство считалось допустимым лишь во внутренней структуре «коренного закона», но содержание конкретных юридических норм должно было соответствовать особенностям экономического, политического и культурного развития каждой страны. Без учета этих особенностей любая, даже самая совершенная конституция, по мнению современников, могла превратиться в «пустую формальность». Применительно к Российской Империи обязательными условиями, без учета которых провозглашение «конституции» было бы преждевременным, российские авторы, чаще всего, называли наличие доверительных отношений между подданными и монархом, а также высокий уровень «просвещения» народа.

В общем виде, все указанные выше европейские принципы были существенно скорректированы в результате сложного сочетания известных ранее значений основных социально-политических понятий с повседневно окружавшей образованного российского подданного социальной действительностью и теоретическими постулатами либеральных мыслителей. В условиях незавершенности процесса формирования политических идеологий как в Европе, так и в России произошло синкретичное переплетение разнонаправленных идейных установок, что нашло свое отражение в расстановке смысловых акцентов при использовании ключевых социально-политических понятий в текстах законодательных актов, учебных пособий, публицистических статей, различных проектов преобразований, а также при обосновании отдельными индивидами своих практических действий.

На уровне теоретических рассуждений системообразующими понятиями, с помощью которых чаще всего происходила

корректировка либеральных идей в России, стали понятия «государство», «закон» и «просвещение». В различных сочетаниях они использовались при обосновании необходимости учитывать множество обстоятельств, отражавших принципиально важные, с позиции современников, отличия социально-экономического, культурного и политического развития Российской империи в сравнении с развитыми странами Европы. Акцентирование внимания на этих «особых обстоятельствах» происходило на фоне заявлений о приверженности принципам личной свободы, неприкосновенности собственности, верховенства закона, признания необходимости законодательного закрепления гражданских прав и установления конституции. В результате даже в текстах наиболее последовательных приверженцев либеральных ценностей сознательно допускалось множество «оговорок», общий смысл которых сводился к утверждению, что реализация европейских идеалов в России возможна только при условии существования сильного государства, способного установить справедливые законы, а также наличия у верховной власти и представителей образованной части российского общества обоюдного желания способствовать скорейшему «просвещению» народа. Синкретизм политического сознания российских подданных проявлялся и на уровне практических действий: понятия свобода, закон, собственность, конституция, просвещение, рабство могли использоваться как при обосновании действий, направленных на преодоление условности права собственности и свободы экономической деятельности, так и для прикрытия прямо противоположных либеральным ценностям действий. Все это во многом обуславливало непоследовательность действий правительства, а также оказывало заметное влияние на дальнейшее развитие российской общественно-политической мысли.

Список условных сокращений

- Архив ГС – Архив Государственного Совета
Архив ГХ – Архив государственного хозяйства
Архив ист. и полит. – Архив исторический и политический
ВЕ – Вестник Европы
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
ДЖ – Дух Журналов
ОЗ – Отечественные записки
ПСЗ – Полное собрание законов российской империи, с
1649 года. СПб., 1830.
РВ – Русский вестник
РГИА – Российский государственный исторический архив
СО – Сын Отечества
СПбж – Санктпетербургский журнал
Стат. журнал – Статистический журнал
Тр. ВЭО – Труды Вольного экономического общества
ЧИОИДР – Чтения в Императорском обществе истории и
древностей российских при Московском университете

Научное издание

Тимофеев Дмитрий Владимирович

Европейские идеи
в социально-политическом лексиконе
образованного российского подданного
первой четверти XIX века

Монография

Корректор: Е. Ю. Панова

Компьютерная верстка и оформление: А. А. Селютин

Подписано в печать 26.09.11.

Бумага офсетная. Формат 64X80 1/16.

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 26,5. Уч.-изд. л. 23,0.

Тираж 500 экз. Заказ 1098.

Издательство ООО «Энциклопедия»

454084, Челябинск, пр. Победы 160.

enciklo@rambler.ru

*Отпечатано в типографии «Два комсомольца» с готового макета
454000, Челябинск, Комсомольский проспект, 2.*

